

ΡΧΙΤΑ

**XXIV Свято-Троицкие
ежегодные международные академические чтения
в Санкт-Петербурге
22 мая — 1 июня 2024 года**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

проф. Д. К. Богатырёв (председатель), проф., член-корреспондент РАН В. В. Багно, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, член-корреспондент РАО К. С. Голохваст, проф., прот. Григорий Григорьев, проф. В. А. Гуторов, доц. А. Ю. Дудчик (Республика Беларусь), Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Евгений, Председатель Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, архим. Иосиф (Еременко) (Казахстан), иером. Кирилл (Зинковский), иером. Мефодий (Зинковский), проф. И. В. Кондаков, акад. РАО Б. В. Карев, проф. Н. В. Ковтун, акад. РАО А. А. Корольков, иерей Илия (Макаров), проф. М. А. Маслин, проф. Р. В. Светлов, проф. М. Ю. Смирнов, проф., заслуженный деятель науки РФ Л. Е. Шапошников, проф. Е. А. Фролова

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

Я. С. Иващенко (председатель), Л. В. Богатырёва, О. В. Богданова, И. А. Вахрушева, В. А. Егоров (отв. секретарь), А. А. Ермичёв, В. Б. Высоцкий, И. Н. Зайцев, М. Калужерович (Черногория), Н. С. Широглазова, Д. В. Масленников, И. И. Докучаев, К. А. Можайская, Л. В. Рябова

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

XXIV
СВЯТО-ТРОИЦКИЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
22 МАЯ — 1 ИЮНЯ 2024 ГОДА

ЦЕННОСТИ
КАК СЕРДЦЕ КУЛЬТУРЫ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2024

Представлено к печати оргкомитетом
XXIV Свято-Троицких ежегодных
международных академических чтений в Санкт-Петербурге

Статьи публикуются
без издательского редактирования

Ц37   Ценности как сердце культуры. Сборник материалов XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 22 мая — 1 июня 2024 года / Отв. ред. В. А. Егоров. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2024. — 312 с.

ISBN 978-5-907855-48-9

Свято-Троицкие чтения — ежегодный форум, который включает в себя научно-теоретические и практические мероприятия, направленные на осмысление истории и современных проблем религии, культуры и образования в ценностно-гуманитарной перспективе. За прошедшие годы Чтения стали заметным событием в философско-культурологической, религиоведческой, богословской, научно-педагогической жизни Санкт-Петербурга и Северо-Запада России, приобрели не только общероссийский, но и международный статус.

ISBN 978-5-907855-48-9

© Авторы статей, 2024
© АНО ВО «РХГА», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

<i>Монахиня Афанасия (Ерохина Ирина Валерьевна)</i> Блаженство в гонениях: богословие и гимнография святителя Афанасия (Сахарова).....	8
<i>Ивлев Ярослав Сергеевич</i> Аксиологические основания субъекта в XXI веке.....	16
<i>Кожурин Антон Яковлевич</i> Натуральная теология Н. Я. Данилевского	34
<i>Колесников Анатолий Сергеевич</i> Аналитическая философия в России и Китае	42
<i>Смирнов Михаил Юрьевич</i> Религиозно-политические коммуникации в глобализирующемся обществе: общее и особенное.....	51
<i>Спиридонова Людмила Юрьевна</i> Особенности интерпретации страха в рамках буддийской философии	59
<i>Угничева Лариса Сергеевна</i> Этические аспекты приемлемости лишения жизни животных для переработки в мясную продукцию	67
<i>Шилина Галина Анатольевна</i> «Легкое дыхание» Канта и бесплотность русской свободы	75
<i>Шумилин Александр Викторович</i> Возвращаясь к проблеме единства книги пророка Исайи.....	94

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

<i>Арсеньева Алина Алексеевна, Тимофеева Софья Павловна</i> Языковые средства создания жанра фэнтези на материале романа Робин Хобб «Королевский убийца»	104
<i>Батурин Даниил Антонович</i> Орест Миллер как исследователь славянского фольклора и эпоса.....	112

<i>Богомолов Арсений Николаевич</i> Миф о Фаусте: от истоков до трансгуманизма	123
<i>Тимофеева Софья Павловна, Колодченко Екатерина Алексеевна</i> Особенности концептов в нейминге картин французских и русских импрессионистов	131
<i>Милер Марина Александровна</i> Формирование ценностных ориентаций учащейся молодежи как психолого-педагогическая проблема образовательной среды	139
<i>Москвитин Валерий Александрович</i> На каком языке говорит сегодняшняя наука?	146
<i>Сибгагова Алина Альбертовна, Тимофеева Софья Павловна</i> Частота словоупотреблений как показатель авторского стиля	153
<i>Фазлиева Дарина Ильдаровна</i> Анализ тональности русскоязычных постов социальных сетей на основе компьютерной программы Orange	161
<i>Хацкевич Татьяна Маратовна</i> Повесть «Ошибка» Евгении Тур: продолжение пушкинских традиций.....	173
<i>Шаленная Татьяна Александровна</i> Лексико-семантическое поле концептов «грусть» и «гнев» в произведении Танидзаки Дзюнъитиро «Мелкий снег»	182

ПСИХОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

<i>Антонюк Алла Владимировна</i> Готовность молодых женщин к материнству в современном обществе	190
<i>Копылова Кристина Андреевна</i> Психология потери и травматических событий: влияние на мотивацию и самоактуализацию	197
<i>Талеров Константин Павлович</i> Современное состояние изученности индивидуально- психологических особенностей инженеров-проектировщиков опасных производственных объектов	207
<i>Ходжян Артак Юрикович</i> Профессиональное выгорание сотрудников горнодобывающей отрасли	214

КРИЗИСНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Алейник Любовь Геннадьевна

Цифровизация: как меняется мотивация людей в условиях
всеобъемлющей информатизации 222

*Бардиер Галина Леонидовна, Жогин Антон Алексеевич,
Марченко Илья Алексеевич, Сугоняко Дмитрий Юрьевич*

Коммуникативные девиации как часть современной
коммуникативной культуры и как фактор личностного кризиса..... 233

Гнатко Ольга Владимировна

Виртуальная реальность в психотерапии: инновационные методы
преодоления кризисных состояний..... 245

Клюев Станислав Владимирович

Преимственность поколений и традиционные семейные ценности:
актуальные проблемы и пути их решения 256

Коваленко Доминика Михайловна, Котова Светлана Аркадьевна

Травма отвержения у младших школьников 265

Паширова Екатерина Сергеевна

Последствия опыта преодоления эмоционального присоединения
к лицам с психотравмой у психологов-консультантов 274

Сухобоченкова Ольга Владимировна, Котова Светлана Аркадьевна

Переживание ребенком утраты питомца 282

Тёмкина Алена Сергеевна

Проблема аутоагрессивного поведения подростков 289

ОНТОЛОГИЯ СЛОВА И ОБРАЗА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Глуценко Юлия Марковна

Прекрасная дама А. А. Блока как диалог философии и поэзии 296

Иванов Михаил Олегович

Связь поэзии и фотографии. Фотоэкфрастичность лирики Б. Рыжего..... 303

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

УДК 264-4

Монахиня Афанасия (Ерохина Ирина Валерьевна),
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
член Епархиальных отделов по работе с молодежью
и отдела по организованному православному отдыху,
паломничеству и православному туризму
Подольской Епархии Московской митрополии
от Монастырского благочиния;
руководитель Духовно-просветительского центра
им. святителя Алексия Московского
при Владычнем монастыре г. Серпухова,
mon.afanasia@gmail.com

БЛАЖЕНСТВО В ГОНЕНИЯХ: БОГОСЛОВИЕ И ГИМНОГРАФИЯ СВЯТИТЕЛЯ АФАНАСИЯ (САХАРОВА)

В статье рассматривается богословское понимание слов Заповеди блаженства: «Блаженни есте, егда поносят вас, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах» (Мф.5:11–12) [3, 1016] в контексте православного учения. Приводятся биографические сведения о святителе Афанасии (Сахаровом), исповеднике, епископе Ковровском и анализируются особенности его гимнографических текстов, отражающих тему духовной стойкости и радости христианских мучеников в условиях преследования православной веры в XX столетии.

Ключевые слова: Православие, гимнография, святитель Афанасий Ковровский, новомученики, исповедники, Заповеди блаженства, гонения, богословие, Царство Небесное.

Nun Athanasia (Erokhina I. V.)

BLISS IN PERSECUTION: THEOLOGY AND HYMNOGRAPHY
ST. ATHANASIUS (SAKHAROV)

The article deals with the theological understanding of the words of the Commandment of the Beatitudes: “Blessed are you, when they revile you, and denounce you, and speak every evil word against you, lying against me for my sake,

rejoice and be glad, for your wages are many in heaven” (Matthew 5:11–12) [3, 1016] in the context of Orthodox teaching. The biographical information about Sainted Athanasius of Kovrov is given and the features of his hymnographic texts reflecting the theme of spiritual fortitude and joy of Christian martyrs in the conditions of persecution of the Christian faith in the twentieth century are analyzed.

Keywords: Orthodoxy, hymnography, St. Athanasius of Kovrov, new martyrs, confessors, Commandments of Beatitudes, persecution, theology, Kingdom of Heaven.

Какое великое утешение — вера наша! Мы в бедах не унываем и в скорбях благодушествуем. Разлученные телесно, утешаемся общением духовным, молитвенным [1].

Православная церковная гимнография является неотъемлемой частью богослужебной жизни, олицетворяя духовное наследие, передающееся через поколения. Эти молитвословия, написанные святыми и подвижниками, содержат глубокие богословские мысли и поэтическую выразительность. Именно XX и XXI век охарактеризовался возрождением интереса к литургическому творчеству Православной церкви со стороны как церковных, так и научных исследователей. На фоне многочисленных древних авторов особо выделяется современный гимнограф священноисповедник Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский. Его авторские тексты использованы в службе «Собору новомучеников и исповедников Церкви Русския». Этот текст утвержден Священным Синодом Русской Православной Церкви 13 марта 2002 года, и в настоящее время используется за богослужением в ближайшее воскресенье к 25 января.

Святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский, один из выдающихся архиереев Русской Православной Церкви, родился 2 июля 1887 году в Москве. Он был глубоко предан Церкви и посвятил свою жизнь служению Богу и людям. В годы гонений на Церковь он проявил огромную стойкость и мужество, за что был неоднократно арестован и заключен в тюрьмы. Несмотря на преследования со стороны новой безбожной власти, святитель Афанасий продолжал активно трудиться на ниве церковной и духовной жизни, оставив значительное наследие в виде богослужебных текстов и духовных наставлений. Проявляя свою особую любовь к храмовой молитве, святой писал: «Восторгаюсь нашими дивными церковными песнопениями. Как обидно, что в прежнее время так мало было сделано для популяризации нашего богослужения, когда это легко было сделать, и как мало им интересовались. А ведь даже просто со стороны литературной, словесной — оно

заслуживает всякого внимания. Какая глубина мыслей, какое богатство содержания, какая красота изложения, какие потрясающие сопоставления и антитезы, какие оригинальные выражения, какое дерзновение, если не сказать иногда — дерзость» [1]. Святитель преставился к Богу 28 октября 1962 года, а в 2000 году — причислен к лику святых РПЦ.

Гимнографическое наследие епископа Афанасия Ковровского отражает его глубокою веру и духовный опыт, пережитый в условиях гонений. Его тексты полны поэтической выразительности и богословской глубины, что делает их значимыми для православной литургической традиции. Уже обучаясь в Шуйском духовном училище святой написал первый литургический гимн — тропарь Шуйско-Смоленской иконе Божией Матери, а главным гимнографическим трудом всей его жизни явилась «Служба всем святым, в земле Российской просиявшим». Среди его гимнографических трудов выделяются молебные пения «О сущих в скорбях и различных обстоятельствах», «О врагах, ненавидящих и обидящих нас», «О сущих в темницах и заточении», «Благодарение о получении милостыни», «О прекращении войн и о мире всего мира» и многие другие. Труд «Настроение верующей души по Троице постной», свидетельствует о глубоком понимании церковной гимнологии. Именно «поэтому актуальной является задача анализа внутренней связи православного богослужения и православного богословия, исторических оснований этой связи и логико-теоретических форм ее содержания...» [5, с. 5].

Не случайно в трудах святого, согласно древней традиции написания богослужебных текстов отображена взаимосвязь Заповедей Блаженства и молитвословий новомученикам и исповедникам РПЦ, пострадавшим в XX веке от безбожной власти. При этом девятая и десятая заповеди Блаженств, тесно связаны между собой, соединяясь темой гонения и страдания за Христа, как главную причину преследования от общества. Жизнь христианина — христоцентрична, так как в своей основе показывает нравственный и духовный образ Христа. Именно поэтому в последних двух Заповедях Спаситель открывает причину, основой которой станут гонения на христиан, и тут же раскрывает обетование за это — Царство Небесное. Евангельские слова находят отражение в гимнах, посвященных новомученикам и исповедникам РПЦ тем, кто страдал за христианскую веру. Соединение в искусстве сюжетов исповедания веры, следующих за этим сюжетов мучения и смерти христиан, отражает изначальное древнехристианское понятие мученичества, как исполнение 9 и 10 Заповеди Блаженства. «Блаженны есте, егда поносят вас, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах» (Мф.5:11—12) [3, с. 1016].

Слово «блаженство» в контексте христианской традиции (греч. μακάριος) означает не просто временное счастье или удовольствие, но состояние глубокой духовной радости, исходящей из близости к Богу и участия в Его благодати. Блаженство, по словам святых отцов, представляет собой внутреннюю гармонию и покой, которые не зависят от внешних обстоятельств и земных испытаний, но коренятся в единении с Божией волей. При этом гонения за веру и ложные обвинения являются неизбежными спутниками христианской жизни. Иисус предупреждает своих учеников, что следование за Ним неизбежно приведет к конфликту с миром, который находится под властью зла. Гонения и страдания за имя Христово становятся своего рода испытанием верности и преданности, проверкой духовной силы.

Для ранних христиан и для тех, кто страдал за веру в последующие века, поношения и гонения были не просто испытаниями, но и знаками божественной благодати. Страдания за Христа рассматривались как привилегия, позволяющая уподобиться самому Спасителю в Его страданиях и смерти.

Призыв радоваться и веселиться в условиях гонений может показаться парадоксальным. Однако христианское богословие объясняет эту радость как результат осознания великого духовного обетования и будущей небесной награды. Апостол Петр в своем послании пишет: «но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете... если (страдает) кто как христианин, то не стыдитесь, но прославляя Бога за такую участь» (1Петр. 4:13, 16) [3, с. 1214—1215]. Радость в гонениях является выражением веры в Божию справедливость и вечную милость. Она подтверждает, что земные страдания преходящи, а небесная награда — вечна и неизмеримо велика.

Обетование великой награды на небесах является ключевым элементом христианской надежды. Эта награда, по словам Христа, включает в себя не только вечное блаженство и общение с Богом, но и особую честь и славу, которую Бог дарует своим верным. Награда на небесах мотивирует верующих сохранять верность и терпение в испытаниях, укрепляя их дух и поддерживая в трудные времена. В беседе с учениками на Тайной Вечере Иисус скажет: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15:18—20) [3, с. 1152—1153].

Для работы с сюжетом службы Новомучеников и исповедников РПЦ необходимо выделить основные религиозно-онтологические смыслы, а именно:

1. Стойкость в вере и преданность Христу. Гимнографические тексты святителя подчёркивают стойкость и мужество тех, кто претерпел гонения за веру. Несмотря на презрение обществом, тяжёлые испытания, а для многих даже тюремным заключением и смертью христиане доказывали свою веру и верность Христу. Их мужество и стойкость в исповедании Христовой Истины представлены как высший подвиг и доказательство глубокой духовной силы: «...сии бо не уклонишася скорби, ни убояшася темницы, горькими работами, гладом и хладом изморени и многовидными муками умерщвляеми, яко агнцы незлобивии, смерть прияша» [9].

Эта стихира глубоко раскрывает подражание новомучеников РПЦ древним христовым страстотерпцам. Эти люди не уклонились от страданий, не избегали скорбей от безбожников, не испугались тюремного заключения. Их истязали тяжёлыми и изнурительными работами, они приняли смерть за Христа, то есть смиренно и стойко встретили свою мученическую кончину, как невинные агнцы, без злобы, с кротостью и смирением, подражая своему Спасителю. В этих текстах ярко выражаются слова евангелиста Матфея о блаженстве христиан за гонения от общества.

2. Мученичество как свидетельство веры и духовная победа. Гимнографические тексты святого часто подчеркивают духовную победу мучеников над злом. Их страдания рассматриваются как триумф веры и свидетельство победы Христа над смертью и грехом: «Веры бронями, и щитом благодати, и креста копием вооружившеся, сопротивным силам непобедими бысте и, яко Божественнии храборницы, демонская ополчения победивше ...» [9].

Этот текст описывает духовное вооружение и победу верующих над злыми силами, используя символику христианской веры. Божественные воины одевают духовное вооружение — доспехи веры в Христа Бога, которые защищают душу. Берут в руки щит Божественной благодати и Копье Креста, как символ победы над грехом и смертью. Это означает, что, облачившись в духовные доспехи, состоящие из веры, благодати и символа Креста, верующие становятся непобедимыми перед силами зла и, как Божьи воины, одерживают победу над демонскими силами.

3. Торжество и Величие Церкви. Святитель Афанасий воспевает Церковь Христову, её торжество и величие. Он обращает внимание на то, что Церковь, несмотря на гонения и испытания, остаётся нерушимой и продолжает светить миру. Гимнограф подчеркивает духовную силу и красоту Церкви. «Мужайся, Христова Церковь, и державствуй над всею борующими, Христови бо друзи о тебе пекутся, и предстояще, и обстояще, ихже общий праздник ныне совершаеши светло» [9].

Прославляя Церковь Христову во время разорения храмов, убийства священнослужителей и презрения обществом христиан автор пишет: будь терпелива Христова Церковь, и и господствуй над теми, кто напрасно борется против тебя, ведь исповедники и мученики заботятся о тебе, находясь возле тебя и окружая тебя, и ты сегодня торжественно празднуешь их праздник.

4. Призывы к Покаянию и Обращению. В этих текстах автор напоминает важность духовного очищения и искреннего обращения к Господу через молитвы и покаянные слёзы. «Приими нас, кающихся, Боже, святых Твоих мольбами». «Станите, непобедимии, посреде нас умне, от бед и искушений избавляюще, и молитесь о спасении душ наших» [9]. Эти фразы выражают просьбы верующих о прощении духовных изъянов и принятии покаяния, а также подчеркивают, что святые продолжают молиться Богу за свою земную родину, даже находясь в вечной радости.
5. Эсхатологические обетования. Большинство стихир содержат в себе исполнение обещания Евангельских Заповедей, а именно достижение Царства Небесного за терпение страданий: «И ныне в радости святых молят Триединого Бога о земнем отечестве своем», «Новоявленные звезды днесь на церковней показашася тверди, во мнозех местех бывшии мученицы Христовы...» [9]. Оба текста подчеркивают важность подвига святых и мучеников в христианской вере, их непрерывное заступничество за верующих и признание их подвига церковью.
6. Покровительство Богородицы. Святитель Афанасий также акцентирует внимание на заступничестве и покровительстве Богородицы. Он описывает её как Царицу Небесную и земли, которая продолжает молиться за русский народ и покрывать его своим омофором: «О, преславного чудесе! Небесе и земли Царица, от святых сродников наших умоляемая, до ныне землю Русскую покрывает и лика Своего изображении милостивно обогащает. О Владычице Державная! Не престани и на будущее время во утверждение на Руси Православия милости и чудеса изливати до века. Аминь» [9] Эта стихира получила особую любовь у христиан. Она отражает почитание Пресвятой Богородицы как Царицы Небесной и Земной и прославляет Матерь Божию за её непрерывное покровительство и милость к Русской земле, благодарит за Её благословение и просит Пречистую продолжать изливать милость и чудеса для укрепления православной веры в России навсегда.

Характеризуя в целом гимнографический труд, посвященный новомученикам и исповедникам РПЦ, святителя Афанасия (Сахарова), необходимо отметить, что помимо торжественной стороны, он имеет и скорбную. Автор настойчиво повторяет, что произошедшее отпадение от веры в Бога

событие связано с глубоким поражением сердца грехом всего русского народа. «Отчаянни есмь жития ради и не имаю нрава добродетельна, яко миро, приносим Ти, Господи, молитвы святых сродников наших. Не отвержи Русь, издревле Святую, ныне же грехов наших ради люте страждущую. Не презри слезы верных сынов, колен своих пред Ваалом не преклонявших, и ихже не поразил еси, согрешающих. Приими нас, кающихся, Боже, святых Твоих мольбами...» [9]. Смысл этой стихире, что мы отчаяны по причине нашей жизни и не обладаем добродетельным нравом. Как миро, приносим Тебе, Господи, молитвы святых родственников наших. Не отвергни Русь, издавна Святую, но теперь жестоко страдающую из-за наших грехов. Не презри слезы верных сыновей, которые не преклоняли своих колен перед Ваалом, и тех, кого Ты не поразил, хотя они согрешили. Прими нас, кающихся, Боже, по молитвам Твоих святых». Этот текст выражает глубокое покаяние, признание своей недостойности и просьбу к Богу о милости и прощении, с упованием на заступничество святых в молитве о России.

Заповедь о блаженстве в гонениях является важным и глубоко богословским учением, которое помогает верующим понять и принять страдания за Христа как часть их духовного пути. Слова Спасителя, произнесенные в Нагорной проповеди, напоминают о временности земных страданий и величии небесной награды, укрепляя веру и надежду на Божью милость и справедливость. Радость в гонениях становится выражением глубокой духовной зрелости, горением в вере и преданности Христу, подтверждающая истинность Евангельского учения и упования на Божие спасение. Гимнографические тексты святителя Афанасия Ковровского являются важным свидетельством этой веры и преданности, вдохновляя верующих на стойкость и мужество в испытаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасий (Сахаров), исповедник, епископ Ковровский*. Какое великое утешение — вера наша!.. [Электронный ресурс]. — URL: <https://litmir.club/br/?b=315267&pr=11> (дата обращения: 20.06.2024).
2. *Афанасий (Сахаров), исповедник, епископ Ковровский*. Служба всем святым, в земле Российской просиявшим совершаемая в Неделю 2-ю по Пятидесятнице. [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/sluzhba-vsem-svjatym-v-zemle-rossijskoj-prosijavshim/#0_3 (дата обращения: 20.06.2024).
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М. Издательство Московской Патриархии, 2010. — 1376 с.
4. *Вениамин (Милов), епископ*. Чтения по литургическому богословию. [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/>

Veniamin_Milov/chtenija-po-liturgicheskomu-bogosloviju/ (дата обращения: 20.06.2024).

5. *Епископ Мстислав (Дячина), Масленников Д. В.* Литургическая теология псалтири. — СПб.: Издательство РГХА, 2022. — 154 с.
6. *Иларион (Алфеев), митрополит.* Иисус Христос. Жизнь и учение. Нагорная проповедь. Книга 2. [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/iisus-hristos-zhizn-i-uchenie-nagornaja-proповед-kniga-2/2 (дата обращения: 20.06.2024).
7. *Иоанн (Крестьянкин), архимандрит.* Девять заповедей Блаженства. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/4384?page=1> (дата обращения: 20.06.2024).
8. *Игнатия (Пузик, Петровская), схимонахиня.* Церковные песнотворцы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/14213-Церковные-песнотворцы.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Служба собору новомучеников и исповедников Церкви Русския. [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/days/worship/649> (дата обращения: 20.06.2024).

Ивлев Ярослав Сергеевич,
аспирант философского факультета
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
mongeneralis83@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СУБЪЕКТА В XXI ВЕКЕ

В данной статье рассматривается генезис ценностных ориентиров современного человека. Каждому историческому периоду времени соответствует свой уникальный состав аксиологических оснований. Субъект XXI века находится в парадигме эпохи постмодерна. Компьютеризация технических и технологических процессов, а также интернет породили информационное общество, в котором главную ценность имеет знание и компетентность. Новые технологии значительно ускорили глобализационные процессы в мире, поскольку возникло беспрецедентное развитие виртуальной коммуникации, когда физические расстояния больше не имеют определяющего значения. Вместе с этим глобализация породила унификацию и тотальное распространение, прежде всего, западной культуры. Сегодня мир в целом существует в двух основных парадигмах мышления и общественного развития. Западный и восточный тип мышления отличаются между собой отношением к реальности и Абсолюту (Бог, Вселенная). Западный человек практичен и прагматичен, надеется на собственный разум и интеллект, стремится создать внутренний комфорт через внешний посредством собственного труда. Восточный человек более созерцателен, не считает свой и чужой разум за высшие инстанции истины и стремится достичь гармонии своего бытия через Абсолют. Поэтому условные Запад и Восток, не смотря на влияние глобализации, развиваются по разным векторам. Запад экстенсивно подчиняет разуму новые пространства, даже духовные институты в виде Церкви и религиозных движений склонны к либерализации ее основ. При этом на Западе возникает такой феномен, как либеральная диктатура, когда абсолютное меньшинство (главы частных корпорации, ЛГБТ-сообщества и трансгендеры) навязывают волю большинству населения через собственную цензуру. Восток подвергается сильному влиянию Запада, но продолжает оставаться духовным и ментальным центром, отличным от западного мира.

Восточное мышление склонно к традиционным духовным ценностям, поэтому более стабильно и насыщено духовной полнотой и целостностью, чем западное, стремящееся бесконечно осваивать новые горизонты бытия, не смотря на опасности таких перемен (бездушный рационализм, общественно вредные нацизм и фашизм, «похороны Бога» у Ницше и многое другое).

Ключевые слова: аксиология, глобализация, постмодерн, традиционные ценности, либеральные ценности.

Ivlev Y. S.

THE AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SUBJECT IN THE XXIst CENTURY

This article examines the genesis of the value orientations of modern man. Each historical period of time has its own unique composition of axiological foundations. The subject of the XXI century is in the paradigm of the postmodern era. The computerization of technical and technological processes, as well as the Internet, have given rise to an information society in which knowledge and competence are of primary value. New technologies have significantly accelerated the globalization of processes in the world, as there has been an unprecedented development of virtual communication, when physical distances no longer matter. At the same time, globalization has given rise to the unification and total spread, first of all, of Western culture. Today, the world as a whole exists in two main paradigms of thinking and social development. The Western and Eastern types of thinking differ in their attitude to reality and the Absolute (God, the Universe). A Western person is practical and pragmatic, hopes for his own mind and intellect, strives to create inner comfort through external through his own work. Oriental man is more contemplative, does not consider his own and other people's minds to be the highest instances of truth and strives to achieve harmony of his being through the Absolute. Therefore, the conventional West and East, despite the influence of globalization, are developing along different vectors. The West is extensively subjugating new spaces to reason, even spiritual institutions in the form of the Church and religious movements tend to liberalize its foundations. At the same time, a phenomenon such as liberal dictatorship arises in the West, when an absolute minority (heads of private corporations, LGBT communities and transgender people) impose their will on the majority of the population through their own censorship. The East is strongly influenced by the West, but continues to be a spiritual and mental center different from the Western world. Eastern thinking is inclined to traditional spiritual values, therefore it is more stable and saturated with spiritual fullness and integrity than Western thinking, which strives endlessly to explore new horizons of existence, despite the dangers of such changes (soulless rationalism, socially harmful Nazism and fascism, Nietzsche's "funeral of God" and much more).

Keywords: axiology, globalization, postmodernity, traditional values, liberal values.

Аксиологические основания субъекта — это обобщённые представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в восприятии действительности, задают ориентиры их действиям и поступкам во всех сферах жизни.

Ценности определяют смысл нашего существования, наши приоритеты, побудительные мотивы и действия, т. е. фактически являются фундаментом нашего внутреннего идеального бытия.

Г. Риккерт, один из основоположников классической теории ценностей, писал: «Никогда мы не сможем перестать спрашивать о «смысле» нашей жизни, смысл же этот может быть вскрыт лишь на основании ценностей, обладающих значимостью» [5].

К примерам аксиологических оснований можно отнести:

- толерантность сознания, то есть, уважение к жизни, свободе и ценностям другого;
- «космополитизм» — утрата культурной, этнической традиции, открытость новым влияниям;
- социальная жизнеобеспеченность как ключевой компонент благосостояния людей и социальный формат общественной жизнедеятельности;
- самостоятельная активность индивида по производству знаний как индивидуализированных возможностей совершенствования себя и окружающего мира.
- религиозная вера — духовное знание, полученное путем религиозного и мистического переживания, влечение человека к предельным основаниям бытия, непосредственное получение знания.

Трансформация ценностей оказывает непрерывное воздействие на индивидуальное и общественное сознание, определяющее поведение индивидов в социуме. Каждое общество имеет свою специфическую структуру ценностей, свои «базовые» ценности, которые одобряются и поддерживаются большинством людей данного общества. Тема аксиологии субъекта актуальна, поскольку ценности людей имеют свойство изменяться с течением времени, а в последние десятилетия наука и компьютерные технологии значительно ускорили эти изменения. Для того чтобы понять кем является сегодня субъект, куда его движет общество, необходимо внимательно изучать его аксиологические ориентиры. Мировоззренческие ценности европейского человека в разные эпохи сильно отличались друг от друга.

В Древней Греции, как колыбели современной цивилизации, человек позиционировался как микрокосмос, часть Вселенной, либо служащий во благо общества. Средневековая Европа существовала в парадигме

христианских ценностей, где душа и помыслы человека устремлялись к Богу, а земное существование имело вторичное значение. Общество Нового времени, возникшее на основе развития науки и искусств, обнаружило ценность личности как таковой и торжество разума. По современной классификации типов общества известного американского идеолога и теоретика Д. Белла общество можно разделить на 3 типа: доиндустриальное общество (традиционное или аграрное), индустриальное (промышленное) и постиндустриальное (информационное).

С развитием техники и компьютерных технологий с конца XX века современное общество перешло в постиндустриальную стадию, отличительной чертой которой является первостепенная ценность знаний или информации, поэтому оно именуется, в том числе информационным. Наибольшее влияние в информационном обществе имеют лица и организации, обладающие интеллектуальными (информационными) ресурсами.

Сегодня существует определенная связь между далеким прошлым и современностью, но, конечно, с существенными изменениями в настоящем. Речь идет об успешной с точки зрения самоорганизации общества и для урегулирования взаимоотношений между его членами — демократии. Одним из основных аксиологических аспектов субъекта является толерантность сознания, или уважение к свободе, жизни или ценностям другого субъекта. Демократическая форма управления государством в целом отвечает данным аксиологическим требованиям. Демократия, зародившись в Древней Греции, спустя века претерпела некоторые изменения.

Афинская демократия, существовавшая примерно с 594 по 321 г. до н. э., имела некоторые «изъяны» в толерантности сознания субъекта. Например, несмотря на то, что любой гражданин Афин имел право и даже обязанность участвовать в работе Народного собрания и около 1/3 населения занимали государственные должности, 2/3 остального населения полиса (иноземцы, освобожденные рабы и женщины) не имели гражданских прав и не могли участвовать в управлении государством. Поэтому древнегреческая демократия была ограниченной демократией только свободных граждан.

Современная демократия Запада дала человечеству права и свободы, а также социальные гарантии каждому из его граждан. При этом парадокс современного западного общества заключается в том, идея свободы действий приводит к уменьшению этой свободы. Например, главная основа западного человека — обширные права на частную собственность и неприкосновенность, зачастую приводит к диктатуре ее собственников. Например, в США права на частную собственность в совокупности с массовым легальным правом на ношение огнестрельного оружия приводит к тому, что любой человек, проникший на чужую частную территорию, может быть легально застрелен

словно животное. Частные компании, пользуясь легальным правом свободы деятельности, могут вести собственную корпоративную политику, влияя на массы. В числе инструментов воздействия могут быть запреты на публикацию информации или блокировки аккаунтов в социальных сетях.

Сегодня государство, единолично имеющее легитимное право на насилие в виде принуждения к соблюдению гражданами законов и наказания за их нарушение, не единственный в своем роде инструмент для экономического и социального влияния на общественные массы. Еще одной влиятельной силой можно назвать крупные корпорации, главную роль из которых играют сегодня IT-компании.

Владельцы частных телеканалов и журналов и социальных сетей, сегодня способны влиять на ход событий в политике и экономике. Так наглядным примером могут служить события, связанные с экс-президентом США Дональдом Трампом. Несколько лет назад, тогда еще действующий глава государства вошел в недоверие у американских IT-компаний и были заблокированы его аккаунты в самых популярных в мире социальных сетях: “Twitter”, “Facebook”, “Instagram”, “TikTok”, “Twitch”, “YouTube” и другие [13].

Предлогом для блокировки аккаунтов Трампа были названы «риски насилия» в виде протестов против победы Джо Байдена после голосования на выборах президента. Не менее курьезный случай произошел с тем же субъектом американского государства Трампом в ночь на 6 ноября 2020 года, когда он вышел в прямой эфир с обращением к американским гражданам после выборов. Тогда главные национальные телеканалы, такие как MSNBC, ABC, CBS, CNBC и NBC, прервали выступление действующего президента США Дональда Трампа после его слов о махинациях на выборах главы государства [9]. Данные события вызвали широкие дискуссии о допустимости цензуры и границах свободы слова. Обозреватели отмечали, что блокировка Трампа социальными сетями продемонстрировала рост политического влияния IT-корпораций [7].

Последовали многочисленные критические реакции на блокировку Трампа от разных известных политиков, как тогда действующий канцлер ФРГ Ангела Меркель, турецкого лидера Реджепа Эрдогана, американских и русских влиятельных политиков, которые считали неприемлемым подобный волюнтаризм со стороны IT-корпораций. Так “Twitter” навсегда заблокировал аккаунт Дональда Трампа [8]. После чего последовала реакция республиканца Дональд Трамп (младшего), который заявил по поводу блокировки отца, что «Мы живём в “1984” Оруэлла. В Америке больше нет свободы слова. Это абсолютное безумие». Турецкий лидер Реджеп Эрдоган назвал произошедшее «цифровым фашизмом» [12].

Представитель МИД России Мария Захарова заявила, что решение американских интернет-платформ заблокировать аккаунты Президента

Трампа нанесло удар по декларируемым Западом демократическим ценностям. Для его вынесения платформам не понадобились ни вердикт суда, ни мнение какой-либо профильной структуры по этике [16].

Заместитель главы Совета безопасности России Дмитрий Медведев заявил, что социальные сети развернули против действующего Президента США Трампа «информационную войну без правил» и что американские технологические корпорации, «почувствовав вкус к власти, позволили себе свободно манипулировать новостями и фактами, исходя из своих политических предпочтений... Что это, как не оголтелая цензура?.. И что это, если не призрак цифрового тоталитаризма, который постепенно заполняет собой общество. Лишает его (а потенциально — весь мир) возможности объективно ориентироваться в происходящем» [14].

Еврокомиссар Европейской Комиссии Тьерри Бретон считает, что акции протеста в Капитолии и блокировка аккаунтов президента Трампа в социальных сетях свидетельствует об изменении роли цифровых платформ в жизни людей: «Точно так же, как 11 сентября 2001 года ознаменовало смену парадигмы глобальной безопасности, 20 лет спустя мы становимся свидетелями изменения роли цифровых платформ в нашей демократии... Тот факт, что генеральный директор компании может отключить рупор Президента без сдержек и противовесов, вызывает недоумение. Это не только подтверждение мощи этих платформ. Это показывает, как слабо наше общество организовано в цифровом пространстве» [10].

Министр экономики и финансов Франции Брюно Ле Мэр раскритиковал решение Twitter заблокировать аккаунт Президента Трампа, заявив, что так называемая цифровая олигархия является угрозой для государств и демократий и что регулирование цифровых гигантов должно осуществляться властями, народом и правосудием [11].

Вышеописанные случаи свидетельствуют о том, что в цифровом мире информационного общества любой субъект может быть «выключен» из информационного поля, что в XXI веке это практически иногда эквивалентно социальной «смерти», поскольку в наше время жизнь человека в значительной степени интегрирована в виртуальную.

Вторым важным моментом в изменении жизни наших современников можно обозначить сдвиг власти и полномочий в отношении населения от государственной монополии и даже телеканалов в сторону IT-корпораций. Ведь даже президент, как глава государства, самой могущественной страны в наше время — США, был «отторгнут» из информационного поля по воле глав социальных сетей.

В XXI веке человек находится под беспрецедентным цифровым наблюдением посредством камер уличного наблюдения, а также путем контроля субъекта его финансовых операций, а также во время пользования

интернетом. Улицы современных городов находятся под мониторингом десятков и сотен тысяч камер наблюдения. Практически каждый шаг и действие вне стен зданий контролируется. Движения денежных транзакций и других финансовых операций, совершаемых с помощью приложений или посредством карт и сервисов оплаты, также отслеживаются как финансовыми институтами, так и государственными структурами.

При использовании интернета мгновенно включаются алгоритмы таргетированной рекламы, когда, исходя из запросов интернет-пользователя, тот или иной товар будет появляться на экране монитора до очередной смены запроса. Новейшее время, начиная с XX века по наши дни, характеризуется двумя стадиями общественного развития: модерном и постмодерном. Культурно-исторический период модерна соответствует индустриальному типу общества, основанному на массовом производстве и технологиях, а период постмодерна — на информационных технологиях и услугах. То, что предшествовало модерну можно отнести к традиционному типу общества, базирующемуся в основном на сельском хозяйстве и ручном труде. Многие философы XX-XXI веков считают, что современное общество живет в парадигме модерна, поскольку не смотря на многие различия модерна и постмодерна, последний является «зрелой» стадией модерна, возникшего в странах Запада в начале прошлого столетия после резкого ослабления колониального режима, и, прежде всего, Британской империи, а также по окончании Первой мировой войны.

Модерн, как общественное явление, образовался с установлением секуляризации, урбанизации и индустриализации и пришел на смену традиционному обществу, в котором индивидуальное сознание целиком находилось вне «Я». В аграрном (традиционном) обществе важно было мыслить не в парадигме «Я», как личность и индивидуальность, а как «Мы» (семья, коллектив, общество и государство). Традиционное общество, тем не менее, было чрезвычайно устойчивым и существовало многие тысячи лет до наступления Нового времени. Локально продолжает существовать преимущественно в странах Востока, Азии и России (в нашей стране традиционный уклад касается в большей степени духовно-религиозной жизни, в некоторой степени — политической системы в рамках управления государством, в меньшей степени сферы экономики). Как пишет известный демограф и социолог Анатолий Вишневский, «в нём все взаимосвязано и очень трудно изъять или изменить какой-либо один элемент» [2]. Однако в значительной степени благодаря техническому прогрессу, науке и общественной мысли произошел слом традиционного общества, на смену которому пришло индустриальное (модерновое), а затем и постиндустриальное (постмодерновое) общество.

В современном мире сложились два основных типа общества западное (Европа, Северная Америка, некоторые страны Азии) и восточное (страны Азии, Ближний Восток), где первый тип прогрессивный и склонный к переменам, а второй тип — придерживающийся традиционного уклада жизни.

Западное общество — это либеральное и динамически активное общество. Западная мысль прогрессивна по своей сути. За два последних тысячелетия европейская цивилизация прошла длинный и разнообразный путь от древнегреческой логики и средневекового христианства до веры в прогресс. В духовной жизни также несколько раз менялись вектора развития: от язычества и христианства до массовой секуляризации. Сегодня общество западного человека практически полностью изжило в себе традиционные ценности, оно поощряет либеральные взгляды на трангендеров, ЛГБТ-сообщества и трансгуманизм. Семья западного человека сегодня — это не только мужчина, женщина и дети, но и две женщины или двое мужчин, замещающие функции того или иного пола. Государственные институты многих стран Северной Америки и Европы закрепили на законодательном уровне вышеописанные положения, таким образом, легитимируя их. Церковные институты официально не одобряют однополые браки, однако поддерживают безбрачные однополые союзы. Папа Франциск, стал первым папой Римским, который поддержал однополые гражданские союзы. В 2023 году Ватиканом была выпущена так называемая «Фидуция доверия» — декларация, разрешающая католическим священникам благословлять людей, не состоящим в церковном браке, включая однополые пары [15].

Человек Новейшего времени, в отличие от человека традиционно-общества прошлого времени, гораздо более мобилен, он, как правило, не стеснен сословными и родовыми узами, имеет возможность самостоятельно определять место жительства и выбор профессиональной деятельности, у него появляется значительный перечень прав и свобод. Тем не менее, жизнь современного западного человека значительно зарегулирована законами, нормами и предписаниями со стороны государственной власти, а также глобальных корпораций.

Постиндустриальное, информационное или постмодерновое общество неразрывно связано с глобализацией, сделавшей мир «одним окном». Глобализации способствовали разные факторы, начиная с развития транспорта и технологий и заканчивая интернетом, СМИ и социальными сетями. Процесс глобализации централизовал или сконцентрировал людские ресурсы на общих точках коммуникации и создал новый феномен субъекта XXI века. Теперь парень из деревни может иметь одинаковый объем доступа к информационным ресурсам, так как расстояние и локация субъекта больше не имеет решающего значения.

Глобализм превратил мир в одну «малую деревню», где расстояние практически не имеет значения, что удобно для управления большими массами людей и ведения международного бизнеса для транснациональных компаний. Это привело к тому, многие сетевые компании и известные торговые бренды

появились во многих странах мира. Наиболее экономически и политически сильные страны мира стали ядром глобализации, а остальные менее развитые подверглись влиянию (экономическому, культурному, религиозному) ядра. Происходит процесс унификации всех сфер мирового общества. США, как самое влиятельное государство XXI века, сегодня является мощным транслятором культурных процессов и стандартов жизни современного человека в мире. Голливуд и Силиконовая долина сегодня задают стандарты, по которым стремятся жить множество людей по всему миру на всех континентах земли.

Человек информационного общества XXI века благодаря современным технологиям способен более разнообразно, чем ранее экономически реализовывать свой труд и творческий потенциал. Развитие техники и технологии, автоматизация и роботизация технологических процессов высвободили время и силы огромного количества людей для занятия творческим и интеллектуальным трудом. Оплата труда в таких сферахкратно выше, чем в низкоквалифицированном труде. Поэтому средний уровень жизни в мире неуклонно растет, ведь даже в не сильно развитых странах мира, благодаря глобализационным процессам приходят новые технологии и современные высокооплачиваемые рабочие места. Дистанционный труд позволяет преодолевать бюрократические и кастовые препятствия в странах с недемократической социальной и политической системами. Одними из позитивных черт глобализации можно назвать: улучшение стандартов жизни для «глобализуемых» стран, которые, как правило, отстают в экономической сфере и в развитии социальных институтов от среднемирового уровня. Источниками глобализации обычно становятся страны с более высоким уровнем жизни (США, Западная Европа и т. д.), которые не только внедряют свои стандарты в другие страны, но и становятся некими эталонами или иконами «правильной», сытой и благополучной жизни.

Компьютерная информатизация породила как новые возможности для современного человека в виде дистанционного труда, ведения бизнеса и развлечений, так и новые пороки в виде зависимости человека от интернета, компьютеров и гаджетов. Это неминуемо сказывается на количестве людей, для которых виртуальный мир все активнее мир заменяет живой и реальный. Глобализация породила беспрецедентную надстройку в виде городской цивилизации, вовлеченную в сферу компьютеров и интернета, в виртуальный мир, полный красок и разнообразия.

Молодые люди до 30 лет, как наиболее восприимчивые ко всему новому, восприняли многочисленную информацию о красивой и успешной жизни и возмечтали о том же для себя. Однако реальность несколько иная, и, по-прежнему, как и в более ранние времена, социальное неравенство является камнем преткновения для большинства «мечтателей» о богатом

и свободном существовании. Такое несоответствие между желаниями и реальностью породило разочарование и пессимизм среди молодежи. Так, в современном европейском обществе в конце XX века появилось поколение «ни-ни» от английской аббревиатуры NEET, что расшифровывается как: «Нет работе, образованию и тренингам!» [17].

Данное положение относится к наиболее молодому и перспективному поколению людей в возрасте от 18 до 24 лет. Около 14 процентов молодых людей Европы по данным западных исследователей не желают работать, учиться и создавать семьи. Ни-ни молодежь, видя красивый образ жизни в социальных сетях, не желают трудиться, так как такой образ жизни не соответствует их идеалам успешной жизни. Что-то подобное возникло в 80-х годах эпохи СССР, но по другой причине — когда количество затраченного труда у человека было неэквивалентно компенсировано заработной платой. Тогда терялся интерес к усиленному труду.

В случае с европейской молодежью, минимальный достаток в виде социальных пособий гарантировал экономическую свободу, что должно в идеале приводить к тому, что можно тратить свое личное время только на то, что действительно интересно. Молодежь, не входящая в условный «золотой миллиард» богатых людей, возможно, интуитивно улавливает истину, что за красивым изображением монитора ничего нет для них в реальной жизни, а добиться высокого уровня жизни не относясь к элите практически невозможно.

Глобализация навязывает современному человеку многочисленные образы, под которыми необязательно стоят высокие смыслы, а зачастую это могут быть маркетинговые ходы корпораций по продвижению и реализации производимого ими продукта. Великое разнообразие форм взаимодействия человека и внешнего мира затрудняет определение и осмысливание целей для субъекта.

Эпоха постмодерна, на мой взгляд, имеет самую завуалированную форму воздействия сил, имеющих власть над человеком. Человеку кажется, что он свободен в мыслях и действиях, ведь западная цивилизация подарила ему равенство, права и демократию. Однако, принадлежит ли хотя бы в мыслях человек самому себе? В этом есть большие сомнения, поскольку неотъемлемая сеть глобального рынка, ненавязчиво, но постоянно воздействует на наше сознание и даже подсознание.

Проблему сильно усугубляет огромное количество источников информации, в котором пребывает субъект. Информации стало так много, что сегодня гораздо труднее разобраться в ее потоках и найти наиболее подходящий под запрос текст, чем в принципе раздобыть знания о тех или иных интересующих вещах. Тексты становятся копиями тысяч копий, которые бесконечно наслаиваются друг на друга. В итоге информация всё дальше

отходит от истины, обесценивается, становится пустышкой. Главными в постмодерне становятся не люди как субъекты, а их образы и бренды.

Проблему образов и реальности изучал французский философ Ж. Бодрийар в своем труде «Симулякры и симуляция». Он считал, что мы живем в эпоху симулякров или по сути пустышек [1]. Глобальные корпорации возвращают симулякры в корыстных целях в виде брендов, являющимися не просто товарами для потребления, а имиджами, за которые человек сильно переплачивает из своего кармана.

К примеру, рекламный маркетинг сегодня строится таким образом, что для того, чтобы продать товар потребителю, «субъекту» внушается мысль о том, что ему необходимо его купить, после подобного внушения он сам готов поддерживать спрос на товар. Реклама действует эмоциональным методом на регистр Бессознательного в область животных инстинктов человека, то есть, минуя сознание. Нет сомнения, что цивилизация глобального рынка, неминуемо делает субъекта объектом воздействия. С другой стороны, глобализации практически невозможно избежать. Существуют некоторые племена в Африке, Азии и Океании с традиционным родоплеменным укладом, однако это всего лишь меньше одного процента от населения Земли.

Человек постмодерна — обезличенный, атомизированный субъект в океане компьютерных технологий интернет-пространства и глобального рынка товаров и услуг. Рынок делает все, чтобы сформировать и взрастить потребителя, однако и субъекту зачастую нравится быть втянутым во всемирные коммуникационные системы. Рынок не может быть без потребителя, а потребитель без рынка, так между двумя сторонами существуют созависимые отношения, поскольку рынок хочет «нравиться» субъекту и следует его желаниям. Товары выглядят совсем не так, как должны были бы смотреться, если бы были сугубо утилитарными изделиями. Автомобили и телефоны имеют эстетичные формы, приятные внутренним эталонам субъекта.

Современный субъект, не смотря, на многочисленные изменения в укладе жизни, по-прежнему действует из природных и рациональных побуждений. «Цивилизационные» надстройки в виде виртуального мира или квази-реальности в целом не меняют человеческой сути. Субъект, по-прежнему, как и прошлые времена, стремится к прекрасному и профанному, к созиданию и разрушению, готов обманывать и обманываться.

Традиционные общества скрепляют семейные и духовные ценности, сохраняют их на долгие годы. Ислам и отчасти конфуцианство, буддизм, даосизм сохраняют традиционный уклад жизни, преемственность поколений. В таких обществах продолжается, как и ранее рост населения. Западные страны в большинстве своем утратили ценности, основанные на христианских нормах.

В России после окончания советского периода происходит культурный и духовный подъем в обществе. Многие храмы российских городов,

как христианских, так и мусульманских полны людьми во время служб. В России люди отказались следовать динамичному либеральному обществу Запада, пытаясь закрепить традиционные взгляды общества на законодательном уровне.

В западных странах взамен постепенной утраты веры приходит секуляризация общества. Их население десятилетиями испытывает демографический кризис.

Либеральные общества, бесконечно меняются в такт техническому прогрессу и, на мой взгляд, приводят человека обратно в хаос, так как не хватает твердой земли или точки опоры, зацепившись за которые можно обрести гармонию и порядок в мыслях. Как, согласно апориям Зенона, Ахиллес никогда не догонит черепаху, когда она движется, так и либеральное общество, пребывая в быстром движении и постоянно изменяясь, не достигает финальной точки упорядочивания своего бытия.

Европа и Северная Америка, некогда возвращенные на христианских ценностях, сегодня стремительно меняют духовно-нравственные ориентиры. Некогда казавшийся незыблемым духовный и физический союз мужчины и женщины сегодня является совсем не единственной альтернативной подобного союза между людьми. Диктатура сексуальных меньшинств на Западе, подрывает естественные и веками сложившиеся скрепы общества, делая его, на мой взгляд, более слабым и неустойчивым.

Еще одним заметным общественным явлением в Западном обществе является трансгуманизм, появившийся некогда и казавшийся утопией, сегодня медленными темпами набирает обороты. Современный человек, в погоне за здоровьем, бессмертием новыми возможностями тела и ума с помощью компьютерных технологий способен пойти на рискованный шаг оцифровки своего мозга. Это может привести к непредвиденным результатам в виде создания биосущества, похожего на человека, но таковым не являющимся, ведь машинное мышление рациональное, которое основано на алгоритмах в отличие от свободного мышления творческой мысли мозга человека. Постепенная утрата человеком своей видовой, сексуальной, социальной, а также духовной самоидентификации — вполне ожидаемые угрозы для потери человеческой личности. Нейросеть сегодня демонстрирует нам чудеса сходства с человеческим умом, и как будто бы даже душой, но это, все-таки, машина, и не стоило бы обманываться в случае с оцифровкой человеческого мозга, считая такой организм безусловным человеком.

Выбор за будущими поколениями оцифроваться ли им в компьютерное «Я-бытие» или нет. Какие требования можно будет предъявлять требования к моральным и ценностным установкам личности, если человек будет значительно преобразован в машину не ясно. Одним из заметных стремлений современности стала разработка теории и практическая попытка загрузки или переноса

сознания человека в другое искусственно созданное тело, с переносом памяти на какое-либо вычислительное устройство, в частности, на компьютер [18].

Сегодня существует масса философских теорий относительно трансгуманизма или преобразования человека, в том числе, с помощью машинных технологий. Некоторые из них опровергают возможность «компьютеризации» человека. Так, например, одна из известных теорий «загрузки сознания» (переноса сознания и души человека на физический носитель памяти компьютера или в другое человеческое тело) подвергается критике со стороны дуалистических теорий сознания, утверждающих, что душа и сознание, как нематериальная субстанция неотделима от тела и не способна существовать отдельно от него.

Современный мир сегодня условно движется по двум основным направлениям: традиционному пути и либеральному. Первый путь выбрали страны, которые необязательно остановились на развитии аграрного типа экономики, они могут быть вполне современными технически, технологически, в инфраструктурном плане. В них могут быть по развитию социальные и политические институты, а также экономика. Речь идет, прежде всего, об идеологических, культурных и духовно-религиозных ценностях или ориентирах, которые для этих стран в приоритете. Руководство подобных государств считает незбылемыми аксиологические ориентиры, выбранные ими ранее. К таким примерам можно отнести большинство стран Азии (Китай, Малайзия, Турция), Ближнего Востока (страны Персидского залива), Казахстан и Россию.

К другому основному направлению развития стран можно отнести либеральный тип трансформации общества. Его условно можно обозначить как западный путь развития. Здесь также существуют культурные и духовные традиции, которые являются наиболее постоянными из всех остальных социальных изменений, которые происходят в обществе. Западное общество настолько динамичное в своих стремлениях, что смена культурных парадигм происходит буквально на глазах одного поколения.

Христианская религия, доминировавшая как главный ценностный ориентир во всей Европе целых два тысячелетия, сегодня во многих странах континента утратила свое решающее значение как культурный и религиозный феномен. Католическое христианство до начала XVI века существовавшее в монолитном виде, после протеста Мартина Лютера перестало быть таким. Протестантские деноминации заняли не меньшее место в сердцах западного мира (Европа, Северная Америка), чем католичество. Количество стран с протестантской религией сегодня сопоставимо с количеством стран, где господствует католицизм. Более того, протестантизм как основная религия устоялся в наиболее социально прогрессивных и экономически развитых страны Запада.

Немецкий социолог Макс Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» провел анализ воздействия религии на капиталистическое устройство общества. Автор книги сделал вывод, что протестантская этика наиболее близка к «духу» капитализма. Однако в отличие от капиталистических обществ, в протестантском обществе добывание денег находится в разрыве от растраты. Протестантизм подразумевает предприимчивость, накопление и аскетизм в образе жизни и финансовых растратах.

Протестантская религия является наиболее ярким примером ее догматической и теологической либерализации с течением времени в зависимости ее от культуры исторического периода времени.

Так протестантизм со времени его основания в XVI веке в значительной его части сильно эволюционировал. Протестантская ветвь христианства также впоследствии, как и католицизм, потеряла свою монолитность и разделилась на множество независимых церквей, церковных союзов и деноминаций: пятидесятничество, баптизм, лютеранство, англиканство, методизм, кальвинизм.

Классический протестантизм формировался со времен раскола вплоть до начала XVIII века, когда основные его ортодоксальные идеи оформились в виде догматического и практического богословия Реформации. Эпоха Просвещения с ее идеями рационализма, деизма и атеизма привнесла значительные изменения в богословии протестантских церквей. Вследствие такого культурного влияния возник евангеликализм в Великобритании и Северной Америке.

К концу XIX и до начала XX века протестантское религиозное движение пришло к фундаментализму — к консервативному протестантизму, вследствие реакции ее членов на распространение христианского модернизма и либерального богословия. Тем не менее, протестантский фундаментализм, не смотря на теологическое стремление к реформаторским истокам, привнес новое видение Священного Писания. Так англо-ирландский священник Джон Нельсон Дарби вместе с духовными единомышленниками «плимутскими братьями» в 1831 году, изложив идеи диспенсационализма (теологическое представление в христианстве, рассматривающее человеческую историю как распределение божественного Откровения по его периодам, где каждому периоду соответствует свой тип договорных отношений человека с Богом), разорвал духовное единство с официальной Церковью Ирландии.

Либеральная протестантская теология, возникшая в тот же исторический период и параллельно фундаментализму, стремилась с момента своего зарождения изменить христианство, сделать его более современным и соответствующим развитию прогресса и науки [6].

Либеральная теология ставила практические задачи религии, была в качестве инструмента для решения насущных моральных или политических вопросов. Особый акцент делался на полезности учения Христа

и на то, что человек способен преодолеть греховность собственными стараниями. При этом вышеназванное религиозное течение отвергало идею воплощения Бога и божественность Иисуса Христа, грехопадение и первородный грех, считая христианское богословие обычной придуманной людьми историей, а Библию — искаженными историческими событиями. Так либеральными теологами было создано собственное представление о христианстве, в котором возник новый «либеральный» образ Христа. Единственной причиной, по которой данное христианское учение вообще можно назвать религиозным, это то что, оставалась идея Творца, однако не вмешивающегося в дела мира.

Во второй половине XX века получили развитие многие направления в теологии, которые могут рассматриваться как неолиберальные: безрелигиозное христианство, теология смерти Бога, критическая теология, секулярная теология. Естественным следствием развития секулярной теологии стало рассмотрение вопросов, связанных с социально-политической проблематикой современности.

Так развились идеи «политической теологии», феминистской теологии или теологии с марксистскими и социалистическими идеями (теология освобождения, теология революции), а также «деконструктивистская теология». В либеральной теологии рассматриваются вопросы гендерного равенства, соблюдения прав человека, диалога с секулярным обществом и нехристианскими религиями, продвигаются идеи ЛГБТ-движения в обществе и внутри церквей.

В современном либеральном протестантизме не требуется от верующих соблюдения общественных и религиозных правил, что приводит к релятивизму в отношении христианских норм — распространению, в том числе, «женского священства», благословению гомосексуальных браков и т. д. Это приводит к секуляризации самой веры. Апологеты либерального христианства сосредоточены на идее преобразований и реформ классического библейского богословия и церковных отношений в соответствии с их видением многочисленных изменений, происходящих в современном обществе.

В целом каждая историческая эпоха отражает свои характерные ее времени веяния. Современное богословие в эпоху постмодернизма имеет некоторые схожие идеи, такие как:

- окружающая действительность не является только лишь мгновенным актом творения Бога и Его безграничной мощи, но любой человек и любая вещь также творят мир и принимают на себя ответственность за него;
- Бог не только являет Себя в Священных текстах, но ожидает от человека способность быть Его собеседником в виде личного понимания этих текстов;

- христианство — это религия социокультурного меньшинства, а также один из способов, наравне с наукой и искусством, выразить своё «я» [4].

Можно сказать, что протестантские церкви наиболее отвечают духу времени, сегодня их в целом можно назвать постмодернистскими церквями, так как они приспособлены для религиозных потребностей современного человека и сами являются современными в своих методах функционирования. Протестантские церкви не только стремятся донести идеи Евангелия прихожанам современным языком, но и зачастую не наблюдают существующих противоречий в своей деятельности между новой культурой и обществом и библейским мировоззрением. Например, американский богослов и философ Уильям Крейг, считает, что постмодернизм отрицает универсальные законы логики и истины, поэтому, в его понимании, постмодернизм не более дружелюбен христианским истинам, чем рационализм Просвещения. Американский философ и теолог Джин Эдвард Вейз, считает, что Церковь должна противостоять постмодерну и не должна соглашаться с его идеями [3].

При этом существуют и апологеты симбиоза идей постмодернизма и учений церкви, которые считают, что постмодернизм с его нарративами, текстуральностью и укорененной в сообщество природой истины, может дать церкви новый интеллектуальный инструментарий и вернуть ее в центр интеллектуальной современной жизни.

Страны с традиционными взглядами на духовные ценности, такие как Россия, сохраняют преемственность Отцов Церкви и догматику в неизменном виде, не смотря на внешние культурные изменения. В западных странах христианство, имеющие два основных направления, такие как католицизм и протестантизм в зависимости от религиозного направления подвергаются некоторым или значительным изменениям, исходя из веяния времени и культурных новшеств. Если в католическом духовном движении в целом остается целостность догматики и преемственность апологетики, то протестантизм разделен на 60 направлений, не имеющих единого центра. В отдельных направлениях протестантизма, таких как либеральная, неолиберальная (безрелигиозное, христианство, теология смерти Бога, критическая и секулярная теология) произошло не только значительное отступление от догм христианства, но и мощная секуляризация самой религии. В этом случае церковь меняется и приспособливается к верующим в практических целях ради комфорта и удобства прихожан, что приводит к дальнейшему дроблению (богословскому релятивизму) протестантской ветви христианства и уходу от первоначальных истин протестантской конфессии. Это вполне соответствует духу времени под названием «постмодернизм», где происходит нечто подобное, но в культурной и социальной жизни общества.

Исходя из вышеизложенного материала, вырисовывается очевидный вывод, что достаточно рискованно для общества отходить от истинных, сформированных тысячелетиями христианских ценностей, дающих «твердую почву» под ногами: фундамент моральных установок, пользуясь которыми человечество может быть уверенным в завтрашнем дне. Уход от устоявшихся христианских законов и правил, может привести к либерализации сознания: отступничество от Бога, смене парадигм мышления в виде «сексуальных революций, ЛГБТ, заигрыванию с компьютеризацией сознания, диктату меньшинств над большинством общества и т. д.

В моем представлении, жизнь общества по традиционным христианским ценностям, как и в прошлые времена, дает субъекту, ориентир, уверенность и надежду его стремлениям в земном бытие. Можно совершенствовать технику и технологии и идти в ногу со временем, однако, смена ценностных основ, заложенных отцами Церкви на Вселенских соборах, влечет за собой иногда негативные и порой разрушительные последствия, прежде всего, для его душевной организации, парадигмы этических установок и ценностных ориентиров человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция/ *Simulacres et simulation* (1981, рус. перевод 2011, пер. А. Качалова. — М.: Рипол-классик, 2015. — 240 с.
2. *Вишневский А. Г.* Демографические странности // *Знание — сила.* — 2005. — № 9. — С. 22–28.
3. *Вейз Д. Э.* Времена Постмодерна. — М.: Лютеранское наследство, 2002. — 240 с.
4. Протестантизм. [Электронный ресурс]. — URL: https://web.archive.org/web/20230108231810/https://ru.wikipedia.org/wiki/Протестантизм#cite_ref-41 (дата обращения: 25.06.24).
5. *Риккерт Г.* Философия жизни. — Киев: Ника-Центр, 1998. — 512 с.
6. *Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова.* — М., «Либеральное христианство», 1991. — С. 220–221.
7. Газета.ru: «Их мощь и власть беспокоит многих»: как IT-гиганты влияют на политику. От 12 января 2021. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/12_a_13432508.shtml (дата обращения: 25.06.24).
8. Коммерсантъ. Twitter навсегда заблокировал аккаунт Дональда Трампа. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4639344> (дата обращения: 25.06.24).
9. Лента.ru. Телеканалы США прервали прямой эфир с речью Трампа о махинациях на выборах». 6 ноября 2020 года. [Электронный ресурс]. — URL: https://lenta.ru/news/2020/11/06/trump_tv/ (дата обращения: 25.06.24).

10. News daily: «Еврокомиссар сравнил значение блокировки аккаунтов Трампа с терактами 11 сентября». Архивная копия от 17 января 2021/. News daily. [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.archive.org/web/20210117215654/https://rus.delfi.lv/news/daily/europe/evrokomisarr-sravnil-znachenie-blokirovki-akkauntov-trampa-s-teraktami-11-sentyabrya.d?id=52829593> (дата обращения: 25.06.24).
11. News.ru: «Власти Франции осудили решение Twitter о блокировке аккаунта Трампа» Журнал News.ru/. 11 января 2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.archive.org/web/20210121212554/https://news.ru/world/vlasti-francii-osudili-reshenie-twitter-o-blokirovke-akkaunta-trampa/> (дата обращения: 25.06.24).
12. News.ru: «Эрдоган назвал блокировки Трампа в соцсетях «цифровым фашизмом». От 13.01.2021. Архивировано 22 января 2021. Дата обращения: 16 января 2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.ru/world/erdogan-nazval-blokirovki-trampa-cifrovym-fashizmom/> (дата обращения: 25.06.24).
13. Rbc.ru: «Американские сервисы начали блокировать аккаунты сторонников Трампа». От 9 января 2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2021/5ff92bfe9a7947d1f628a49b> (дата обращения: 25.06.24).
14. Rbc.ru: «Медведев назвал блокировку аккаунтов Трампа цифровым тоталитаризмом». Архивная копия от 17 января 2021 на Wayback Machine РосБизнесКонсалтинг, 16 января 2021. Журнал РБК. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2021/60027a0c9a79477b4b6986b3> (дата обращения: 25.06.24).
15. Rbc.ru: «Папа Римский разрешил священникам благословлять однополые пары». 19 декабря 2023. Журнал РБК. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2023/6580cd3f9a794792e3690dc2> (дата обращения: 25.06.24).
16. Russia Today: «Просто взяли и отключили»: Захарова назвала блокировку аккаунтов Трампа ударом по декларируемым Западом ценностям. Архивная копия от 15 января 2021 на Wayback Machine RT, 14 января 2021. [Электронный ресурс]. — URL: <https://russian.rt.com/world/article/822093-tramp-socseti-blokirovka> (дата обращения: 25.06.24).
17. *Attewell P., Newman K. S. Growing Gaps: Educational Inequality Around the World* (англ.). — Oxford University Press, 2010. — P. 181.
18. *Vamford, S. A framework for approaches to transfer of a mind's substrate* (англ.) // *Int. J. Mach. Conscious.: journal*. — 2012. — Vol. 04, №. 23. — P. 23–34.

Кожурин Антон Яковлевич,
доктор философских наук, профессор кафедры философии
Российского государственного педагогического университета им.
А. И. Герцена;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.
Достоевского
ankozhurin@yandex.ru

НАТУРАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО¹

В статье рассматривается преломление установок «натуральной теологии» в работах Н.Я. Данилевского. Натуральную теологию следует понимать как стремление синтезировать религиозный взгляд на мир с установками современной науки. Данное стремление проходит через все работы интересующего нас автора, включая и обе его фундаментальные работы — «Россию и Европу» и «Дарвинизм». В первой из них предлагается развернутая культурно-цивилизационная концепция. Во второй — дается наиболее последовательная в литературе XIX столетия критика концепции Дарвина. Антипрогрессизм в социальной философии органично связан у Н. Я. Данилевского с антиэволюционистскими установками в естествознании. Опора на принципы натуральной теологии позволяет тесно связать эти области знания. Последовательное применение подобного подхода делает теоретическое наследие Н. Я. Данилевского необычайно целостным.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, натуральная теология, наука, культурно-цивилизационный подход, антипрогрессизм, антиэволюционизм.

Kozhurin A. Ya.

THE NATURAL THEOLOGY OF N.Y. DANILEVSKY

The article examines the refraction of the attitudes of «natural theology» in the works of N.Y. Danilevsky. Natural theology should be understood as the desire to synthesize a religious view of the world with the attitudes of modern science. This aspiration runs through all the works of the author we are interested in, including both of his fundamental works — “Russia and Europe” and “Darwinism”.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The first of them offers a detailed cultural and civilizational concept. In the second, the most consistent criticism of Darwin's concept in the literature of the XIX century is given. Anti-progressivism in social philosophy is organically linked in N. Y. Danilevsky with anti-evolutionist attitudes in natural science. Relying on the principles of natural theology allows us to closely link these areas of knowledge. The consistent application of this approach makes the theoretical legacy of N. Y. Danilevsky extraordinarily holistic.

Keywords: N.Y. Danilevsky, natural theology, science, cultural and civilizational approach, anti-progressivism, anti-evolutionism.

Теоретическое наследие Н. Я. Данилевского, быть может, не велико по объему, но весьма значительно по содержанию. Интересующий нас автор написал две книги — «Россию и Европу» и «Дарвинизм». В «России и Европе» перед нами первый развернутый вариант культурно-цивилизационной концепции. Во второй работе — самая последовательная в литературе XIX века критика эволюционной теории. Несмотря на различие тем, эти произведения связывает многое. Как писал В. В. Розанов, «Н. Я. Данилевский разработал две громадные идеи, из которых одна положительная по содержанию, другая — отрицательная. Мы разумею его теорию культурно-исторических типов, развитую в книге “Россия и Европа”, и критику дарвинизма, изложенную в двух томах неоконченного сочинения, которое носит название этой теории» [5, с. 209–210].

Насколько органично антипрогрессизм «России и Европы» гармонично связан с антиэволюционизмом «Дарвинизма»? Какая же мировоззренческая установка позволила связать два этих громадных теоретических блока? То, что без подобной установки идейное наследие Н. Я. Данилевского не представляло бы того монолита, которое оно представляет — для нас очевидно. Здесь мы должны обратиться к одной важной традиции, на которую у нас часто не обращают внимания. А жаль, ибо она интересна — и сама по себе, и в качестве некоторой альтернативы позднейшим идеологическим установкам, восторжествовавшим в ходе развития западной цивилизации.

Для начала скажем несколько слов об этих установках. Первая из них, начавшая отчетливо звучать с конца XVIII столетия, может быть обозначена как тема «смерти Бога». О ней говорят самые разные авторы — маркиз де Сад, Жан Поль («Мертвый Христос говорит с вершины мироздания о том, что Бога нет», 1796–1797), молодой Гегель, который в трактате «Вера и знание» (1802) пишет о «чувстве, на которое опирается вся религия нового времени, о чувстве: сам Бог мертв...». До логического конца ее доводит Л. Фейербах в своих работах, посвященных религии («Мысли о смерти и бессмертии», 1830; «Сущность христианства», 1841). Ф. Ницше удалось лишь найти

великолепную формулировку для этой установки — ничего нового в данном вопросе он по отношению к своим предшественникам не прибавил.

Другая тенденция связана с инструментализацией науки, превращением ее в непосредственную производительную силу. В эпоху Просвещения об этой тенденции можно говорить лишь как о возможности. Впрочем, к концу XVIII века во всей полноте начинают себя проявлять тенденции промышленной революции. На протяжении следующего столетия мы видим неуклонное развертывание данного процесса. При этом наука все больше и больше проявляет свои инновационные потенции. Обратной стороной этого оказывается превращение самой науки в предмет культа. Различные концепции, приписывая себе научность, тем самым настаивают на истинности своих оснований. Это — позитивизм, прагматизм и, разумеется, марксизм («научный социализм»). Заявленная «научность» позволяет не считаться с аргументами оппонентов, сразу переводит их на низший уровень в идейных спорах. Оппоненты марксизма регулярно убеждались в бесплодности полемики с ними.

Теперь самое время вернуться к идейной альтернативе данным тенденциям. Речь идет о традиции «натуральной теологии» (*theologia naturalis*), которая получила основательное развитие в культуре XVIII столетия. Характеризуя данную установку, Н. К. Гаврюшин писал: «Ее основная задача заключалась в согласовании интенсивно умножавшихся открытий экспериментального естествознания с христианской метафизикой и богословием» [1, с. 277]. Разумеется, что натуральная теология не исчезает вместе с породившей ее эпохой, хотя и оказывается вне магистральных линий развития знания в цивилизации XIX века. Среди ученых, близких по своим мировоззренческим установкам натуральной теологии, мы видим очень авторитетных для Н. Я. Данилевского ученых — Ж. Кювье и К. фон Бэра.

Между этими тремя авторами можно обнаружить много общего. Например, принципы, заставлявшие их отвергать эволюционистские учения, у Ж. Кювье, К. фон Бэра и Н. Я. Данилевского весьма близки. Это позволяет говорить об общей линии в развертывании биологического знания, которое было не столько превзойдено, сколько подавлено влиянием дарвиновской теории. Последняя, по мнению Н. Я. Данилевского, представляет собой скорее не научную, а философскую теорию. Недаром она получила свое обозначение по имени ее создателя, что совершенно нехарактерно для истории науки, но показательное для философии. Еще точнее ее было бы назвать идеологией, которая подпитывала весьма одиозные политические течения со второй половины XIX столетия — социал-дарвинизм, расизм, нацизм и т. д.

Натуральная теология, с одной стороны, противостояла тем материалистическим и атеистическим тенденциям, которые явственно обозначились

в эпоху Просвещения. Закономерным финалом этих тенденций стала «смерть Бога», которую, как мы уже заметили выше, западная культура явно осознает в середине XIX столетия. В данном ряду можно назвать таких, непохожих друг на друга мыслителей, как маркиз де Сад, Жан Поль, Гегель, Фейербах, Ницше. Каждый из них по-своему ставил и решал проблему «смерти Бога», но, в конечном итоге, интересующее нас событие состоялось, что потребовало серьезного переосмысления базовых оснований культуры. Именно в этой связи следует рассматривать выдвижение на первый план проблематики ценностей, которое было предпринято целым рядом направлений («Свято место пусто не бывает»).

Противостояла натуральная теология и тенденции превращения науки в прикладную функцию хозяйственной деятельности, что постепенно происходило на протяжении XIX века, а свое законченное выражение получило в ходе следующего столетия. Конечно, в духовной ситуации позапрошлого столетия можно было встретить деятелей первого плана, которые соединяли научные разработки с мировоззренческими поисками, вплоть до интереса к спиритическим явлениям (М. Фарадей и А. Уоллес — в Англии, А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев в России). Общий вектор теме не менее определен уже тогда. В современном мире речь идет о том, что наука утрачивает всякую самостоятельность, растворяясь в технологии. В этой связи достаточно посмотреть на значение фундаментальной науки сегодня.

Натуральная теология позволяла избежать обеих опасностей. С одной стороны, она связывала ученых с «большим временем», включавшим как античную традицию (здесь, в первую очередь, надо иметь в виду линию Аристотеля), так и христианство. Ведь не только в эпоху Просвещения, но и в XIX веке многие ученые продолжали сохранять связь с религиозными установками. Помимо Ж. Кювье и К. фон Бэра, о которых уже шла речь, вспомним хотя бы Л. Пастера, чьи опыты были призваны доказать невозможность самозарождения жизни. Следовательно, был убежден французский ученый, жизнь имеет божественное происхождение. Д. И. Писарев, чуткий на всякое проявление «крамолы» в отношении позитивистско-материалистических установок, не упустил случая поставить на вид Л. Пастеру неприемлемость его выводов.

Самое время обратиться к важнейшему аспекту реализации натуральной теологии Н. Я. Данилевского — его полемике с дарвинизмом. Для Н. Я. Данилевского принципиально важным было оппонирование установкам этой теории. Ее русский натуралист считал не научным, а философским учением. Еще точнее дарвинизм можно было бы обозначить как идеологическую концепцию. Отсюда — ее популярность и влияние, несмотря на множество нестыковок, которые выявились за полтора века со времени

издания «Происхождения видов». Сам Дарвин прекрасно отдавал себе отчет о тех мировоззренческих выводах, которые следовали из его теории. Не случайно, что в частной переписке он называл собственное учение «евангелием дьявола» [3, с. 134].

Впрочем, не только мировоззренческие, но и чисто научные аспекты дарвиновской теории вызвали у Н. Я. Данилевского критическое отношение. В своем труде, посвященном критике теории эволюции, он формулирует десять логических промахов, характеризующих данную теорию. К ним Н. Я. Данилевский относит: 1) неправильную и пристрастную оценку вероятностей; 2) двойственность логики; 3) признание и преувеличение выгодной для теории стороны явлений и упущение из виду невыгодной; 4) логическую непоследовательность; 5) недостаточность глубины анализа; 6) довольствование невыдержанными и недостаточными аналогиями; 7) смешение определившихся форм строения у установившихся видов с возникновением их; 8) неточность в определении существенных для теории понятий; 9) увлечение теорией до забвения или упущения из виду фактов, с нею несогласных; 10) неправильное понимание требований от научной теории [2, с. 848]. Разумеется, эти возражения носят формальный характер, но они очень важны в контексте критики дарвиновской теории.

Говоря о содержательной стороне, Н. Я. Данилевский предъявляет создателю эволюционной теории пятнадцать пунктов обвинения. Размеры статьи не позволяют развернуть аргументацию русского автора подробно. Отметим лишь на некоторые из пунктов. Автор «Дарвинизма» отметил неправомерное распространение выводов, сделанных на основе наблюдения домашних животных и культурных растений на организмы, живущие в естественных условиях. Не трудно догадаться, что выбор тех или иных растений или животных для одомашнивания обусловлен их ярко выраженной способностью к изменчивости. Следовательно, результаты, которые мы наблюдаем в этих случаях, нельзя распространять на организмы, существующие в естественной среде. В случае одичания, а это относится, в первую очередь, к растениям, данные организмы возвращаются в исходное состояние. *«Заключение о том, что изменчивость диких животных и растений, сравнительно с домашними, во столько раз сильнее, во сколько природа могущественнее человека, есть чистейший софизм.* Подобно тому, как природа никогда не произведет паровой машины, хотя сила пара, имеющаяся в ее распоряжении и несравненно значительнее той, которую может располагать человек: так же точно нельзя ожидать, чтобы изменчивость и наследственность, не направляемые разумом, произвели результаты, подобные достигаемым, посредством искусственного подбора, но в несравненно значительнейшем размере, ибо искусственный подбор есть также своего рода машина» [2, с. 850]. Даже

те изменения, которые мы наблюдаем у одомашненных животных и растений, никогда не выводят их за рамки определенного «вида».

Обратил внимание Н. Я. Данилевский и на важнейшее для дарвинизма учение о борьбе за существование. Во введении к «Дарвинизму» он писал: «Главнейшее достоинство и значение дарвинизма я вижу в том побочном обстоятельстве, что он обратил внимание естествоиспытателей на так называемую борьбу за существование, или общее — на отношения организмов к внешнему миру, в особенности же друг к другу. Правда, об этом говорилось и до него, но за небольшими исключениями не выходило из круга общих мест» [2, с. 63]. Следует, впрочем, заметить, указывал русский критик, что эта борьба не обладает теми свойствами, которые ей приписывал автор «Происхождения видов». В природе она совершенно лишена необходимых для произведения отбора свойств — крайней интенсивности, непрерывности и единства направления. Все эти качества в качестве природных компонентов эволюции Дарвин сильно преувеличил. Н. Я. Данилевский, как и другие оппоненты дарвинизма, не отрицал самой борьбы за существование, но весьма скептически относился к той интерпретации, которую она получила у классика эволюционной теории. Автор «Дарвинизма» считал, что борьба за существование определяет биогеографические факторы определенного распределения организмов, но не имеет биологического значения.

Теория естественного отбора, указывал Н. Я. Данилевский, не объясняет большое количество бесполезных и даже вредных признаков, которые мы обнаруживаем у различных организмов. При эволюции должны существовать переходные формы, но ни в современном мире, ни среди вымерших видов таких форм мы нигде не обнаруживаем. Связи между вымиранием одних видов и возникновением новых, считал русский критик Дарвина, нет. Как указывал автор «Дарвинизма», теория эволюции не вписывается во временные рамки. Никаких миллиардов лет не хватило бы для происхождения всего многообразия живых организмов по схемам, предложенным Дарвином. Наконец, использует Н. Я. Данилевский и своеобразный эстетико-телеологический аргумент — если бы дарвиновская теория была бы верна, то современный мир выглядел бы иначе. При этом критик указывает, что «Дарвинов взгляд на природу есть наименее эстетический» [2, с. 907].

Свой «Дарвинизм» Н. Я. Данилевский обозначил как «естественное богословие» — калька с использованного нами понятия. Это особый тип богословия, отличный от догматического богословия. Будучи православным христианином, автор «Дарвинизма» все-таки стремится опереться на аргументацию более широкого характера. Дополняя сказанное выше, отметим, что тип натуральной теологии стремится к поиску в природе следов Бога. Здесь, с одной стороны, мы возвращаемся к традиции античной философии

(вспомним концепции Платона, Аристотеля, да и многих других мыслителей древности), а с другой — к истокам новоевропейской науки, которая еще не шла на конфликт с религией, а пыталась согласовать их истины. Для своего времени ход мыслей Н. Я. Данилевского мог показаться запоздалым, но для нашей эпохи, когда четко обозначились пределы развития цивилизации новоевропейского типа, он выглядит вполне разумным и даже спасительным.

Принципы натуральной теологии Н. Я. Данилевский использует и в той области знания, которая принесла ему известность — социальной философии и философии истории. Для нашего автора характерно стремление синтезировать естественнонаучное и социогуманитарное познание. В этом смысле автор «России и Европы» противостоит тенденциям эпохи, стремившейся размежевать и противопоставить данные области [4]. Он, впрочем, не злоупотребляет использованием биологических принципов в деле объяснения социально-исторических реалий. Последнее скорее будет характерно для авторов, наследовавших ему по культурно-цивилизационной линии — К. Н. Леонтьева и особенно О. Шпенглера. Но, с другой стороны, для Н. Я. Данилевского принципиально важным было выстраивание моста между естествознанием и социальными науками. Отсюда — применение естественной классификации в деле объяснения исторического процесса, которую мыслитель использует в «России и Европе».

Отсюда — четкое различие анализа социально-культурной реальности с естественноисторической точки зрения и всякого рода желанностей, которые у оппонентов Н. Я. Данилевского подменяли эту реальность. Яркий пример — В. С. Соловьев с его эфемерными проектами по объединению церкви. Вспомним оценку, которую подобного рода сюжетам дал Л. А. Тихомиров: «В. Соловьев упрекал Данилевского, будто бы его национализм и учение об исторических типах противны христианскому чувству. Напротив, Данилевский, именно как глубокий христианин, не мог впасть в ошибку неизбежную для социологов не христиан или полухристиан. Он ясно чувствовал, что в жизни нашей есть от мира сего и что — не от мира сего. Для него абсолютное, вечное и свободное не исчезало в человеке при мысли о необходимости и условности его земного существования в мире, материальном и социальном, где есть раса, и национальность, и их роковое органическое развитие. А потому Данилевский и мог думать о необходимых, не свободных законах социологии и подчинении им человека, совершенно объективно, не тревожимый в своем анализе лишними вторжениями из области чисто духовной» [6, с. 74].

Теперь позволим себе некоторые выводы. Идейное наследие Н. Я. Данилевского, как мы попытались показать, представляет гармоничное

и взаимосвязанное целое. Такие работы, как «Россия и Европа» и «Дарвинизм» выстроены на единой теоретической платформе. Антипрогрессизм его социальной философии закономерно сочетается с антиэволюционизмом. Критическое отношение к теории Дарвина, проведенное Н. Я. Данилевским по всем уровням современной ему биологии, закономерно связано с отрицанием расизма. Наконец, мировоззренческой основой концепции Н. Я. Данилевского выступает натуральная теология, которая гармонично сочетается с его личной православной религиозностью. В связи с этим обратим внимание читателей на его блестящую статью «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885). Как нам представляется, именно эта работа послужила основанием для той ожесточенной полемики, которую ее адресат вел против автора «России и Европы». Своеобразная духовная трезвость выгодно отличает религиозные установки Н. Я. Данилевского от установок его оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврюшин Н. К.* Техника, естествознание и натуральная теология в век Просвещения // Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. — С. 277–305.
2. *Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. — М.: Изд-во ФИВ, 2015. — 976 с.
3. *Дарвин Ч.* Избранные письма. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. — 392 с.
4. *Кожурин А. Я.* Синтез Н. Я. Данилевского // Запад — Восток: Н. Я. Данилевский и сохранение культурной идентичности России (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского): Сборник докладов и тезисов международной научно-практической конференции / Под общей ред. П. А. Меркулова. — Орёл: Издательство Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, 2022. — С. 184–192.
5. *Розанов В. В.* Литературная личность Н. Н. Страхова // Розанов В. В. Собрание сочинений. В 30-ти т. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писателе и писателях. — М.: Республика, 1996. — С. 209–233.
6. *Тихомиров Л.* Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л. А. Россия и Демократия. — М.: Изд-во «ФондИВ», 2007. — С. 67–108.

Колесников Анатолий Сергеевич,
доктор философских наук,
профессор Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.
Достоевского
kolesnikov1940@yandex.ru

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ И КИТАЕ¹

В статье дается оценка становления аналитической философии в России и Китае. Делается попытка показать, как идеи логицизма и философии логического анализа адаптировались в России и в Китае. Важно то, что и в том и в другом случае они были инициированы Берtrandом Расселом. Если в России начиналось все со знаковых публикаций, то в Китае со знакомством с западной логикой, а также лекций и переводов «Введения в математическую философию» и «Principia Mathematica», которые вызвали массу откликов в среде китайских ученых и увеличение числа ученых и студентов в изучении математической логики, но и наработки адекватной терминологической базы.

Ключевые слова: Рассел, лекции в Китае, логика, аналитическая философия, Чжао Юаньжэнь, Чжан Шэньфу.

Kolesnikov A. S.
ANALYTICAL PHILOSOPHY
IN RUSSIA AND CHINA.

The article assesses the development of analytical philosophy in Russia and China. An attempt is made to show how the ideas of logicism and the philosophy of logical analysis were adapted in Russia and China. The important thing is that in both cases they were initiated by Bertrand Russell. If in Russia it all began with landmark publications, then in China with familiarity with Western logic, as well as lectures and translations of “Introduction to Mathematical Philosophy” and

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00295, <https://rscf.ru/project/24-28-00295/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

“Principia Mathematica”, which caused a lot of responses among Chinese scientists and an increase in the number of scientists and students in studying mathematical logic, but also developing an adequate terminological base.

Keywords: Russell, lectures in China, logic, analytical philosophy, Zhao Yuanren, Zhang Shenfu.

Бертран Рассел — один из известных ученых в создании и развитии современной эпистемологии и логики, особенно математической логики, в XX веке. Хорошо известно, что его исследования в этих областях оказали заметное влияние на мыслителей в России, Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. В России с знакомство с Расселом и аналитической философией было опосредовано новейшими работами в логике и математике, сведением математики к логике, а логики к философии. Знаковыми были публикации работ Рассела «Проблемы философии» и «Трактата» Витгенштейна, суждения о чувственных данных как основе нового реализма, роль языка, знака, семантики и искусственных языков в познании мира. Однако важную роль, которую Рассел сыграл в стимулирование китайского интереса к этим предметам, до сих пор мало известна. Этот пробел пытаются преодолеть публикации в специальном выпуске журнала «*Contemporary Chinese Thought*, 2017. Vol. 52: No.1-2). Визит мыслителя в Китай оказал большое влияние и на развитие современного китайского гуманизма. Этот выпуск представляет различные аспекты визита в Китай в 1920–1921 гг. и знакомит с предысторией и важным интеллектуальным и теоретическим наследием работы Рассела в Китае [3].

Всеохватывающая социальная трансформация, сформировавшая Китай ко времени визита Рассела, включала поражение Китая в двух Опиумных войнах (1839–1842 и 1856–1860 гг.), Нанкинский мирный договор (1842 г.), заставивший открыть двери Среднего царства, которое было изолировано от постороннего вмешательства. Промышленная революция в Китае находилась в зачаточном состоянии, а экономика быстро поддалась давлению иностранных продуктов и конкуренции. В то же время китайцам во внутренних районах еще приходилось терпеть иго феодальных тягот. Эта ситуация привела к многочисленным восстаниям во второй половине XIX века, направленных либо против маньчжурского правительства, либо против западных колониальных сил. Тайпинское восстание (1858–1864 гг.), ослабило маньчжурское правительство, а Движение самоусиления (1861–1895) оказали огромное влияние на дальнейшее развитие китайской мысли, дестабилизируя китаецентрическую уверенность в традиционных моральных, политических и философских идеалах китайцев. Такие фигуры, как Кан Ювэй, Лян Цичао и Тан Ситун подготовили почву для современных философских

методов и взглядов и, таким образом, обеспечили современную интеллектуальную основу для восприятия идей Бертрانا Рассела в Китае в начале 20 века. После краха в 1911 маньчжурского правительства и Синьхайской революции, свергнувшей монархию — империю Цин, была основана первая парламентская республика Китая (1911–1949). Политический и экономический кризисы в Китае создали условия для огромных инноваций в китайскую мысль. [4, p. 120].

В результате огромных вызовов традиционным китайским ценностям китайская интеллигенция оказалась перед дилеммой: чтобы обновить культурную и политическую независимость и суверенитет нации, ей требовалось приобрести современные западные технические и научные знания. Итак, путь к культурному возрождению требовал отказа от традиционных систем ценностей и мышления ради новых более подходящих для современных условий. Традиционная философия больше не гарантировала путь к независимости, процветанию и власти, хотя полностью разорвать историческую связь с её идеями было невозможно. Среди китайских интеллектуалов разгорелись ожесточенные дебаты о том, как лучше всего усвоить западную мысль, не теряя сути китайской традиции. Консервативный политический теоретик Чжан Чжидун (1837–1909) считал — «Китайское обучение как суть, западное обучение для применения». К 20-м годам XX в. появляются группы ученых, получивших образование за границей, особенно в Европе и Японии (причем последняя стала представлять важный мост между Китаем и Западом), имеющих серьезную подготовку в области социальных и точных наук. Это был класс «новых интеллектуалов», которые будут играть важную роль в политических и культурных преобразованиях в начале XX века и ключевым сторонником расширения влияния Рассела в Китае.

Формируются два радикальных течения среди китайской интеллигенции этого периода. Первое выступало за ликвидацию китайской традиции и полную вестернизацию культуры и мысли, а второе предлагало обновление и возрождение китайской традиции в форме новой, ведущей культуры. Нестабильность и авторитарные амбиции и борьба за власть соединились с банкротством европейской политической теории в Первую мировую войну. Все это ослабило прежний энтузиазм в отношении прогрессивной европейской мысли, и китайские интеллектуалы начали требовать радикальной реформы мысли и культуры. Они реализовались в студенческом «Движении четвертого мая», которое стало играть решающую роль в культурной, политической и интеллектуальной модернизации китайского общества. Его главное издание «Новая молодежь» (Синь циннянь), основанное Чэнь Дусю в 1915 году, вскоре стало самым влиятельным журналом нового поколения китайских интеллектуалов. Они требовали отмену устаревшей

конфуцианской мысли и консервативных структур, которые считали барьером свободному развитию личности и общества. Они выступали за равенство полов и свободную любовь, как и против экономического и политического доминирования привилегированных слоев населения.

Практически «новые интеллектуалы» призывали к фундаментальному изменению в общем менталитете нации. «Новая молодежь» публиковала статьи на разговорном китайском языке (байхуа), тем самым бросив вызов престижу классического китайского языка (вэньян) как единственной приемлемой формой публичного общения и письма. Новые китайские мыслители рассматривали вэньян как анахроничную практику и как символ длительного и дорогого процесса классического образования, оторванного от современной науки и общественной мысли. Более того, исключительное использование классического китайского языка означало, что только небольшое меньшинство привилегированных классов могло читать, не говоря уже о том, чтобы вносить вклад в письменную культуру. Так, «разговорное движение» стало краеугольным камнем новой китайской культуры, ведущий к расцвету новой литературы под влиянием западных литературных форм и канонов и сильно отличающихся от традиционной литературной формы и содержания.

Таким образом, Рассел прибыл в Китай после непрерывных потрясений и радикальных социальных перемен в стране. Хотя западная культура проявилась в наиболее жестокой и агрессивной форме в форме экономического и военных вторжений, западная философия, пришедшая в Китай вслед за западными капиталами и его войсками, рассматривались главным образом как культурный вызов, с которым необходимо справиться [12, р. 371].

Западный вызов лучше всего был выражен на языке современной формальной логики и анализе, а также в социальной функции разума, воплощенной в современной науке и технологии, как и в западных идеях государства, права и демократии. Вызов проявился в форме картезианского дуализма и структуры взаимопротиворечивых полярностей, в формальных рамках традиционной европейской диалектики, а также в концепциях и категориях, характерных для западной истории мысли, таких как понятия субстанции, объективности, истины и так далее. Особенно сложными были элементарные методологические условия, обусловившие этот запутанный набор новых, в основном неизвестных категорий и понятий, таких как требование доказательств или формально безупречное установление существенных предположений и выводов, четкая аргументация и ясно сформулированные определения.

Несмотря на необходимость понимать, исследовать и применять западные идеи и идеалы, принятие их было, по сути, поверхностным явлением.

Китайские традиции мысли оказались гораздо более устойчивыми и гибкими, чем раньше казалось, а социальные функции продолжали в значительной степени регулироваться традиционными конфуцианскими концепциями. Институционализированное конфуцианство не допускало каких-либо критических сомнений в господствующей доктрине в социальной сфере, его пренебрежение метафизической сферой и отсутствие какого-либо императива доказывать точность своих этических предпосылок несоциальными аргументами означали, что конфуцианство — в отличие от христианских или исламских религиозных систем — по крайней мере, терпимо относились к определенной субъективной свободе.

Китайским мыслителям, столкнувшимся с западными дискурсами, нужно было понять и интерпретировать старое в новом и традиционное в современном, а также осознать и интерпретировать китайские традиции в свете Запада, как понимать и интерпретировать западную традицию в свете Китая [12, р. 372]. Реинтеграция теоретических моделей, методов и категорий автохтонной китайской философской традиции была связана с необходимостью *аналитической реконструкции* традиционных представлений в контексте модернизации социального развития. И происходить этот процесс мог только на основе двойного (и отчасти взаимного) толкования философских терминов и понятий, посредством которых те, которые принадлежат древней китайской традиции, интерпретируются в контексте современных западных парадигм, и наоборот. Это предполагало синтез обеих традиций. В Китае к этому времени уже известны основные современные направления западной философии, переведены труды Милля, Гексли, Монтескье, Спенсера. Особенно популярен прагматизм, а его представитель, Джон Дьюи также оказывается в тот период в Китае, где его переводит Ху Ши.

Однако, несмотря на многочисленные и сложные проблемы, возникающие в процессе передачи концепций и идей, которые требовали определенного минимального уровня их применения в технологически и научном в слаборазвитой стране, многие теоретические влияния Рассела, особенно в области логики и эпистемологии, оказали длительное влияние на китайскую интеллигенцию и ее более поздние идейные инновации. И введение математической логики было, пожалуй, самым важным его вкладом на дальнейшее развитие научной и интеллектуальной базы китайской модернизация. Действительно, именно благодаря визиту Рассела в Китай интерес к математической логике возродился среди китайских учёных, таких как Чжан Шэньфу (1893–1986), занимавшегося проблемами математической логики и являвшимся влиятельным распространителем как философии Рассела, так и обобщенного понятия «математическая логика» в Китае [1].

На этом фоне логика как наука, чуждая для Китая, закономерно становится перспективной и привлекательной¹. Прогрессивная партия, основанная в 1913 г., при участии Лян Цичао (1873–1929) создала Ассоциацию академических лекций, и в 1919 г. под эгидой этой ассоциации в сотрудничестве с Национальным университетом Пекина, в Китай приглашают известных западных ученых. Бертран Рассел был известен в Китае и до своего приезда, а в 1920 г. в Пекинском университете было создано *Общество Бертрانا Рассела* и издавался *Ежемесячник Рассела*, о Расселе писали китайские математики, такие как Чжан Шэньфу и позже Чжан Банмин. К его приезду был издан специальный выпуск прогрессивного журнала «Новая молодежь».

Осенью 1920 г. Бертран Рассел приезжает в Китай по приглашению Национального университета Пекина и Ассоциации академических лекций. Шанхайская компания «Коммерческая пресса» оплачивает визит, а затем издает статьи по лекциям. Перед приездом в Китай Рассел побывал в Советской России, много путешествовал и пришел к выводу, что советская власть, как и любые первопроходцы, наделала множество ошибок, которые в тот момент исправляля, но сама концепция социализма имеет право на жизнь и последователи смогут воплотить ее в более совершенной форме.

В Китае с 7 ноября 1920 г. до марта 1921 г. Рассел ездит по стране с лекциями. В портфеле пять тем: «Проблемы философии», «Анализ разума», «Анализ», «Математическая логика», «Социальная структура» [7]. «*Пять лекций Рассела*» были опубликованы издательством Синьчжи Пекинского университета в октябре 1921 г. Лекции касались эпистемологии, психоанализа, логицизма и математической логики, о которой Рассел успел рассказать только на двух лекциях.

В лекциях по философии Рассел подробно касался проблем современной физики, философского осмысления теории относительности Эйнштейна и его теории гравитации. Конечно, после России Рассел выступал с лекциями о коммунизме и социализме, об образовании и социальных вопросах с опорой на свои «Принципы социальной реконструкции» (1916), «Предлагаемые пути к свободе: социализм, анархизм и синдикализм» (1918). После визита в Советскую Россию он придерживался идеи просвещенного коммунизма, без диктатуры пролетариата. Эти лекции были опубликованы в различных газетах.

---

¹ Этому способствовал перевод учебника по логике британского ученого Уильяма Джевонса (1835–1882) в 1886 г. в серии просветительских книг о западной науке как «Учебник для начинающих: логика» (Logic. Science Primers Series, 1876). Также был перевод Янь Фу части «Системы логики» Милля, он назывался «Учение Милля об именах». Лян Цичао (1873–1929) начал исследовать китайскую логику, древние тексты, в попытке найти «третью логическую традицию» (наряду с европейской и индийской).

В Пекинском университете из запланированных четырех лекций Рассел прочел только две лекции по логике, прочитанные для студентов и преподавателей в 1921 г., которые весьма повлияли на дальнейшую адаптацию математической логики в Китае. Лекции сохранились в конспектах У Фаньхуаня и Му Яня, сделанные на основе перевода Чжао Юаньжэня (1892–1982), выдающегося китайского лингвиста и полиглота, преподававшего в тот момент в университете Цинхуа и бывшего переводчиком у Рассела. Он много сделал для адекватного перевода терминологии, в итоге увлекся лингвистикой и считается одним из отцов современного китайского языкознания. Он учился в Гарварде, в 1918 г. у Шеффера изучал лингвистику, философию, музыку. В 1920 г. получил степень доктора философии и по возвращении в Китай преподавал в университете Цинхуа физику, математику и психологию. Эти конспекты были опубликованы в 1921 г. В этих лекциях Рассел представил аксиомы для исчисления высказываний и алгебру классов, т.е. весьма новый материал. Он вводит основные определения и рассказывает о функциях: что такое пропозициональная функция, функция истинности, функция неистинности. Вторая лекция в основном сообщает об «эквивалентности» функции истинности и об алгебре классов. Свои взгляды на взаимоотношения философии и математики в тот период времени Рассел сформулировал в следующем утверждении: «Те из вас, кто изучал математику, должны были знать, что многие проблемы, которые раньше считались философскими, теперь рассматриваются как математические. Эти проблемы, решения которых у философов не было тысячи лет, теперь можно решить с помощью математических методов» [6, р. 58].

Заметим, что лекции всегда выражали текущую позицию Рассела, и в итоге получился весьма информационный материал. На волне интереса почти сразу на китайский язык было переведено «Введение в математическую философию» (математиками Чжан Банмин и Фу Чжунсунь в 1922 г.), а затем и «Principia Mathematica». Переводы способствовали увеличению числа ученых и студентов в изучении математической логики, что постепенно привело к систематическому преподаванию этого предмета в самых престижных университетах Китая [9, р.193]. Переводы вызвали массу откликов в среде китайских ученых, снова показав весь комплекс проблем, с которыми сталкивались переводчики.

Процесс наработки адекватной терминологической базы — отдельный сложный момент для логики в Китае в любой период времени. Для китайских исследователей оказалось принципиальным то, что математическая логика не имеет отношения к числам. Вторым важным моментом стало использование переменных как неких абстрактных знаков, что нехарактерно для китайского языка. Центром по изучению логики в 20-х годах стал университет

Цинхуа, где Цзинь Юэлинь (1895–1984) основал философский факультет и начал читать курс по символической логике, базируясь на идеях Рассела, хотя сам не был знаком с последним, а его классический учебник по логике (1936 г.) содержит главу с близким пересказом «Principia Mathematica» (1910–1913). В 1965 г. он написал «Философию Рассела». Его учеником был Ван Хао (1921–1995), известный американско-китайский логик, учившийся в Гарварде у Куайна [7].

В первой из трех статей, озаглавленной «Математическая философия Рассела», инженер Сунь Баоци дал общий обзор западной математической логики, уделив особое внимание мысли Рассела, ибо математическая логика представляет собой высший и самый универсальный метод в западной науке, который может помочь Китаю разрешить национальный и интеллектуальный кризис. Чжан Шэньфу занимался проблемами математической логики и был самым влиятельным распространителем как философии Рассела, так и обобщенного понятия «математическая логика» в Китае [11, p. 74]. Можно без преувеличения говорить о том, что именно идеи Рассела дали толчок к изучению математической логики в Китае; под влиянием «Principia Mathematica» образовалось новое направление изучения логики, которое успешно развивалось до 50-х годов прошлого века. Конечно логика для китайцев была новой и сложной дисциплиной. [9, p. 193]

Лекции Рассела вызвали в Китае противоречивый отклик, а спектр тем оказался настолько широк, что сложно было априори принять все. Фэн Юлань считал, что Рассела не поняли, потому что пытались рассматривать его философию отдельно от западной традиции. Наибольшую популярность снискали логические идеи Рассела, его «Principia Mathematica» стала ключевой книгой для логиков и математиков, ибо там был описан аналитический метод, которого не хватало китайцам. Идеями Рассела увлекался Чжан Дунсунь, но относился критически к логицизму и эпистемологии Рассела, считая, что логицизм оказывается слишком доминирующим в рамках научного объективизма. Цзинь Юэлинь проникся расселовской теорией фактов и развивал ее в дальнейшем.

Сам же Рассел после визита в Китай писал в «Проблеме Китая», что нужен «третий путь» развития цивилизации, отличный от западного капитализма и советского социализма. И он полагал, что, если бы европейцы взяли некоторые черты китайской цивилизации (и отказались от принципов постоянной борьбы), да еще добавили конституционное законодательство и сильное правительство, они могли бы достичь «хорошей жизни». С другой стороны, Китаю не хватает западной науки и технического прогресса, чтобы догнать и превзойти западную цивилизацию. Однако в своих прогнозах Рассел предполагал, что за сто лет — это вполне возможно. [5, p. 241]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кварталова Н. Л.* Бертран Рассел и наука в Китае в 20-х годах XX века // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2023 / В. В. Башкев, А. Ю. Блажкина, В. Б. Виноградская и др. — 2023. — Гл. 8. — С. 145–153.
2. *Кварталова Н. Л.* Логика в Китае. // Российское китаеведение / И. Ю. Зуенко, А. Н. Карнеев, А. В. Ломанов и др. — 2022. — Гл. 8. — С. 128–140.
3. *Rošker J.* Russell and China — 100 Years of a Meaningful Intercultural Interaction. *Contemporary Chinese Thought*. — Vol. 52: 1–2. — P. 9–201.
4. *Rosker J. S.* Searching for the Way: Theory of Knowledge in Pre-modern and Modern China. — Hong Kong: Chinese University Press, 2007. — 372 p.
5. *Russell B.* The Problem of China. — London, 2007. — 260 p.
6. Russell's Two Lectures in China on Mathematical Logic / transl. and edited by Lianghua Zhou with the assist. of Bernard Linsky (2018) // *The Journal of Bertrand Russell Studies*. — 2018. — № 38. — P. 52–68.
7. Scholarship on Russell's Visit to China. [Электронный ресурс]. — URL: <https://muse.jhu.edu/pub/1/article/871756/pdf> (дата обращения: 05.05.2024).
8. *Vrhovski J.* On Infinitesimals and Indefinitely Cut Wooden Sticks: A Chinese Debate on 'Mathematical Logic' and Russell's Introduction to Mathematical Philosophy from 1925, History and Philosophy of Logic. — Vol. 42. — № 3. — P. 262–280.
9. *Xu Yibao.* Bertrand Russell and the introduction of mathematical logic in China, History and Philosophy of logic. — Vol. 24. — P. 181–196.
10. *Zhou Lianghua.* A Critical Bibliography of Russell's Addresses and Lectures in China, Russell. — Vol. 36. — P. 144–162.
11. *Su Rina, Dai Qin, Ao Tegen.* The Luosu suanlizhexue and the Early Spread of Mathematical Logic in China, *Journal of Dialectics of Nature*. — Vol. 41. — № 11. — P. 62–66.
12. *Cheng Chung-Ying.* An Onto-Hermeneutic Interpretation of Twentieth-Century Chinese Philosophy: Identity and Vision. In *Contemporary Chinese Philosophy*, ed. Cheng Chung-Ying and Nicholas Bunnin. — Oxford, UK: Blackwell Publishers. — 2008. — P. 365–404.

Смирнов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук,
профессор Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина,
профессор Русской христианской гуманитарной
академии имени Ф. М. Достоевского,
mirsnov@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹

Глобализация современного мира приводит к существенной трансформации цивилизационных устоев действовавшего предшествующие века миропорядка, включая положение, роль и содержание всех исторически сложившихся религий. Религии не уходят с арены современности, но существенно меняют формат своего присутствия в публичном пространстве. Доминирующим мотивом этого присутствия становится секуляризация религиозной идентичности, при которой вероучительные и мистико-социологические смыслы религий уступают место этнокультурному смыслу конфессиональной принадлежности. Возникают новые коммуникативные практики, консолидирующие последователей религий не доктринами, а совместными социальными действиями. Государства оказались перед необходимостью устанавливать новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме.

В Российской Федерации состоявшимся фактом является религиозный плюрализм, наличие большого спектра религиозных направлений, насчитывающих около семи десятков только официально учтённых. Имеет место реальная конкуренция между этими направлениями. Вполне подтверждёнными являются такие процессы, которые описываются понятиями

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00272, <https://rscf.ru/project/24-28-00272/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

приватизации религии, приватизации веры, религиозной конверсии, публичной религии, диффузной религии, викарной религии, религиозного бриколажа и ещё рядом других. Эти процессы аналогичны или близки к мировым тенденциям в религиозной жизни современного человечества.

Ключевые слова: религия, глобализация, государство, секуляризация, политика, коммуникации.

Smirnov M. Yu.

RELIGIOUS AND POLITICAL COMMUNICATIONS
IN A GLOBALIZING SOCIETY: GENERAL AND SPECIAL

The globalization of the modern world leads to a significant transformation of the world order civilizational foundations that existed in previous centuries, including the position, role and content of all historically established religions. Religions do not leave the arena of modernity, but significantly change the format of their presence in public space. The dominant motive of this presence is the secularization of religious identity, in which the doctrinal and mystical-soteriological meanings of religions give way to the ethnocultural meaning of confessional affiliation. New communicative practices are emerging that consolidate followers of religions not through doctrines, but through joint social actions. States are faced with the need to establish new legal parameters for religious communities, taking into account the relevance of respecting freedom of conscience and belief in an ideologically heterogeneous society.

In the Russian Federation, an established fact is religious pluralism, the presence of a wide range of religious movements, numbering about seven dozen officially registered. There is real competition between these areas. The processes described by the concepts of privatization of religion, privatization of faith, religious conversion, public religion, diffuse religion, vicarious religion, religious bricolage and a number of others are quite confirmed. These processes are similar or close to global trends in the religious life of modern humanity.

Keywords: religion, globalization, state, politics, secularization, communications.

Очевидно, что в современном мире приходится иметь дело с новыми форматами религиозного фактора в публичном пространстве [4; 11]. Происходят нарастающие трансформации и, одновременно, диффузия того объекта, который именуется религией. Хорошо заметно, что сейчас чего только ни называют религией. За множественностью употребляемых значений уходят привычные образы, по которым поколения привыкли опознавать то, что всегда относили к религии.

Культура секулярного общества выступает ныне уже не столько как оппонент религиозной культуре, сколько как замещающее религию состояние. Конфессиональные ценности вытесняются ценностями, основанными на мировоззренческом плюрализме, которые, в свою очередь, остро конкурируют между собой за роль ведущих. Среди них не только так называемый светский гуманизм, но и многократно обруганный, однако не исчезающий мультикультурализм с его установками на толерантность и политкорректность, а права человека стали новой сакральностью. Возник риск растворения прежних нравственных стереотипов религии в так называемых «новой этике» и «новой нормальности». Альтернативой этому становятся попытки реанимировать традиционные устои религиозных сообществ в формате, так сказать, «нового фундаментализма» (особенно проявившегося в условиях пандемии).

Государства оказались перед необходимостью устанавливать новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме. Но юридические акты далеко не всегда адекватны изменениям, происходящим в сфере общественных отношений по поводу религии, просто не отражают эти изменения. Упоминание в этих актах Бога, религии, верующих и прочего ряда мировоззренчески заряженных понятий, не имеющих строгого правового описания, лишь осложняет правоприменительную практику, влечёт за собой повышение уровня конфликтности в обществе.

Подавляющее большинство последователей религий очень редко обращается к доктринальным текстам и каноническим трактовкам — вероучительные нормы всё реже совмещаются с их повседневным жизненным миром в современном социуме. Зато на первое место выходит идентификационное, маркировочное свойство религиозной идентичности. Религиозная самоидентификация воспринимается людьми как более надёжная преимущественно потому, что социальность сплошь и рядом неустойчива, гражданственность конфликтна, этничность же в исторической памяти сливается с религиозной принадлежностью.

В любой религии никогда не было такого, чтобы все относящие себя к ней глубоко до тонкостей постигали доктрины и скрупулезно следовали кодифицированным нормам этой религии. Однако религии всегда обладали мощным мировоззренческим потенциалом, аккумулировали в себе нравственные и эстетические искания и тем самым оказывались психологически востребованными и социально функциональными. Поэтому даже невежество в отношении вероучений не отменяло вписанность потребностей подавляющего большинства людей в очерченные религиозными установлениями порядки обыденной жизни.

Но именно развитие человеческих потребностей в различных сферах, социальных и интеллектуальных, расширяло мировоззренческий горизонт, генерировало новые стратегии понимания мира и себя в этом мире. Возникает плюрализм таких стратегий, включающий параллельные и альтернативные религиям образы и трактовки мироустройства. В этом процессе религиозные учения не утрачивают значения ориентиров, но неуклонно превращаются лишь в один из оттенков элективного спектра, проще говоря — становятся лишь одним из предметов мировоззренческого выбора, среди прочих, конкурирующих и вполне эффективных.

Постоянным спутником культивирования религиозных доктрин является их адаптация к возможностям и способностям усвоения этих доктрин большинством верующих. Возникает заметное расхождение между интеллектуальным миром, формируемым носителями религиозной мысли (теологами, религиозными философами, конфессиональными идеологами), и неизбежным упрощением, вплоть до примитивизации и искажения, вероучительных идей в массовом религиозном сознании.

Оставаясь предметом уважительного отношения, доктринальные идеи перестают быть предметом актуальной востребованности, поскольку последователи религии не находят в них действенных ответов на жизненно важные текущие вопросы. То есть, вероучения не упраздняются, но вытесняются на периферию повседневного жизненного мира, оставаясь чем-то вроде заповедных пространств мысли и чувства.

Любая религиозная организация имеет корпоративные черты, причём чем выше притязания на сакральность своего статуса, тем сильнее корпоративные интересы и амбиции. Конечно, среди этих интересов доминируют собственно религиозные, например, пастьерские. Но как некое социально целое, большое или малое, религиозная организация вовлечена в мирские отношения и зачастую увлечена этими отношениями. Из чего следует неизбежная девальвация вероучительных установок, ориентирующих последователей на приоритет духовного над материальным. Тогда и возникает разочарование в сотериологических способностях религиозной организации, ибо в глазах верующих слишком много места в её деятельности принадлежит нерелигиозным интересам.

В наши дни это обнаруживается в феномене так называемого «исповедания (веры) без принадлежности» (по встречающейся в России формулировке: «вера это одно, а церковь — это совсем другое»). При этом, упадок авторитета религиозной организации не тождественен утрате религиозной веры её участниками. Верующие лишь ищут такой уклад своей религиозной жизни, который отвечал бы их личным потребностям и не вступал бы в диссонанс с их религиозными ожиданиями. В этом укладе вполне может найтись

место и религиозной организации, но уже не как начальствующему и предписывающему институту, а как комфортной среде совместного исповедания веры. Происходит корректировка функционала — религиозные организации утрачивают контроль от имени сакральной инстанции за жизненным миром своих последователей в их социальном бытии, но при этом удерживается и усиливается функция маркера общей идентичности участников организации по совместно исповедуемой ими вере.

Характеризуя современную религиозную ситуацию, следует, прежде всего, отметить весомое информационное и институциональное присутствие религии в публичном пространстве. Как известно, в современном мире что-либо существует настолько и так, насколько и как это предьявляется средствами массовой информации. Религия стала устойчивым медийным феноменом, заявленным через телеэкран и Интернет.

Публичное присутствие религии обнаруживается не только через разного рода СМИ. Уже обычными стали конфликты в государствах со светской правовой системой по поводу конфессиональной атрибутики за пределами мест религиозного культа, возникновения новых храмов, присутствия религиозного компонента в системах образования светских государств.

Одно дело, когда религиозность проявляется и реализуется, так сказать, естественным образом. Очевидно, что в психической деятельности индивидов и в общественной ментальности есть нечто, генерирующее потребности, которые принято опознавать как религиозные. Тут надо думать о природе этих потребностей, об условиях их полноценного удовлетворения, о соотношении их с мировоззренческими потребностями нерелигиозного характера. И коль скоро религиозное начало имеет многообразные социальные проекции, то резонно, если в этой сфере будет проводиться очень осторожная и взвешенная государственная политика, опирающаяся на компетентное мнение специалистов — и из конфессиональной среды, и из светской науки. Другое дело, когда скрыто или явно присутствует нечто вроде инструментального отношения к религиозному фактору.

В нынешней Российской Федерации статистика роста храмов и управленческих учреждений религиозных организаций показывает уже явно плановую систему их наращивания (замечу, при почти полном игнорировании далеко не восторженного восприятия этой экспансии населением¹). Идут вливания государственных средств, формируемых из налогов не только верующих, но и нерелигиозных граждан, на престижные нужды некоторых

¹ Против строительства храмов за пять лет протестовали жители 28 городов 25 регионов России // Ведомости. 21 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/21/802088-protiv-stroitelstva-hramov> (дата обращения: 10.01.2024).

религиозных организаций. Нормы ряда действующих правовых актов, регулирующих отношения по поводу религии, временами игнорируются. От властных инстанций звучат речи, призывы и инициативы, так или иначе связывающие духовность, нравственность, основы государства и общества с религией. Само собой, тут же появляется и соответствующее теоретическое обоснование [5]. При этом практически не приводится никакая объективная аргументация, подтверждавшая бы, что население России жаждет, просто ждёт не дожждётся государственной религии.

В то же время, подлинные умонастроения россиян по поводу религии, о которых относительно неплохо знают немногочисленные исследователи [1; 9], далеко не совпадают с пропагандируемым идеальным имиджем религии в публичном пространстве. Назову несколько ситуаций, свидетельствующих о таком расхождении.

1. У населения России высок уровень религиозной самоидентификации. Но все, кто причастен к исследованиям на этот счёт, уже и не спорят особо о том, что это — этнокультурная идентичность, плохо коррелирующая с освоением доктринального содержания религиозных учений. Уровень регулярно практикующих последователей религий даже по самым оптимистичным данным некоторых социологических мониторингов ситуативно колеблется в диапазоне от 7 до 15 % опрашиваемых, и перспектива неуклонного роста не просматривается¹.
2. В обществе присутствует доверие к религиозным организациям и/или их лидерам. Но это доверие преимущественно обусловлено ожиданиями действий социально значимого характера. От религиозных организаций и их руководства ожидают, упрощённо говоря, заступничество перед государством за народ, нравственное вразумление светской власти и представителей бизнеса. В разных слоях общества, включая и нерелигиозные, существует в целом положительное отношение к религии как духовной составляющей жизни. Приветствуется и социально ориентированная деятельность религиозных организаций. Но большинство населения не готово видеть в этих организациях инстанции, контролирующие повседневную жизнь.
3. Религиозный фактор получил легитимность на уровне высшей государственной власти и аппарата государственного управления. Публичная демонстрация светскими руководителями положительного отношения

---

¹ В России недосчитались верующих // НГ Религии. 5 марта 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html; Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ Новости. 27 июля 2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 31.01.2024).

к религии, вкупе с присутствием служителей культа в разных официальных ситуациях и публичными декларациями религиозных лидеров по вопросам культуры и общества создают впечатление надвигающейся клерикализации.

Однако думается, что реальной угрозы клерикализма в современной России нет. Сколько-нибудь весомого влияния на политику, внутреннюю и внешнюю, религиозные организации и их руководство не оказывали и не оказывают [2; 8]. Даже там, где кажется, что какие-то решения принимаются под влиянием религиозных организаций, скорее всего это влияние минимально и лишь потому происходит, что совпадает с интересами институтов светской власти. Замечу, что религиозным организациям не следует обольщаться — уважительное отношение к ним управленческого аппарата светского государства, скорее, протокольно-церемониальное. Они нужны как посредники в проведении госполитики, т. е. не мистико-сотериологическими или эсхатологическими учениями, а своими организационными возможностями.

4. Общим местом стала декларация свободы совести в России — для подтверждения всегда можно сослаться на Конституцию Российской Федерации. Правда, многие воспроизводят формулировку свободы совести в редакции ещё советской Конституции, утверждая, что у нас «церковь отделена от государства», не ведая, что в нынешней Конституции РФ вообще нет слова «церковь». Но даже точное знание конституционных и других правовых формулировок нередко обесценивается правовым нигилизмом [3; 10]. Оттого и происходит селективное применение законодательных норм, которые временами и местами превращаются, вопреки Конституции, в нормы не для всех [6].

Можно было бы указать и на другие ситуации подобного рода. Но надо признать, что сфокусированный критический ракурс — не единственное, что возникает при анализе религиозной ситуации в стране. В России действительно существенно изменилось положение религии. Религиозная жизнь стала несравненно свободнее, чем в советские времена [7]. Состоявшимся фактом является религиозный плюрализм, наличие большого спектра религиозных направлений, насчитывающих около семи десятков только официально учтённых. Имеет место реальная конкуренция между этими направлениями. Вполне подтверждёнными являются такие процессы, которые описываются понятиями приватизации религии, приватизации веры, религиозной конверсии, публичной религии, диффузной религии, викарной религии, религиозного бриколажа и ещё рядом других. Эти процессы аналогичны или близки к мировым тенденциям в религиозной жизни современного человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатова О. А.* Религиозная самоидентификация и воцерковлённость в секулярном обществе (региональные аспекты) // *Религиоведение.* — 2011. — № 1. — С. 135–143.
2. *Богачёв М. И.* Динамика политических предпочтений православных верующих в России // *Власть.* — 2016. — № 5. — С. 146–150.
3. *Бугаенко Ю. Ю.* Правовой нигилизм как социокультурный феномен в современном российском обществе // *Социально-гуманитарные знания.* — 2012. — № 6. — С. 220–229.
4. *Каргина И. Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // *Вестник МГИМО(У).* — 2012. — № 2. — С. 186–193.
5. *Мазурин С. Ф.* Евангелизация общественного самосознания как безальтернативное средство совершенствования общественных отношений и спасения человеческой цивилизации. — М.: Русайнс, 2018. — 248 с.
6. *Пронина К. Ю.* Правовой нигилизм государственных служащих: понятие, причины и меры минимизации // *Евразийский юридический журнал.* — 2023. — № 5 (180). — С. 112–113.
7. *Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды / под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова.* — М.: Общественная палата РФ, 2012. — 98 с.
8. *Рыжова С. В.* Религиозность в контексте культуры доверия // *Социологический журнал.* — 2017. — Т. 23. — № 3. — С. 44–63.
9. *Синелина Ю. Ю.* О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // *Социологические исследования.* — 2013. — № 10. — С. 104–115.
10. *Соколова М. А.* Правовой нигилизм: причины появления и пути преодоления // *Вестник Нижегородской правовой академии.* — 2016. — № 10. — С. 48–52.
11. *Степанова Е. А.* Новая духовность и старые религии // *Религиоведение.* — 2011. — № 1. — С. 127–134.

Спиридонова Людмила Юрьевна,
старший научный сотрудник
научной лаборатории «Комплексные буддологические исследования»
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова,
spiridonova-l.y@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРАХА В РАМКАХ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

В статье рассматривается тема страха в рамках буддийской доктрины. С одной стороны, страх понимается как одна из преград на пути человека к освобождению от страданий и достижению просветления, как «омрачающая эмоция», связанная с невежеством и привязанностью к материальным вещам и понятиям, которые проходят и изменяются со временем. Эта привязанность создает страх перед потерей, разочарованием и неизвестностью, препятствует позитивной духовной практике, требует внимательного наблюдения за своими мыслями, эмоциями, ощущениями и высокой степени осознанности. Но в то же время, у страха есть и позитивная сторона. Как это было бы не удивительно, усиление страха в медитации может помочь человеку понять глубинные причины своих аффектов и взять их под контроль. А также страх является действенным средством для формирования правильной мотивации для практикующих буддизм (например, страх перед тремя плохими перерождениями), в этом и состоит «мудрость» страха.

Ключевые слова: страх, буддизм, буддийская философия, Тхеравада, Махаяна.

Spiridonova L. Yu.

FEATURES OF THE INTERPRETATION OF FEAR WITHIN THE FRAMEWORK OF BUDDHIST PHILOSOPHY

The article discusses the topic of fear within the framework of Buddhist doctrine. On the one hand, fear is understood as one of the obstacles on a person's

---

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2024-113 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

path to liberation from suffering and enlightenment, as a “darkening emotion” associated with ignorance and attachment to material things and concepts that pass and change over time. This attachment creates fear of loss, disappointment and the unknown, hinders positive spiritual practice, requires careful observation of one’s thoughts, emotions, feelings and a high degree of awareness. But at the same time, fear has a positive side. As it would not be surprising, increasing fear in meditation can help a person understand the underlying causes of their affects and take control of them. And fear is also an effective means to form the right motivation for practicing Buddhism (for example, the fear of three bad rebirths), this is the “wisdom” of fear.

Keywords: fear, Buddhism, Buddhist philosophy, Theravada, Mahayana.

В буддизме наличие страха у человека, прежде всего, является следствием «дукха» (страдание) — неотъемлемой составляющей сансары. Также в какой-то степени страх можно соотнести с другим важным понятием буддийской философии — «клеша». «Клеша» (в переводе с санскрита и пали — «загрязнение», «мучение») — паттерн, привычка сознания, омрачающая эмоция, порождающая страдание и привязывающая к бесконечному кругу сансары [5].

Как пишет буддолог А. Берзин, страх представляет собой эмоциональное состояние, которое характеризуется ощущением беспокойства, вызванного воздействием известного или неизвестного фактора, находящегося вне зоны нашего контроля и способного привести к нежелательным последствиям. Он может проявляться в виде тревоги без конкретного объекта и желанием освободиться от неопределённости [1].

С этой точки зрения, человек должен прилагать все усилия, чтобы избавиться от этого вредного аффекта на пути к Просветлению. «Бхайя» (с санскрита — «устрашение», «то, чего стоит опасаться») — термин, который используется в ранних буддийских текстах для определения страха, объясняет страх как препятствие, как причину страдания и саму форму страдания. В этом смысле страх — это оковы, которые необходимо снять, чтобы достичь состояния нирваны, подлинного состояния бесстрашия. Так, Яшоми-тра, представитель школы саутрантика и комментатор «Абхидхармакоши» Васубандху, выделяет пять видов страха, которые могут привести к нарушению психического состояния. Эти страхи должны быть побеждены. Первый вид — *ajivikabhaya* — связан с опасностью, которая возникает при выполнении определённой работы или занятии определённым ремеслом, необходимым для обеспечения жизнедеятельности. Второй вид — *aslokabhaya* — представляет собой страх потери доброго имени, репутации и социального статуса. Третий вид — *parisacchradaya* — это страх выступления, который

возникает из-за робости и стеснительности в присутствии большого количества людей. Четвёртый вид — *maranabhaya* — страх смерти. Пятый вид — *durgatibhaya* — религиозный страх перед перерождением в неблагоприятной форме существования (три плохих перерождения) [2].

Однако следует отметить, что страх в буддийской философии не воспринимается только как нечто отрицательное. «Бхайя» может быть синонимом опасности и, следовательно, осознания опасности, что способствует сдержанности и прекращению страданий. В этой роли «бхайя» также означает страх как беспокоящую и в то же время полезную эмоцию, которая помогает противостоять силе загрязнений. Поэтому в палийском каноне страх также связан с понятиями «оттаппа» (боязнь дурных поступков) и «хири» (стыд), представляющих собой два взаимосвязанных аспекта морального сознания, которые играют важную роль в формировании этического поведения [4]. Стыд можно охарактеризовать как отвращение к телесным и вербальным проступкам, в то время как боязнь дурных поступков представляет собой страх перед совершением таких действий. Общей чертой этих двух состояний является стремление избежать зла и не совершать «плохих» поступков. Они проявляются как своего рода отказ от всего, что может быть расценено как дурное или неправильное. Бесстыдство как *дхарма*, представляющее собой противоположность скромности, проявляется в отсутствии уважения к добродетелям и их обладателям, непочтительности и жизни без страха перед моральным осуждением. Неприличие — это неспособность видеть предосудительное, то есть то, что заслуживает порицания со стороны достойных людей, а также отсутствие страха перед возможным осуждением такого поведения. Таким образом, страх можно отнести к благотворной категории. Непосредственной причиной возникновения стыда и боязни дурных поступков является уважение к себе и другим людям. Эти два состояния были названы Буддой хранителями мира, поскольку они предотвращают падение общества в состояние широкомасштабной аморальности.

Ещё одной значимой характеристикой анализа страха в контексте буддийской традиции является возможность преодоления этого эмоционального состояния посредством целенаправленной практики медитации, которая подразумевает осознанное и намеренное усиление данного аффекта. Наиболее ярко это проявляется в связи с наставлением Будды своим последователям практиковать медитацию в уединении в чаще джунглей. В отдаленных местах отдыха в джунглях Древней Индии было много опасного: человек мог быть растерзан диким животным или умереть от укуса змеи, умереть от телесных повреждений или от употребления ядовитой пищи, мог быть убит бандитами или умереть в результате болезни. Непосредственная цель сосредоточения на этих объектах — вызвать острое восприятие их опасности.

Это острое восприятие опасности является либо причиной, либо разновидностью страха. Так должен произойти психологический переход — от размышлений к страху. Более того, один и тот же термин, «бхайя», используется для обозначения как страха, так и опасности, что наводит на мысль о том, что связь между восприятием опасности и страха не просто причинно-следственная: остро воспринимать или интерпретировать какой-либо объект как опасный — значит бояться его. Далее, многие отрывки предполагают, что, когда ученик начинает остро воспринимать какой-либо объект как опасный и, следовательно, бояться его, ожидается, что у него будет мотивация к превентивному поведению. Чаще всего это понимается в терминах пробуждения энергии или тревожного чувства неотложности в созерцательной практике. Ученик может размышлять следующим образом. Сейчас я живу в джунглях совсем один, пока я живу здесь, и меня может укусить змея, меня может ужалить скорпион, из-за этого я могу умереть, что станет для меня препятствием. Позвольте мне теперь пробудить энергию для достижения того, что еще не достигнуто, для достижения того, что еще не достигнуто, для реализации того, что еще не реализовано [8].

Для человека, вероятно всего, самым сложным аспектом в данной медитации будет усиление страха смерти. Проблема страха смерти подробно изучалась Буддой, что отражено в одном из древнейших буддийских трактатов — «Дхаммапада». В этом трактате утверждается, что все боятся смерти и нет такого места на земле, где бы смерть не одержала победу над живущим. Также в нескольких ранних буддийских суттах также рекомендуется практика «осознания смерти» (маранасати). В известных версиях это включает в себя приближение к скелетам и трупам на различных стадиях разложения и медитацию на них в таких внушающих благоговейный трепет и ужас обителях, как кладбища. Эти практики характерны для буддизма и разрабатываются на протяжении всей традиции. Цель медитации на такие отвратительные и внушающие страх объекты состоит в том, чтобы пробудить чувство неотложности (самвега) в религиозной деятельности. В тексте «Дхаммапада» выражается критика привязанности человека к своему физическому телу, поскольку утверждается, что «нет несчастья большего, чем тело». Для того чтобы ослабить привязанность человека к его телу, в «Дхаммапада» подчёркивается неизбежность постепенного разложения и смерти физического тела, его уязвимость перед болезнями, наличие недостатков и отсутствие постоянства. Страх перед смертью тела может быть обусловлен привязанностью к материальным объектам и желаниями, связанными с телом. Когда разум освобождается от желаний и привязанностей, исчезает и страх. Это связано с тем, что именно из желаний и привязанности рождается страх. У того же, кто освободился от этих чувств, нет причин для страха.

Однако как достичь освобождения от страха? Ведь такое освобождение предполагает избавление от желаний и привязанностей живущего тела. В качестве ответа на этот вопрос «Дхаммапада» предлагает стратегию постепенного освобождения целеустремлённости человека от изначально присутствующего ей эмоционального компонента. Полностью просветлённый ученик радуется только уничтожению желания как средству достижения нирваны [3]. Человек, освободившийся от этой привязанности, не будет подвержен несчастьям, и только такое освобождение может привести к прекращению цикла перерождений души после телесных смертей. Это прекращение определяется как величайшее благо — нирвана. Поскольку страдающий разум привязан к миру реакций, буддийские учения подталкивают медитирующего к пробуждению страха, то есть к демонстрации неприятных последствий жизни, потраченной впустую в загрязнении омрачающими эмоциями. Подобное столкновение лицом к лицу со страхом позволяет разгадать ловушки сансары и избавиться от ненужных привязанностей.

Также согласно «Дхаммападе», телесная смерть не приводит к полному небытию для человека. Строго говоря, самое страшное в буддизме не физическая смерть, а само пребывание в сансаре, в этом бесконечном круговороте перерождений и страданий. В буддийской космологии множества сфер или способов существования, в которых живые существа перерождаются в непрерывном цикле, каждый из которых определяется в терминах их различных видов кармических страданий. Кармическое страдание — это страдание, которое, как ожидается, будет испытано в следующей жизни после смерти как неизбежный результат неправильного поведения, предполагает концепцию перерождения или циклического существования (сансара). То, где человек рождается заново, определяется законом кармы, который действует в отношении моральных поступков: хорошие поступки порождают кармические заслуги, плохие поступки порождают кармические негативные «отпечатки». Накопленный кармический долг определяет следующий образ существования, и это приводит к тому, что в следующей жизни происходят некоторые благоприятные и неблагоприятные события. Это также частично объясняет природу и факт их нынешнего существования, а также некоторые благоприятные и неблагоприятные события с точки зрения кармической причинности, которые происходят в этой жизни. Всего выделяют шесть таких миров: мир ада, мир голодных духов, мир животных, мир человека, мир асуров и мир богов. Хотя каждое такое «царство» или способ существования непостоянны, пребывание в некоторых из них (ад) может длиться чрезвычайно долго. Перерождение в мире существ ада, в мире голодных духов или в мире животных считается плохим, так как жизнь в данных воплощениях наполнена лишь болью и страданием, сами существа беспомощны

и вынуждены испытывать на себе последствия своей негативной кармы, пока не очистят ее и не переродятся в высших мирах. В мире богов гораздо больше удовольствий и чувственных наслаждений, чем страданий. Однако здесь не стоит прекращать свое духовное саморазвитие и предаваться праздности. Чувственное удовольствие в этих мирах (особенно в мире богов) относят к классу будущих опасностей. Что это значит? В буддийском учении важно различать по-настоящему опасный объект страха. Это опасность, имеющая причинную связь с кармой. Правильно распознать присутствие опасности — значит осознать, с тревожным чувством безотлагательности и отвращения, что этот объект является причиной кармических страданий. С этой точки зрения, смерть от когтей и клыков тигра даже менее опасна, чем серьезный проступок, следствием которого станет негативный кармический отпечаток. Поэтому чувственное удовольствие относится к потенциальным будущим опасностям. Удовольствие, как и все, находящееся в колесе сансары, непостоянно, поэтому погоня за ним может привести к негативным эмоциям и аффектам таким, как привязанность и страх потери благ и легкой жизни. Типичный пример: индивид связывает чувственное удовольствие с каким-либо объектом (человеком, событием, ситуацией или вещью), что затем вызывает у него страстное желание, цепляние или привязанность к этому объекту. Затем эта привязанность приводит к тому, что индивид испытывает страдание перед лицом неизбежного изменения или потери этого объекта, учитывая факт его непостоянства, или к разочарованию в попытке достичь или сохранить связанное с ним удовольствие. До тех пор, пока индивид не разовьет в себе мудрость, добродетель и осознанность, у него будет мотивация действовать различными нездоровыми способами, пытаясь сохранить объект и связанное с ним удовольствие, а также избежать страданий, связанных с переменами. Даже если эти действия достигают своей цели в краткосрочной или среднесрочной перспективе, они не достигают ее в долгосрочной перспективе, потому что нездоровые поступки ведут к кармическим последствиям. Эта опасность и есть страх будущего, который таит в себе стремление только лишь к удовольствиям. Поэтому страх перед «будущими опасностями» положительно мотивирует пробуждение энергии и настойчивости в созерцательной практике, а не какую-либо другую реакцию отвращения к этим объектам.

Перерождение человеком считается лучшим местом назначения, поскольку оно дает возможность осознать четыре благородные истины, практиковать учение Будды и тем самым завершать цикл перерождений. Невежественные и порочные люди попадают в три низших мира (три плохих перерождения), а практикующие учение Будды и праведные люди продолжают свой путь к освобождению в трех высших мирах. Достижение

нирваны — состояния бессмертия и спокойствия за пределами сансары — единственный способ избежать кармических страданий, согласно сотериологическому учению буддизма.

В то же время нужно отметить, что осознание страха и потенциальных опасностей будет также зависеть от уровня развития личности. В рамках буддийской философии (Махаяна) различают три типа (уровня развития) личности в зависимости от мотивации. К низшему типу относят тех, кто испытывает страх перед будущими страданиями и пытается улучшить ситуацию для следующего воплощения. На данном этапе развития личность стремится избежать трех плохих перерождений и получить мирское счастье. Средний тип личности понимает лучше учение Будды и стремится к Просветлению, чтобы спасти самого себя от круговорота страданий в сансаре. И мотивом Просветления высшего типа личности является спасение и благо всех живых существ [6]. В любом случае страх может стать отправной точкой в пути становления Буддой.

Поэтому махаянский мыслитель Шантидева недвусмысленно одобряет страх (страх остаться в сансаре, и тем более, страх родиться в одном трех низших мирах) как мотив в постижении буддийского учения. В своем труде «Бодхичарья-аватара» Шантидева пытается вызвать у своих читателей определенную реакцию на объект страха, которым, в контексте его стихов, является кармическое страдание, ожидаемое после смерти. Он тем самым стремится подтолкнуть учеников принять Прибежище (в Будде, Дхарме и Сангхе) [7]. В контрасте с этим положительно оцениваемым и используемым чувством страха Шантидева продолжает описывать результат принятия Прибежища как путь обретения истинного бесстрашия (нирваны), т. е. освобождения от страданий (что совпадает с мнением буддистов направлением Тхеравады). С другой стороны, Шантидева — буддист Махаяны. В Махаяне нирвана не является единственной конечной целью духовного совершенствования. Концепция Бодхисаттвы занимает центральное место в этой традиции буддизма. Бодхисаттва — это тот, кто взял на себя обязательство отказаться от личного освобождения от циклического существования и постоянно перерождаться с целью облегчения страданий всех живых существ. Считается, что эта приверженность продиктована их великим состраданием к страданиям других, а ее выражение в действиях основано на моральных добродетелях или совершенствах. Бодхисаттва считается воплощенным идеалом, к которому следует стремиться.

Таким образом, страх в буддизме играет двойную роль: в негативном ключе (омрачающая эмоция) — как то, что нужно избегать; и в позитивном ключе — 1) как то, что помогает держать под контролем негативные поступки; 2) как то, что мотивирует достигнуть Просветления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берзин А. Как справляться с беспокоящими эмоциями: страх [Электронный ресурс]. — URL: <https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/trenirovka-uma/bespokoyaschie-emotsii/kak-spravlyatsya-s-bespokoyaschimi-emotsiyami-strah> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2: Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 339–340.
3. Дхаммапада // Буддизм: четыре благородные истины / сост., вступ. ст. и коммент. Я. Боцман. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. — 989 с.
4. Исчерпывающее руководство по Абхидхамме («Абхидхамматха-сангаха»). Палийский текст, перевод, пояснения / гл. ред. Бхиккху Бодхи. Пер. с англ. Е. Гаврилов. 2017. [Электронный ресурс]. — URL: <https://abhidhamma.ru/wp-content/uploads/2017/04/Sangaha.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
5. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Вост. лит., 2011. — С. 379–380.
6. Чжово Атиша. Светоч на Пути к пробуждению / Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кутявичуса, под ред. А. Терентьева. — СПб.: Нартанг, 2000. — Т.2. — С.133–147.
7. Шангидева. Путь Бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. Ю. Жиронкиной [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Bodhicharya-avatara.pdf> (дата обращения: 15.06.2024).
8. *Finnigan B.* The Paradox of Fear in Classical Indian Buddhism// *Journal of Indian Philosophy.* — 2021. — No. 49. — P. 913–929.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЕМЛЕМОСТИ ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ ДЛЯ ПЕРЕРАБОТКИ В МЯСНУЮ ПРОДУКЦИЮ

Психологические и физические страдания животных, осуждение сторонников мясной диеты за употребление мясной пищи (лишение жизни животных) со стороны вегетарианцев, а также тревожность этического плана у людей различных возрастов и убеждений, в том числе детей, осознающих условия производства мясной пищи, побуждают определить морально-этический статус приемлемости мясной диеты. В статье осуществляется попытка оправдания приемлемости производства мясной пищи посредством забоя сельскохозяйственных животных с целью их переработки на мясо и мясопродукты для питания человека в этическом смысле. Для этого проводится оценка ключевых факторов двух видов существования животных (находящихся в неволе и в дикой природе), и их сравнительный анализ для выявления преимущества одного вида над другим.

Ключевые слова: вегетарианство; общество потребления; этический консьюмеризм; осознанное потребление; экофильность.

Ugnicheva L. S.

ETHICAL ASPECTS OF THE ACCEPTABILITY OF KILLING ANIMALS FOR PROCESSING INTO MEAT PRODUCTS

The psychological and physical suffering of animals, the condemnation of supporters of a meat diet for eating meat food (taking the lives of animals) by vegetarians, as well as ethical anxiety among people of various ages and beliefs, including children, who are aware of the conditions for the production of meat food, encourage us to determine the moral ethical status of the acceptability of a meat diet. The article attempts to justify the acceptability of the production of meat food through the slaughter of farm animals for the purpose of processing them into meat and meat products for human nutrition in an ethical sense. To do this, the key factors of the two types of animal existence (captive and wild) are assessed and

their comparative analysis is carried out to identify the advantages of one species over the other.

Keywords: vegetarianism; consumer society; ethical consumerism; conscious consumption; ecophilicity.

Многочисленные публикуемые сегодня статьи экофильного содержания, включающие в себя призыв к отказу от мясной пищи, содержат в себе исследования практически всех сторон жизни вегетарианства — подробные исследования влияния диет на организм, идеологические обоснования, исследования потребительских практик и внутренней структуры вегетарианского сообщества, и т. п. Они содержат в себе оценку экологического состояния планеты [5], экономических факторов [6], религиозных и светских этических норм и установок, медицинские выкладки [7], и проч. Эти исследования явно или подспудно демонстрируют преимущества вегетарианской диеты над мясной. Авторы этих статей, призывая к пересмотру этических норм в пользу правил отношения к судьбе животных, часто исследуют факторы, не относящиеся напрямую к судьбе самих этих животных. Новизна нашего исследования состоит в том, что речь пойдет именно о тех факторах, которые учитывают интересы самих животных. Автор видит своей задачей на примере сравнения основных факторов существования животных показать, что их содержание для переработки на мясо может быть оправдано в этическом смысле.

Сегодня убийство живого существа в любых формах и для любых целей рассматривается обществом как нечто недолжное, причиняющее животному тяжелое физическое и психологическое страдание, поэтому необходима попытка осознать и прояснить эту проблему. Этический консьюмеризм, как модель осознанного потребительского поведения, радикально ставит эту проблему перед человечеством — публикуются многочисленные статьи экофильного содержания [4], обширные веганские и вегетарианские сообщества ведут активную пропаганду вегетарианского образа жизни [5] и проч. В большинстве современных культур человек ощущает себя призванным к моральному совершенствованию, и картина постоянно происходящих убийств живых существ для поддержания жизни человека кажется крайне негуманной. По этой причине формируются целые веганские и вегетарианские сообщества, привлекающие в свои ряды все большее количество adeptов, в их рядах идет разработка особенностей пищевого поведения, возникают магазины и продуктовые отделы соответствующей продукции. При этом людей, принимающих пищу животного происхождения, часто осуждают за мясоедение (возникают вопросы этического и религиозного характера) со стороны морализованных людей, вегетарианцев, adeptов

восточных религий (приверженцев индуизма, джайнизма и некоторых ветвей буддизма), вопросы этического плана возникают у детей, они вызывают тревожность и обеспокоенность, поэтому необходима попытка осознать и прояснить этот нелегкий вопрос. Хотя, по мнению автора, полностью изжить тяжелый смысл этой проблемы невозможно, т. к. любая, в том числе насильственная смерть причиняет страдание, но возможно существование и альтернативной точки зрения.

Определение мясоедения как поведения, лишённого гуманности, приводит к изменению пищевого поведения целых сообществ, и даже народов. Сегодня в мире по разным оценкам существует от 900 000 до 1 500 000 человек, сознательно исключающих мясные продукты из своего рациона. Это в свою очередь приводит к проблемам пищевого характера, ослабления здоровья, проблемам экономического характера. Нужно заметить, что многочисленные призывы экофильного характера часто неэффективны не только потому, что человечество не находит в себе силы отказаться от вкусовых предпочтений, но прежде всего и по другим важным причинам. Нельзя не отметить, что существует проблема земельных ресурсов для растениеводства в местах критического садоводства — это засушливый или холодный климат, каменистые и болотистые почвы и др. Экологи утверждают, что на планете Земля имеется только 12% суши, пригодной для земледелия. Кроме того, в мире проживают кочевые народы общим количеством около 82 000 000 человек, которые традиционно и в силу образа жизни не практикуют растениеводство. Также особенности здоровья многих людей вынуждают их практиковать безальтернативную мясную диету. Если человечество примет решение перехода на вегетарианскую пищу и запрет на мясную как норму, это приведет к еще большим проблемам различного характера. Пока наука не изобрела достойной замены белку животного происхождения, избежать потребления мясной продукции, по крайней мере в ближайшее время, все же не удастся, поэтому этическая сторона проблемы остается актуальной. Однако, несмотря на осуждения мясоедов со стороны различного рода вегетарианцев, можно представить и другой взгляд на проблему.

По мнению автора, есть многие аспекты жизни животного мира, понимание которых может смягчить, или почти полностью снять чувство беспокойства за судьбу убиваемых животных. Так как для определения приемлемости мясоедения мы будем учитывать не интересы человека, а интересы самого животного, мы остановимся на основных факторах этой проблемы, для чего сравним различные формы существования и последующей смерти животных, проживающих в дикой природе и содержащихся на животноводческих фермах.

Мы рассмотрим:

- Продолжительность жизни животных;
- Особенности качества жизни животных;
- Формы умерщвления.

Продолжительность жизни животных

Для определения лучших условий жизни животных нужно прежде всего определить, в каких условиях продолжительность жизни животных будет выше. Может показаться, что при выращивании на мясо животное содержится на ферме недолго, а на свободе это же самое животное прожило бы более долгую жизнь. Однако это не совсем так. Нельзя забывать, что именно те виды животных, которые человечество использует для выработки мясной продукции, являются источником пищи и для всего многочисленного отряда хищников, ежедневно добывающих для себя и своих детенышей корм. Для того, чтобы стабильно существовать представителям этого отряда, которые тратят огромное количество калорий на преследования и поимку животных, необходимо и соответствующее питание, состоящее из большого числа особей. К тому же хищники не ориентируются на добычу соответственно ее возрасту — легкодобываемой пищей часто служат детеныши, яйца птиц, икра рыб и т. д., в этом случае жизнь животных часто обрывается в самом ее начале.

Существует проблема определения продолжительности жизни животного, т. к. за каждой особью, часто обитающей в самых труднодоступных местах, невозможно установить наблюдение. Обращение автора статьи к источникам со сведениями о продолжительности жизни особей в дикой природе не дало внятной информации, поэтому автор предлагает свой метод определения продолжительности жизни некоторых травоядных, входящих в ассортимент продуктов питания. Это математический метод, который учитывает следующие факторы — численность травоядных животных в момент появления потомства и сохранение численности популяции в своих пределах, принимая в расчет динамику количественных изменений популяции. Регуляция численности популяции, существующая в природе, позволяет животным длительно находиться в равновесном состоянии в количественном соотношении в пределах своего ареала. Конечно, полученные результаты будут приблизительны, но все же они дают определенное количественное представление. Не секрет, что многие травоядные животные приносят большое потомство. Мы рассмотрим это на примере такого животного, как заяц. За год зайчиха приносит приплод в среднем в количестве 20-и особей. Если зайцы будут размножаться беспрепятственно, то, имея в лесу, например, 100 зайцев, через 10 лет в нем будет около 10 миллиардов особей. Чтобы размер

популяции не рос в геометрической прогрессии, необходимо, чтобы до половозрелого периода из одного помета в среднем доживала только 1 особь. Возраст половозрелости у зайцев — 8 месяцев. Учитывая среднюю предполагаемую продолжительность жизни взрослого зайца, пережившего половозрелый период, исчисляемую ориентировочно в 2 года, и общее количество лет особей, не доживших до половозрелого периода с предполагаемой средней продолжительностью жизни 4 месяца (так как отлов их хищниками продолжается постоянно), мы получаем среднюю продолжительность жизни зайца — 5 месяцев:

$$((19 \times 4) + 24):20 = 5,$$

где 19 — это количество особей, доживших до 8 месяцев, 4 — это их средняя продолжительность жизни в месяцах, 24 — средняя продолжительность особей, переживших половозрелый период в месяцах, 5 — (результат) средняя продолжительность жизни особи в месяцах.

На ферме кроликов на мясо растят в среднем 4–5 месяцев, на мех — дольше. Очевидно, что продолжительность жизни животных на воле приравнивается к продолжительности жизни тех же животных на фермах. Похожие результаты мы получим и для других животных этого звена пищевой цепи.

Особенности качества жизни животных

Заинтересованность фермера в получении качественной продукции приводит к тому, что он тщательно следит за животными, обеспечивает оптимальный температурный режим помещений, защиту от осадков, удобное жилище, безопасность, качественное питание, следит за здоровьем животных. В совхозах, птицефермах, скотобазах, животноводческих фермах, согласно действующему закону Российской Федерации, есть ветеринарная служба, где в обязанности штатного ветеринара входит регулярный осмотр каждого животного и выявление возникновения заболеваний, своевременное лечение и предотвращение распространения заболевания среди других особей. Для полноценного кормления животных разработаны нормы согласно всем требованиям для жизни животных — их потребности в различных питательных веществах, витаминах, минеральных веществах. Можно отметить, что в содержании животных учтены все возможные особенности их биологического существования. Сюда же можно добавить и любовь хозяйина к животным, особенно если они находятся на частной ферме. На воле же жизнь животных — это, по определению ученых-биологов, выживание: это прежде всего ежесекундная опасность нападения хищника, необходимость скрываться в норах и убежищах в течение всего дня, труднодобываемая

пища, ненормированный температурный режим, отсутствие ветеринарной помощи. Сравнительный анализ особенностей проживания животных осobeй в неволе и на воле говорит о том, что жизнь животного на ферме лучше и удобнее.

Здесь правомерно поставить вопрос о свободной жизни, или желании животного жить на свободе. Предпочитают ли животные свободу в противовес неволе? Известно, что на фермах абсолютное большинство животных после выпаса добровольно возвращается домой. Конечно, это дискуссионная тема, но в противном случае выпас животных был бы невозможен. Можно привести здесь пример наблюдения знаменитого британского натуралиста Джеральда Даррела, который описывает исключительно негативное отношение различных животных, собранных им в тропических лесах Парагвая, помещенных в клетки и совершенно не прирученных, к тому, чтобы отправиться вновь на свободу. Большинство животных возвращалось в свои клетки, пытаясь проникнуть даже в закрытые, используя различные методы. В книге «Под пологом пьяного леса» Даррел делает вывод, что прикормленное животное согласно жить даже в тесной клетке, испытывая вполне позитивные чувства к хозяину [2].

Формы умерщвления

Когда говорят о трагедии смерти, или трагедии убийства животных, нужно прежде всего понимать, что бессмертных животных нет, и все они окончат свою жизнь по разным причинам. Очевидно, что более длительный жизненный период для особи лучше, чем короткий, но смерть наступит в любом случае. Тем, что мы отпустим животное на волю, мы не спасем его от смерти, поэтому в деле улучшения условий существования животных речь может идти не о спасении животных от смерти, которая неминуемо наступит, а об особенностях способов умерщвления. Интересующая нас группа животных является определенным звеном пищевой цепи, это растительноядные животные (фитофаги), являющиеся в дикой природе пищей для плотоядных животных (хищников). В абсолютном большинстве случаев травоядные животные, обитающие в дикой природе, будут иметь трагическую смерть. При внимательном изучении различия способов умерщвления животных хищниками и человеком можно убедиться, что эти способы все же гораздо более гуманны в местах содержания животных человеком.

Нужно также заметить, что, если человек не станет выращивать животных на мясо, то это приведет к практически полному исчезновению этих популяций, а жизнь выживших животных на воле не улучшится, она будет продолжать оставаться более невыгодной для животных во всех отношениях. Отпущенные на свободу домашние животные в большинстве своем

погибнут, некоторые из них одичают, но последние вряд ли смогут дать полноценное потомство и продлить жизнь популяции. Возможно, отдельные особи некоторых видов приспособятся к дикой среде, но будет ли их существование более благополучным, чем на ферме? Скорее всего все они будут стремиться вернуться в места содержания. Держать же их на фермах исключительно ради продолжения рода весьма неэффективно с экономической точки зрения, поэтому этот вариант вряд ли возможен. При этом автор не утверждает, что убивать животных — наша прямая обязанность, конечно, лучше искать иные способы для получения мясной продукции.

Интересным и вполне перспективным выглядит сегодня эксперимент по созданию культивированного мяса, получаемого искусственным путем в лабораториях и биореакторах. В некоторых странах, таких как Китай и Израиль, уже запущены первые заводы по созданию искусственной мясной продукции, есть такие и в России. Биореакторы этих заводов осуществляют производство искусственного мяса, ассортимент его пока не велик, но в лабораториях ведутся исследования, которые позволяют надеяться на разрешение означенной проблемы. Возможно, вскоре действительно грядет эра искусственного мяса, и этические проблемы, связанные с забоем скота, будут сняты. Сегодня в лабораториях и на заводах производится не только фарш, но и другие мясoproдукты, которые, к сожалению, пока еще отличаются повышенной ценой. В число недостатков этого продукта входит и неполный комплекс полезных веществ, а также непредсказуемые, неизученные на данный момент последствия для здоровья человека. «К сожалению, мы не знаем всех последствий мясной культуры для здоровья населения, так как мясо *in vitro* является новым продуктом. Некоторые авторы утверждают, что процесс культивирования клеток никогда не контролируется полностью и что могут возникнуть некоторые неожиданные биологические механизмы. Например, учитывая большое количество происходящих размножений клеток, вероятно, произойдет некоторое нарушение регуляции клеточных линий, как это происходит в раковых клетках. Это может иметь неизвестные потенциальные последствия для структуры мышц и, возможно, для метаболизма и здоровья человека при употреблении мяса *in vitro*» [7]. Несмотря на все проблемы, связанные с производством мяса «в пробирке», которое никогда не было живым животным, техника создания его совершенствуется, что ведет к удешевлению продукта и улучшению его вкусовых и товарных качеств. Однако приходится признать, что такой вариант создания мясной продукции возможен лишь в отдаленной перспективе.

Таким образом, если содержание на фермах дает животным множество преимуществ в противовес жизни в дикой природе, а отказ от их выращивания приведет к потере многих пород животных, представляется верным

то, что содержание животных на фермах для забоя на мясо приемлемо в этическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бронзов А. К вопросу о вегетарианстве // Христианское чтение. — 1906. — №3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vegetarianstve-1> (дата обращения: 14.06.2024).*
2. *Даррелл Д. Под пологом пьяного леса. — Эксмо-Пресс, 2011 г. — 74 с.*
3. *Донник И. М. Коррекция иммунобиохимического статуса у утят / И. М. Донник, И. А. Шкуратова, Л. Ю. Топурия// Ветеринария Кубани. — 2013. — № 6. — С. 6–8.*
4. *Зубков С. А. Экофильное начало вегетарианства // Вестник ВятГУ. — 2020. — № 2. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekofilnoe-nachalo-vegetarianstva> (дата обращения: 24.06.2024).*
5. *Кузь М. П., Черноскутова В. Д. Вегетарианская диета: потребление в контексте аскетизма // INTER. — 2019. — №19. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vegetarianskaya-dieta-potreblenie-v-kontekste-asketizma> (дата обращения: 08.04.2024).*
6. *Лыгин С. А., Мустафина Ю. Ф. Аспекты вегетарианства // Естественные и математические науки в современном мире. — 2014. — №18. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-vegetarianstva> (дата обращения: 30.06.2024).*
7. *Руденко Р. А., Ткачёва И. В. Современные технологии производства искусственного мяса // — МНИЖ. — 2022. — №1-1 (115). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-proizvodstva-iskusstvennogo-myasa> (дата обращения: 10.05.2024).*

Шилина Галина Анатольевна,
аспирант Русской христианской гуманитарной
академии им. Ф. М. Достоевского,
mr.sulich@mail.ru

«ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ» КАНТА И БЕСПЛОТНОСТЬ РУССКОЙ СВОБОДЫ

Любые философско-антропологические идеи содержат в себе поиски ценностей, придающих смысл человеческой жизни. Кант дает определение свободы как наивысшей метафизической ценности, наряду с такими проблемами чистого разума, таких как Бог и бессмертие. Тем очевидней контраст между границей сферы разума и живым опытом познания, между философскими ценностями и их земными осколками, отраженными в жизненных историях и литературе.

В статье дается компаративистский анализ метафизических ценностей, имеющих для Канта смысл жизнеуказующего закона, и их образов в одном из шедевров русской прозы: рассказе Бунина «Легкое дыхание». Характерной национальной чертой является тяга русской души к ее метафизическому раскрытию в свободе. Поэтому столкновение метафизической и практической свободы неизменно имеет привкус смерти: история жизни и смерти юной красавицы оставляет впечатление вселенской трагедии, заключенной в осквернении идеалов Добра, Справедливости, Красоты, Счастья, Свободы.

Ключевые слова: метафизические ценности, метафизическое основание, свобода, Кант, Бунин, нравственность.

Shilina G. A.

KANT'S "LIGHT BREATHING" AND THE DISEMBODIED NATURE OF RUSSIAN FREEDOM

Any philosophical and anthropological ideas contain the search for values that give meaning to human life. Kant defines freedom as the highest metaphysical value, along with such problems of pure reason as God and immortality. The more obvious is the contrast between the boundary of the sphere of reason and the living experience of cognition, between philosophical values and their earthly fragments reflected in life stories and literature. The article provides a comparative analysis

of metaphysical values, which have the meaning of a life-giving law for Kant, and their images in one of the masterpieces of Russian prose: Bunin's short story "Easy Breathing". A characteristic national feature is the craving of the Russian soul for its metaphysical disclosure in freedom. Therefore, the clash of metaphysical and practical freedom invariably has a taste of death: the story of the life and death of a young beauty leaves the impression of a universal tragedy, enclosed in the desecration of the ideals of Goodness, Justice, Beauty, Happiness, Freedom.

Keywords: metaphysical values, metaphysical foundation, freedom, Kant, idealism.

<...> я различаю явственно
На пышном изголовье гор сияющих
Гигантский образ женщины божественной
Своим величием взор она пленяет мой.
Увы! Она вдали уж расплывается <...>
И отражает смысл великий прошлых дней!
Гете, «Фауст» [8, с. 309].

Творчество, будь оно философским или относящимся к любому виду искусства, всегда метафизично. Литературный и философский продукты важны как социальные заказы «на злобу дня», но в них практически не бывает того, что остается «за текстом» в творчестве. Это ощущение присутствия «чего-то» сверх написанного незримо связывает метафизику и художественное слово в единое целое, придавая ему особый смысл и форму бытия, подобно «Плащу совести» Анны Хроми. Однако, есть определенные отличия между метафизикой художественного слова и философской метафизикой. Так, философ может открыто заявить о приверженности определенной системе ценностей, смысл которой может быть сложен, но не сокрыт. Метафизический смысл литературного произведения не лежит на поверхности и его обнаружение становится определенного рода искусством. Автор придерживается логики характеров своих персонажей, но при этом мнение автора и персонажей относительно этических, нравственных норм могут кардинально не совпадать. Как же мы можем обнаружить авторское мнение? Иван Бунин, относившийся к слову чрезвычайно трепетно («<...> мне важен каждый звук в моих писаниях <...>» [11, с. 70]), предлагает нам настоячивые повторения слов, зашифрованные значения имен, странные обороты речи персонажей, через которые проступает уникальный внутренний опыт и причастие автора к общечеловеческим жизненным ценностям, берущих начало в метафизических понятиях. И пусть эта «творческая, вечно колеблющаяся неопределенность» напоминает «бездонный грунт», в котором скрываются «непроследимые

до конца корни», это «не мешает ему быть опорной точкой всех дальнейших метафизических понятий» [1, с. 124].

Метафизическая основа присуща всей хорошей литературе, поэтому близость художественного и философского творчества несомненно на разницу подходов к ее раскрытию несомненна. Известно, что Кант, особенно в «докритический» период, был образцом «изящного слога»: писал ярко, образно, легко на самые разные темы. Он с упоением читал стихи Гельдерлина и других поэтов, любил «щегольнуть» цитатой или метким словом, обсуждая в кругу друзей новые произведения. Из Канта мог бы выйти великолепный мастер слова, если бы не его стремление «везде дойти до самой сути». Художественное творчество И. Канта относил к «прикладной метафизике, т. е. занимающейся исследованием понятия, данного в опыте, хотя и по априорным принципам» [12, с. 71]. Несмотря на довольно позднее (во второй половине XIX в.) выделение философии ценностей (аксиологии) в отдельную область знаний, ее путь в значительной степени подготовлен такими философами как Кант, имевшими талант проводить через искусство слова собственные убеждения.

Влияние И. Канта на русскую метафизику конца XIX — начала XX века происходило в основном в области этической. Многие направления русской мысли так или иначе «рецензировались» мыслью и словом великого философа. Более всего к поклонникам кантовских идей можно отнести В. С. Соловьева, теоретика философии «всединства», Н. А. Бердяева, создателя «философии свободы» и «христианского персонализма», П. И. Новгородцева, неокантианца баденской школы: «каждый из них в тот или иной период творчества испытывал значительное влияние идей Канта» [4, с. 2]. Перед лицом русской очевидности теоретическая и практическая философия Канта «обнаруживает новые черты и своеобразную проблематику, плодотворную для этических исследований. Перспективным и интересным представляется опыт ее нового прочтения в сопоставлении с проблематикой кантовской философии» [9, с. 3].

Размышления Канта относительно вопросов нравственности и свободы подготовили почву для известного «кантовского переворота», суть которого во многом определяется новым отношением к непреходящей ценности личности человека. Тема свободы воли, принципиальной нравственности красной линией проходят через «мультижанровость философских трактатов» Канта, сочетающих «взвешенную, серьезную мудрость философии, точность терминологии науки и образность художественного текста» [2, с. 68]. Однако, нужно иметь ввиду, что «метафизика нравов» для Канта — это наука, рассматривающая «идею и принципы чистой воли», в силу чего перенос чисто логических методов рассуждения в область нравственности было бы делом сомнительным.

Кант и сам признает, что определение эстетической идеи — это «суждение, которое дает повод много думать, но которому не может быть адекватно никакое понятие» [9, с. 3], потому что смысл подобных понятий зачастую обнаруживается только в связи с другими близкими ему определениями и характеристиками. Так, исследуя этику и эстетику, Кант обнаруживает «связь эстетического с этическим» в понятии «возвышенное». Для философа «прекрасное есть символ нравственно доброго» (11, с. 375). Однако понятие «нравственно доброго» тоже кажется недостаточно емким, в нем чувствуется элемент какой-то недосказанности. Эту неуверенность Кант пытается преодолеть внешним «юридическим» описанием поступка, хотя этого явно недостаточно для полноценного определения «нравственно доброго» [23, с. 16]. По Канту, нравственная «ценность существует изначально как свойство разумного человека и человеческого отношения к миру, как мера человечности и свободы» [19, с. 7]. Именно с этой «мерой» Кант подходит ко всем своим рассуждениям относительно свободы человека.

Новое время открыло личность, субъектность: стали интересны не только факты, но и причины, их вызывающие. Основой такой причинности может быть исключительно Свобода, поскольку присущая ей «нравственность», «спонтанность» и «алогичность» - из мира, где работают законы божественной Любви и милосердия. На метафизике свободы завязаны все лучшие нравственные качества, поэтому не возникает сложностей с пониманием «высокого», или как пишет Кант «возвышенного» свойства души, которой они присущи, как нет проблем в здоровом обществе с отрицательной оценкой безнравственности и аморальности. Свобода аккумулирует личности с положительными качествами, собирает живой круг людей, способных изменять к лучшему мир вокруг себя. Союз свободных людей приобретает характерные черты нравственно устойчивого общества, ответственного за каждого своего члена. Литература, предваряя заботы о таком обществе, создает ей место в мыслях человека, практически готовит его душевные качества к испытаниям ради свободы через переживание «возвышенного».

Вторая половина XVIII века буквально наполнена размышлениями ученых, поэтов, философов на темы «возвышенного», «прекрасного», «нравственного». Все это непременно связывается с творчеством как формой выражения, субъектно-объектными отношениями как области практического применения, метафизическими основами и религией как источниками универсальности и всеобщности. Метафизическая основа нравственности предполагает «прозрачность» пространственно - временных ограничений: положительные и отрицательные качества человека во все времена оцениваются одинаково. Ключевые аксиологические понятия, «очищенные» в метафизике от пространственно — временной формы, раскрываются в каждом

поколении путем платоновского «анамнезиса» так очевидно, что становятся условными преграды, разделяющие людей по идеологическим, возрастным, национальным и прочим признакам. М. Пруст (1871–1922) называл это «уколом жалом бесконечности» [3], под влиянием которого мастер пишет так, как будто он находится внутри некоего вневременного и внепространственного шара, изнутри которого доступны все смыслы бытия. Конечно, внешние признаки разделения существовали всегда, но не всегда они важны так как внутреннее измерение людей по качеству души, разделившее когда-то братьев Каина и Авеля.

В этом можно убедиться, сравнив нравственные ценности на примере философии И. Канта и литературы И. Бунина. Компаративный анализ [15, с. 21] произведений о нравственности Канта и одного из шедевров русской прозы Серебряного века рассказа «Легкое дыхание» (1916) И. Бунина позволяет ощутить взаимосвязи и взаимопроникновение эпох в художественном и философском мышлении, понять и почувствовать, что идеи прошлого живы, ценности людей совпадают даже спустя много поколений. Безусловно, невозможно компаративистский метод в точном смысле слова использовать на художественном слове одного мастера и философских рассуждениях, рассеянных на столетия, другого, но мы можем сравнить основные характерные высказывания Канта и Бунина на тему нравственности, морали, Добра и Зла, неизбежно становящимися у таких столпов мысли общечеловеческими. Рассказ «В ладошку» Ивана Бунина о житейской драме юной красавицы-гимназистки Оли Мещерской обнаруживает коллизии ничуть не проще появившейся во времена Канта драмы великого Гете о Фаусте и бедной Гретхен (Маргарет): так много Бунин оставил «подразумевающегося» сверх написанного, а значит, есть надежда, что для метафизической теории свободы Канта тут найдется много подтверждений.

«Одна из характерных модернистских инноваций Бунина — последовательный обрыв фабульных связей» [22, с. 172], когда на фоне «обратной перспективы» сюжетной линии происходит незримый диалог автора с читателем о цене святости, о ее «необходимой жертве» — страдании, о неизбежности смерти за грехопадение: все это приходится «доставлять» читателю с высоты своей нравственной планки. И это «незримое», что ощущается интуитивно, как нельзя лучше отражает привычную русскому человеку рефлексию о свободе. Обрывок дневниковой записи Оли Мещерской в несколько предложений, раскрывающий личную катастрофу девочки, чья жизнь была так пошло и мерзко растоптана, приобретает у Бунина характер свидетельства о крушении целого мира счастливых и свободных людей.

На момент написания «Легкого дыхания» Бунин жил в имении Васильевском Орловской губернии, затем в течение этого последнего

предреволюционного года навещал в имении села Глотова двоюродную сестру С. Н. Пушешникову, жил в Москве и Одессе, и везде наблюдал как нравственность, Благородство и Честь россиян утекают сквозь щели повседневной жизни. Богоборчество, склонность к мистицизму, стремление к сиюминутному удовлетворению потребностей, приоритет чувственного над разумным сдерживающим началом — вот новые столичные веяния кануна революции в России, «потянувшие» за собой изменения и в укладе провинциальной дворянской жизни. Люди не могли дать здоровое объяснение этим внезапным и бесповоротным падениям нравов, исчезновению морали, разрушениям традиций. «Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти, и есть “легкое дыхание”, недуманье», — огорчался Бунин [5, с. 263]. В такие дни всеобщего «недуманья» люди интуитивно понимают необходимость удержания в духовной сфере, поскольку особенно сильно искажается понимание морали как основы религии: появляются многочисленные и неоправданные трактовки библейских текстов, различные теософские интерпретации вечных Истин, растут как грибы после дождя секты, расцветает пантеизм.

Сам Бунин тоже не смог удержаться от эклектичности: рассуждения о «райском саде» при церкви Успения Пресвятой Божьей Матери у него соседствуют с пантеистическими мотивами единения с природой Олиной живой души, природа из ее дневника описана как живое существо, предупреждающее Ольгу о близком несчастье. Тот последний счастливый день смущал и соблазнял Олю беспредельной свободой «одиночества» как богоподобного величия человеческого существования, кружил голову полнотой счастья, ощущением бесконечности жизни. Все это безвозвратно исчезло в те «окаянные дни» не только для девочки из старинного дворянского рода, но для всех благородных и честных людей. Сжимается сердце от предчувствия беды, которая прочитывается как неизбежная расплата за отхождение от принципов высшего Законодателя в жизни Оли и всех окружающих ее людей: в погоне за человеческой, плотской свободой люди потеряли не только свободу метафизическую, нравственно осмысленную. Они потеряли свою национальную идентификацию, осраив уникальное бесплотное содержание русской свободы «свинцовыми мерзостями» классовой идеологии или рассеиванием его среди ценностей иных народов. Русский путь к свободе определен через осмысление ее метафизического основания. Возвращение «блудных детей» коммунистического прошлого к метафизическим идеалам Свободы требует определенной направленности ума на созидание и осмысление прошлого, настоящего и будущего, а на это требуется сила, время и возможность. Такая возможность предусмотрена в Библии: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучитесь, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащемуся отворят (Мф 7:7–11).

Автор «Легкого дыхания» предчувствуя кровавую катастрофу, уже стоящую «у порога», настойчиво напоминает читателям о необходимости «соборования» через название Соборной улицы, проходящей через весь город, где еще кружится на катке веселый рой беззаботных гуляющих, через «сборный» зал, в котором Оля устроила «вихрь» беготню с малышами. Итог этого «соборования» мы видим в отделении «мирского» от «вечного», куда перешла Ольга, судя по почитанию ее как святой мученицы классной дамой, по ее последнему кладбищенскому приюту «как в райском саду», в проявлении ее живого присутствия через разлитую в природе Красоту божьего мира: пение птиц, запах цветов, легкое дыхание ветра, причудливость облаков, шепот деревьев. Кант тоже тонко чувствовал Красоту божьего мира: он ежедневно гулял по любимому Кенигсбергу, любил посидеть на скамейке под раскидистым дубом, откуда открывался красивый вид на реку Прегель, наслаждаться ароматом цветущих садов, окружавших город. И этот чудный мир, как его ощущал Кант, уже начинал разрушаться. В Германии с середины XVIII столетия, как и в России накануне революции, происходит какое-то внезапное отторжение сознательного отношения к жизни: двор утопает в роскоши, жители бедствуют, но все люди погружены в эйфорию веселья. Кант был обеспокоен известием о Великой Французской революции, начавшей свой кровавый путь в 1789 году, поскольку считал, что любое насилие приводит к утрате свободы личности, к нарушению гармонического баланса между человеком и Божьим миром.

Философ в те годы переживал своеобразный внутренний кризис: воспитанный матерью весьма религиозным и нравственным человеком он очень скептически относился к деятельности официальной лютеранской церкви, но в то же время ему претила идея возвышения человека до роли Бога, возникшая в творческой среде Германии на волне увлечения возможностями «сверхлюдей». В заботе о духе «национального возрождения» появляются знаменитые произведения Гете, Шиллера, и деятелей кружка «Буря и натиск» о героях-одиночках по мотивам германской мифологизированной истории. Эти необыкновенные люди творят «гомункулов», спорят с Богом и Мефистофелем ради обретения свободы, которая теперь понимается как сильная плотская страсть и желание власти над людьми. На этом фоне рассуждения Канта о нравственности как защите души от произвола человеческих желаний приобретают особый вид «донкихотства». Кантовская «высокая нравственность» неотделима от романтического пафоса рыцарских времен: недаром Кант неустанно твердит о достоинстве, долге и чести, о свободе в опоре на разум. Спустя полтора столетия философ М. Мамардашвили в своих лекциях о Канте назовет его «последним рыцарем философии» [18, с. 1].

Один из вечных сюжетов европейской культуры, давший целый ряд выдающихся произведений немецкой культуры и искусства, «рыцарь на распутье» прямо совпадает с дилеммой из русских сказок, изображенной художником В. М. Васнецовым «Витязь на распутье» (1882), что дает основание говорить о всеобщности проблемы Свободы: человек свободен, но свобода сопряжена с выбором добра и зла, жизни и смерти, долга и бесчестия. Свобода дает человеку возможность быть человеком. Это не гарантирует ему счастья, но дает ему возможность подняться до метафизических высот:

Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.

[8, с. 309]

Необходимо отметить довольно странное для немецкого ума понимание русским человеком «свободы выбора» как «игры со смертью». Выбор, если он целенаправлен, может быть освящен Любовью, чувством братства, товарищества, что предполагает преодоление препятствий любой сложности, даже если это сопряжено с риском для жизни, что заложено в русской повседневной речи: «сам погибай — товарища выручай!» По части подвигов русским людям нет равных — они ради «высокой идеи» действительно способны «сдвинуть горы». И нет сомнений, что гибель героев в данном случае будет непременно освящена в памяти поколений принадлежностью такого выбора к высшим метафизическим ценностям. Но мы говорим о тех устремлениях, которые не касаются личного счастья, благосостояния, покоя: ради себя самого русскому человеку «лень и с печи встать». А когда вмешивается национальное русское «бессознательное» происходит выбор не обусловленный никакой благородной или хотя бы понятной целью. Пример такой «чистой свободы» описан у Б.П. Вышеславцева в его «Метафизике свободы» [7, с.2]: «Однажды Василий Буслаев гулял с товарищами и видит лежит черный камень и на нем надпись: через этот камень не прыгать, а кто прыгнет — ломает голову. Тотчас Василий Буслаев разбежался, прыгнул, и... погиб» (орфография Б. В.).

Подобных примеров из русской литературы, фольклора и истории можно легко набрать на отдельную книгу. Это явление «игры со смертью» не имеет ничего общего с сюжетом средневековой картины «Смерть играет в шахматы» (1480–1490) художника Альбертуса Пиктора, находящейся

в церкви Тэби, расположенной неподалеку от Стокгольма. Юноша с картины Пиктора хочет продлить себе жизнь и ради этого затеивает игру в шахматы со Смертью. В сознании европейца Смерть — существо из ада, которое можно обхитрить. Для русского человека смерть — остановка земной жизни, которую он ценит меньше, чем свои желания. «Игра со смертью» — это его собственный выбор, опыт испытания остроты чувств, поиск ощущения тотальной власти над своей жизнью, то есть это — «алогическая структура», идущая от «до-мыслительного», бессознательного [1, с. 51]. Нет сомнения, что эта совершенно «безбожная затея» сродни самоубийству. «Потаенная извращенная умственная свобода оказывается не свободой духа, а пороком» [18, с. 167].

Кант называл это «негативным притяжением» Зла, с чем согласен и Б. П. Вышеславцев, связывая подобное поведение с приверженностью ко Злу. В своих «Лекциях по философскому учению о религии» Кант рассматривает образование радикального зла путем «наложения» на естественную положительную мораль человека отрицательного стимула, который заставляет человека пренебрегать своим долгом, разумным отношением к происходящему (NG 2: 18315; 222). «Негативное притяжение», рассматриваемое Кантом в «Отрицательных величинах», с его оппозицией «притяжения»-«отталкивания» воплотилось в «безумцах» по типу вагнеровских героев. Так, «герой» Тангейзер прерывает вечный каскад чувственных удовольствий, говоря

<...> удел богов — блаженный сон,
а я для смены чувств рождён;
одних утех мне мало моря,
и в счастье сердце жаждет горя!

[6]

То есть Тангейзер сознательно желает себе «горя, страданий», он не в состоянии жить в душевной для него атмосфере вечного счастья. Заметим, что этот избранник из рода человеческого стал уже языческим богом, то есть «очеловечивание» для него означает утрату вечной жизни — воледеленного стремления человечества.

Аналогично этой немецкой литературной линии издревле на русской земле существовала вполне реальная, фактическая жизнь, которая могла так же легко прерываться из жажды страданий. Русские фольклористы и историки отмечали «праздничные» побоища «стенка на стенку» «до крови» и «до смерти» ради желания «поразить силушку богатырскую». В немецком фольклоре подобное массовое явление обнаружить не удалось, зато можно отметить плеяду литературных «героев»-одиночек, жаждущих власти, богатств или любви в обмен на душу или жизнь (Зигфрид, Фауст). Однако,

в немецких драмах обязательно присутствует тема традиционного религиозного поклонения, что можно встретить в русском фольклоре или литературном слове в весьма редких случаях. Немецкому герою есть кому сказать свое страстное слово о богоборчестве, но в ответ он обязательно получит отповедь, в своем состоянии Зла он одинок, но гармонизирующую роль «противовеса» Злу играют его друзья и «добропорядочные» девушки (Екатерина, «Тангейзер»), вымаливающие у Бога прощение за безумие своих возлюбленных ценой собственной жизни.

Таким образом, свобода традиционно связана с выбором: либо языческая «игра со смертью», либо христианская «жизнь после смерти». В «игре со смертью» для «играющего» нет продолжения, смерть обманывает своими «болотными огнями» «сверхсвободы», притягивая вечным любопытством к неизведанному оставшихся в живых. Но если немцы называют это «безумством», то русских, наоборот, восхищают эти заигрывания со смертью, иначе для чего бы им было слагать песни «о безумствах храбрых» и былины о неумных богатырях. Бунин на наш взгляд в «Легком дыхании» тоже художественно оформляет подобный пример традиционной русской привычки ценой жизни добиваться острых ощущений «свободного полета». Спустя 7 лет после «Легкого дыхания» поэт Ходасевич, надышавшись вдоволь воздухом «русской свободы» напишет:

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг, а иной.

Решение этой задачи тут видится во внутреннем требовании русского человека в «иновости». Нет ощущения опасности, нет страха потому, что все земное для русского — априори «чепуха», не стоящая внимания. Выходя за круг земного существования русский человек легко ступает, потому что «идет домой», туда где ему положено быть. Он рождается с ощущением вечной тяги к запредельной свободе. В этом аспекте мотив «выбора» Олей Мещерской Малютина выглядит как совершенно русский, совпадая с выбором витязя Буслаева и подобных ему фигур русского фольклора. Бунин привел нам русский пример кантовского «негативного» «притяжения» — «отталкивания» («отвращения» И. Б.) Зла, а затем неизбежной смерти, ради сиюминутного желания встать «по ту сторону» свободы, ощутить ее беспредельность. Природная стихия неограниченной свободы привела Ольгу Мещерскую к «негативному притяжению» Малютина, а потом к сильному его «отталкиванию» («отвращению») согласно физическим законам Ньютона. Кант применяет к области метафизики термины математики и физики Ньютона, поскольку не сомневается, что законы морали работают так же неуклонно и естественно, как и законы природного мира. Попытка перевести

логическую причинность в человеческие отношения привела И. Канта к появлению опытов по математическому способу доказательств истинности в метафизике («Эссе, удостоенное награды», «Негативные величины»), рассуждениям о взаимозависимости души и тела («Наблюдения за чувством возвышенного и прекрасного», «Основы метафизики нравственности»). В «Метафизике нравов», предвещающей «Критику практического разума» (1788), изложено обоснование практическим разумом поведения, исходящего от желания. Кант пишет о появившемся в обществе стремлении к познанию сути явлений, событий, «первоосновы вещей», порождающим метафизические исследования «на любой вкус: метафизику природы, истории, народа, биологии, психологии, человека и даже метафизику физики и пустоты» [14, с. 54]. «Прикладной практический разум» в философских исследованиях Канта этого времени вызывает живой интерес.

В 1764 году появляется трактат Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», в котором Кант в своей яркой и образной манере, присущей «докритическому» периоду, рассуждает о мужской и женской природе, нравственности и чувствах. Ценность этого трактата в том, что «ведущий к нравственности дух» опирается на сознательное отношение к принципам жизни. Кант не признает пренебрежения к разумному поведению ни для мужчин, ни для женщин, указывает на необходимость соблюдения нравственных «принципов». Как указывает исследователь и биограф Канта Мюнстер Кюн трактат вызывал бурное обсуждение, которое «продолжается по сей день». Так, он пишет: «Мы видим тут не столько искренние чувства, сколько предрассудки эпохи» [17, с. 205], имея ввиду прежде всего отношение к женщине. О «предрассудках» в трактате «Наблюдений» также пишет исследователь Черенок И. Г. [21, с. 115]. Тем не менее, Жаворонков А. Г. отмечает, что «полемику, как и обсуждение вопросов, связанных с отношением Канта к женщинам», Кюн в своей книге о Канте «почти полностью обходит вниманием, ограничиваясь лишь пересказом пары небольших анекдотов (например, на с. 169–170)» [10, с. 416]. Однако надо иметь ввиду, что Канта отличала искренность и честность, а также нежность и забота по отношению к женщине вообще, а по отношению к матери — еще и огромное уважение и восхищение. Поэтому мнение М. Кюна относительно оценки Кантом роли женщины представляется надуманным, особенно если принять во внимание, что относительно мужчин Кант в этом трактате высказывается довольно резко: «<...> чувство прекрасного извращается, если при этом совершенно отсутствует благородство, и тогда его называют нелепым. Мужчину с таким качеством, если он молод, называют дуралеем, а если он в среднем возрасте, — фатом. Так как более пожилому возрасту всегда более пристойно возвышенное, то старый фат — самое презренное существо в мире <...>».

Он часто предается беспутству и бывает безнравственным. И хотя бы вы и не очень уважали его, вы все же не можете его не любить [14, с. 135].

Для Канта не существует человека вне познания действительности через чувственность. Как мы можем почерпнуть из «Основ метафизики нравственности» (1785) быть свободным, а значит, благородным и добропорядочным, может только человек, способный волишь, то есть действовать (поступать) согласно принципам «умения», «благоразумия» и «нравственности». «Умение» предполагает «действие», определенные шаги ради достижения цели; «благоразумие» соотносит адекватность усилия, затрачиваемого на достижение цели с собственным счастьем; «нравственность» определяет форму действия вне зависимости от содержания и предполагаемого результата. Этот принцип как нельзя лучше соответствует русскому императиву: «хочешь-не хочешь, а надо!», при условии соблюдения абсолютно нравственной цели. И если при соблюдении первых двух принципов мы можем не выходить из рамок житейского опыта, то что касается третьего принципа, то он способен нас вывести на метафизическую высоту априорной свободы личности, поскольку претендует на всеобщий закон. Всеобщий закон вполне может существовать безо всякой материи, вопреки любой материальной выгоде, что, казалось бы, ставит под сомнение необходимость первых двух принципов. Однако, у Канта все принципы увязаны в одно целое, поскольку цель свободного человека должна совпадать в итоге с требованиями морали, и в этом состоит его «благоразумие» и «подлинное счастье». Приведенные выше принципы в равной степени касаются и мужчин и женщин, хотя Кант признает за женщинами более силу чувственности, нежели принципиальности (хотя тут же признает, что далеко не все мужчины принципиальны). Кант отмечает также женскую «природную метафизичность»: «<...> не следует забывать также и о скрытой волшебной силе, которой она склоняет нашу страсть к благоприятному о ней мнению» [14, с. 151]. Не менее уважительно Кант пишет о женском уме: «У прекрасного пола столько же ума, сколько у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, наш же, мужской, — глубокий ум, а это лишь другое выражение для возвышенного» [14, с. 152].

«Высшая ценность характера» для Канта — чувство долга, из которого прямо исходит «добропорядочность» как евангельское воплощение «любви к ближнему». Долг также включает в себя принцип «обеспечить себе свое счастье», что для Канта не несет признака утилитарности, а неразрывно связано с нравственным поведением, а также содействием счастью других. Неспособность, нежелание, а также намеренное сопротивление природной потребности жить в соответствии с принципами нравственности обеспечивает человеку ухудшение «добропорядочности» вплоть до осмысленного

противодействия Добру, которое Кант относит к «отрицательному добру», то есть к полному Злу. Интересно, что Кант причисляет к радикальному Злу и «оставление в опасности», то есть практическое, духовное и чувственное безразличие к нуждам других, и в качестве примера библейского осуждения Зла приводит поведение «субботствующего» фарисея, прошедшего мимо страданий раненого. Но далее Кант подчеркивает, что проблема Свободы есть проблема сугубо трансцендентальная и решение должно исходить именно из этой области, поскольку физиология, психология и другие практические дисциплины не способны решать подобные метафизические задачи.

Свобода, будучи одной из сложнейших проблем чистого разума, может через понятия Бога и бессмертия души обрести практическую форму. Свободен ли человек дает нам ответ его способность преодоления желаемого ради необходимости сделать нравственный поступок. Таким образом Кант делает Свободу метафизическим основанием нравственности. Зло как отсутствие Добра — это не явление, не психофизический феномен, а «отрицательное», сознательное отталкивание Добра. Человек не знающий, не принимающий Зла, принимающий его за Добро, не может быть осужден как человек безнравственный, и, следовательно, не может нести ответственность за происходящее безнравственное действие. То есть Оля Мещерская по Канту не может быть осуждена, поскольку принимала Зло за Добро и была невинна душой. Как животное, психически больной человек или дитя не могут осознать существование Зла, так и несвободный, то есть безнравственный человек не может быть благородным, «добропорядочным», человеком «долга», «чести». Описание Кантом несвободного человека, «презренного старого фата» как нельзя лучше представляет образ бунинского Малютина. Его, по словам Канта, «невозможно не любить» — так он обаятелен, и скорее всего неотличим от знаменитого Паратова из пьесы А. Островского, а точнее, от его блестящего воплощения Н. Михалковым. «Совершенное отсутствие благородства» делает его фигуру пусковым механизмом трагической истории, происшедшей в доме Мещерских. Образ Оли Мещерской — воплощение кантовских грез об «идеальной женщине»: умна, очаровательно-художественна, абсолютна свободна, искренна — она могла бы стать вскоре настоящей красавицей эпохи русского модерна. О таком типаже писала балерина Т. Карсавина: «Кокетливость достигала в ней высшей степени художественности, которая в немалой степени оттеняется у Ольги искрометностью свободы, не знающей никаких ограничений».

Бунин, весьма трепетно относившийся к именам своих героев, дает нам дополнительное указание для объяснения характера Ольги через семантику имени. «Ольга» — производное от старо-славянского образа «Лег» — ангел, то есть «Ольга» — оберегаемая «легами», небесными покровителями. (Недаром

Бунин усиливает эту семантику названием «Легкое дыхание», то есть «дыхание ангела»). Есть мнение, что «Оль» — стремление к человеческой сути, к личной системе ценностей, объединяющей людей, «Га» — путь «наверх». Возможно также, что ее имя происходит от древнескандинавского понятия “heilagr” — «святой, священный». «Самоценность» и «самодостаточность» — основные черты характера Ольги, заложенные в имени, то есть мы имеем дело с потенциально сильной свободной личностью с покровительством высшего мира. «Святость» свободы Ольги в рассказе постоянно выхолащивается ее бытом, средой: «чувственная», «негативная» свобода, присущая русскому предреволюционному укладу обволакивает ее сознание. Олино бытие наполняет пошлейшая наука, почерпнутая из «недостовверных источников» о том, как нравиться мужчинам; копилку знаний об отношениях между полами пополняет синемаграф, где царит «страстная любовь» в исполнении Веры Холодной; в городских садах, укромных уголках имений между флиртующими порхает легкомысленный смех, а провинциальная молодежь шепотом передает столичные новости об известных лицах демонстрирующих адюльтер. Воспоминания из дневника двадцатилетнего великого князя Сергея Александровича отражают атмосферу какого-то поветрия беспутства, охватившего общество:

«Вечером очень веселый... у Саши как всегда, очень весело и плясали у-ух как! Котильон был бешеный! С ума сходили... Кружились, бесились без конца. Под конец бегали и в изнеможении падали на стулья, чтобы через несколько времени снова скакать по зале» (орфография автора сохранена).

Удивительно ли, что последнюю свою зиму Оля Мещерская «совсем сошла с ума от веселья», под которым угадывалось иступленное отчаяние, однако последнее никто и не заметил, как в спешке не замечают в сладком плоде притаившегося червя. Червоточина греха отравляла сознание девочки. Строки дневника отразили рефлексию Оли, но не дали ответа. Одиночество, страшное одиночество изгнанной из рая души... Эта юная девочка должна быть защищена Богом, родителями, кем угодно, кто имеет контакт с невинностью ума. Девочка перед посещением Малютина «час играет» на рояле, скорее всего то, что соответствует ее состоянию полетного счастья, а потом засыпает «у папы в кабинете» наверняка над раскрытой книгой с описанием очередной «страсти», чего не должно быть в принципе в благопристойном доме, но-нет! в доме, о котором идет речь в бунинской истории, все происходит «не так»: бросается в глаза какой-то матричный сбой благородных качеств обитателей и друзей дома Мещерских. Отец девушки — близкий друг «и сосед» Малютина (Оля называет его «соседом папы», а не просто «соседом», что указывает на обособление отца от нее или от семьи), которому по непонятной порядочному человеку причине дозволяется в отсутствие хозяев запросто «заходить» в дом, где живет престелная девушка. У отца нет времени или желания

на воспитание дочери, зато бесконтрольно лежат «старинные смешные книги», явно не предназначенные для воспитания девичьего целомудрия. Гимназической начальнице, и по совместительству, сестре Малютина, становится известно о «разорительных» подарках для Оли — и мы так и не узнаем кто и зачем исполнил роль Иуды в собственном доме и о роли этих «тридцати сребреников» в жизни Оли Мещерской, которой больше всех туфелек на свете нужны были понимание и любовь близких.

Так равнодушно и жестоко все люди, которых любила и которым доверяла Оля, заняли позицию невмешательства и прошли мимо легко угадывавшейся трагедии. Надо ли удивляться, что человек погиб? Воспитанием девочки формально занимается ее классная дама да строгая начальница, в кабинете которой пахнет «божественно красивыми» первыми цветами — ландышами, где на стене висит портрет «идеального мужчины» — «благородного рыцаря», красавца - царя, и в котором Оле Мещерской так хорошо, тепло и уютно, что доведенной до отчаяния девушке только там и возможно признаться в том, что так сильно тяготит ее сердце. Этот «взрыв» откровенности — свидетельство позиции выбора «сверхсвободы», желания расправить крылья, омоченные слезами, быть верной себе до конца и платить за это любую цену. Бросается в глаза двойственность образов, окружающих Ольгу: ландыши — прекрасные цветы, содержащие в себе смертельный яд; забор гимназии — ельник, защищает девушку от внешних бед, но он так похож на частокол кашеева царства; гимназический сад заморожен и уже не даст плодов, а снег — ледяной, холодный напоминает саван. Роль «жизненного наставника» обезличена: ее играет кабинет отца, где девочка проводит все свободное время и предается мечтам о себе, как о Прекрасной Даме:

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.
Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.
Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.
Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?
Каждый конёк на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.
(А. Блок, 1903)

«Дольним стуком» было явление в мир покоя и «счастливого одиночества» пожилого довеласа, заставшего Олю в «горнем» состоянии открытого ею единения с природой. Малютин интересен Оле как мужчина: красивый,

изящный и богатый щеголь, шутник, способный поддержать легкий разговор. Ее раздражала только его крылатка (летний плащ), которую обычно носили пожилые — ведь она «утяжеляла» его возраст. Однако внешняя канва истории Маргариты и Фауста в интерпретации Малютина захватывает Олю грандиозностью открывающейся свободы, не давая ей времени на осмысление происходящего. Олю не насторожили «знаки» природы, предупреждающие ее о демонской природе Малютина то внезапным похолоданием среди жаркого летнего дня, то дождем, «омывающим» ее перед «духовной смертью». Ее не остановили пошлейшие намеки на ее роль «Маргариты», от которых Оле внезапно делается дурно, и осмелевший Малютин вползает в Олин мир через те самые «папины» книги, где описаны «кипящие смолой» и молодостью черные глаза, где обнажены и усилены до экзальтации низменные чувства, где сладкими ядовитыми речами нарушается целомудрие ума: «А так ли это? Верно ли Бог сказал?»

Вера в невозможность Зла, идущая от чистоты ее сердца, подтвержденная дружбой папы с «его другом и соседом», тревожащим ее интерес, притупляет чувство опасности. Оля видит «черные» и «молодые» глаза Малютина, изумляется этим неизведанным тропам тотальной «свободы» — и вот уже факелом вспыхнувшая потребность заглянуть за пределы этой свободы требует выбора, сопряженного с отчаянным риском. Малютин становится для Оли гарантом чего-то необыкновенно яркого, тотально необходимого для ее счастья. Но когда затуманенное потенциальное желание обретает форму реального греха, Призрак Свободы исчезает, и обессиленная новая «Маргарита» остается одна. Осмысление будит ее глубокой ночью: ужас открывшегося ей грехопадения, страх позора, раскаяние, мучительное сожаление — так открывается Оле душный смысл духовной смерти:

Глаза ее недвижно вдаль глядят,
как у усопшего, когда их не закрыла
Рука родная <...>

[8, с. 317]

Оля не говорит ни слова подруге, не бежит исповедаться, не просит совета у матери. Она всю свою боль поверяет дневнику, который как лучший молчаливый друг, так и останется с ней до конца. Оля уже перешла черту, отделяющую ее от «дольного» мира, она ясно понимает свою «инаковость» жизни провинциального городка, и весь свой последний год «отпевает свое девство» (Судьи, 11:4–6) то в «бешеных» играх с малышкой в большом «сборном» зале гимназии, то в увлеченном катании на Соборной площади. Оля щедро «раздает свои жемчуга» своим подругам, друзьям, случайным кавалерам, сыплет их под ноги «свиньям», которые вскоре «оборотятся и пожрут

ея». Оля уже чувствует свою судьбу, и «горний мир», как истинный предвечный мир, содержащий в себе творческий замысел мира идеального, разумного, уже распахнут в ожидании ее души. Отсюда это ее достоинство, смелость, «трогательное величие оскверненного великолепия» (Т. Карсавина). Верный поклонник Шеншин не может разорвать этот смертельный саван непонимания происходящего и запутывается в нем, «покушаясь на самоубийство». Первая детская любовь к прекрасной девушке оборачивается страданием:

Дева эта всего лишь тень, бегущая рассвета.
С ней встреча — смерть, не счастье, не любовь <...>
[8, с. 220].

Бунин сообщает об этом бесстрастно, будто читает газетную хронику для дежурных сплетников, которые вообще не в состоянии постичь сути событий. Это вскользь упомянутое происшествие кажется людям трагикомичным, но ведь страшно себе представить, что происходило в душе этого юноши, почти ребенка. Такое равнодушие любопытствующих резко контрастирует с метафизическими принципами Любви и Добра, как евангельской основой милосердия. Более взрослый, но тоже безыскусный в тонкостях жизни казачий офицер понимает «действие» как физическое устранение, «уничтожение» врага, пусть даже невидимого. «Падение» любимой женщины с высоты его надежд было так внезапно, что она слилась воедино со всей его оскорбившей камарильей богатых бездельников: неизвестным ему Фаустом, Мещерскими, Малютиными. Человек более тонкий, образованный был бы удивлен, потрясен, обижен, но вряд ли бы решился на большее чем разговор «по душам». Как-то, как человек не привыкший задавать себе и людям лишних вопросов, получив жестокую отповедь, мстит в рамках своих представлений за поруганное достоинство, не думая о последствиях: и это — тоже жертва падшему ангелу.

Когда человек теряет свой человеческий облик, проживает жизнь грязную, бессмысленную, комкообразную, как завалившийся пряник в карманах нищей старухи — через него вползает в мир Красоты, Добра, Свободы «мерзость запустения». Когда древо юной жизни пилится на кресты — это обескровливает и всех оставшихся в живых. Жизнь после смерти земного ангела приобретает иной смысл, не подлежащий детальному рассмотрению. В ней остается только самое важное из того, что надо усвоить, что по-настоящему ценно. Бунин указал нам ценность памяти этой невинной жертвы к вечному осуждению одних, и спасению через Любовь других.

Контраст бесплотной свободы, улетающий с легким дыханием воплощенного в Ольге идеала земной Красоты и грязи жизни ее окружения; контраст кантовского требования принципов «добропорядочности» и описания реальных типажей «отвратительных старых фатов»; контраст живых

ясных глаз на портрете Оли и «тяжелого дубового креста» на ее могиле — это не просто разделение «горнего и «дольнего», метафизического и практического. Это указание пути к вечности для русского человека, страдающего в земной юдоли и живущего мечтами о неземном счастье. Кант очень емко сказал о том, что «всякая кончина несет в себе нечто позитивное» («Отрицательные величины»). Негативный смысл перехода по ту сторону жизни все-таки дарит надежду отчаявшимся, поскольку если кто-то останется, то остается с ними и нечто, что помогает людям оставаться людьми. Великий Кант считал, что это «нечто» — принципы метафизических Истин, их наличие в человеке — это прежде всего Честь и Достоинство человека, то что всегда было и будет неизменно важным при любых переменах.

Честь и достоинство немислимы без внутренней, генетически укорененной свободы. Неважно, откуда и когда озарит человека его «анамнезис»: способность души откликаться льющейся «сверху» мелодии жизни приводит в оживление личность, заставляет ее полноценно дышать воздухом свободы, невзирая на окружающий ее ужас действительности. И если о каком-то человеке вспоминают с любовью, теплом и сожалением: «Как? Почему пресеклась эта жизнь, эта мелодия?» — то есть повод освятить эту душу, безвременно ушедшую, как освящают святых избранников, ибо для людей умер Христос, и «нет выше той любви <...>» (Ин. 15:13).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев (Аскольдов) С. А.* Мысль и действительность. — М: Путь, 1914. — 397 с.
2. *Бабаева А. В., Гусева Л. В., Ким О. М.* Семантико-стилистические особенности трактата Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного»: искусство видения и описания объекта // Кантовский сборник. — Т. 41. — № 2. — 2022. — С. 68–95.
3. *Бальбуров Э. А.* Спонтанность как принцип поэтики (Бунин и Пруст). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spontannost-kak-printsip-poetiki-bunin-i-prust> (дата обращения: 25.07.24).
4. *Булгакова И. Я.* Нравственный идеал И. Канта и русская религиозная философия конца XIX — начала XX века. // автореф. канд. дисс. — М.: 2001. — 195 с.
5. *Бунин И. А.* Литературное наследство. — Т. 84, кн. 1 и 2. — М.: Наука, 1973. — ЛН, кн. 2. — С. 263–264.
6. *Вагнер Р.* Тангейзер (парижская редакция). [Электронный ресурс]. — URL: <https://facetia.ru/node/3510> (дата обращения: 25.07.24).
7. *Вышеславцев Б. П.* Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. — 296 с.

8. *Гете И. В.* Фауст. — М.: Детская литература, 1969. — 351 с.
9. *Доронина Н. С.* Проблема веры: Этический аспект; И. Кант и русская философия всеединства //автореф. канд. дисс. — СПб., 2000. — 170 с.
10. *Жаворонков А. Г.* Рецензия на книгу: Кюн М. Кант: Биография // Историко-философский ежегодник. — № 36. — 2021.— С. 414–418.
11. *И. А. Бунин:* Pro et contra : Антология. — СПб.: Издательство РХГИ, 2001. — 1016 с.
12. *Кант И.* Критика способности суждения. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. — М.: Мысль, 1966. — 529 с.
13. *Кант И.* Метафизические начала естествознания. Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 6. — М.: Мысль, 1966. — 743 с.
14. *Кант И.* Наблюдения за чувством прекрасного и возвышенного. Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1964. — 611 с.
15. *Кант И.* Основы метафизики нравственности: Собрание сочинений: В 6 т. —Т. 4. — Ч. I. — М.: Мысль, 1965.— 544 с.
16. *Котенко В. П.* Компаративистика - новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки. — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010. — С. 118–131.
17. *Кюн М.* Кант: биография / пер. с англ. А. Васильевой. — М.: Дело (РАН-ХиГС), 2021. — 608 с.
18. *Мамардашвили М.* Кантианские вариации. — М.: Аграф, 2002. — 320 с.
19. *Павлов О.* Метафизика русской прозы: вопросы литературного безвременья // Октябрь. — № 1. — 1998. — С. 167–183.
20. *Столович Л. Н.* И. Кант и проблема ценности. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-kant-i-problema-tsennosti> (дата обращения: 25.07.24).
21. *Черненко И. Г.* Лингвистическая парадигма в кантоведении // Слово.ру: балтийский акцент. — Т. 8, № 2. — 2017. — С. 114–123.
22. *Юрченко Т. Г.* О «Легком дыхании» И. А. Бунина. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-legkom-dyhanii-i-abunina> (дата обращения: 25.07.24).
23. *Prauss G.* Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel. — Verlag Karl Alber Freiburg: Munchen., 2008. — 147 p.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

Статья посвящена вопросу единства и целостности Книги пророка Исаии. В ней проведен сравнительный анализ теории одного автора, безальтернативной до конца XVIII века, и гипотез, возникших позже, утверждающих наличие двух и даже трех авторов. Поводом для относительно новых теорий, появившихся чуть более двух веков назад, стали разные события, описанные в 1–39 и последующих главах, разные стили написания, богословские акценты и богословский словарь гл.1–39 и 40–66. В числе доводов также и отсутствие имени Исаии в главах 40–66. В работе сделан анализ доводов как сторонников, так и противников единства книги и одного автора, проведены герменевтические и литературоведческие исследования этой пророческой книги. Показано, что служение пророка Исаии продолжалось около шестидесяти лет. Время, разные события и обстоятельства вполне могли повлиять и на темы книги, а вместе с тем и на частотное использование слов. Важно учитывать и водительство этого пророка Духом Святым, предсказавшим многие события намного лет вперед. Исследования, особенно в области литературного творчества, показали, что указанные выше доводы, как свидетельства в пользу не одного автора, не столь критичны и абсолютны, и не могут быть явным доказательством множества авторов. Проведенный структурный анализ и выявленный сюжет также свидетельствуют о единстве книги.

Ключевые слова: Книга пророка Исаии, авторство книги, единство, целостность, герменевтическое и литературное исследование.

Shumilin A. V.

RETURNING TO THE PROBLEM OF THE UNITY OF THE BOOK OF THE PROPHET ISAIAH

The article is devoted to the question of unity and integrity of the Book of Isaiah. In it a comparative analysis is made of the theory of one author,

unalternative until the end of the eighteenth century, and the hypotheses that emerged later, claiming the presence of two or even three authors. The reason for the relatively new theories, which appeared a little more than two centuries ago, is the different events described in chapters 1-39 and following, the different writing styles, theological emphases, and the theological vocabulary of ch.1-39 and 40-66. The absence of Isaiah's name in ch.40-66 is also among the arguments. The paper analyzes the arguments of both proponents and opponents of the unity of the book and one author, and conducts hermeneutical and literary studies of this prophetic book. It is shown that the ministry of the prophet Isaiah lasted about sixty years. Time, events, and circumstances may well have influenced the themes of the book, and with it the frequency use of words. It is also important to consider the leading of this prophet by the Holy Spirit, who foretold many events many years in advance. Studies, especially in the field of literary creation, have shown that the above arguments, as evidence in favor of more than one author, are not so critical and absolute, and cannot be clear evidence of multiple authors. The structural analysis carried out and the plot identified also testify to the unity of the book.

Keywords: Book of the prophet Isaiah, authorship of the book, unity, integrity, hermeneutic and literary study.

Вплоть до конца XVIII века почти все иудейские и христианские ученые не сомневались в том, что автором Книги Исаии является пророк Исаия, сын Амосов [6, с. 219; 9, с. 8; 5, с. 895]. Гипотеза наличия еще одного автора (Второисайи) была выдвинута Додерлейном в 1795 году [5, с. 895–896]. Ему отводилось написание глав 40–66. В 1892 году Дюм предположил существование и третьего соавтора — Тритоисайи [5, с. 896; 3, с. 558], написавшего, якобы гл. 55–66. Позже были предложены теории наличия еще большего числа авторов, но самым распространенным считается деление на две или три части. Дореволюционные русские ученые (например, Глаголев С.) все еще отвергали разделение книги [11, с. 73]. Книга пророка Исаии рассматривалась как произведение одного автора — пророка Исаии. Многие богословы и в наше время считают книгу Исаии единой в противовес тем, кто разделяет ее на две (гл.1–39 и 40–66) или даже на три части (гл.1–39, 40–55 и 56–66).

Знание автора Книги пророка Исаии весьма важно, и даже не столь для оценки достоверности всей книги (она не оспаривается), сколько для исследований в области библейского и практического богословия. Дело в том, что целый ряд исследователей современности не рассматривает эту книгу как единую и целостную, написанную одним автором. При этом текст Книги исследуют в рамках «отдельных книг»: Исаии (Протоисайи), Второисайи и Тритоисайи. И, конечно же, структура и сюжет последних «двух книг»

не вписывается в структуру и сюжет одного автора. Это все существенно влияет на понимание всего текста Исаии.

Еще раз обратим внимание на вопрос авторства. При этом проведем сравнительный анализ доводов как в пользу одного, так и в пользу нескольких авторов.

Вначале, посмотрим на то, какие доводы использовали, да и еще сегодня используют, консервативные богословы, считая книгу единой, в противовес тем исследователям, которые разделяет ее на две (гл. 1–39 и 40–66) или даже на три части (гл. 1–39, 40–55 и 56–66)?

О целостности книги свидетельствует Евангелие. Иисус в синагоге на богослужении как раз читал текст (Лк. 4:17–20) из книги пророка Исаии (61:13). Это свидетельствует о том, что еврейская традиция признавала [9, с. 8] и сегодня признает целостность книги пророка Исаии.

Наглядным примером того, что новозаветные авторы считали книгу пророка Исаии целостной, является свидетельство Иоанна (Ин. 12:37–41). Он цитирует текст одновременно и из Ис. 6:9–10 и из Ис. 53:1. Матфей, повествуя о служении Иоанна Крестителя, говорит о нем, как о предтече Христа и опирается на пророчество Исаии (при этом ссылается как раз на Ис. 40:3). В новозаветных посланиях приводится ряд цитат из глав 40–66 со ссылкой на Исаию (Рим. 9:27–29; 10:20–21) [6, с. 219].

Как цельное произведение Книга Пророка Исаии была известна и автору Книги Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, написанной в начале II-го в. до н. э. (Сир. 48:22–25) [3, с. 572; 6, с. 219]. Авторство Исаии подтверждалось кумранскими находками [6, с. 219]. Наиболее древний из всех свитков книги пророка Исаии и наиболее древний — 1QJes^a, найденный в Кумране и датированный второй половиной II в. до н.э., содержит весь текст Исаии [3, с. 572].

Сомнения в Исаии, как одном авторе всей книги, впервые пришли к некоторым богословам в конце XVIII в., а затем XIX в. [3, с. 558]. Что их смутило?

Во-первых, смутили описанные в книге пророка Исаии события. События, о которых идет речь в гл. 1–39, относятся ко времени Исаии, жившем в VIII–VII вв. до н. э. События, описанные в гл. 40–48 — относятся к времени Вавилонского плена и в них присутствуют совершенно другие образы (личности), нежели до этого [6, с. 219; 11, с. 73–74; 12]. Во-вторых, смутил разный стиль написания гл. 1–39 и 40–66 и частотное использование слов в них [1, с. 129; 6, с. 219; 12]. В-третьих, разный богословский акцент в гл. 1–39 и 40–66 [6, с. 219; 12]. В-четвертых, то, что в гл. 40–66 нигде не упоминается имя Исаии. Исходя из этого, поздние богословы поделили книгу пророка Исаии на две, некоторые на три части и приписали первый раздел (гл. 1–39) самому Исаии, второй и третий ученикам из его пророческой школы [1, с. 129; 8, с. 153].

Сделаем краткий анализ доводов, которые привели исследователей к сомнениям в отношении целостности книги.

Во-первых, нужно помнить, что повествование Исаии — в большей мере пророческая книга. И важно понять, что в ней изложены не человеческие предсказания (Иер. 14:14; 23:16; Втор. 18:18–22), а Божьи (Ис. 43:9; 48:14; Евр. 1:1–2). Если подвергать сомнению целостность книги Исаии, нужно подвергнуть сомнению всеведение Бога и целостность многих других пророческих книг. В том то и дело, что Бог через пророка переносит слушателя и читателя в далекое будущее (события эпохи). И пророкам, и читателям не всегда все понятно, о чем говорит пророчество. Согласно книги пророка Даниила, многие Божьи откровения станут понятными только в конце времени (Дан. 12:4). Для принятия слова Божия нужна вера. А без веры Богу угодить невозможно (Евр. 11:6; 1Кор. 2:14–16). Ванхузер отмечает, что целый ряд исследователей Библии в последнее время пытается «умертвить Бога» [2, с. 50–51]. Юревич, обосновывая наличие нескольких авторов, приводит в пример повествование о царе Кире (гл. 40–48), жившего более сотни лет после смерти Исаии [11, с. 73]. Но, ведь, контекст этих глав, как раз и говорит о Боге, как Предсказателе истинном, в отличие от пророков ложных («Кто сказал наперед» — Ис. 45:21). Кроме того, гл. 40–48 тесно связаны с гл. 13–14 (где речь идет о падении Вавилона).

Во-вторых, нужно понять, что книга Исаии составлена из множества повествований, записанных пророком в разные периоды его длительного (почти 60-и летнего) служения. Она охватывает и разные темы, и разные личности, и разные обстоятельства. Она обращена как к Израилю, так и к разным народам. Стоит ли подвергать сомнению авторство известных писателей и поэтов, издавших сборники своих произведений, написанных в разное время и на разные темы? МакДональд пишет: «Стиль произведения — порой удивительно различный — определялся темой у Платона, Мильтона и Шекспира» [5, с. 897].

В-третьих, разное время, разные обстоятельства, разная тематика, длительный период становления пророка (и мн. др.) неизбежно влияют и на стиль, и на словарный и частотный запас автора сборника произведений. Возможно, критики, воспитанные в западной культуре (узкая специализация) пользуются своим представлением о знаниях (образование в последнее время становится все более узкопрофильным; и словарный запас специалистов в какой-либо области четко сфокусирован). Еще несколько десятков лет назад ученые имели широкопрофильное образование (следовательно, и их словарный запас был шире). Стоит сказать, что Исаия не был простолодином, и, скорее всего, имел хорошее и всестороннее образование.

В-четвертых, согласно структуры книги пророка Исаии, первые 39 глав больше говорят о суде, а последующие 27 глав о милости Бога. Вполне понятно, что и содержание, и тон, и словарный состав разделов меняется [5, с. 897]. Есть разница в словах во время конфликта и во время примирения?

В-пятых, Исаия получал откровения от Бога (его повествования богодухновенны). Психологи утверждают, что в подсознании человека хранится абсолютно вся информация, полученная им на протяжении его жизненного пути (в т.ч. и слова). Эта информация (даже некогда, возможно, отфильтрованная как не нужная) извлекается в определенный момент.

В-шестых, пророки зачастую упоминали свое имя только в начале своего послания. Более того: если бы гл. 40–66 принадлежали перу учеников из школы Исаии [11, с. 73–74; 8, с. 153], наверняка, они бы как раз и писали, ссылаясь на Исаию. Если допустить, что книга Исаии была составлена позже из разных разделов, как раз возникают вопросы: 1) кто является автором этих пророчеств? 2) в связи с чем и для чего эти пророчества были произнесены (теряется целостность нарратива)? 3) Кому и с какой целью понадобилось объединить разные части? 4) Как объяснить отношение Иисуса Христа, Его Апостолов, всей иудейской и христианской традиции к книге Исаии, как источнику одного автора? Следует сказать, что глава 40 как раз-таки становится более понятной в контексте 39:5–8. В связи с чем нужно было утешать народ Израильский? Несмотря на то, что он будет пленен, он в будущем будет и освобожден из плена (гл.40-48). Ср. 39:5–7 и 40:2. Предсказание Исаии Езекии о Вавилонском плене «становятся уместным переходом к проникновенным речам, посвященным вавилонским пленникам (40:1–2)» [3, с. 566].

В-седьмых, текст 43:14–14 говорит о поражении Вавилонян в прошедшем времени, в то время как большая часть текста гл. 40–48 говорит об этом, как о событиях будущего. Предсказание в гл. 40–48 событий будущего (освобождение из плена), и констатация их исполнения — обычный метод в речах пророков. Таким образом, текст гл. 40–48 написан не во время и не после Вавилонского плена, а до этого.

Проф. П. А. Юнгеров замечает: «Писатель 40–66 глав преимущественно останавливается на идолопоклонстве, распространенном среди его соотечественников (Ис. 41:22–23; 57:5–7; 65:3–4) ... Так же точно пророк Исаия в неоспоримо подлинных речах описывает идолопоклонство своих современников ... (Ис. 1:21,29; 2:8,20; 17:8; 30:22)» [10, с. 291]. Но, как известно, идолопоклонство в Израиле прекратилось во время плена и по его окончании.

В некоторых источниках [9, с. 9; 3, с. 570–572] приводится довольно много параллелей из гл.1-39 и 40-66. Главы 40-55 и 56-66 также связаны между собой. Ст. 62:4 — явная параллель с гл. 54 (призвание оставленной

жены). 65:25 и 11:6–8; 66:3–4 и 1:11–16; 57:14 и 40:3–4; 57:9–10 и 18:1–8; 58:2–4 и 1:10–20; 42:6–7 и 61:1–3. «Речь 1:2–3, поданная в качестве речи Бога, называет темы, ключевые слова и богословские концепты, которые многократно повторяются в корпусе книги и соединяются в концентрированном виде в концовке книги», — замечает Юнглинг [3, с. 571]. К примеру: небеса и земля, Отец и дети, настоящий и будущий Сион и т.д.

Подытоживая вышесказанное, видится правильное считать, что иудейская и раннехристианская традиция об одном авторе и целостности книги Исаии верна. Во Введении в Ветхий Завет мы читаем: «Несмотря на сложный характер предания, нельзя согласиться с новым методическим принципом, согласно которому бремя доказательства должен нести тот, кто приписывает хоть какую-то часть текста пророку, жившему в VIII в. до н. э. На наш взгляд методически правильным будет, как и прежде, возложить бремя доказательства на тех, кто отказывается признавать пророка» [3, с. 572–573].

Теперь обратимся к структуре и сюжету Книги пророка Исаии.

Книга делится на три основных раздела [7, с. 799–800]:

1. Гл. 1–35 — книга видений Исаии, преимущественно содержащая осуждение Израиля и народов.

Главы 1–12 описывают взаимоотношения Бога с Израилем (Иудой). Причем большая часть текста повествует о праведном суде Творца над избранным народом. Этот народ находится в отступлении и тяжелой духовной болезни. Причем отступление касается всех сфер жизни. ... Израиль не способен исполнить закон и быть верным завету [4, с. 81–82]. Его ожидает Божий гнев. Он не может спастись своими собственными усилиями. Причина — врожденный грех и полная испорченность. «Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре», — говорит пророк Исаия (1:9). Только милость Бога к Своему народу (2:1–5; 4:2–6; 10:20–12:6) сохранит Израиль от полного истребления. И эта милость будет явлена через Сына Божьего (9:6–7).

Если главы 1–12 в большей степени повествуют о грядущем суде Бога над избранным народом, то главы 13–24 в основном описывают суд над языческими народами, играющими определенную роль в истории Израиля. Примечательно, что большинство стран, о которых идет речь в этих главах, обещано во владение потомкам Авраама (Быт. 15:18–21). Главы 13–24 также показывают, какую роль Творец играл в истории народов, не знающих Его, а также то, как Он использовал их в воспитательной работе с Израилем. Читая эти главы, можно ясно понять, Бог — не только Царь Израиля (отверженный и пока непринятый), но и всех народов. Он, а не земные цари, имеет реальную и верховную власть. Он до определенного времени попускает народам ходить своими путями, однако

реально управляет миром. Эта мысль ясно выражена в проповеди апостола Павла в Листре (Деян. 14:15–17).

Главы 28–35 — это второй виток в спирали пророчеств Исаии. Порядок повествований гл. 1–27 — отступление Израиля, наказание от Господа, ложная надежда на народы, наказание народов, суд над всеми народами, Господь — истинная надежда, истинная надежда несет благо, возвращение народа Израильского на Сион, повествование о Царе и Его Царстве — повторяется почти в той же последовательности в следующих восьми главах. Причина новой спирали пророчеств: 1) Новый виток времени; 2) Обстоятельства, подобные прежним; 3) То же состояние Израиля; 4) Те же ошибки (если гл. 7–9 больше говорят о надежде Ахаза на Ассирию в противостоянии Сирии и Израилю, то гл. 30–32 говорят о надежде Езекии на Египет в противостоянии Вавилонянам; 5) Отвержение пророчеств (29:10–12; 30:8–12); 6) Та же любовь Господа к Своему народу.

2. Гл. 36–39 — историческая часть из жизни царя Езекии и пророка Исаии, которая, по существу является переходом к следующему разделу.

Главы 36–39 являющиеся, кажется, исключением из общего фона книги пророка Исаии, на самом деле являются важным связующим звеном гл. 1–35 с гл. 40–66. Пусть, жизнь неверных до конца царей Озии и Иоафама и нечестивого царя Ахаза, главных действующих лиц в гл. 1–35, принесла Иудеям не благо, а суд. Однако, не решила всех проблем и благочестивая, казалось, жизнь Езекии (царя, являвшегося добрым исключением среди всех нечестивых царей — 4Цар. 18:5–6). Ни один из царей (в том числе языческих) в человеческой истории так и не стал идеальным человеком, добрым пастырем и отцом для своего народа. Даже лучшие цари имели свои недостатки. Пророки Божьи (в т. ч. Исаия — Ис. 6) чувствовали свое недостойнство в присутствии Господа. Священники зачастую погрязали в пороках (43:27–28). Книжники, которые должны были свято хранить Божьи заповеди, извратили их (Ис. 28). Израильский народ, наконец, должен понять, что надежда на человека (Израиль потребовал себе царя), надежда на мощь и силу армии не могут принести человеку истинного счастья и благ. Людям нужен праведный, любящий, заботливый, сильный и верный царь. Им является Бог. Само действие Бога в истории, Его план спасения, Его жертвенность (гл. 40–66) — свидетельство этому.

3. Гл. 40–66 — книга слов Исаии (Лук. 3:4), в которой Бог через пророка утешает Свой народ, который окажется в плену (см. гл. 13–14), и возвещает его будущее и будущее человечества. Этот раздел является противоположностью первому разделу (гл. 1–35). Как на чаше весов суду (гл. 1–35) противопоставляется милость, погибели противопоставляется настоящая полноценная жизнь, нечестивому правлению земных царей противопоставляется

руководство Небесного Владыки. Главы 40–66 открывают Божий план спасения погибающего (гибнущего) человечества. Они в полной мере показывают все то, что Бог сделал и еще сделает для осуществления этого плана. Человечеству предлагается выбор: принять этот план или отвергнуть.

Главы 40–66 можно разделить на три раздела:

1. Гл. 40–48 содержат предсказание о Вавилонском пленении и последующем избавлении от него (Бог предсказывает это задолго). Господь не только предсказывает это событие, но и называет имя избавителя (Кира). Эти главы показывают пример реальности Бога, Его любви и Его работы (чтобы на пути в обетованный край вдохновить ослабевший и колеблющийся народ). Народ должен увидеть — план работает. Бог реален, верен и любящ. Надежда на Него не постыжает. Эти главы описывают суд Господа со всеми народами и их идолами (в каждой главе есть стихи, в которых звучит один и тот же вопрос к лжепророкам: «кто из вас предсказал ...»). Примечательна фраза: «Умолкните предо Мною, острова» (41:1) — Господь всех приводит (приведет) в молчание: никто не может ни соперничать с Богом, ни противоборствовать Ему (ни в предсказаниях, ни в силе, ни в истине). Он вновь и вновь возвещает: «Я Бог и нет иного». Придите ко Мне и будете спасены (45:22).

2. Гл. 49–57 показывают греховную сущность и непокорность Богу всего человечества (в т. ч. и Израиля), а также его неспособность спастись своими силами. Эти же главы содержат повествование о Божьем пути спасения благодаря страданиям Его послушного Раба — Мессии, Отрасли, Спасителя всего человечества. Именно этот путь удовлетворяет и Божью праведность, и Божью любовь. В этом разделе очень ясно прослеживается мысль о Божьей любви к Израилю. Не Творец виноват в разделении со Своим народом (Он не давал ему разводного письма). А этот неверный и непокорный народ своими грехами отдалил себя от Создателя. В этом же разделе повествуется и о Божьей любви ко всем людям. Творец всех призывает к спасению.

3. В главах 58–66 читатель вновь встречается с темами осуждения Богом Израиля и спасения праведного остатка, спасения праведных и наказания грешных. Бог вновь предлагает человеку выбор (59:1–15 ср. с 59:16–21). Он, как любящий Отец, напоминает о всем, что сделал для Израиля и еще сделает. Он призывает Израиль к Себе. Эти главы также дают ответ на вопрос: почему Создатель оставил Израиль и обратил Свои взоры на язычников. Ключевыми темами раздела являются: победа Бога и роль в этом Мессии, Его суд над человечеством, слава Сиона, 1000-е летнее Царство и вечность. В этих же главах звучит песнь хвалы Исаии Богу за все Его милости.

Обратим внимание и на сюжет Книги. Несмотря на то, что темы суда и милости, наказания и благословения, пересекаются по ходу книги, все же можно ясно увидеть ход мыслей пророка Исаии.

Главы 1–39 повествуют о том, что все человечество (в т. ч. народ Израильский) поражено грехом, безнадежно духовно больно и достойно суда и наказания. Надежда на себя и на идолов ложна и приведет к гибели. Главы 40–48 содержат Божий призыв к отступникам вернуться к своему Создателю. Бог еще раз докажет Свою реальность. Обещанное Богом исполнится (Израиль окажется в Вавилонском плену и будет освобожден). Кто из идолов мог предсказать это? Главы 49–57 содержат Божий призыв всем людям (в т. ч. Израилю) встать на путь спасения, избавления от греха и славы, которыйвозможен через веру в Мессию. Кульминацией являются страдания Христа (Раба Божьего). Главы 58–66 повествуют о том, что отношение к Божьему плану (к Рабу Божьему) определяет будущее человека. Гл. 59 особенно ярко об этом говорит. 59:1–15 — грех ведет к разделению с Богом. 59:16–18 — Бог посылает Заступника. 59:19–21 — обращенные к Нему грешники вновь обретают мир с Богом и вступают в завет с Ним.

В заключение следует сказать следующее. Повествование всей Книги имеет стройность, целостность. Книга написана одним автором. Структура и сюжет книги позволяют определить и тему: отступление человека от Бога ведет к наказанию и Божьему суду (гл. 1–39), а вера в искупительную Жертву Божьего Раба несет с собой спасение (гл. 40–66). Человеку нужен отвергнутый когда-то (во время Самуила) Бог, Который принесет с Собой праведность, мир и радость (все, что свойственно Царству Божьему — Рим. 14:17).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонини Б.* Экзегезис книг Ветхого Завета. — М.: Колледж католической теологии им. Ф. Аквинского, 1995. — 325 с.
2. *Ванхузер К.* Искусство Понимания Текста: Литературоведческая этика и толкование Писания, — Черкассы: Коллоквиум, 2007. — 735 с.
3. Введение в Ветхий Завет / Под ред. Эриха Ценгера (Серия «Современная библеистика»). — М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2008. — 802 с.
4. *Корефар Х., Пауль М. Я.* Богословие Ветхого Завета. — Черкассы: Коллоквиум, 2018. — 566 с.
5. *МакДональд У.* Библейские Комментарии для Христиан. Новый Завет. — Bielefeld: CLV, 2000. — 1465 с.
6. Новый Библейский Комментарий: в 3 ч. Ч. 2. Ветхий Завет. Псалтирь — Книга Пророка Малахии: Пер. с англ. — СПб.: Мирт, 2000. — 571 с.
7. Славянский библейский комментарий. — Редкол.: С. Санников (гл. редактор), — К.: ЕААА, Книгоноша, 2016. — 1840 с.
8. *Сорокин А.,* Введение в Священное Писание Ветхого Завета. — СПб.: Ладан, 2002. — 360 с.

9. Толкование новозаветных Посланий и книги Откровения. — Гл. ред. Харчлаа П. (пер. с англ. Череватой И.). — Христианское издательство, 1990. — 593 с.
10. Юнгеров П. А. Введение в Ветхий Завет. Книга II. Частное историко-критическое введение в Священные Ветхозаветные Книги. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2003. — 151 с.
11. Юревич Д., *свящ.* Пророчества о Христе в рукописях Мертвого моря. — СПб.: Аксион Эстин, 2004. — 254 с.
12. Slade D. M. The Unity and Authorship of the Book of Isaiah, 2011. — [Электронный ресурс]. — — URL: https://www.academia.edu/7928184/The_Unity_and_Authorship_of_the_Book_of_Isaiah (дата обращения: 22.02.2024).

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 81-11

Арсеньева Алина Алексеевна,
студентка Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова,
aalina2019@mail.ru:

Тимофеева Софья Павловна
старший преподаватель кафедры Р7
Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова,
timofeeva_sp@bk.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА РОБИН ХОББ «КОРОЛЕВСКИЙ УБИЙЦА»

Авторы статьи обращаются к изучению языковых особенностей жанра «фэнтези», ставшего в последние десятилетия одним из самых популярных направлений в современной литературе. Для более детального изучения в статье рассмотрены вопросы разграничения жанров «фантастика» и «фэнтези». Использование различных языковых средств для создания живописного фэнтезийного мира является важным литературным приемом, благодаря которому любой художественный текст выделяется образностью и яркостью, следовательно, их анализ позволяет раскрыть индивидуальность каждого литературного произведения и особенности языка самого писателя. Проанализировав, роман Робин Хобб «Королевский убийца» авторы приходят к выводам, что использование определённой лексики позволяет создать у читателя образ фантастического мира. Во вселенной «фэнтези» можно встретить как мифологических и сказочных созданий, так и обычных персонажей, существующих в нашем реальном мире.

Ключевые слова: фэнтези, фантастика, Робин Хобб, Королевский убийца, языковые средства.

Arsenyeva A. A., Timofeeva S. P.

LANGUAGE MEANS OF CREATING A FANTASY GENRE,
BASED ON THE NOVEL “ROYAL ASSASSIN” BY ROBIN HOBB

This paper turns to the study of the linguistic features of the fantasy genre, which has become one of the most popular trends in modern literature in recent decades. For a more detailed study, the article considers such terms as “fiction” and “fantasy”, since there is no unambiguous opinion among linguists and philologists about the differentiation of genre features. It should be noted that writers of this genre use various language means to create a picturesque fantasy world. The use of various language means is an important literary technique, thanks to which any literary text stands out with imagery and brightness, therefore, their analysis allows people to reveal the individuality of each literary work and the peculiarities of the writer’s own style of language. After analyzing Robin Hobb’s novel “The Royal Assassin”, published in 1996, which is part of the cycle “The Universe of the Elderlings”, the authors come to the conclusion that the use of certain vocabulary allows the reader to create an image of a fantastic world. In the fantasy universe, readers can meet both mythological and fabulous creatures, as well as ordinary characters that exist in this real world. In addition, the works of the fantasy genre are characterized by the existence of magical objects and things, invented by the author specifically for the work — neologisms and occasionalisms (carris seed, elfbark, Elderlings, etc.). Proper names, or as they are commonly called, “speaking” names, also act as important features of books of the “fantasy” genre. With the help of them, the writer gives the reader the opportunity to better understand the character’s characteristics and fully immerse themselves in a fantasy world.

Keywords: fantasy, fiction, Robin Hobb, Royal Assassin, language means.

В современном мире все большую популярность обретают произведения, написанные в жанре фэнтези показывают рекордные цифры по продажам, их популярность лишь только увеличивается с каждым днем, а экранизации по ним приносят огромный доход кинокомпаниям — все эти факты только подтверждают актуальность данного исследования.

Для начала важно будет уточнить, что фэнтези — это один из жанров литературы, в котором описываются приключения героев в вымышленном мире, населенном различными существами. У данного направления нет четкого определения, из-за чего ученые и лингвисты трактуют его по-разному. С. В. Алексеев в своей статье «Фэнтези» приводит следующий вариант трактовки: «У слова фэнтези принято выделять два значения. В узком смысле под фэнтези подразумевают жанр сказочно-мифологической прозы приключенческого характера. Более широкий смысл слова фэнтези охватывает

все направления «ненаучной» фантастики, включая мощный поток мистической прозы и «ужасов», чья история восходит к эпохе романтизма» [1]. В данном определении автор определяет фэнтези как поджанр фантастики.

Нужно отметить, что мнения насчет связи между терминами фантастика и фэнтези до сих пор разнятся: кто-то предпочитает относить фэнтези к одним из поджанров фантастики, когда как другие заявляют, что это разные литературные направления, имеющие некоторые схожие черты. Лингвисты и ученые сходятся на мнении, что наиболее понятную и точную трактовку фэнтези предоставляет справочник «Русская фантастика XX века в именах и лицах»: «своеобразное сращение сказки, фантастики и приключенческого романа в единую («параллельную», «вторичную») художественную реальность с тенденцией к воссозданию, переосмыслению мифического архетипа и формированию нового мира в ее границах» [2]. Здесь автор уже выделяет фэнтези отдельным литературным направлением, в котором присутствуют элементы как реальности, так и фантастики. Как мы видим, ученые по сей день не пришли к консенсусу по поводу данного вопроса, то можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что четкого разграничения между фэнтези и фантастикой так пока и не было установлено, оба термина тесно связаны друг с другом и дополняют один другой. Чаще всего, чтобы разделить понятия «фэнтези» и «фантастика» ученые руководствуются тем, что фантастика выстраивает свои сюжеты, основываясь на науке и ее достижениях, в то время как произведения жанра фэнтези основаны на мифологических и сказочных мотивах, переосмысленных и переработанных авторами [3]. Из данного определения следует, что к фэнтези можно отнести все то, что напрямую нельзя определить к «научной» фантастике.

В волшебных, выдуманных мирах, где реальность и воображение переплетаются, каждое слово, звук, предложение играет важную роль в создании уникальной атмосферы, задуманной автором. Авторы «фэнтези» прибегают к созданию окказионализмов, если нет возможности найти подходящую лексику для передачи образа объекта. Окказионализмы — это индивидуально-авторские слова, придуманные автором произведения специально для создания вымышленного мира книги. Писатель создает их в соответствии с нормами языка или заимствует из других языков. Они неотделимы от произведения, придают произведению большую художественную выразительность. Исследование окказионализмов как особых новообразований получило широкое распространение лишь в середине XX в., однако общепринятого определения не существует по сей день [4].

Важно уточнить, что в языке также присутствует такой термин как неологизм — это лексическое новообразование, созданное различными путями (словообразование, семантические изменения, заимствование, разрушение

уже существующих выражений) в силу необходимости для обозначения новых реалий и для создания новых языковых средств, чтобы выразить идеи, чувства, эмоции данной эпохи. В литературе выделяют авторские неологизмы и они довольно схожи с окказионализмами, однако все же важно не путать их: авторский неологизм — это слово, выдуманное писателем для какого-нибудь объекта, не существующего в реальности, однако устоявшееся в языке (например: дракон, ведьма, зелье, маг и т. д.) Окказионализм же, также как и авторский неологизм, является выдуманным словом, однако встречается только в конкретном произведении и не является устоявшимся в языке (например: Элдерлинги, семена Карриса и т. д.)

Прежде чем будет рассмотрен материал, также важно дать определение языковым средствам. Языковые средства — это средства различных уровней языка, применяемые в различных стилях: фонетический, морфологический, лексический и т. д. [5].

Для проведения исследования был выбран роман «Королевский убийца», написанный Робин Хобб в 1996 году и на основе данных в нем можно рассмотреть какие именно языковые средства автор использует для того, чтобы погрузить читателя в захватывающий мир средневекового фэнтези [6].

Одним из самых важных элементов для создания мира фэнтези в данном романе являются говорящие имена. В «Королевском убийце» практически каждое имя несет в себе какой-то смысл, можно сказать, что автор изначально намекает читателю на то, как именно может сложиться судьба того или иного персонажа. Однако также с помощью этого же средства Робин Хобб создает некую парадоксальность, так как герои в этом произведении зачастую совершают действия, совершенно не соответствующие их символическим именам. Например, главный герой всей саги Fitz Chivalry (на русском: Фитц Чивэл) несет в своем имени намек на то, что он должен поступать подобно рыцарю, однако на протяжении всего романа читатель будет убеждаться, что до рыцарства этому персонажу очень далеко. Еще одним ярким примером может служить Lady Patience (на русском: Леди Пейшенс) — имя данного персонажа заставляет автоматически нарисовать образ терпеливого и спокойного человека, коим девушка абсолютно не является: на протяжении всего романа она не дает покоя другим своим изменчивым настроением и любая мелкая деталь может довести ее до истерики. Не менее интересным примером является Molly Chandler (на русском: Молли Чендлер) — второстепенный персонаж данного романа. Ее имя довольно специфично, так как в отличие от предыдущих, здесь скрытый смысл заложен не в первой его части, а во второй. У слова “chandler” есть несколько переводов, но наиболее точный в контексте романа: «изготовитель и продавец свечей и ароматических масел». И действительно, с самого детства девушка

и имеют каждый своего правителя, которые подчиняются королю — правителю всего государства. В состав Шести Герцогств входят: “Bearnс” (на русском: «Бернс»), “Buck” (на русском: «Бакк»), “Rippon” (на русском: «Риппон»), “Shoaks” (на русском: «Шокс»), “Tilth” (на русском: «Тилт»), “Farrow” (на русском: «Фарроу»). Среди фэнтези произведений довольно популярно давать название государствам на основе того, сколько объектов входит в их состав. Так, похожий пример можно увидеть в известной серии книг Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь Льда и Огня». Государство, в котором происходят события, называется “Seven Kingdoms” (на русском: «Семь Королевств»). Хотя в данном произведении само королевство уже давно состоит не из семи, а девяти объектов, однако архаичное название сохраняется.

Следующим немаловажным составляющим мира фэнтези «Королевского убийцы» являются магические термины. Так, на протяжении всего романа читатель сталкивается с двумя видами некоего дара, которыми обладают члены королевской семьи: “Wit” (на русском: «Уит») и “Skill” (на русском: «Скилл»). Данные термины также несут в себе скрытый смысл: так “Wit”, который переводится на русский как «остроумие», имеет негативный окрас и обозначает дар, способность общаться с природой, чаще с животными, из-за чего он и презируется народом того мира. “Skill” же наоборот означает способность человека, происходящего из древнего рода, проникать в мысли других и даже помыкать ими. Не менее интересным примером магического термина также может служить словосочетание “Hedge magic” (на русском: «Магия ограждения»). Эта

способность, которая дословно переводится как «ограждение», «препятствие» хоть и соответствует своему названию, но все же имеет более широкий смысл в романе: данный магический термин означает не только создание преград, но и предсказание будущего, колдовство на удачу и т. д. В произведении присутствуют также существа, которых персонажи называют “Elderlings” (на русском: «Элдерлингами»). Данный термин можно назвать окказионализмом, так как он отсутствует в каких-либо еще произведениях и был придуман автором специально для конкретного романа. Такое название автор дал мифологическим существам, о которых жители Шести Герцогств рассказывают сказки и легенды: по описанию, указанной в одной из книг в произведении, они были созданиями, которых видели лишь раз, несколько сотен лет назад, поэтому описать, как именно они выглядели никто не может. Их сравнивают с Божествами, которые спустились с небес, чтобы помочь королю победить вражескую армию, атаковавшую земли Шести Герцогств. Уже далее в романе читатель узнает, что Элдерлинги были каменными драконами, которые люди, обладающие «Скиллом» обязаны были сделать самостоятельно из куска скалы и пожертвовать им свои души,

чтобы те могли ожить. Здесь присутствует довольно интересный момент, так как Элдерлинг — это окказионализм, который больше не встретит в других произведениях жанра фэнтези, однако данное слово является обозначением неологизма «дракон», который люди привыкли видеть в книгах о магии и волшебстве. К выдуманным автором словам в этом произведении также можно отнести “Elf bark” (на русском: «эльфийская кора»). Пример окказионализма, который обозначает наименование одного из растений, используемых жителями Шести Герцогств. Эльфийскую кору можно сравнить с кофе: также как и напиток, ее заваривают и употребляют внутрь для прилива сил и устранения усталости на короткий промежуток времени. В романе, однако, она считается опасным растением и ее не рекомендуют употреблять чаще, чем несколько раз в месяц и меньше. Данное растение также считается опасным, так как достаточно быстро вызывает привыкание и передозировка им влечет за собой галлюцинации и путаницу мыслей. Схожим примером является также “Carris seed” (на русском: «семена Карриса»). Также, как и Эльфийскую кору, их можно сравнить с существующим в реальном мире напитком, придающим людям бодрость. По описанию персонажей, семена Карриса обладают куда более сильным действием, чем кора. Когда главный герой рассказывает о том, как данные семена влияют на лошадей, читатель может сравнить данное растение с неким видом допинга, который заставляет любое живое существо чувствовать себя прекрасно, однако после окончания его действия, принявший большую дозу, скорее всего, тут же рухнет без сил. В реальности существует такое растение, как Карисса, что похоже на данный окказионализм с точки зрения написания, однако это единственное, чем они схожи: Карисса — растение, плоды которого используются для приготовления сладостей, а один из его видов добавляется в лекарства.

Мир фэнтези создается в данном произведении также благодаря частому использованию таких существительных как «castle» (на русском: замок), “king” (на русском: «король»), “queen” (на русском: «королева»), “prince” (на русском: «принц»), “kingdom” (на русском: «королевство»), “lord” (на русском: «лорд»), “servant” (на русском: «прислуга»), “dragon” (на русском: «дракон»). Эти слова, в отличие от упомянутых ранее, не были использованы автором в выдуманном смысле, однако именно они являются неотъемлемой частью мира фэнтези, ведь часто события в книгах данного жанра происходят именно в средневековье, поэтому употребление этих слов вполне логично.

В тексте немаловажную роль играет выбор автором глаголов для описания действий персонажей. Одним из самых популярных по частоте употребления глаголов является “to use” (на русском: «использовать»). Он употребляется и по отношению к персонажу (использовать кого-то в своих целях),

и в сторону магии. Герои пользуются своими магическими способностями на протяжении всей книги, что создает мир фэнтези в ней. “to kill” (на русском: «убить»). Также эту роль выполняют следующие глаголы: “to sense” (на русском: «чувствовать») и «to believe» (на русском: «верить»). В книге рассказывается о такой магической способности, которую можно сравнить с телепатией. Как объясняет автор, ее не понимают обычные люди, поэтому глагол «to sense» часто используется в связке со словами “Skill” и “Wit”. Главный герой сталкивается с несколькими персонажами, которым ему приходится доказывать, что он обладает магическими способностями, поэтому глагол “to believe” также чаще всего используется вместе с названиями сил героев: “Skill” и “Wit” [6].

В результате анализа языковых средств, использованных в романе Робин Хобб «Королевский убийца», можно сделать вывод, что автор мастерски создает атмосферу вымышленной вселенной фэнтези и читатель полностью поглощается миром магии. Жанровые элементы, такие как магия, сказочные существа и сражения, органично вписаны в повествование, делая произведение увлекательным и захватывающим. С помощью окказионализмов, средневековых реалий, детального описания фэнтезийного мира автор, создавая живописные образы, погружает читателя в вымышленные миры, тем самым заставляет читателя переживать всю гамму эмоций вместе с героями. Роман «Королевский убийца» является прекрасным примером того, как языковые средства могут создавать удивительный мир фэнтези.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. В., Володихин Д. М.* Фэнтези. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.krugosvet.ru/print/40597> (дата обращения: 28.03.2024).
2. *Мещерякова М. И.* Русская фантастика XX века в именах и лицах: Справочник / Под. ред. Мещеряковой М. И. — М.: Мегатрон, 1998. — 12 с.
3. *Козьмина Е. Ю.* Фантастика XX века в жанровом освещении / научный диалог. — М.: Гнозис, 2017. — 157 с.
4. *Захарова О. С.* К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «понятийное слово». [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sootnosheniya-ponyatiy-okkazonalizm-i-potentsialnoe-slovo> (дата обращения: 27.04.2024).
5. *Приходько В. К.* Выразительные средства языка: учебное пособие — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 256 с.
6. *Robin Hobb*, *Royal Assassin*. — New York: Harper Collins Publishers — 1996. — 675 p.

Батурин Даниил Антонович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, медиа и журналистики
Тюменского государственного университета,
kvark@nextmail.ru

ОРЕСТ МИЛЛЕР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ЭПОСА

В статье раскрывается академическое наследие известного петербургского славянофила, фольклориста и историка литературы Ореста Федоровича Миллера, в частности исследуется компаративистское содержание докторской диссертации О. Миллера «Илья Муромец и богатырство Киевское». Также предпринимается попытка взглянуть на О. Миллера не просто как на фольклориста, но как на уникального ученого, предвосхитившего компаративистские, литетуроведческие и даже религиоведческие тренды, которыми будут увлекаться исследователи славянского фольклора и эпоса в XX веке.

Ключевые слова: фольклор, эпос, миф, архетип змеборца, богатыри, небесные боги.

Baturin D. A.

ORESTES MILLER AS A RESEARCHER OF SLAVIC FOLKLORE AND EPIC

This article reveals the academic heritage of the famous St. Petersburg Slavophile, folklorist and literary historian Orest Fedorovich Miller; in particular, it explores the comparativist content of O. Miller's doctoral dissertation "Ilya Muromets and Bogatyrstvo Kievan". It also makes an attempt to look at O. Miller not just as a folklorist, but as a unique scholar who anticipated comparativistic, literary and even religious studies trends, which will fascinate researchers of Slavic folklore and epic in the XX century.

Keywords: folklore, epic, myth, archetype of the serpent fighter, bogatyr, heavenly gods.

Имя Ореста Федоровича Миллера (1833–1899) — славянофила и крупнейшего фольклориста второй половины XIX века известно сегодня очень

небольшому кругу литературоведов. Как еще с горечью отметил в одной из своих работ петербургский историк философии, профессор Алексей Валерьевич Малинов «отечественная литература не богата исследованиями о Миллере. Если бы не мемориальные работы учеников (Б. Б. Глинского и И. А. Шляпкина), изданные вскоре после смерти петербургского профессора, то можно было бы сказать, что изучение творчества Миллера практически не начиналось» [2, с. 148]. Орест Федорович Миллер был активным общественным деятелем, писателем, публицистом и плодовитым ученым, который придерживался направления академического славянофильства. Его авторству принадлежат учебник «Опыт исторического обозрения русской словесности», первая, изданная в России обширная биография, посвященная Ф. М. Достоевскому, сборник критических статей «Русские писатели против Гоголя», и, конечно же, фундаментальный труд по фольклористике и русскому эпосу «Илья Муромец и богатырство киевское», написанный в русле популярной тогда мифологической школы в этнографии. О. Миллер (тогда еще Оскар, имя Орест он примет позднее при крещении в православие) родился в лютеранской семье 4 августа 1833 года в Гаспале Эстляндской губернии в немецко-шведской семье. Его отец, Фридрих Миллер был таможенным чиновником, а мать, Аделаида Миллер происходила от именитого рода немецких баронов Унгерн-Штернберг. К сожалению, мальчик рано лишился обоих родителей: мать Оскара умерла при родах, а отец скончался, когда Оскару исполнилось три года, поэтому он был взят на воспитание своим дядей — Иваном Петровичем Миллером и его супругой, Екатериной Николаевной Чириковой. Благодаря своей новообретенной семье, Миллер получил блестящее русскоязычное образование, привившее ему любовь к русской культуре и фольклору, и, как позже напишет сам Миллер, именно благодаря своему дяде, читавшему вместе с ним, он познакомился и полюбил творчество русских писателей — Киреевского, Рыбникова и Аксакова. Повзрослев, Миллер с улыбкой будет вспоминать об этой их «необычной» привычке: «чтением этих листов нередко наслаждался со мною и мой покойный дядя, и то влияние, какое производили они на него служили для меня убедительным доказательством, какую могучею силою притяжения, помимо всякой насильственной преднамеренности, обладает народность русская над теми из наших инородцев, которые воспитались под ее влиянием <...> как бы то ни было, но то могучее чувство народности, которое вдруг меня охватило и в силу которого я с тех пор посвятил свою жизнь изученью народности и родной старины, — это чувство сблизило меня короче и задушевнее прежнего с моим дорогим... покойником» [3, с. 12]. Такое глубокое увлечение русской культурой и литературой, идущее с самого детства, способствуют тому, что Миллер в 15 лет осознанно крестится и примет православие (1848).

Дядя писателя, Иван Петрович Миллер, состоя на военной службе, часто вынужден был менять место жительства, вместе с ним всегда переезжала и вся семья. Но, окончив впоследствии военную службу в чине генерал-лейтенанта и выйдя на пенсию, Иван Петрович Миллер окончательно поселился со своей семьей в Петербурге. Благодаря данному обстоятельству Орест смог в 1851 году исполнить свою заветную мечту и поступить на историко-филологический факультет Петербургского университета, который он блестяще закончит с золотой медалью. В 1859 году Министерство народного просвещения удостоивает Ореста Миллера звания титулярного советника. В 1860 году при непосредственном содействии К. Д. Ушинского Миллера приглашают учить русской словесности воспитанниц Смольного института, в 1861 году Миллер преподает также в Мариинском институте. Известно, что в период с 1862 по 1863 год, когда Миллер уезжает в командировку в Прагу и Берлин для научных занятий, писатель смог встретиться с самим Я. Гриммом. В 1863 году Орест Миллер удостоивается звания приват-доцента Петербургского университета, через восемь лет он уже ординарный профессор. В университете за О. Миллером быстро закрепилась репутация человека, имевшего высокие нравственные качества. Как вспоминал один из его учеников, будущий академик С. Ф. Платонов: «его нравственный кредит стоял очень высоко, а его исключительная гуманность и доброта нам всем была известна по его деятельности в Обществе вспомоществования студентам, где он являлся очень тактичным другом и помощником всякому бедняку. Такова была высокая моральная личность Миллера» [5, с. 111]. Общественные взгляды О. Миллера в целом были близки славянофилам, в области литературы Миллер больше всего интересовался творчеством Гончарова, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Он довольно много печатался в крупных литературоведческих журналах, таких, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Исторический вестник» и многих других. Впоследствии вся публицистика О. Миллера будет собрана и издана в виде единой книги, получившей название «Русские писатели против Гоголя». Интересно отметить и большой интерес писателя к русской народной словесности. Так, например, в одном из своих писем к А. А. Котляревскому он писал: «что касается моего сочувствия славянофилам, то я скажу Вам, что, кроме тех сочувственных сторон, которые и Вы признаете в них, они дороги для меня потому, что только благодаря им я стал заниматься народной словесностью. Не университетские лекции, а сборники Киреевского и Рыбникова и некоторые статьи “Дня” были в этом отношении моею первой школой» [4, с. 100]. Подобный искренний интерес О. Миллера к народной словесности побуждает его к написанию большой монографии «Илья Муромец и богатство Киевское» (1869), ставшей его исследовательской *magnum opus* — докторской диссертацией.

Итак, в своей монографии О. Ф. Миллер осуществлял то, что мы сейчас называем «археологическим подходом» к изучению гуманитарных наук. Он считал, что каждый род произведений народной словесности заключает в себе несколько последовательных слоев, которые должны быть распознаны критиком и исследователем. Состояние народной словесности, утверждал Миллер, представляет «нечто подобное состоянию земной коры, а наука народной словесности является своего рода палеонтологией» [3, с. 33]. Основное свое внимание Миллер сосредотачивает на мифологических основаниях русского эпоса. Так, он предлагает разделить поколение богатырей на «старших» и «младших» и, в духе мифологической школы, считает, что в смене поколений богатырей отражается летне-зимний цикл смены времен года: «временем богатырей старших <...> в нашей народной мифологии обозначалась та пора года, когда господствуют сплошные, охватившие целое небо, холодные зимние тучи, неподвижно лежащие, как гора; или же когда разрушительная сила хранимого ими холода обращает всю землю как бы в подобие того хрустального ларца, из которого выходит жена Святогора» [3, с. 282]. Имя Святогора — это на самом деле образ тучи или горы, а хрустальный ларец в котором Святогор держит свою супругу — это образ зимнего холода, сковавшего деву. Точно так же и многолетнюю «спячку» Ильи богатыря с последующим пробуждением Миллер трактует, как образ весеннего божества, собирающего силы для нового пробуждения. Таким образом, Миллер предполагает, что в эпосе произошла трансформация «старших» божеств холода в «младших» божеств тепла.

Как мы указывали выше, Миллер стоит на позициях популярной в середине XIX века мифологической школе в этнографии и фольклористике, поэтому многие выводы автора очень близко пересекаются со знаменитыми «Поэтическими воззрениями славян на природу» другого фольклориста и слависта, А. Н. Афанасьева. Оба исследователя исходят из одинаковых предпосылок, согласно которым изначальный миф раскрывается в слове-поэзии как элемент сезонного обряда или ритуала, посвященного смене времен года. Таким образом, согласно Миллеру и Афанасьеву — миф, имплицитно разыгрываемый в слове и ритуале, представляет собой на самом деле символическую интерпретацию диалектически противостоящих друг другу стихий тепла и холода, лета и зимы как противоборства сил света и тьмы. Как и для Афанасьева, для Миллера важнейшим образом является образ бога-громовника, пронзающего молниями массив туч, в образе бога-громовника Миллер подразумевает и знаменитого Илию-богатыря и Дуная, и многих других персонажей славянского эпоса. Миллер старается вывести универсальную формулу эпического сказания, согласно которому в любом эпическом сюжете содержится трёхчастная формула, в которой персонификация

бога-грозы как светлого (летнего) начала борется с темным (зимним) существом из-за другого существа, провоцирующего конфликт. Так, например, былину о противоборстве Ильи с Соловьем-разбойником О. Миллер рассматривает как битву-громовника Ильи против темного божества, Соловья, для того чтобы очистить весеннее небо для возвращения Солнца, князя Владимира Красно Солнышко.

Интересно отметить и амбивалентный характер самого князя Владимира, который с одной стороны интерпретируется автором как Солнце, с другой стороны Миллер прямо связывает фигуру Владимира с индоевропейским богом неба, вдохновляясь другим знаменитым фольклористом и археологом Дмитрием Отговичем Шеппингом: «Шеппинг, сводя Владимира со сказочным *отцом* трех братьев, видит в нем наследника того *невозмутимого спокойствия и величественного отдаления*, в каком постоянно пребывает этот *отец*. Как в «величаво — покойной личности солнышка Киевского», так и в сказочном, «объективно спокойном отце самого дневного светила», г. Шеппингу слышится отголосок первобытного «Урана — Сварога, пратоца богов и повелителя вселенной» (По первоначальному смыслу своему он *бог-небо*). Как отец солнца, он и сам солнце, почему и Владимир носит постоянный эпитет *красного солнышка* в наших былинах. Странно, что самое имя Владимира (владыка мира) случайно выражает собою свое древнейшее значение, хотя положительно можно сказать, что имя Владимира слово-созвучием своим заменило в наших преданиях древнейшее, чисто мифологическое прозвище божества неба и солнца, если не тождественное с Волосом, скотийм богом наших летописей, то находящееся, по крайней мере, в близком филологическом средстве с ним и с симитийским Ваалом, или Бель, отразившимся и во множестве выражений, имен и теогоний всех старейших племен Европы» [3, с. 395]. Мы сразу отметим, что здесь О. Миллер, высказывает удивительное единодушие не только с Шеппингом, но и с целым пластом уже религиозических исследований, неожиданно открывших в конце XIX века факт всеобщего в религиях древнего мира представления о небесных божествах или небесном боге. Так, например, на данный факт указывал знаменитый британский санскритолог М. Мюллер, который старался выявить небесного бога в культуре туранцев, семитов, и арийцев: «мы обнаружили, что Высшее Божество называлось одним и тем же именем в древней мифологии Индии, Греции, Италии и Германии и сохраняло это имя, поклонялись ли ему в горах Гималаев или среди дубов Додоны, на Капитолийском холме или в лесах Германии. Я указал, что его именем было Дьяус — на санскрите, Зевс — на греческом языке, Ювис — на латинском, Тиу — на немецком <...>. В ведах мы находим воззвание к Дьяусу-патару, у греков — к Зевсу-патару, у римлян — к Юпитеру: что означает на всех

трех языках и означало еще до того, пока они не были разделены, — Небесный Отец!» [9, р. 106–107]. Небесный отец существовал и в Месопотамии, почитаемый изначально под видом Ану и символически обозначавшийся в виде идеограммы dingir¹. Как предполагал уже в XX веке британский религиовед Эдвин Оливер Джеймс, таким небесным божеством вполне мог быть изначально летающий в небесах подобно соколу египетский бог Солнца Горахти, «Гор горизонтов», который с еще тремя Горами составляли Четверку Горов восточного неба; их представляли «четырьмя юношами, сидящими на восточном краю неба, с вьющимися волосами» [8, р. 14]. Как указывает Эдвин Оливер Джеймс, позднее образ Горахти мог быть отождествлен с солнечным божеством Ра-Атумом в единое синкретическое божество неба и солнца — Ра-Горахти-Атум [8, р. 15–16]. Данная двойственность Ра-Горахти-Атума как небесно-солнечного божества обнаруживает занимательную корреляцию с предположением О.Миллера, что и за фигурой Князя Владимира в русских былинах прячется небо или солнце. Но что еще более интересно, Миллер пишет, что фигура князя Владимира как будто бы отесняется на периферию былин по причине своей праздности: «Еще более недействительным с известной точки зрения, могло представляться *небо*, и вот о мифическом смещении его с солнцем также говорит г. Афанасьев: «от того же корня *sur* (легшего в основу *Сварога*) произошли греч. ηλιος, лат. sol, готск. sauil, франц. soleil, лит. saule, наше *солонь* (солнце), в которых буква L по известному грамматическому закону сменила звук r, остающийся в санскр. suris, suryas, греч. σεῖριος, σεῖρ, лат. sirius; иногда обе эти буквы опускаются, откуда образовалась другая санскритская форма sunas, sunus, готск. sunna, sunno, немец. sonne. В связи с этими данными слово «svarga» употреблялось и в смысле прозвания солнца как светлого, блестящего бога, шествующего по небесному своду». Солнце мифически могло, наконец, заменять небо на основании т. н. pars pro toto. Представляясь в мифах известного рода со стороны страдательной (в других оно могло становиться и деятельным божеством), оно в них уступало роль действующей, ратующей силы громовнику, который, обороняя солнце-небо, являлся сокрушителем то сплошных, долговременно гнездящихся в небе, то лишь порою, хотя и стремительно, яро, на него напирających темных туч» [3, с. 396–397]. Данный фрагмент, в котором Миллер указывает на страдательную сторону солнца-неба, которое уступает место богу-громовнику, очень напоминает известную в религиоведении гипотезу о deus otiosus, описанную в книгах румынского религиоведа М. Элиаде, согласно которой верховное Существо в религиях неизбежно утрачивает свою религиозную актуальность, культовое значение.

---

¹ Дингир переводилось на аккадский язык как эллу — «светлый, сияющий».

И как следствие место этого небесного бога, как всемогущего бога-создателя, всегда занимает фигура поменьше, бога-оплодотворителя, как правило, связанного со стихией дождя [7, с. 138–139]. Вообще гипотеза о существовании индоевропейского небесного бога в славянской культуре будет волновать многих исследователей славянской культуры. Так, поисками небесного бога у славян много позже О. Миллера занимались слависты Александр Гейштор и Генрик Ловмянский, которые неоднократно высказывали предположение о существовании у славян древней веры в Перуна, который согласно исследователям, в сущности своей был «модифицированным богом неба». Существовала в славистике и альтернативная точка зрения, которая рассматривала уже Стрибога, а не Перуна, как персонификацию индоевропейского бога неба. Похожие трактовки можно например встретить у французского лингвиста Марка Вея в статье «к этимологии древнерусского стрибогъ» где лингвист указывает что «stri может быть рефлексом ptri», интерпретируя Стрибога как небесного отца «если у славян сохранилось название «неба-бога» или «небесного отца», то для него следует ожидать форму, восходящую к pater bhagos <...> предполагается показать, что такой формой могло быть древнерусское Стрибогъ» [1, с. 96]. Причем точку зрения Вея поддержал и знаменитый Борис Александрович Рыбаков «слово «Стрибог» является не столько собственным именем, сколько эпитетом, определением верховного божества как отца Вселенной. Сварог («Небесный»), Стрибог («Бог-отец») и, как увидим далее, Род («Рождающий») — все эти слова могли обозначать одно патриархальное мужское божество, пришедшее на смену архаичным представлениям о Небесных Владычицах» [6, с. 432–433]. Таким образом, предположив вслед за Шеппингом, что за фигурой былинного князя Владимира Красно Солнышко скрывается небесное божество, Орест Миллер стал одним из первых в истории отечественной славистики и фольклористики исследователей, обнаруживших религиозный нерв, до сих пор волнующий широкий круг антропологов и религиоведов, занимающихся поисками мнимума или истока религии. Заметим, что и сам вопрос о существовании индоевропейского небесного бога у славян внимательно исследовался в работах Вяч. Вс. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе. Получается, что, несмотря на свою яркую принадлежность к раскритикованной современными историками мифологической школе, некоторые спекулятивные построения О. Миллера, подвергшись оглушительной критике со стороны современников, все-таки нашли некоторое основание в современной фольклористике, религиоведении и славистике. Мы находим несправедливым по отношению к столь неординарному автору, что имя его претерпело историческое забвение, поскольку общий вклад О. Ф. Миллера для развития сравнительного литературоведения и наук, занимающихся анализом мифов не оценим уже

хотя бы тем, что в рамках компаративистики Миллер, задолго до знаменитой теории «осевого мифа» В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова, предложил гипотезу об «общеарийском круге змеборцев» — взаимосвязи ключевых мифологем, связанных с поединком мифологического героя, олицетворяющего грозу со змеем, усмотрев типологическую связь между богатырями и персонажами индоевропейской мифологии. Так, О. Миллер уже указывал на общность данного сюжета в своей монографии, также рассмотрев и общий для мировых эпосов сюжет о поединке отца с сыном: «в основе сказания о бое отца с сыном, одного из повсеместно распространеннейших, должно заключаться мифическое начало. Оно, конечно, могло представлять и некоторое соответствие с нравами в те отдаленные времена, когда общества были основаны на одном рабски-беспрекословном повиновении старшему младших, когда так называемая патриархальная власть должна была вызывать по временам своим самодурством отпоры самого кровавого, самого зверского свойства. Позже, при смягчении нравов, при переходе к такому устройству общества, когда оно начинает основываться на началах любви, становится свободным союзом людей, должна была оскутиться и потребность в смягчении зверских сказаний, по наследию доставшихся от старины. Вот тогда-то, но только тогда, трагическая развязка занимающего нас предания могла переделаться мало-помалу в счастливую» [3, с. 53]. Но автор идет еще дальше и рассматривает типологическое сходство данного лейтмотива с греческой мифологией, проводя параллель с Одиссеем: «к двум иностранным изводам трагического содержания можно наконец прибавить и еще один (из круга преданий классических), оканчивающийся трагически для отца. Я разумею передаваемое Телегонию Эвгаммона сказание об Одиссее, которому тут предсказано, что он погибнет от руки сына. Сын этот — Телегон, рожденный им, как и Рустемом Зораб, Клизамором — Картон, вдали от своих, на очарованном острове, от Кирки (Цирцеи). Кроме того, им рожден еще и другой незаконный сын от связи с другою женщиной. После смерти ее, возвращаясь на свою Итаку, он встречается там с Телегоном, давно уже отыскивающим отца. Телегон теперь находит его, но, не зная, что это его отец, враждебно им встреченный за разбой, производимые им (Телегоном) на Итаке, вступает в бой с Одиссеем, — и убивает его» [3, с. 61–62]. Таким образом, О. Миллер приходит к оригинальной и ни кем не высказанной после него идеи классификации данного сюжета на два подсюжета, в одном из которых в результате поединка гибнет отец (Одиссей против Телегона, Артур против Мордредра, Эдип против Лаия), в другой погибает сын (Соколик против Ильи Муромца): «первичная основа сказания о бое между отцом и сыном распалась, по-видимому, на две ветви: в одной сын погибает от руки отца, в другой отец — от руки сына» [3, с. 62].

Интересно отметить, что в поединке Ильи против Соколика, Орест Миллер снова возвращается к идее индоевропейского небесного бога и интерпретирует уже богатыря как персонификацию неба: «отец этот, Илья Муромец, должен тут приниматься еще в древнейшем, широком значении неба. Молниеносец-громовник, порожденный им от союза с тучей, посягает на своего отца — застилая его целым множеством сопряженных с грозой туч. Но небо-отец оказывается могучее: против молний своего сына высылает он свои молнии; душевные тучи, нагроможденные сыном, он ими рассекает, разбивает на полы или в крохи, и снова является во всем блеске ярким безоблачным небом. Наконец и встречающийся в сербских песнях бой между братьями может быть мифически объяснен, как бой или между перекрещивающимися, как враждебными молниями, или даже как бой между молнией и солнцем: если по одному мифическому представлению секущая молния является освободительницей солнца от полонивших его туч (его мстительницей-воскресительницей); то не менее сообразно с природою и другое — что молния, всегда сопряженная с умножением туч, как бы собирает их против солнца, вооружается ими против него» [3, с. 739]. Правда, в данном сюжете вскрывается определенная нелогичность или непоследовательность самого Миллера, который в других местах пишет об Илье как о громовнике, а не о Соколике: «Орлом же представляется в различных местах Эдды и другой великан, Тиасси, даже совершенно подобно нашему Соловью гнездящийся на дубах и убиваемый богом летней поры, громовником Тором, который, как видели мы, во многом соответствует первоначальному мифическому существу, скрывающемуся в нашем Илье» [3, с. 383–384]. «В качестве силы, служебной Илье-громовнику, Соловей отчасти является и в том пересказе, где ему поручается сторожить коня Ильи» [3, с. 386]. «В предании о Соловье разбойнике первым существом является Илья Муромец — первоначально громовник-молниеносец; вторым — Соловей разбойник — первоначально сплошное, свистом ветров возвещаемое и реками дождей сопровождающееся злое ненастье» [3, с. 394]. Данная двойственность фигуры Ильи у Миллера, сначала как громовника, потом как небесного божества, в зависимости от контекста анализируемого им сюжета былин, к сожалению, вскрывает на наш взгляд, не совсем академическую жажду автора привязывать все былинные сюжеты к своей мифологической теории, жертвуя ради гипотезы ценными архитектурными элементами, что неизбежно редуцирует не только грандиозные сравнительно-литературоведческие идеи Миллера, но и упрощает взгляд на всю мифологию и фольклор в целом. Что в какой-то степени обесценивает исключительную эрудированность автора, который в духе классической компаративистики указывает, например, на значительные совпадения между русскими, германскими, а также

персидскими мифами и эпосами: «первой чертой (выбором опасной дороги) Илья Муромец совершенно напоминает германского Видгу и иранского Рустема. Что касается второй черты — выхода на опасный путь безоружным, то точно также выходит против чудовища Гренделя Беовульф (в англосаксонской поэме VII в.), только тут это служит особым проявлением похвалы своим мужеством, а отчасти и великодушием воинским. «Не с помощью меча изведу я его, говорит Беовульф; — ему самому не знакомо оружие». — Замечательно, что Зимрок в примечаниях к своему переводу «Беовульфа» указывавший, между прочим, на черты мифического сходства этого богатыря с богом Тором, говорит про последнего: «перед одним из своих походов, и он однажды дал себе слово не пользоваться своим оружием — молотом». Таким образом, и эта черта, в свою очередь, сближая Илью Муромца с Тором, отодвигается, по своей основе, в отдаленную глубь мифическую, смысл которой для нас в настоящее время уже неясен» [3, с. 400–401].

Впрочем, спорные выводы не должны отменять для нас тот факт, что О. Миллер во многом явился подлинным инноватором, человеком, предопределившим компаративистские, литетуроведческие и даже религиоведческие интенции, которыми будут заниматься исследователи славянского фольклора в XX веке. Как мы упоминали выше, идеи моносюжета, совпадающего в былинной и мифологической литературе, получают свое пристальное внимание у В. Я. Проппа и В. Н. Топорова, во многом опираясь на идеи О. Миллера будут писать и легендарные историки, филологи, фольклористы и антропологи, Вяч. Вс. Иванов, Тамаз Валерианович Гамкрелидзе, Владимир Александрович Сафронов и многие другие ученые, которые будут заниматься проблемой поиска универсального сюжета битвы громовника со змеем в мировой мифологии. Похожие на О. Миллера идеи будет описывать и наш знаменитый славист Б.А. Рыбаков и замечательный литературовед, и лингвист В. М. Жирмунский. Можно в принципе даже сказать, что работа О. Миллера во многом предопределила тот академический рисунок, по которому будет развиваться литературоведческая, филологическая и отчасти религиоведческая работа в гуманитарной академической среде на протяжении XX века. Учитывая новаторский характер и грандиозный масштаб проделанной О. Миллером работы, данный бесценный компаративистский материал и научные выводы О. Миллера, несомненно, представляют большой интерес сегодня не только для узкоспециализированных специалистов, но и для всех интересующихся историей литературы, фольклористикой и мифологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вей М. К этимологии древнерусского «Стрибог» // Вопросы языкознания. — 1958. — № 3. — С. 96–99.

2. *Малинов А. В.* Петербургский славянофил Орест Федорович Миллер / А. В. Малинов // Вече. — 2016. — № 28. — С. 147–200.
3. *Миллер О. Ф.* Илья Муромец и богатырство киевское: сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса / О. Ф. Миллер. — М.: Академический проект, 2023. — 1103 с.
4. Письма А. А. Котляревского к О. Ф. Миллеру / Публ. З. И. Власовой // Из истории русской фольклористики. — Л., 1990. — Вып. 3. — С. 81–103.
5. *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. — 1921. — Кн. 2. — С. 104–133.
6. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М.: Наука, 1994. — 608 с.
7. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. А.П. Хомика. — М.: Академический проект, 2019. — 254 с.
8. *James E. O.* Worship of the Sky-God: a comparative study in Semitic and Indo-European religion / by E. O. James. — London: Athlone Press, University of London, 1963. — 175 p.
9. *Müller F. M.* Introduction to the science of religion: four lectures delivered at the Royal Institution, in February and May, 1870 / by F. Max Müller. — New edition. — London: Longmans, Green, and Co., 1882. — 341 p.

Богомолов Арсений Николаевич
преподаватель Государственного
автономного образовательного учреждения
среднего профессионального образования
Республики Крым
«Ялтинский медицинский колледж»,
gvoievodin@mail.ru

МИФ О ФАУСТЕ: ОТ ИСТОКОВ ДО ТРАНСГУМАНИЗМА

Фаустовский миф имеет богатую и сложную историю, делящуюся с его зарождения в период Реформации до настоящего времени. В данной статье анализируются смысловые элементы и тенденции развития мифа о Фаусте в процессе его эволюции. Особое внимание уделяется культурно-исторической обстановке, способствовавшей его содержательной трансформации. Хотя трагедия Гёте, появившаяся в этот период, была воспринята последующими поколениями интеллектуалов, как главное и чуть ли не единственное выражение фаустовского мифа, в статье прослеживается более широкая панорама эволюции этого мифа. Показано, что к XIX веку фаустовский миф обогащается новыми смежными образами и смыслами, выходя за рамки одного канонического персонажа. Образ Фауста дополняется фигурой Виктора Франкенштейна. Франкенштейн был задуман как фигура символическая, призванная отразить страхи, связанные с научно-техническим прогрессом, в конечном итоге стал одним из наиболее влиятельных образов в европейской культуре. Одной из центральных «франкенштейновских» тем стала тревога о том, какое зло могут принести неконтролируемые действия высокомерных ученых, вооруженных мощными технологиями. В заключении прослеживается, как фаустовский миф отражается в современных идеях трансгуманизма и обладает франкенштейновскими и фаустовскими чертами.

Ключевые слова: образ Фауста, Просвещение, трансформация, трансгуманизм, Франкенштейн, Мэри Шелли.

Bogomolov A. N.

THE MYTH OF FAUST:

FROM THE ORIGINS TO TRANSHUMANISM

The Faustian myth has a rich and complex history, lasting from its inception during the Reformation to the present. This article analyzes the semantic elements and trends in the development of the myth of Faust in the process of its evolution. Special attention is paid to the cultural and historical environment that contributed to its meaningful transformation. Although Goethe's tragedy, which appeared during this period, was perceived by subsequent generations of intellectuals as the main and almost the only expression of the Faustian myth, the article traces a broader panorama of the evolution of this myth. It is shown that by the XIXth century, the Faustian myth was enriched with new related images and meanings, going beyond one canonical character. The image of Faust is complemented by the figure of Victor Frankenstein. Frankenstein was conceived as a symbolic figure designed to reflect the fears associated with scientific and technological progress, and eventually became one of the most influential images in European culture. One of the central "Frankenstein" themes was the anxiety about the evil that the uncontrolled actions of arrogant scientists armed with powerful technologies can bring. In conclusion, it is traced how the Faustian myth is reflected in modern ideas of transhumanism and has Frankenstein and Faustian features.

Keywords: the image of Faust, Enlightenment, transformation, transhumanism, Frankenstein, Mary Shelley.

Фаустовские темы сегодня снова очень актуальны в связи с идеями трансгуманизма. Фаустовский миф имеет богатую и сложную историю, делящуюся с его зарождения в период Реформации до настоящего времени. Первая литературная обработка этого мифа появляется в протестантской среде в 1587 года. При этом особую роль в начале его развития сыграла пьеса английского поэта Кристофера Марло (1564–1593) «Трагическая история доктора Фауста», в которой наиболее ярко были выражены ренессансно-титанические воззрения [6].

В период с XVII до первой половины XVIII веков этот миф продолжал существовать по преимуществу в фольклорных дискурсах. Фауст оставался популярным героем кукольных театров и развлекательной литературы, утрачивая титанические черты. Во второй половине XVIII века фаустовский миф получил новый импульс к развитию в связи с трансформацией культурной ситуации в Европе под воздействием Просвещения. В конце XVIII в. фаустовский миф возрождается молодыми интеллектуалами Германии, участниками движения «Буря и Натиск». В их произведениях Фауст становится воплощением возвышенных человеческих устремлений. Своей

кульминации эти процессы достигли в работе Гёте над трагедией «Фауст» (1773–1831).

Гётевский «Фауст» значительно отличался от предыдущих трактовок этого мифа. В интерпретации И. Ф. Гёте (1749–1832) Бог спасает душу Фауста, несмотря на совершённые им злодеяния. В этом отношении фаустовский миф в трагедии веймарского гения унаследовал свойство, определенное ещё Г. Э. Лессингом (1729–1781), переосмыслившим этот миф в русле идей Просвещения. Лессинг первым оправдывает дерзновенного Фауста за его стремление к знанию. В произведении Гёте договор между Мефистофелем и Фаустом отличается от предыдущих вариантов мифа: не Фауст инициирует сделку. Гётевский Фауст не ищет удовольствий или магического знания. Он мучим тоской и переживает экзистенциальный кризис, поэтому предлагает Мефистофелю необычное условие: когда он испытает полное удовлетворение, лишь тогда дьявол может забрать его душу. Бог вступает с дьяволом в спор о человеческой природе, и в этом споре душа Фауста является ареной противостояния. Гёте использует интригу подобную той, что известна из ветхозаветной Книги Иова. Бог против дьявола, арена их противостояния — человеческая душа. Смысловый акцент переносится на внутренний мир человека, что делает миф о Фаусте практически неисчерпаемым и общечеловеческим. Фауст, в представлении Гёте, — олицетворение всего человечества, и его путь — это путь всей цивилизации. Новый образ Фауста приобретает универсальную человечность. Фауст стремится испытать всю полноту человеческой экзистенции, хочет испытать всю меру радостей и страданий человечества. Утверждение Дела становится основой фаустовского жизненного принципа («В начале было Дело») Суть бытия — в деянии. Всё фаустовское стремится к деятельному обладанию и покорению внешнего мира [2, с. 66].

С момента своего появления гётевский шедевр стал значительно влиять на последующее развитие фаустовского мифа и его толкования.

В первой половине XIX в. миф о Фаусте волновал не только Гёте. Так, в 1829 году появилась трагедия Христиана Дитриха Граббе (1801–1836) «Дон Жуан и Фауст» в которой немецкий драматург в традициях, отчасти близких к движению «бури и натиска» обрисовал сразу двух великих героев европейской культуры У Христиана Дитриха Граббе можно увидеть, что оба героя являются носителями демонического начала, где Фауст олицетворял демонизм разума, а Дон Жуан — демонизм чувственного наслаждения. Фауст принадлежит миру слова, а Дон Жуан — это воплощение абсолютной чувственности, порождение духа музыки [3].

Одновременно с этим в романтической фаустиане усиливались боготорческие тенденции, наиболее ярко отраженные в позднем романтизме

у Николаса Ленау (1802–1850) в его поэме «Фауст». В его интерпретации мифа о Фаусте явственны пессимистические настроения. Фауст лишается просветительского «прощения». Если у Гёте договор представляется как следствие пари между Господом и Мефистофелем, где на кону стоит душа Фауста, то в поэме Ленау договор носит характер пакта союзников, объединившихся в борьбе против Бога, где Мефистофеля интересует не столько душа Фауста, сколько его помощь в войне против Бога и мира [5].

Рассматривая эволюцию мифа о Фаусте следует обратить внимание на некоторые исторические и культурные обстоятельства, в которых этот миф развивался. В этом смысле в истории Европы своеобразной точкой бифуркации, вероятно, можно считать Великую Французскую революцию, в которой сошлись идеи Просвещения и романтическое стремление к переустройству действительности. Романтизм это не просто реакция на Французскую революцию, но отчасти её движущая сила, которая привела к попыткам переустроить мир. Значительные явления европейской культуры первой половины XIX века не могут быть вполне осмыслены без учета последствий Великой французской революции. Неудачные попытки построить общество на началах разума, приведшие к насилию, революционным войнам, поколебали веру многих европейских интеллектуалов в просветительские идеи. Общественные отношения в Европе на рубеже XVIII–XIX веков едва ли отвечали идеалам просветителей. Попытка пересоздания действительности на основе принципов Просвещения, породила революцию как триумф насилия, оставив неизгладимый след на просвещенческой идее преобразования мира, посеяв чувство недостижимости идеала. Идеальный образ преобразованного мира был все дальше от созданной человеком действительности, в которой приходилось жить. Недостижимость идеала пробуждала ощущение расколотости. Разрыв между идеалом и действительностью служил источником трагизма как свойства романтического фаустовского мифа. Таким образом, романтическое мироощущение с его крайним индивидуализмом, стремлением к активному пересозданию действительности и страстью к познанию тайн бытия оказывается созвучным фаустовскому мировоззрению. Вместе с тем накопленная европейской историей инерция не изменила общую траекторию движения Запада, шедшую по пути покорения и преобразования мира. В эпоху промышленной революции: изобретения машин, применения пара, а позже и электричества, быстрого роста научно-технического прогресса — происходил грандиозный слом и преобразование старого мира. В этом отношении можно осторожно провести параллель между XVI веком — веком зарождения мифа о Фаусте, первой половиной XIX века, когда европейская культура также переживала великие изменения и XXI веком, когда мы вновь, судя по всему, переживаем очередную технологическую революцию.

В XIX веке западная культура всё стремительнее делалась научно-позитивной и технической. Европейцы с жадностью продолжают изучать, покорять и изменять природный мир, используя новые знания и технологии. Европейская культура словно начинает сознавать себя фаустовской, когда становится технической и стремится к воплощению идеи господства над миром путём знания технологий и инструментов. Просвещение обещало изменить мир к лучшему через посредство изменения мышления и морали, распространяя знание и смягчая нравы западных обществ. В эпоху романтизма наука через технологии стала менять внешний мир с такой скоростью, что вызывала не только всеобщий оптимизм и уверенность в силе разума, но и обеспокоенность растущей силой технического разума.

К XIX веку миф о Фаусте обогащается новыми смыслами. Говоря фигурально, ему становится тесно в рамках одного символа, и его содержание выражается также в смежных, отчасти новых образах. Речь пойдёт прежде всего о фигуре Франкенштейна.

Роман английской писательницы Мэри Шелли (1797–1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей» вышел в свет в 1818 году и был написан под влиянием социокультурного контекста той эпохи и, в конечном итоге, стал одним из наиболее влиятельных образов в европейской культуре. Франкенштейн был задуман как фигура символическая, призванная отразить страхи, связанные с научно-техническим прогрессом.

Главный персонаж романа — смысловой потомок Фауста. Он вобрал в себя мрачное очарование богоборческих устремлений современной ему науки, став собирательным образом амбициозного ученого, желающего любыми способами проникнуть в тайные законы этого мира. «Мир представляется мне тайной, которую я стремился постичь», — говорит Виктор Франкенштейн [7, с. 255]. В романе отразились самые бурные научно-философские дискуссии той поры, разворачивавшиеся вокруг витализма, гальванизма, химических открытий, анатомии и т. д. В книге подняты философские вопросы о секрете зарождения жизни и возможности её воспроизведения, во многом связанные с идеями Эразма Дарвина (1731–1802). Одной из центральных «франкенштейновских» тем стала тревога о том, какое зло могут принести неконтролируемые действия высокомерных ученых, вооруженных мощными технологиями. По словам современного исследователя, «сменивший эпоху Просвещения романтизм распространился и на науку. Новый дух созидания и фантазии, тесно связанный с глубоким осмыслением чуда природы, стер границу между натурфилософией и поэзией и стал свидетелем появления ученого нового типа... Так рождалась синергия, воплотившаяся в мрачном апофеозе романтической науки авторства Мэри Шелли» [4, с. 8].

Примечательно, что сегодня принято определять трансгуманизм как философское и научное движение, которое пытается понять, как выйти за рамки биологической эволюции человека. Для этого изучаются возможности и последствия применения технологий, опасности и преимущества их использования, рассматриваются, в том числе, идеи слияния биологических, информационных, познавательных и нанотехнологий. Другими словами, трансгуманисты предлагают совершенствовать тело и разум человека при помощи технологий. Трансгуманизм не монолитен и состоит из различных течений, но все они главной своей целью видят победу над старением и смертью. Основная мысль этой философии заключается в бесконечном совершенствовании возможностей и способностей во всех областях человеческой жизни.

Таким образом, можно наблюдать, как в романе Шелли произошло соединение самых различных идей: от механистического материализма, витализма до эзотерики Ренессанса. Франкенштейн не просто идёт путем познания законов природы, но, по сути, посвящает на роль Бога ради достижения власти над миром и улучшения самой природы человека. Проникая в самые сокровенные тайны жизни, он приходит в итоге к одиночеству и отчаянию.

Многих ученые того времени узнавали себя в образе Виктора Франкенштейна. Как и Фауст, они были разочарованы сухой объективностью рутинной и утилитарной науки. Примечательно, что в романе упоминаются три реально существовавших философа и алхимика, которых окружала слава чернокнижников и магов и, которых Франкенштейн называл своими вдохновителями: Агриппа Неттесгеймский, Парацельс и Альберт Великий. «Книги их казались мне сокровищами, мало кому ведомыми, кроме меня», — говорит Виктор. «Я во всем поверил им на слово и сделался их учеником» [7, с. 258]. При этом любопытно, что все три философа, как Франкенштейн и Фауст, являлись немцами. Важно и то, что Парацельс и Агриппа Неттесгеймский были примерно сверстными Фаусту народной легенды, вероятно став для него прототипом. Также в некоторых источниках можно обнаружить сходство Франкенштейна с немецким учёным Иоганном Конрадом Диппелем (1673–1734), родившимся в замке Франкенштейн, а также с современниками Мэри Шелли: Джованни Альдини (1762–1834), Иоганном Риттером (1776–1810) и Эндрю Кроссом, — известными своими леденящими душу публичными экспериментами, связанными с гальванизмом [4, с. 167; 8, р. 317].

Можно отметить, что среди направлений западной мысли, наиболее повлиявших на семью Шелли, была немецкая романтическая натурфилософия Фридриха Шеллинга (1775–1854). С другой стороны, североирландский литературовед Шеймас Дин считал, что на супругов Шелли огромное

влияние оказал материализм французского Просвещения, и, в частности, французский врач и философ Ламетри (1709–1751). И, судя по внешнему виду, действительно можно подумать, что монстр Франкенштейна, являясь воплощением идей материализма [4, с. 113]. Франкенштейн, подобно Ламетри, исследует человеческое тело лишь как механизм без малейшей доли религиозного страха. Однако Франкенштейн сотворил живое существо из тел ранее умерших людей, то есть вдохнул жизнь в уже мёртвую материю. В этом смысле можно наблюдать как в романе Шелли произошло соединение самых различных идей: от механистического материализма, витализма до эзотерики Ренессанса. По наблюдению Н. Г. Владимировой, в этой книге можно увидеть, как происходит ментальная трансформация главного героя, переходя от «прометеевской восторженной радости познания к трагическим, болезненным, фаустианским страданиям ученого, переступившего границы дозволенного в неукротимом стремлении к раскрытию тайн бытия и живой материи» [1, с. 49]. В романе чувствуется скептическое отношение Мэрри Шелли к представлению о всемогуществе человеческого разума, не подкреплённого нравственным началом. Франкенштейн не просто идёт путем познания законов природы, но, по сути, посвящает на роль Бога ради достижения власти над миром и улучшения самой природы человека. Проникая в самые сокровенные тайны жизни, он приходит в итоге к одиночеству и отчаянию.

Еще одной уместной формой сюжета о Фаусте являются повествования о Големе и других человекоподобных монстрах, созданных человеком в помощь себе из неживой материи с помощью тайного знания. Эти монстры являются подобием искусственного, сконструированного человека. Трансгуманистический подход к идентичности человека основан на идее искусственного конструирования человеческой личности и является современной версией «создания Голема». Однако, согласно идеологии трансгуманизма, «трансчеловек», «новый Голем» должен быть создан не из глины, а из самого человеческого существа. В этом отношении трансгуманизм следует по пути фаустовского отношения к знанию (биотехнологиям), которое допускает нарушение нравственных установок.

Представляется, что фrankenштейновские и фаустовские черты весьма созвучны трансгуманизму: а) глубокая неудовлетворённость действительностью и вследствие этого страстное стремление к её переустройству и изменению; б) антропоцентризм, который проявляется в уверенности, пусть даже ложной, в человеческом достоинстве и потенциале; в) готовность ради достижения цели преступить даже самый строгий религиозный и моральный закон; г) самоидентификация героев как силы, альтернативной и/или враждебной Богу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирова Н. Г.* Литературные аллюзии и их художественные проекции в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» // Вестник Бурятского гос. ун-та. — 2012. — № 11. — С. 47–52.
2. *Гёте И. В.* Фауст: трагедия / Иоганн Вольфганг Гёте; перевод с немецкого Н. Холодковского. — М: Эксмо, 2019. — 616 с.
3. *Граббе Х. Д.* Дон Жуан и Фауст. Перевод с немецкого Холодковского // Век. — 1882. — № 1. — С. 172–268.
4. *Леви Дж.* Франкенштейн. Запретные знания эпохи готического романа. Перевод с английского Н. Камакина. — М.: Издательство АСТ: Кладезь, 2021. — 208 с.
5. *Ленау Н.* Фауст. Перевод с немецкого А. В. Луначарского. Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Образование», 1906. — 242 с.
6. *Марло К.* Трагическая история доктора Фауста. — СПб.: Наука 2019. — 321 с.
7. *Шелли М.* Франкенштейн, или современный Прометей // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. Перевод с английского З. Александрова. — М. Правда, 1991. — С. 229–412.
8. *Holmes R.* The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty and Terror of Science. — Croydon: Harper Press, 2009. — 554 p.

Тимофеева Софья Павловна,
старший преподаватель кафедры Р7
«Теоретическая и прикладная лингвистика»
Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова;
Колодченко Екатерина Алексеевна,
студент кафедры Р7
«Теоретическая и прикладная лингвистика»
Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»
им. Д. Ф. Устинова

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ В НЕЙМИНГЕ КАРТИН ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ИМПРЕССИОНИСТОВ

Статья посвящена изучению названий картин (артионимов) русских и французских художников-импрессионистов. Это важная область лингвистического анализа, позволяющая глубже понять закономерности функционирования языка и его исторические изменения. Эмпирическую базу составили названия произведений известных представителей импрессионизма. Анализ творчества данных художников показал, что для всех них характерен общий ключевой концепт «человек». Однако у русских авторов в названиях картин человек чаще ассоциируется с природой, а у французских — изображается в бытовых и городских сюжетах.

Ключевые слова: ономастика, артионим, импрессионизм, художники, концепт.

Timofeeva S. P., Kolodchenko E. A.

FEATURES OF CONCEPTS IN NAMING PAINTINGS BY FRENCH AND RUSSIAN IMPRESSIONISTS

This is an important area of linguistic analysis, which allows for a deeper understanding of the patterns of language functioning and its historical changes. The empirical basis was the names of works by famous representatives of Impressionism. An analysis of the creativity of these artists showed that they all share a

common key concept of “man”. However, Russian authors often associate people with nature in the names of paintings, while French authors depict them in everyday and urban subjects.

Keywords: onomastics, artionym, impressionism, artists, concept.

Импрессионизм (от французского «impression» — «впечатление») представляет собой одно из крупнейших художественных течений последней трети XIX — начала XX веков, зародившееся во Франции и впоследствии распространившееся по всему миру. Приверженцы импрессионизма стремились разработать методы и приемы, позволяющие наиболее естественно и живо запечатлеть реальный мир в его изменчивости и подвижности, передать свои мимолетные художественные впечатления.

В основе импрессионистического метода, который можно охарактеризовать как квинтэссенцию живописи, лежит восприятие и отображение объектов окружающей действительности не изолированно, а в их отношениях с пространственной и световоздушной средой: рефlekсами, бликами, соотношениями света и тени. Таким образом, импрессионисты стремились запечатлеть само пространство и течение времени, а не только статичные предметы.

Сосредоточившись на передаче тональных отношений и световых нюансов, импрессионистские живописцы в то же время несколько ослабили выразительность рисунка, композиции и чувства формы, а также материальности изображаемых объектов. Однако именно этот акцент на световых эффектах и впечатлениях позволил им добиться яркой, динамичной и эмоциональной манеры письма, отражавшей их стремление уйти от академизма и передать изменчивость окружающего мира.

Это сочетание новаторских живописных приемов и философии восприятия реальности стало отличительной чертой импрессионизма, оказавшей значительное влияние на развитие всего изобразительного искусства конца XIX — начала XX столетий.

Импрессионисты отклонились от традиций академического и салонного искусства, их кредо — это их собственное, непредвзятое отношение к жизни и ее восприятию. Они не стремились к идеалу в образе, а хотели запечатлеть момент, когда реальность оживает перед глазами, ее пульсирующую энергию, ее переменчивость [4].

Импрессионисты предпочитали работать на свежем воздухе, писали свои картины с натуры. Они находили вдохновение в самой природе, в игре света и тени, в мгновенных изменениях атмосферы. Художники не стремились идеализировать действительность, но они передавали ее такой, какой видели ее сами, с ее многочисленными оттенками и нюансами.

Напомним, что сам термин «импрессионизм» происходит из французского слова «impression», обозначающего впечатление. Интересно, что это определение впервые было использовано критиком Луи Леруа в насмешливом отзыве, опубликованном в парижской газете «Le Charivari». Он выразил свое удивление и даже презрение к новому творческому направлению.

Во Франции того времени существовал лишь один значимый канал для демонстрации современного искусства — Салон. Эта выставка была основана еще в семнадцатом веке при Людовике XIV его премьер-министром Кольбером и проводилась раз в два года в различных локациях. К моменту появления на художественной сцене будущих импрессионистов Салон мог похвастаться внушительной двухвековой историей. Очевидно, что для каждого художника участие в этом престижном событии было ключом к славе и возможности продавать свои работы [5].

Хотя публика и критики первое время не могли оценить их творчество по достоинству, а самим художникам долго приходилось сталкиваться с нищенским существованием, их работы всегда оставались светлыми и радостными. Они заставляли зрителя замечать красоту, вновь влюбиться в мир, обнаруживая в привычных вещах красоту и величие, которые часто ускользают от обычного взгляда. Сейчас работы этих великих художников ценятся во всем мире и украшают залы самых знаменитых музеев. Самые яркие представители течения импрессионизм во Франции: Пьер-Огюст Ренуар, Клод Моне, Эдуар Мане, Эдгар Дега, Камиль Писсарро, Альфред Сислей, Фредерик Базиль и Поль Сезанн. Русские импрессионисты на рубеже XIX-XX веков начали создавать своих картины в похожей технике. Наиболее яркими представителями данного направления в России стали: Архипов Абрам Ефимович, Грабарь Игорь Эммануилович, Жуковский Станислав Юлианович, Коровин Константин Алексеевич, Левитан Исаак Ильич, Мещерин Николай Васильевич, Пастернак Леонид Осипович, Рылов Аркадий Александрович.

Частью творческого пути любого художника является название его работы, т.е. процесс придумывания названия картины, к которому импрессионисты подходили очень внимательно. Любое произведение искусства должно обладать своим индивидуальным и выразительным заголовком, отображающим не только то, что изображено на полотне, но часто то, что хотел выразить автор.

Изучение названий и собственных имен в языке, их история и эволюция являются важной областью лингвистического анализа, имеющим продолжительную историю. Еще в античности эта проблематика изучалась как часть герменевтических изысканий, в основном в контексте письменных текстов.

Однако, с расширением понимания текста, как не только словесного, но и визуального феномена, сосредоточение внимания переключилось на разнообразные коды, включая визуальный, где изображение рассматривается как текст, обладающий своим собственным набором смыслов. Это становится особенно актуально при анализе артионимов — названий произведений искусства.

Названия картин, скульптур, графических работ несут в себе важную семантическую нагрузку, выполняя различные функции, в том числе идентификационную. Они позволяют выделить и охарактеризовать конкретное произведение, указывая на его уникальные особенности и контекст. Таким образом, изучение артионимов как лингвистических знаков раскрывает их роль в передаче культурно-специфической информации.

Особое внимание уделяется названиям работ импрессионистов, для которых процесс наименования был важной частью творческого процесса. Анализ особенностей нейминга картин этого направления живописи позволяет глубже понять художественные замыслы и культурные коннотации, заложенные в артионимах.

Ономастика, как особая область лингвистики, занимается изучением происхождения, истории и функционирования собственных имен. Этот термин также охватывает широкий спектр названий, для которых применяются также термины «онимия» и «ономастика». Анализ ономастики требует учета многочисленных факторов, включая исторические, географические, социально-экономические и другие аспекты, которые влияют на происхождение и эволюцию собственных имен в языке.

Ономастические исследования имеют долгую историю, восходящую еще к античности, когда данная проблематика изучалась в контексте герменевтических изысканий, сосредоточенных преимущественно на письменных текстах. Однако, по мере расширения понимания текста, как не только словесного, но и визуального феномена, фокус ономастических штудий сместился на разнообразные знаковые системы, включая визуальные.

В этом ключе особое внимание уделяется артионимам — названиям произведений искусства, которые представляют собой важные лингвистические знаки, выполняющие различные функции. Артионимы не только идентифицируют и характеризуют конкретное художественное произведение, но и отражают культурно-специфические особенности, замыслы и контексты, заложенные авторами.

Анализ артионимов в рамках ономастики позволяет глубже понять механизмы наименования, которыми руководствовались художники, в особенности представители таких направлений, как импрессионизм, где процесс создания названия был неотъемлемой частью творческого процесса.

Изучение специфики нейминга в импрессионистской живописи раскрывает дополнительные культурные пласты, заключенные в названиях картин.

Артионимом называется понятие, относящееся к группе онимов и обозначающее группу имен собственных, которые используются для наименования произведений искусства [3]. Впервые данный термин был введен в 1978 году Наталия Владимировна Подольской.

Согласно статье Т. И. Плужникова, посвященной семантике артионимов, эти имена можно отнести к подклассу идеонимов — лексических единиц, связанных с объектами духовной культуры. Иными словами, артионимы представляют собой наименования, относящиеся к сфере творческой, интеллектуальной деятельности человека [2].

В состав артионимов — названий произведений искусства — могут входить разнообразные компоненты, в том числе так называемые реалии. Термин «реалии» в лингвистике используется для обозначения слов или словосочетаний, которые отражают предметы, явления или объекты, характерные для определенной культуры, но непонятные или малознакомые представителям других культур.

Данное явление неоднократно становилось предметом исследований, и сегодня существует ряд определений понятия «реалии», которые помогают более глубоко понять и изучить их влияние на формирование артионимов. Данное открытие расширяет наше понимание роли реалий в создании и интерпретации названий художественных произведений, подчеркивая необходимость учета этого аспекта при анализе артионимов.

В результате многочисленных исследований по данному вопросу на данный момент сложилось несколько подходов к определению термина «реалии». Согласно одному из них, реалии — это слова и словосочетания, обозначающие предметы, явления и объекты, характерные для географической среды, культуры, быта, исторической эпохи и социального строя определенного народа и чуждые другим народам.

Другое определение трактует реалии как лексические единицы, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Таким образом, реалии отражают уникальные элементы национальной культуры, создавая потенциальные трудности при переводе и интерпретации текстов, включая названия художественных произведений.

Анализ роли реалий в структуре артионимов помогает глубже осмыслить их культурно-специфический характер и необходимость учета этого аспекта при комплексном изучении названий картин, скульптур и других артефактов.

Эмпирическую базу исследования составили названия картин известных русских и французских художников импрессионистов

XIX–XX веков, отобранных методом сплошной выборки с сайтов gusmuseum.ru; hermitagemuseum.org; my.tretyakov.ru; tretyakovgallery.ru; rusimp.su. Общее количество названий картин составило 361 названий. Работы французских импрессионистов составляют 184 единицы, а также названия картин русских импрессионистов составляют которых 177 единиц.

Данное исследование построено на выделенных Бурмистровой Еленой Анатольевной в своей работе «Название произведений искусства как объект ономастики» ключевых концептов названий произведений искусства [1]:

Человек. Чаще всего упоминание людей можно встретить в названиях портретов (79 портретов, созданных французскими художниками и 69 русскими). Антропонимы, то есть любые имена собственные, которыми может обладать определенный человек или целая группа людей. Антропонимы в названиях французских картин упомянуты 11 раз, например, у Эдуарда Мане «Портрет Розиты Маури» (*Jeune femme en rose (Rosita Mauri)* (1870–1880). В названиях русских картин они упомянуты 20 раз: Валентин Серов «Портрет художника К. А. Коровина» (1891). В выборке французских названий присутствуют названия профессий и рода деятельности 10 раз, например, Огюст Ренуар «Портрет актрисы Жанны Самари» (*Portrait de l'actrice Jeanne Samary*) (1877), в названиях картин русских художников они тоже встретились столько же раз (Константин Коровин «Портрет хористки» (1883)). Статусная принадлежность в названиях французских картин встретилась так же 11 раз: Огюст Ренуар (1841–1919) «Портрет мадам Шоке у окна» (*Portrait de Madame Choke à la fenêtre*) (1876), а в русских картинах 14 раз (Абрам Архипов «Молодая крестьянка в красной кофте» (1920)). Портреты женщин (23) и девушек (5) встречаются еамного чаще, чем мужчин (3) и детей (1). Например, Огюст Ренуар «Женщина на лестнице» (*Femme sur un escalier*) (1876). Эти же лексемы в названиях русских картин девушка (4), девочка (3), дама (3) фигурируют 10 раз: Валерий Валентин Серов «Дети» (Саша и Юра Серовы).

Время. Упоминание дат в выборке французских картин не встретилось, а в выборке русских картин встретилось всего 1 раз: Илья Репин «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Время года выделяется подконцептом времени, но встречается не часто, в названиях французских картин 1 употребление Альбер Марке «Набережная Лувра, лето» (*Quai du Louvre, ete*) (1906), а в русских полотнах 4 употребления: Игорь Грабарь «Зимний вечер». Мы можем выделить еще один подконцепт: хрононим. Хрононим это название определенного промежутка времени и встречаются очень часто в названиях картин импрессионистов, потому что художники профессионально запечатлели красоту и магию утра, спокойствие и умиротворение вечера и ночи. Во французских картинах: Пьер Боннар «Утро в Париже» (*Matin à Paris*), в русских полотнах, например, Игорь Грабарь «Зимний вечер».

Город. Названия городов это один из самых популярных концептов содержащихся в названиях пейзажей. Нами было проанализировано 97 французских и 123 русских пейзажей. В этой подгруппе часто употребляются топонимы. В картинах французских импрессионистов 24 упоминания города, например Камиль Писсарро «Бульвар Монмартр в Париже» (Boulevard Montmartre à Paris) (1897). В картинах русских художников 12 употреблений, например, Юрий Пименов «Раннее утро в Москве» (1937).

Природа. Изображение природы является одним из главных мотивов художников импрессионистов XIX–XX веков. Названия изображения зачастую полностью передает то, что изобразил автор этого произведения. В названиях французских картин было выявлено 27 единиц, описывающих географические и природные элементы или явления: Клод Моне «Лука в Живерни» (Prairie à Giverny) (1888), а в названиях работ русских импрессионистов всего 23 употребления: Игорь Грабарь «Уголок усадьбы (Луч солнца)».

Событие. Самый популярный концепт по встречаемости в выборке моего исследования — это события. В названиях французских картин встретилось 30, например Поль Гоген «Мужчина, собирающий плоды с дерева» (Homme cueillant des fruits dans un paysage jaune (La Récolte)) (1897), а в названиях русских картин 34, например Илья Репин «Бурлаки на Волге» (1870–1873).

Для большей наглядности представим результаты нашей работы в виде диаграммы. Наше исследование помогает сделать выводы, что в названиях картин французских импрессионистов главным концептом является Человек, мы можем это увидеть на рисунке 1. В то же время в названиях картин русских импрессионистов, встретившихся в нашей выборке, тоже преобладает концепт Человека, что подтверждено рисунком 2.

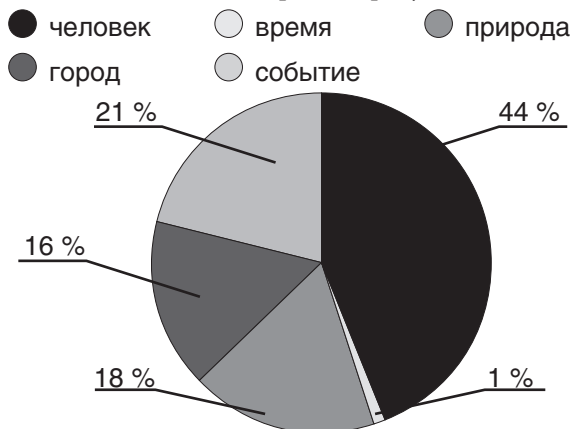

Рисунок 1. Диаграмма частотности употребления концептов в французских названиях

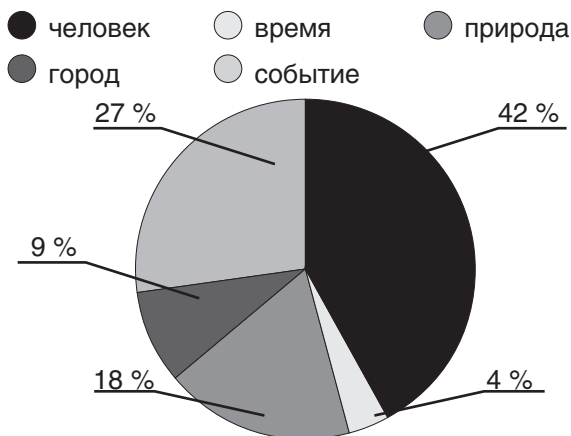

Рисунок 2. Диаграмма частотности употребления концептов в русских названиях

Характерной особенностью как российского, так и французского импрессионизма является использование простой, доступной лексики, описывающей реальные предметы и явления. Это связано с общей установкой импрессионистов на передачу непосредственных зрительных впечатлений.

Несмотря на общую значимость образа человека в обеих школах импрессионизма, наблюдаются определенные различия в их трактовке. Русские художники чаще изображают человека в контексте природы, тогда как французские мастера тяготеют к бытовым и городским сюжетам. Однако в обоих случаях это жанровые полотна, фиксирующие мимолетные впечатления от жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2006. — 20 с.
2. Плужникова Т. И. Семантика артионимов как единиц вторичной номинации / Т. И. Плужникова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». — Том 20 (59). — 2007. — № 1. — С. 191–196.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 208 с.
4. Скоробогатько Н. Шедевры мировой живописи, Импрессионизм. — М.: Белый. Город, 2008. — 125 с.
5. Brodskaja N. Impressionism. [Электронный ресурс]. — URL: <https://archive.org/details/impressionism0000brod> (дата обращения: 15.05.2024).

Милер Марина Александровна,
преподаватель Фармацевтического техникума
Санкт-Петербургского государственного
химико-фармацевтического университета,
m.miler888@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются вопросы формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи в контексте современных проблем. Анализируя сущность, структуру и признаки ценностей и ценностных ориентаций в процессе формирования личности в интеграции таких наук, как социология, психология и педагогика, можно выделить ценностные ориентации как особо значимую характеристику формирования личности. Осознаваемые и принимаемые ценности учащимися в среде образовательного учреждения фиксируются и закрепляются в процессе социализации, становятся жизненными целями и средствами достижения профессиональных успехов в дальнейшей жизни, построении образовательного маршрута. Иерархия общечеловеческих ценностей (здоровье, семья, благополучие, нравственный выбор, трудовая деятельность, реализация в профессии и пр.) выстраивается в процессе организованной социально-образовательной среды образовательного учреждения и психолого-педагогической поддержки в период профессионального выбора, становления и воспитания учащейся молодежи.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, социально-образовательная среда, психолого-педагогическая поддержка, ценностные ориентации, нравственные ценности.

Miler M. A.

FORMATION OF VALUE ORIENTATION OF STUDENTS AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM OF THE EDUCATIONAL ENVIROMENT

The article discusses the issues of forming value orientations of students in the context of modern problems. Analyzing the essence, structure and signs of values and

value orientations in the process of personality formation in the integration of such sciences as sociology, psychology and pedagogy, we can highlight value orientations as a particularly significant characteristic of personality formation. The values perceived and accepted by students in the environment of an educational institution are fixed and consolidated in the process of socialization, becoming life goals and means of achieving professional success in later life, building an educational route. The hierarchy of universal human values (health, family, well-being, moral choice, work activity, implementation in the profession, etc.) is built in the process of the organized socio-educational environment of the educational institution and psychological and pedagogical support during the period of professional choice, formation and education of students.

Keywords: students, socio-educational environment, psychological and pedagogical support, value orientations, moral values.

Судьба будущих поколений определена многими факторами: сложностью мировых процессов, быстро меняющимися условиями жизни и быта, рынка труда, неясность результатов многих изменений. Молодежь как особая группа выстраивает иерархию ценностей в соответствии с требованиями времени. Большая часть ценностей остаются неизменными до среднего возраста, другая колеблется в течение всей жизни. Современная жизнь и ее влияние на будущее всегда была в центре внимания исследований — педагогов, психологов, социологов, прогнозирующих как те или иные изменения повлияют на жизнь молодого поколения.

Комплекс ценностных ориентаций образует основу сознания, обеспечивает стабильность личности, выбор ею определенного типа поведения и деятельности, обеспечивающий комфортное существование в обществе с учетом индивидуализации потребностей и интересов. В этих условиях ценностные ориентации всегда выступают важным фактором, детерминирующим мотивацию действий и поступков [1]. Особое внимание уделяется формированию профессионально-значимых ценностей у учащейся молодежной группы, что становится важным в осознании ими ценности будущей профессии и специальности, развитию мотиваций к обучению, субъектной позиции и планированию своих образовательных траекторий.

Для педагогики наиболее важным в формировании нравственных ориентиров становится воспитание такой личности, которая в условиях нравственного выбора, была бы способна выбирать те ценности, которые определяют успех и благополучие в дальнейшей жизни. Изучение процесса формирования ценностных ориентаций невозможно без выделения структурных компонентов (когнитивного, эмоционального и поведенческого) — как возможность через структуру определить сущность и признаки проявления ценностей.

Сущность процесса формирования ценностных ориентаций процесс не стихийный, а находящийся в прямой зависимости от потенциала социально-образовательной среды и процесса воспитания в образовательном учреждении.

Современные педагогические подходы, методы, формы и виды воздействия на личность, способствующие развитию нравственных ориентиров активных учащихся молодых людей (осознающими себя субъектами образовательных отношений). В этих условиях особую значимость приобретает создание благоприятных психолого-педагогических условий, необходимых для устойчивой готовности к реализации в профессиональной деятельности, формированию иерархии ценностных ориентаций будущих специалистов. Известно, что от установки на нравственное поведение, качественную трудовую деятельность будет зависеть успех профессиональной реализации и успех решения моральных и этических проблем, с которыми будущим профессионалам неизбежно придется соприкасаться, как в профессиональной, так и общественной деятельности. Существующая объективная необходимость формирования ценностей (честный труд, приоритет духовного над материальным, нравственное отношение, бережное отношение к окружающим и близким, ответственность перед будущим) формируют идеалы, ориентируют человека в окружающем мире и побуждают к тому или иному жизненному выбору. В жизни современного общества ценностные ориентации фактически управляют поведением человека.

Вопросы ценностного и духовно-нравственного воспитания молодежи закреплены в Федеральных Законах «Об образовании в РФ» и «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в содержании национального образовательного проекта 20–30, в концепции обновления содержания и характера современного образования.

В последние десятилетия мы живём в резко изменившихся условиях. Резкое смещение в сторону материально значимых вещей ведет к потере многих ценностей, наследуемых от старшего поколения (семья, труд на благо общества, уважение к старшему поколению), что ведет к исключительному прагматизму и влияет на профессиональную реализацию молодых людей. Воспитательная работа образовательных учреждений исторически была нравственно формирующей в отношении труда, справедливости и чувство профессионального долга, соблюдение профессиональной этики. Осваивающие профессии, специальности студенты, получающие образование «через всю жизнь», через труд и усердие в учебе, получают установки на формирование духовно-нравственной составляющей личности. Растущий интерес к теме раннего профессионального выгорания и отсутствия устойчивой готовности к трудовой деятельности заставляют нас иначе

оценить масштаб проблемы формирования ценностных ориентаций молодого поколения.

По данным социологических исследований студентов различных уровней образования социальных значимых профессий (медицина, фармация, социальная работа) имеется противоречивая иерархия ценностей [2; 6].

Ценности, как считает Б. Г. Ананьев, — «это переживания, отношения», а с точки зрения Б. В. Зейгарник и Б. С. Братуся, «ценность — это осознанный и принятый человеком общий смысл его жизни». В. А. Сластенин определяет ценность как «определение вещественно-предметных свойств явлений, в основе которого лежит практическое и эмоциональное отношение человека к оцениваемым, характер взаимодействия между людьми». В жизни современного человека в ритме мегаполиса могут неясно осознаваться и только в определённом характере деятельности быть замечены и скорректированы. Устойчивая и непротиворечивая структура ценностных ориентаций, по мнению А. Г. Здравомыслова, обуславливает такие качества личности, как цельность, надёжность, верность определённым принципам и идеалам, способность к волевым усилиям, активная жизненная позиция, упорство в достижении цели.

На основе уже сформировавшихся ценностных ориентаций, позволяющих сознательно решать стоящие задачи, свободно осуществлять выбор. На выбор влияют и условия социально — образовательной среды, ценности социального окружения (совокупность людей, связанных общностью условий, обстановки). По мнению ряда исследователей средового подхода (Б. М. Бим-Бад, Ю. С. Мануйлов, Н. И. Новикова, Е. П. Белозерцев, В. А. Ясвин) среда формирует, способствует ресурсообеспечению, определяет вектор воздействия на учащегося и его окружение (группы обучающихся, наставника, куратора, воспитателя, лица, оказывающегося специализированную поддержку в трудной жизненной ситуации или адаптации к переходу на новый уровень обучения). Важными характеристиками среды является то, что современная социально-образовательная среда на макро, мезо, микроуровнях пресыщена информационно, содержит больше информации, чем человек способен переработать; среда воспринимается в связи с деятельностью; любя среда, наряду с материальными особенностями, обладает психологическими и символическими значениями; окружающая среда действует как единое целое [7].

Под сопровождением понимается метод, обеспечивающий создание условий для принятия учащимися молодыми людьми оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. Создание таких условий сопряжены с целью максимального личного развития и обучения, социализации учащихся. Психолого-педагогическое сопровождение учащихся по мнению

ряда ведущих психологов (И. В. Дубровина, Р. В. Овчарова, Л. М. Шипицына и др.) предполагает осуществление комплексной педагогической, психологической поддержки, участия, наставничества обучающихся. Такое сопровождение учащихся предполагает консультативную помощь в решении трудностей с обучением, общением, нагрузкам; помощь в адаптации на различных ступенях образовательного процесса (через индивидуальную консультативную помощь куратора, наставника, психолога, тьютора); систему мер по преодолению. В последние годы многими специалистами выявлен повышенный конфликтогенный фон в образовательных учреждениях разного уровня. Своевременное решение конфликтов среди активно учащейся молодежи специалистами возможен при активном вовлечении службы психолого-педагогической поддержки учащихся. Разработанный специалистами цикл профилактических занятий, необходимых для разрешения конфликтных ситуаций помогает в решении вопросов нравственного выбора, формирования здорового образа жизни, профессионального самоопределения [4].

Современное социально-образовательное пространство характеризуется сложившимися координационными, информационными связями между различными специалистами (педагогами, психологами, тьюторами, наставниками, специалистами медиации). Важное значение приобретает расширение сфер взаимодействия всех субъектов образовательного процесса, наиболее важна психологически благоприятная атмосфера образовательного пространства, которое призвана создать служба комплексной психолого-педагогической поддержки учащихся.

Ценностные ориентации управляют поведением человека, которое закрепляется в привычки и установки, типы отношений, характеристику личности, судьбу человека. Процесс формирования системы ценностных ориентаций современной учащейся молодежи представляет собой сложный, комплексный процесс, требующий разработки единой стратегии образовательного учреждения (пространства, среды), воспитательного процесса, процесса обучения. Цель психолого-педагогического сопровождения — это объединение усилий всего коллектива (педагогов дисциплин и психологов, кураторов, тьюторов, завуча по воспитательной работе), общественных и государственных составляющих молодежной политики. Исследователи (О. С. Газман, А. Г. Асмолов) утверждают, что для осуществления педагогической поддержки необходимо иметь линии развития (адаптацию, индивидуализацию, интеграцию), возможность творческого и духовного воплощения, самостоятельного выбора учащихся. Психолого-педагогические работники специальной службы образовательного учреждения через индивидуальную консультативную помощь имеют возможность содействовать и поддерживать самостоятельность решений будущих специалистов и вектор

их ценностных ориентаций. Кадровый дефицит работников образования, низкий уровень значимости психолого-педагогических профессий, и ряд других сложностей образовательных процессов в ряде случаев препятствуют созданию специально организованной комплексной поддержки в виде конкретных алгоритмов и технологий работы. Поиску современных форм и методов комплексной поддержки учащихся посвящены многие исследования, которые призваны собрать и проанализировать опыт создания служб поддержки.

Опыт создания проектов психолого-педагогической направленности показывает положительную динамику учащихся образовательного процесса для организации системной профилактической работы с целью создания безопасного пространства для социализации обучающихся. Запрос на воспитание духовных и нравственных ценностей подрастающего поколения неоднократно сформирован указами Президента РФ 2022–2024 гг. Важнейшую роль в построении иерархии нравственных ценностей призвана осуществлять система образования на разных уровнях подготовки молодого поколения к будущей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Т. В.* Проблема формирования ценностных ориентаций студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 2014. — № 2. — С. 87–88.
2. *Галкина Е. М.* Социологическое исследование представлений современной молодежи о труде и заработной плате // Вестник РГТЭУ. — 2010. — № 1. — С. 10–20.
3. *Кравченко А. И.* Труд как первая жизненная потребность: идеологическая заданность и объективная реальность // Социология. — 2019. — № 4. — С. 27–50.
4. *Пенькова Л. И.* Социально-профилактическая служба как средство организации психолого-педагогической поддержки обучающихся в МБУДО «Центр внешкольной работы г. Челябинска» / Л. И. Пенькова, Е. А. Джафарова, Н. Н. Дорофеева // Дополнительное образование детей: ресурсы развития. Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции. — Екатеринбург: Информационно-аналитический центр ГАНУ СО «Дворец молодежи», 2021. — С. 2–12.
5. *Руднева Е. Л.* Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи: диссертация... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Руднева Елена Леонидовна. — Кемерово, 2002. — 443 с.
6. *Стульба М. М., Мордовский Э. А., Плаксин В. А., Лукашов А. Г.* Социальные ожидания и ценностные ориентации обучающихся на различных

условиях обучения в медицинском университете // Медицина в Кузбасе. — 2023. — №4. — С. 108–115.

7. *Сахарова Т. Н.* Организация воспитательной деятельности в образовательных учреждениях: формирование гражданской идентичности, ценностных ориентаций и внутренней позиции личности подростков: учебно-методическое пособие / Т. Н. Сахарова, Е. Г. Уманская, Н. А. Цветкова; — М.: МПГУ, 2023. — 48 с.
8. *Сластенин В. А., Чижакова Г. И.* Введение в педагогическую аксиологию. — М.: Академия, 2003. — 192 с.

Москвитин Валерий Александрович,
аспирант кафедры Р10 «Философия»
ассистент кафедры Р7
«Теоретической и прикладной лингвистики»
БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
moskvitin_va@voenmeh.ru

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT СЕГОДНЯШНЯЯ НАУКА?

Данная статья затрагивает различные аспекты философии науки, методов аналитического поиска идентичности и различий универсального естественного порядка, а также влияние метафизических предпосылок на развитие научных теорий. В ней также затрагивается тема языковых стратегий трансфера и лингвистического «поворота мысли».

Ключевые слова: философия, философия языка науки, язык, лингвистика.

Moskvitin V. A.

WHAT LANGUAGE DOES SCIENCE SPEAK TODAY?

This article touches on various aspects of the philosophy of science, methods of analytical search for identity and differences of the universal natural order, as well as the influence of metaphysical assumptions on the development of scientific theories. It also touches on the topic of language transfer strategies and linguistic “turn of thought”.

Keywords: philosophy, philosophy of the language of science, language, linguistics.

Философия Нового времени нацелена на развитие современных и инновационных тенденций в области науки и техники и также языка науки и технизации таких как коммуникативные и информационные технологии. Конвергентные (НБИК) технологии, когнитивистика и социальные аспекты является основой, того через, что реализуется современная философия. Этот подход демонстрирует свою эффективность через конкретные научные методики, способствуя развитию общенаучных и философских исследований.

Трансформация мира приводит к трансформации философского Логоса. Цифровизация приобретает профессиональные навыки, адаптивность, комплементарность внешней среды всесторонне изменяет философию языка науки и технизации и образования. Под воздействием данных изменений меняется привычное мировосприятие людей, и вынуждает их приспосабливаться к текущей реальности. Философия и образование неразрывно связаны, ведь они оба направлены на развитие личности, формирование ее взглядов на мир и баланса между коллективными ценностями и индивидуальностью. Проблемы, связанные с обучением, воспитанием и педагогикой, всегда интересовали философов. А в современную эпоху цифровизации учебных систем анализ перспектив, концептуальных основ и проблем дистанционного, электронного обучения приобретает особую актуальность.

Немецкий философ Макс Вебер, говорил, о том, что костяк техногенной цивилизации Европейского континента складывался из трех рациональных структур: экономика, право и схолия. Наука, долгое время конкурировала с схолией. Совершенно новая научная модель рациональности была представлено научным сообществом и послужила базой концепций философии техники, которая была разработана Льюис Мэмфордом и Х. Ортега-и-Гассетом. В их теориях высокие абстракции и этические умозаключения явно преобладают над эмпирическими данными, однако оба мыслителя сходятся во мнении, что зарождение современной техники пришлось на середину XVIII века. В это время «дерево науки» достигло зрелости, и его плодами смогла воспользоваться экономическая промышленность, оказавшая значительное воздействие в последующие десятилетия.

«Totus ordo naturae» — это понятие, которое пыталась осмыслить и понять классическая наука. Тщательно организованные элементы, понятия, явления, стихии, умозаключения гармонично вписываются и встраиваются в упорядоченный мир. В данный организованный мир Человек, со своими потребностями и техникой, вступает в гармонию с универсальным рациональным порядком, действуя в нём и используя его. В XVII веке натуралистические философы рассматривали «totus ordo naturae» как проявление врожденного разума; «naturae» воспринималась как совершенная система, несущая в себе неизменный задум Творца, лишенная греха. Здесь мы видим противопоставление человека и его технической активности с одной стороны, и рационально-упорядоченной, сотворенной Богом природы — с другой. Человек включается в этот объективный космический порядок, подчиняясь его законам и используя его для реализации своих потребностей.

Философы того времени рассматривали природу как гармоничную, безгрешную целостность, несущую на себе печать божественного промысла. Таким образом, в их мировоззрении сочетались религиозно-метафизические

и натуралистические воззрения, где природа выступала одновременно как сверхъестественный и естественный феномен. Это отражает характерное для классической философии стремление примирить рациональное и трансцендентное начала, увидеть в природном мироустройстве воплощение высшего божественного разума. Человек, со своей техникой и целеполагающей деятельностью, включается в этот гармоничный космический порядок, подчиняясь его надчеловеческой логике.

Универсальность ума — понятие, введенное немецким философом Н. Кузанским. «Ratio» включал в себя два начала: «mens» (человеческо-божественное) и «cogition» (смысловое). Основным для Н. Кузанского в «ratio» несомненно было «mens» — преобладает латинская лексема «mensurare», которое обозначает «измерять» или «определять». Cogito ergo sum — постулат Декарта, который был признан научным сообществом. «Cogitare» и «Cogendo» означают «мыслить» и «собирать». А смысловое «cogitatio» полностью вытесняет «mens» на spiritus (духовный) и moralis (моральный) план и становится основополагающей концепцией классической науки «totus ordo naturae» (всеобщий порядок природы).

Метод аналитического поиска (mathesis) — философский подход к изучению сущности и различий вселенского естественного порядка побудил интенсивные усилия в поиске соответствующих методов для его наблюдения и разработке аналитических инструментов для его интерпретации. Важно отметить, что именно эти методы наблюдения и анализа «порядка природы» являлись ключевой составляющей инновационных «технологий», которые отличали культуру Европы в данное время и оказали значительное влияние на развитие мировой культуры.

Тот факт, что даже наиболее авторитетные и эмпирически подтвержденные научные теории не укладываются в рамки традиционных концептуальных схем объяснения, ставит под сомнение распространенное представление о том, что сущностью теоретического познания является создание таких объяснительных моделей.

Стремление к построению подобных объясняющих конструкций может быть в большей степени обусловлено культурными и историческими факторами, нежели являться неотъемлемой характеристикой научного познания как такового. Иными словами, данное устремление может представлять собой лишь частный (хотя и теоретически интересный) феномен, а не универсальную черту научной деятельности.

Данное утверждение фактически подвергает ревизии классические представления о природе теоретического знания. Оно указывает на то, что научное познание не сводится исключительно к созданию непротиворечивых объяснительных моделей, а может включать в себя более

широкий спектр стратегий и функций, выходящих за рамки традиционных концептуальных схем.

В этом свете возникает необходимость переосмысления самих оснований и целевых установок теоретического познания. Познавательная деятельность, по-видимому, не исчерпывается построением объясняющих конструкций, а предполагает более разнообразные модусы постижения действительности. Данное утверждение побуждает к критическому пересмотру сложившихся представлений о природе и назначении теоретического знания.

Буквальное толкование языка науки, которое ведет к представлению теоретических категорий как существующих, неудовлетворительно, чтобы метафизика взяла главенство над физикой и доказать отвлеченно-логическое понятие «*verum*» (истины) в научных теориях.

Метафизические основания научного познания относительны и обусловлены конкретным этапом развития науки и научной культуры. Возникает искушение утверждать, что эти метафизические предпосылки неотъемлемо вплетены в научные парадигмы и трансформируются вместе с ними. Такое понимание связано с историческим подходом в философии науки, идеи которого развивал Томас Кун.

Тем не менее, несмотря на продуктивность исторического анализа сущности и эволюции научного знания, он не в полной мере обосновывает рассматриваемый здесь подход к объяснению. Фундаментальные метафизические предпосылки науки и научных теорий оказываются глубоко укорененными в культурно-исторических условиях своего возникновения, но при этом не сводимы лишь к этим условиям.

В данном случае сделан акцент на относительности метафизических оснований научного познания, их неотрывности от меняющихся научных парадигм, а также на ограниченности чисто исторического подхода к осмыслению этой проблематики.

“*A rursus cogitationis*” в лингвистической науке это «поворот мысли» в сторону языка, что означало повышенное внимание на язык как часть научного дискурса, где есть существование, реальность и мышление.

Данный термин образовался под влиянием таких философов как Рассел, Мур, Виттгенштейн, Шлик, Карнап и др. Онтологические проблемы были рассмотрены через язык, где говорили о семантике, синтаксисе, дискурсе, семиологии формального языка, который был понятнее, чем естественный язык. Развитие квантовой механики и специальной теории относительности в начале XX века послужило импульсом для данного изменения, ставя под вопрос не только метафизику, но и теорию литературы.

Гипотеза лингвистической относительности или более известная как гипотеза Сепира-Уорфа формулировала представление о том, что язык

как таковой влияет на мировоззрение, миропонимание, на метафизические, когнитивные процессы носителей данного языка. То есть исходя из языка, формируется наше мышление, и лингвистические структуры ограничивают наши когнитивные способности. Данная гипотеза базируется на теории В. фон Гумбольдта. «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»

В социально-гуманитарном знании процедура введения нового термина имеет свою специфику. Новое понятие здесь часто имеет не строгое, а контекстуальное определение, смысл которого проясняется постепенно, в процессе изложения концепции и выстраивания системы рассуждений. Так, в философии М. М. Бахтина контекстуальное определение имеют понятия «текст» и «хронотоп», а в работах Д. С. Лихачева и С. С. Аверинцева — понятие «поэтика»

В поисках ясности истины каждому термину следует придать строгое определение через логическую операцию, которая раскрывает суть понятия. Понимание дефиниций необходимо для четкого осознания сути обсуждаемого, для раскрытия реальности, скрытой за каждым термином. При определении термина следует избегать использования естественных языковых конструкций, поскольку они вносят неопределенность и размытость в понимание.

Иногда языковое внимание описывается как рефлексивность языка — это интерес к тому, как язык влияет на наше понимание мира, с утверждением, что структура языка формирует наши мысли и выражения, подчиняясь этой структуре.

Наука использует не только термины, но и конструкты. Конструкт — это понятие, вводимое гипотетически (теоретический конструкт) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирический конструкт) по правилам логики с жестко установленными границами и правилами, выраженное в определенном языке. Конструкт не требует указывать денотат — обозначаемый им предмет (множество предметов), т. е. не предполагает обязательного установления своего онтологического статуса. У конструкта нет полных аналогов в объективной действительности, поэтому экспериментально нельзя обосновать правомерность и продуктивность его введения и использования. Конструкты существуют лишь в языке научной теории.

Человек формирует своё представление о реальности через язык, поэтому нельзя утверждать, что язык устанавливает объективную связь с реальным миром как с независимой сущностью. Используя понятие «олицетворение речи», мы можем сказать, что дискурс конструирует наше восприятие

реальности. В этом контексте субъект играет не ту роль, которую ему приписывал И. Кант: мы находимся в герменевтических кругах или формах жизни, которые формируют наше видение мира. Подход к представлению о рациональном субъекте, унаследованный от Просвещения, требует пересмотра. Теперь вместо вопроса «Что такое знание?» начинают с анализа употребления слова «знание», и размышление о понятиях связывается прежде всего с фактами языка и лишь опосредованно с самими понятиями. Возможность говорить о связности мира как о логически непротиворечивой структуре зависит от того, насколько это допускает наш язык.

Таким образом, язык — это два базиса состоящие из двух частей: логика и мир человека. Одни создают одну логико-лингвистическую основу языка, и этого следует, что человек использует интерпретативный подход к дискурсу.

Язык, с одной стороны, является средством отражения реальности — он способен улавливать и выражать различные аспекты действительности. Однако, будучи применяемым в практической коммуникации между людьми, язык также становится инструментом для искажения этой реальности.

В процессе общения каждое высказывание подвергается интерпретации со стороны всех участников коммуникации. Таким образом, язык не просто пассивно отражает мир, но активно формируется в ходе взаимодействия между людьми. Каждый коммуникант выбирает тот языковой уровень, ту призму, через которую он будет представлять и осмысливать действительность.

Здесь мы сталкиваемся с фундаментальной философской проблемой соотношения языка и реальности. Язык, являясь неотъемлемой частью человеческого опыта и познания мира, одновременно накладывает определенные ограничения на наше восприятие и понимание действительности. Процессы интерпретации, выбора языковых средств становятся важными философскими вопросами, касающимися природы языка, его роли в познании и социальном взаимодействии.

Из этого следует, что язык, с одной стороны, отражает реальность, но, с другой стороны, его использование в общении может исказить ее. В процессе общения высказывание подвергается интерпретации каждым участником. Каждый коммуникант выбирает уровень языка, на котором будет передавать свое представление о действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 88–125.
2. *Демьянков В. З.* Языковые техники «трансфера знаний» // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. — 2017. — № 7.

- [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-tehniki-transfera-znaniy> (дата обращения: 12.03.2024).
3. *Ковлакас Е. Ф.* К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. — 2007. — №6. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-gipotezy-lingvisticheskoy-otnositelnosti-sepira-uorfa> (дата обращения: 15.04.2024).
  4. *Косян М.* Философия языка и текста в истории философии // Colloquium-journal. — 2020. — №11 (63). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-yazyka-i-teksta-v-istorii-filosofii> (дата обращения: 12.02.2024).
  5. *Панченко В. А.* Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2010. — №124. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vilgelm-fon-gumboldt-vnutrennyaya-forma-yazyka-kak-otrazhenie-samobytnosti-etnicheskoy-kultury> (дата обращения: 01.05.2024).

Сибгатова Алина Альбертовна,

студентка

Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»

им. Д. Ф. Устинова;

Тимофеева Софья Павловна

старший преподаватель кафедры Р7

Балтийского государственного
технического университета «ВОЕНМЕХ»

им. Д. Ф. Устинова

ЧАСТОТА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АВТОРСКОГО СТИЛЯ

В статье исследуется важность частоты словоупотреблений при анализе авторского стиля. Предлагается методика статистического анализа текстов с использованием компьютерных программ для выявления особенностей индивидуального стиля автора. Исследование проводится на основе корпуса художественных и публицистических текстов С.Д. Довлатова. Результаты исследования показали, что низкочастотные слова представляют индивидуальный стиль автора, а высокочастотные — общеупотребительную лексику. Полученные результаты могут внести вклад в развитие теории компьютерной лингвистики, корпусной лингвистики, литературоведении, филологии, а также данный подход может быть использован в судебной экспертизе.

Ключевые слова: авторская лексика, С. Д. Довлатов, идиостиль, частота, распределение.

Sibgatova A. A., Timofeeva S. P.

WORD FREQUENCY AS AN INDICATOR OF AUTHOR'S STYLE

This article explores the importance of word frequency in analysing author's style. The methodology of statistical analysis of texts using computer programs to identify the features of the author's individual style is proposed. The research is carried out on the basis of the corpus of S.D. Dovlatov's fiction and journalistic texts. The results of the study show that low-frequency words represent the author's individual style, and high-frequency words represent the common vocabulary. The

results obtained can contribute to the development of the theory of computational linguistics, corpus linguistics, literary studies, philology, and this approach can be used in forensic examination.

Keywords: author's lexicon, S. D. Dovlatov, idiosstyle, frequency, distribution.

Начиная с 50-х годов XX века, ученые обращаются к различной вычислительной технике для проведения исследований в сфере лингвистики. В настоящее время создано огромное количество программ, которые позволяют проводить лингвостатистический анализ текстов разных авторов и размеров. Одним из основных показателей данного метода является частота. Анализ на основе частотности позволяет ученым проводить судебную экспертизу, доказывать принадлежность текстов определенным авторам, а также данные результаты могут помочь при выявлении авторского стиля.

В данной работе будет представлен анализ лексики 74 публицистических и художественных текстов С. Д. Довлатова на основе ранее созданного частотного словаря с помощью программ Google Colaboratory и Microsoft Excel. Сервис Google Colaboratory базируется на языке программирования Python. При разработке кода использовались пакеты инструментов Stanza, Rymorphy2, re, Pandas, с помощью которых производились лемматизация, токенизация, подсчет количества словоупотреблений и создание конечной таблицы. Основным источником текстов послужили веб-сайты «Сергей Довлатов» [9] и «Библиотека Максима Мошкова» [1]. Объем выборки составил 318370 словоформ, объем словаря равен 22605 единицам. Каждому слову присвоен ранг, слова в частотном словаре располагаются по количеству вхождения слова (частоте) и алфавиту, также указывается частота слова отдельно в публицистических и художественных текстах, общая частота и частота на миллион слов корпуса (для сравнения корпусов и частотных словарей разного размера). Результаты исследования помогут дальнейшему изучению авторского стиля не только С. Д. Довлатова, но и других писателей.

Творчество иллюстрирует жизнь в граждан в СССР. Жизнь Сергея Довлатова была наполнена разными событиями, которые повлияли на его становления как личности и как писателя. Он стремился как можно больше делиться с людьми своими мыслями, взглядами и опытом с помощью своего творчества, поэтому в своих произведениях С. Д. Довлатов смешивает различные стили речи и лексику разных пластов. Его проза по-журналистски лаконична, динамична, диалогична, а юмор, эмоциональность увлекает читателя в диалог с автором, погружая в наблюдения и размышления. Смещение высокого и низкого, грустного и смешного, непринужденности и философичности — это то, что отличает идиостиль Довлатова. Его произведения отражают его биографические факты: служба в лагерной охране

в Республике Коми («Зона. Записки надзирателя»), работа журналистом в Ленинграде, Таллине, Нью-Йорке, потом экскурсоводом в «Михайловском» («Заповедник»), подготовка к эмиграции («Чемодан») и жизнь сначала в Вене, а потом в США («Филиал», «Иностранка») и др. В этих произведениях описывается узкий круг: его друзья, знакомые, коллеги, семья, связанные с описываемыми фактами в повестях, рассказах, мемуарах и дневниках.

Результаты нашего исследования показали, что общеупотребительная лексика обладает более низким рангом, высокой частотой и располагается в начале частотного словаря.

Ранг	Лемма	Часть речи	Кол-во (публ)	ipm (публ)	Кол-во (худ)	ipm (худ)	Кол-во (общ)	ipm (общ)
1	быть	AUX	317	7611,22716	3128	11303,80419	3546	11137,98411
2	говорить	VERB	164	3937,669572	1675	6053,02814	1863	5851,682005
3	сказать	VERB	99	2377,007851	1510	5456,759697	1617	5078,996137
4	быть	VERB	206	4946,097145	1210	4372,635254	1444	4535,603229
5	человек	NOUN	238	5714,422915	1031	3725,774336	1304	4095,863304
6	мочь	VERB	114	2737,160556	831	3003,024707	960	3015,359487
7	знать	VERB	88	2112,895868	680	2457,348738	782	2456,261582
8	дело	NOUN	76	1824,773704	481	1738,212857	567	1780,946697
9	идти	VERB	40	960,4072127	518	1871,921538	565	1774,664698
10	хотеть	VERB	49	1176,498836	477	1723,757864	531	1667,870716
11	хороший	ADJ	71	1704,722802	437	1579,207939	516	1620,755724
12	думать	VERB	42	1008,427573	461	1665,937894	507	1592,486729
13	жизнь	NOUN	96	2304,97731	406	1467,181746	507	1592,486729
14	спросить	VERB	26	624,2646882	427	1543,070457	458	1438,577755
15	стать	VERB	46	1104,468295	384	1387,679287	435	1366,334768
16	жена	NOUN	49	1176,498836	346	1250,356858	395	1240,694789
17	день	NOUN	32	768,3257701	356	1286,494339	394	1237,55379
18	рука	NOUN	19	456,193426	372	1344,314309	391	1228,130791
19	жить	VERB	45	1080,458114	319	1152,785658	371	1165,310802
20	писать	VERB	63	1512,64136	289	1044,373213	362	1137,041807
21	называть	VERB	53	1272,539557	304	1098,579436	361	1133,900807
22	газета	NOUN	58	1392,590458	279	1008,235732	351	1102,490813
23	женщина	NOUN	32	768,3257701	313	1131,103169	345	1083,644816
24	деньги	NOUN	38	912,386852	306	1105,806932	344	1080,503816
25	видеть	VERB	27	648,2748685	300	1084,124443	327	1027,106825
26	делать	VERB	44	1056,447934	282	1019,076976	326	1023,965826

Таблица 1. Примеры общеупотребительной лексики

В произведениях можно встретить как книжную лексику, так и разговорную, сниженную. Примеры книжной лексики: лицезреть ($r = 9407$; $f = 3$), благодарствовать ($r = 14862$; $f = 1$), сударь ($r = 21323$; $f = 1$), пророчествовать ($r = 20102$; $f = 1$), вождельть ($r = 15273$; $f = 1$), здравица ($r = 6424$; $f = 5$), молодец ($r = 3202$; $f = 12$) и др. Примеры разговорной и сниженной лексики: жестянка ($r = 9066$; $f = 3$), бормотуха ($r = 8745$; $f = 3$), фунфурик ($r = 22014$; $f = 1$), воронок ($r = 15325$; $f = 1$), мент ($r = 4564$; $f = 8$), торфушка ($r = 13807$; $f = 2$) и др.

Практически все его произведения основаны на жизненном опыте. В текстах можно встретить вкрапления иноязычной лексики, что связано с переездом в Эстонскую ССР и жизнью в эмиграции. Для их передачи автор в основном использует прием транслитерации, т.е. передает знаки одной письменности знаками другой. Например, «ит'з вандерфул» — англ. яз. («Ослик должен быть худым»), «Кером даш ахнан... Кером ланав...» — индонезийский яз. («Зона. Записки надзирателя»), «Сууре пярасельт» — эстон. яз. («Зона. Записки надзирателя»), «нихт ферштейн» — нем. яз. («Зона. Записки

надзирателя»), «табула раса» — лат. яз. («Зона. Записки надзирателя»), «Вай мэ!» — груз. яз. («Зона. Записки надзирателя»).

Иногда автор записывает слова и предложения на исходном языке, т.е. использует макаронизмы, например, “sure”, “De ses mains tombe le livre” («Жизнь коротка»), “opinionated” и др.

Некоторые фразы даются с переводом, например, «omnia mea мекум порто (все мое ношу с собой)» («Ослик должен быть худым»), «I could (Я бы мог)» («Соло на ундервуде: Записные книжки»), «гэс овенс (газовые печки)» («Соло на ундервуде: Записные книжки»).

Для передачи колорита эмигрантской среды автор также использует экзотизмы, например, доллар ($r = 305$; $f = 80$), виконт ($r = 15215$; $f = 1$), сэр ($r = 2330$; $f = 17$), аксакал ($r = 14395$; $f = 1$), джигит ($r = 11396$; $f = 2$) и др.

В произведениях можно встретить не только общеупотребительную лексику, но и лексику, ограниченную местом проживания, принадлежностью к определенной организации, профессии, социальной и возрастной группам. В данных текстах можно отметить наличие просторечий, жаргонизмов, профессионализмов, арготизмов, которые являются представителями этого слоя лексики.

Просторечия — слова, выражения, обороты, формы словоизменения, не входящие в норму литературной речи [4]. Примерами просторечий в анализируемых произведениях являются следующие слова: смяться ($r = 13589$; $f = 2$) — уйти откуда-н., исчезнуть (обычно тайком, незаметно); волынить ($r = 11104$; $f = 2$) — канителиться [8]; слямзить ($r = 21010$; $f = 1$) — стащить, украсть; гоношить ($r = 15700$; $f = 1$) — хлопотливо заниматься какими-л. мелкими хозяйственными делами [3] и др.

Жаргонизмы — это специфические слова, употребляющиеся в речи какой-либо узкой социальной группы людей, объединенных общими интересами, занятиями, положением в обществе [6]. Например: опер ($r = 2777$; $f = 14$) — оперативник; чувиха ($r = 7198$; $f = 1$) — девушка.

Одной из разновидностей жаргонизмов являются арготизмы. Арго характеризуется большей закрытостью [5]. В связи с тем, что С. Д. Довлатов работал в тюрьме, в его лексике присутствует воровское арго. Например: кукольник ($r = 9366$; $f = 3$) — мошенник, при продаже ценностей подменяющий их на фальшивые; скокарь ($r = 6992$; $f = 5$) — вор, совершающий кражи со взломом из квартир; капуста ($r = 4531$; $f = 8$) / бабки ($r = 6200$; $f = 5$) — деньги; крытка ($r = 12012$; $f = 2$) — тюрьма; урка ($r = 4807$; $f = 8$) — дерзкий вор; уркаган ($r = 21801$; $f = 1$) — дерзкий преступник-рецидивист, занимающий видное положение в группе; клифт ($r = 11884$; $f = 2$) — пиджак, куртка, пальто; бугор ($r = 3112$; $f = 12$) — авторитет в преступной среде; чалиться ($r = 22201$; $f = 1$) — отбывать наказание, находиться под арестом; шерудить ($r = 22368$; $f = 1$) — наводить порядок; кирять ($r = 9285$; $f = 3$) — пить спиртное [11].

Профессионализм — слово или выражение, свойственное профессиональной речи и употребляемое в общелитературном языке [8]. Например: ту (r = 13835; f = 2) — самолет марки ТУ-2 и т. д.; баранка (r = 4004; f = 9) — рулевое колесо автомобиля [3].

В текстах также присутствуют окказионализмы, т. е. авторские неологизмы, которые используются в рамках контекста и создаются по словообразовательным моделям, существующим в системе языка. Так по аналогии с такими словами, как антикоммунист, антимонархист, антихрист, были созданы анти-ньютон (r = 14498; f = 1), антивоцарт (r = 14497; f = 1), антитолстой (r = 14504; f = 1), антиевтушенко (r = 14493; f = 1) и антидюринг (r = 14492; f = 1).

Поскольку С. Д. Довлатов жил в советское время в его произведениях присутствуют советизмы, т. е. слова отражающие реалии той эпохи. Например: комсомол (r = 3180; f = 12) — Коммунистический Союз молодежи/член коммунистического союза молодежи; рабфак (r = 13249; f = 2) (рабочий факультет) — общеобразовательное учебное заведение в 1919–1940 гг. в СССР для подготовки в высшие учебные заведения молодежи, не имеющей среднего образования; профком (r = 20153; f = 1) — Комитет местной профсоюзной организации; ГУЛАГ (r = 7483; f = 4) — Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ, с 1934 — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР; замполит (r = 1061; f = 33) — заместитель начальника воинской части, военного учебного заведения по политической работе [7].

В текстах встречаются аббревиатуры. Большинство из них также связаны с реалиями советского периода и работой С.Д. Довлатов в тюрьме и в качестве журналиста. Были найдены следующие примеры аббревиатур:

- АТС (r = 7267; f = 4) — автоматическая телефонная станция [10];
- АХО (r = 14608; f = 1) — административно-хозяйственный отдел [12];
- АХЧ (r = 8659; f = 3) — административно-хозяйственная часть [3];
- БОЗ (r = 14922; f = 1) — без определенных занятий;
- БОМЖ (r = 14944; f = 1) — без определенного места жительства;
- ВДНХ (r = 15114; f = 1) — Выставка достижений народного хозяйства СССР [3];
- ВЛКСМ (r = 15245; f = 1) — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи [10];
- ВОХР (r = 7400; f = 9) — военизированная охрана [10];
- ГПУ (r = 15735; f = 1) — Государственное политическое управление (при НКВД РСФСР) [7];
- ГУЛАГ (r = 7483; f = 4) — Главное управление лагерей [10];
- ДОСААФ (r = 16082; f = 1) — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту [10];

- КГБ (r = 435; f = 62) — Комитет государственной безопасности [10];
- КПП (r = 5063; f = 7) — контрольно-пропускной пункт [10];
- ЛИТМО (r = 9404; f = 3) — Ленинградский институт точной механики и оптики [10];
- МВД (r = 12166; f = 2) — Министерство внутренних дел [10];
- МГУ (r = 9470; f = 3) — Московский государственный университет (им. М.В. Ломоносова) [10];
- МУР (r = 17930; f = 1) — Московский уголовный розыск [10];
- НИИ (r = 9650; f = 3) — научно-исследовательский институт [10];
- НКВД (r = 6671; f = 5) — Народный комиссариат внутренних дел [10];
- НРС (r = 3489; f = 11) — «Новое русское слово» (газета) [10];
- НЭП (r = 18474; f = 1) — новая экономическая политика [3];
- ОВИР (r = 3812; f = 10) — отдел виз и регистрации [10];
- ОГМ (r = 12574; f = 2) — отдел главных мастерских [13];
- ОГПУ (r = 18633; f = 1) — Объединённое государственное политическое управление [10];
- ОР (r = 18767; f = 1) — опасный рецидивист;
- ПМ (r = 19326; f = 1) — пистолет Макарова [2];
- ПТУ (r = 8196; f = 4) — профессионально-техническое училище [10];
- СМУ (r = 21029; f = 1) — строительно-монтажное управление [10];
- ССР (r = 13669; f = 2) — Советская Социалистическая Республика [3];
- СССР (r = 1340; f = 28) — Союз Советских Социалистических Республик [10];
- ТАСС (r = 8403; f = 4) — Телеграфное агентство Советского Союза [3];
- УВД (r = 6092; f = 6) — Управление внутренних дел [10];
- ЦДЛ (r = 7175; f = 5) — Центральный дом литераторов [10];
- ЦК (r = 1049; f = 34) — Центральный комитет [3];
- КПСС (r = 7701; f = 4) — Коммунистической партии Советского Союза [7];
- ЦРУ (r = 22192; f = 1) — Центральное разведывательное управление (США) [10];
- ЧК (r = 14145; f = 2) — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918-1922) [10];
- ЧП (r = 8566; f = 4) — чрезвычайное происшествие [10];
- ШИЗО (r = 5414; f = 7) — штрафной изолятор [10].

С. Д. Довлатов большое внимание уделяет особенностям произношения его героев. Посредством изменения правильного написания слов передаются дефекты речи. Например, с помощью следующих лексических единиц передается картавость: «в пегвую очегедь», «отгезать мосты», «пгоклятье», «пгидушить», «вегной догогой идете, товагищи гецидивисты!». Такой элемент высказывания, как «руфкие народные кафки», указывает на шепелявость.

Посредством знака «^» отображается заикание, например, «зд^оорово», «ст^а-арик», «к^аак дела».

Так как в текстах встречаются герои других национальностей, особенности их звучащей речи также передаются графически. Например, «нэт», «надзиратэл», «хватаэт», «поэл» (понял), «сэрдце», «пэрвую», «бэдный», «блэдный», «зарэзали».

Логическое выделение слов в ходе речи демонстрируется с помощью заглавных букв, например, «СГНИЮ». Таким же образом выделяются ударения, например, «отстЯгивать», «застЯгивать».

Также результаты соответствуют закону Ципфа, согласно которому частота слова обратно пропорциональна его рангу:

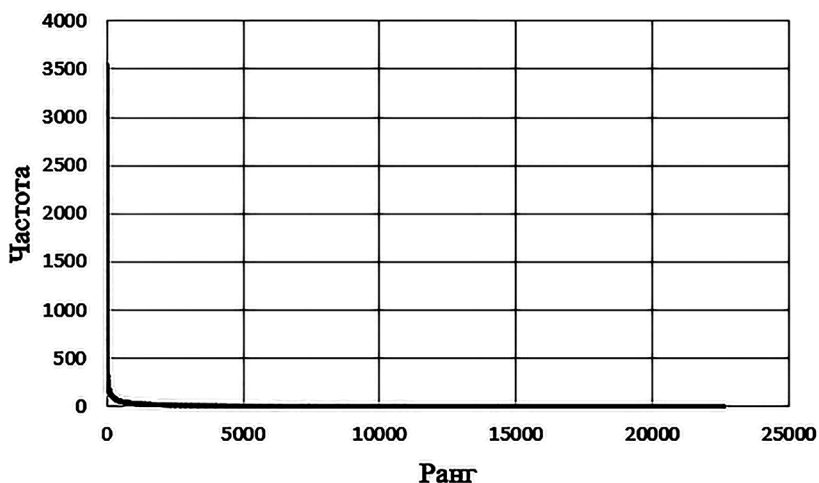

Таблица 2. Закон Ципфа

Таким образом, данное исследование указывает на то, что лексика С.Д. Довлатова очень разнообразна, в его текстах встречаются книжная и сниженная лексика, иноязычные слова, экзотизмы, просторечия, жаргонизмы, воровское арг, профессионализмы, окказионализмы, советизмы, аббревиатуры, а также писатель уделяет внимание дефектам речи и особенностям произношения героев произведений. Также было доказано, что высокочастотные слова представляют общеупотребительную лексику, а низкочастотные отражают индивидуальный стиль С.Д. Довлатова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Максима Мошкова. [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).

2. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 15.03.2024).
3. *Евгеньева А. П.* Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. — URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 15.03.2024).
4. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
5. *Колесникова С. М.* Современный русский язык в 3 т. Том 1. Фонетика. Орфография. Лексикология. Словообразование: учебник и практикум для вузов / С. М. Колесникова [и др.]; под редакцией С. М. Колесниковой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 383 с.
6. *Лобачева Н. А.* Русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография: учебник для среднего профессионального образования / Н. А. Лобачева. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 230 с.
7. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб., 1998. — 700 с.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российской академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
9. Сергей Довлатов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sergeidovlatov.com/> (дата обращения: 15.03.2024).
10. *Скляревская Г. Н.* Словарь сокращений современного русского языка. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 448 с.
11. Словарь воровского жаргона. [Электронный ресурс]. — URL: https://gufo.me/dict/criminal_slang (дата обращения: 15.03.2024).
12. Словарь технических сокращений. [Электронный ресурс]. — URL: https://gufo.me/dict/abbreviations_tech (дата обращения: 15.03.2024).
13. Сокращения, применяемые в СССР. [Электронный ресурс]. — URL: https://gufo.me/dict/abbreviations_ussr (дата обращения: 15.03.2024).

Фазлиева Дарина Ильдаровна,
студентка по специальности 45.03.03
«Фундаментальная и прикладная лингвистика»
Балтийского государственного
технического университета
«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
darina.fazlieva@yandex.ru;
Тимофеева Софья Павловна,
старший преподаватель кафедры Р7
Балтийского государственного
технического университета
«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
timofeeva_sp@bk.ru

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ОСНОВЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ORANGE

Статья посвящена анализу тональности русскоязычных постов с использованием компьютерной программы Orange. В ней исследуется, как особенности современной культуры общения в социальных сетях отражаются в языке и эмоциональной окраске текстов на русском языке. Использование цифровых инструментов для анализа тональности позволяет более точно определить настроение авторов постов — от положительного и негативного до нейтрального. Акцент делается на важности анализа тональности русскоязычных текстов для изучения общественных настроений, мнений и трендов в русскоязычном сегменте интернета. Статья рассматривает возможности применения подобных программ для мониторинга общественного мнения в различных сферах. Использование компьютерной программы Orange для анализа тональности русскоязычных постов имеет большое значение для понимания языковых особенностей текста, оценки их эмоциональной окраски, а также для изучения культурных и социальных аспектов современного общения в сети.

Ключевые слова: тональный анализ, компьютерная лингвистика, программирование, социальные сети.

SENTIMENT ANALYSIS OF RUSSIAN-LANGUAGE SOCIAL NETWORK
POSTS BASED ON THE ORANGE COMPUTER PROGRAM

The article is devoted to the analysis of the tonality of Russian-language posts using the Orange computer program. It explores how the features of modern culture of communication in social networks are reflected in the language and emotional coloring of texts in Russian. Using digital tools to analyze tonality allows you to more accurately determine the mood of the authors of posts - from positive and negative to neutral. The emphasis is on the importance of analyzing the tonality of Russian-language texts for studying public attitudes, opinions and trends in the Russian-speaking segment of the Internet. The article examines the possibilities of using such programs to monitor public opinion in various fields. The use of the Orange computer program to analyze the tonality of Russian-language posts is of great importance for understanding the linguistic features of the text, evaluating their emotional coloring, as well as for studying the cultural and social aspects of modern communication on the web.

Keywords: sentimental analysis, computer linguistics, programming, social networks.

В настоящее время огромное количество информации появляется в сети каждый день. Она может быть в разных форматах, таких как новости, статьи, обзоры, комментарии в социальных сетях и т. д. Данные могут содержать полезные идеи, мнения, рекомендации и отзывы, оказывая положительное воздействие на читателя. Однако стоит отметить, что некоторые записи могут иметь негативный характер, что может плохо отразиться на эмоциональном состоянии современных интернет-пользователей, которые уже на протяжении нескольких десятков лет перегружены информацией. Представляется актуальным разработать автоматические алгоритмы и методы для большого объема текстов, позволяющие быстро, эффективно, корректно определять эмоциональную окраску текста, в тональности. Существуют два типа задач тонального анализа: общий анализ и таргетированный анализ. В общем анализе задача системы заключается в определении эмоциональности автора для всего текста или его части, например, для отзыва или поста в социальной сети. В таргетированном анализе, наоборот, цель состоит в определении тональности относительно заданной цели. В данной работе рассматривается вопрос общего анализа текста.

Тема разработки алгоритма тонального анализа русскоязычных постов социальных сетей является актуальной в современном обществе, и развивается в сфере автоматической обработки текста. Подобный алгоритм предполагает анализ текста и определение его эмоциональной окраски, положительной, отрицательной или нейтральной.

Для проведения экспериментального исследования было выбрано 13 русскоязычных постов социальной сети “Telegram” на темы: политика, социальная сфера, ТВ-шоу.

В начале нашего исследования, представляется важным уточнить некоторые понятия. Лексическая тональность или лексическое настроение — это эмоциональный элемент, передаваемый через отдельные слова или фразы в тексте [1]. Общая тональность всего текста определяется сочетанием лексических тональностей его предложений и соблюдением определенных правил. Понятие «тональность» имеет множество трактовок, относящихся к тому или иному аспекту окружающей деятельности. В русскоязычных словарях тональность или тон (от греческого «tonos» — натяжение, напряжение) означает свойство звучания тона или голоса, а также характер тембровой градации в речи, создающий словесную и слоговую гармонию [2]. Тональность также определяется как эмоциональная настроенность литературных, драматических произведений и других проявлений искусства [4].

Понятие тональности представлено в различных исследованиях по лингвистике текста. Каждый ученый вкладывает свой смысл в данный концепт. М. Н. Кожина определяет понятие тональность как текстовую категорию, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения [2].

С начала 2000-х годов термин тональность широко применяется в современных исследованиях, посвященных автоматическому анализу текста в области компьютерной лингвистики. В международных (американских, китайских) исследованиях в области анализа и обработки текстов таких авторов как, Бо Пан, Лилян Ли, под термином тональность или сентимент (от англ. sentiment — чувство; мнение, настроение) понимается эмоциональная оценка, выраженная в тексте [1].

Анализ тональности текста — класс методов контент-анализа в компьютерной лингвистике, предназначенный для автоматизированного выявления в текстах эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки авторов (мнений) по отношению к объектам, речь о которых идёт в тексте [3].

Как направление в компьютерной лингвистике, анализ тональности берет начало в конце XX века и сейчас является одной из самых активно развивающихся технологий автоматического анализа естественного языка. Цель подобного анализа состоит в автоматическом выделении в тексте тонального компонента высказывания, включающего в себя автора мнения, которого обычно называют субъектом или источником, объект, по отношению

к которому выражено мнение, и тональность, представляющую собой полярность оценки [5].

Существуют две основные группы подходов к автоматическому определению тональности текста. Первая группа основана на правилах (rule-based), а вторая группа использует методы машинного обучения (machine learning). В случае русского языка чаще используется первый подход, в то время как для английского языка предпочтительнее второй. Это объясняется тем, что для английского языка существует большое количество доступных размеченных коллекций, на основе которых можно обучать модели машинного обучения, а также множество программных продуктов с открытым исходным кодом, которые специализированы на английском языке, в то время как для русскоязычных ресурсов их практически нет [7].

Метод, основанный на правилах, использует набор правил, составленных экспертом-лингвистом. Этот подход требует значительных усилий и его успешность зависит от различных факторов, включая используемый анализируемый материал.

Метод, основанный на словарях, использует различные лексиконы для определения тональности. Этот подход можно считать одним из самых простых, так как он сводится к выявлению тональных слов в тексте и их подсчету.

Метод, основанный на машинном обучении, широко используется в анализе тональности текста. Машинное обучение — это раздел искусственного интеллекта, который изучает методы создания алгоритмов, способных обобщить и обучиться [6]. Традиционно в машинном обучении выделяют задачи обучения с учителем, обучения без учителя и регрессии, но в анализе тональности широко используется только первый тип алгоритмов. Это связано с особенностями регрессии и неприменимостью результатов регрессионного анализа для выявления мнений (применяется только логистическая регрессия, которая на самом деле является линейным классификатором). Обучение без учителя применяется нечасто, поскольку кластеризация, т. е. объединение документов в кластеры на основе метрик расстояния между ними, для анализа тональности редко дает хорошие результаты.

Методы могут быть комбинированными, позволяя использовать одновременно несколько подходов. Например, при использовании машинного обучения в качестве признаков могут быть использованы не только отдельные слова, но и количество тональных единиц из тоновых лексиконов.

Вышеперечисленные методы являются стандартными в интеллектуальном анализе текста, где анализ тональности сводится к классификации [6].

При анализе русскоязычного корпуса обычно используется метод, основанный на использовании тональных словарей, однако, несмотря

на актуальность и стремительного развития этого направления в компьютерной лингвистике, в открытом доступе находится не так много тональных словарей.

Для автоматической классификации текстов с использованием метода основанного на тональных словарях, необходимо использовать словарь, который содержит слова с указанием их принадлежности к определенному сентименту (тону). Разметка в словаре может быть представлена в виде бинарной классификации (2 класса), тернарной классификации (3 класса) или многоклассовой классификации (больше трех классов) [5].

Для разработки алгоритма анализа тональности русскоязычных постов были выявлены следующие задачи:

1. Необходимо определить подходящие метрики для измерения и анализа тональности текста в русскоязычных постах.
2. Собрать набор данных, состоящий из русскоязычных постов с различными тональностями (положительные, нейтральные, отрицательные).
3. Предварительно обработать тексты путем удаления стоп-слов, лемматизации и токенизации.
4. Разработать модель с использованием методов машинного обучения, которая будет предсказывать тональность текста на основе обучающего набора данных.
5. Тренировать модель на обучающих данных с использованием метода обратного распространения ошибки и оптимизатора.
6. Оценить точность и эффективность модели.
7. Протестировать модель на русскоязычных постах и оценить ее способность правильно классифицировать тональность текста.
8. Сравнить результат оценки программы с оценкой человека.

Для разработки алгоритма была выбрана программа “Orange Data Mining”.

“Orange Data Mining” — открытое программное обеспечение, которое предлагает визуальное программирование и анализ данных. Программа разработана для работы с большими объемами данных и включает функционал машинного обучения для анализа и визуализации данных.

На платформе Orange доступны различные инструменты для анализа данных, включая предварительную обработку данных, визуализацию, кластеризацию, регрессию, классификацию, обучение без учителя, а также возможность разработки и добавления собственных алгоритмов.

В качестве источника материала была выбрана социальная сеть “Telegram”. Посты были выбраны в соответствии с разной тематикой: политика, ТВ-шоу, социальная сфера. В ходе работы было рассмотрено 13 постов периода октябрь-ноябрь 2023 года.

Особенностью данных текстов оказалось то, что многие блогеры используют обсценную лексику при выражении эмоций, поэтому было решено немного отредактировать посты во избежание неприятностей. Также многие посты сопровождались эмоджи (смайликами), поэтому было решено их убрать, чтобы не нарушать предобработку текста и оценить лексическую составляющую без дополнительных компонентов.

В работе было задействовано 6 ключевых виджетов: Create Corpus, Preprocess Text, Sentimental Analysis, Data Table, Heat Map и Word Cloud (рисунк 1). Разберем каждый из них по отдельности.

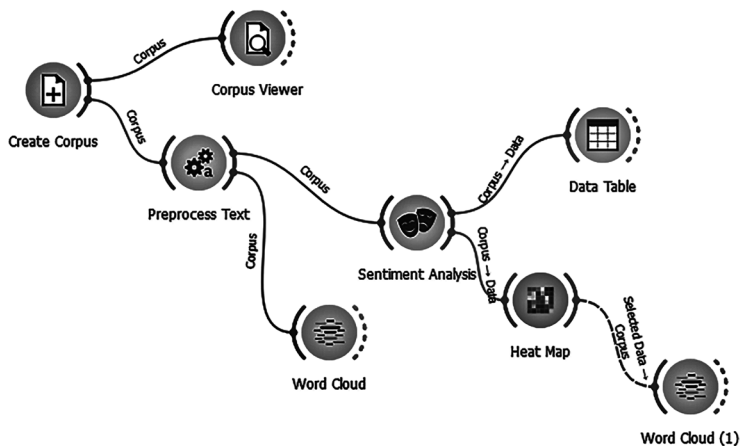

Рисунок 1. Ключевые виджеты

Create Corpus (Создание корпуса) — виджет для быстрого создания образца документов. Он позволяет вводить вручную или копировать содержимое из буфера обмена. Именно на данном этапе были добавили посты для анализа в программу, каждый пост — это отдельный документ (рисунк 2).

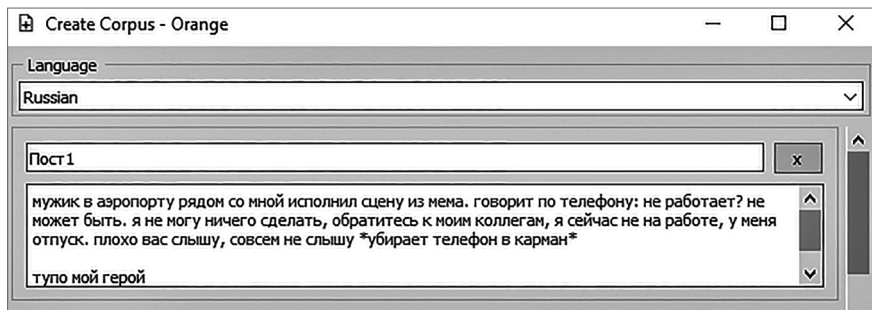

Рисунок 2. Создание корпуса

Preprocess Text (Предварительная обработка текста) предварительно обрабатывает корпус выбранными методами. Данный виджет разбивает текст на более мелкие единицы (токены), фильтрует их, выполняет нормализацию (выделение стеблей, лемматизацию), создает n-граммы и помечает токены метками частей речи. Шаги анализа применяются последовательно и могут быть переупорядочены.

Именно с помощью данного виджета проводилась первичная обработка текста. Здесь все словоформы были приведены к нижнему регистру, удалены все сторонние знаки препинания, ссылки и цифры, была проведена токенизация с помощью RegExp (удаляет слова, соответствующие регулярному выражению) по образцу `\w+` (соответствует только словам, без знаков препинания), лемматизация по форме Lemmagen Lemmatizer (применяет предварительно обученную модель для нормализации данных) (рисунок 3).

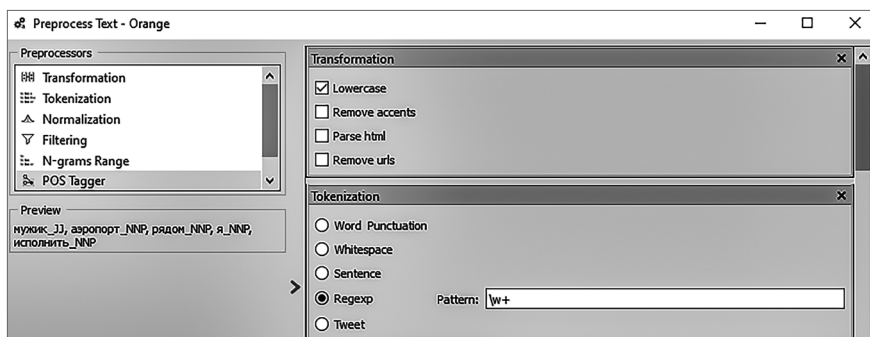

Рисунок 3. Предварительная обработка текста

Sentimental Analysis (Тональный анализ) прогнозирует настроения для каждого документа в корпусе. Он использует модули настроений Liu & Hu и Vader от NLTK, многоязычные словари настроений от Data Science Lab, SentiArt от Артура Джейкобса и LiLaH от Walter Daelemans et al. Все они основаны на лексике. Для Liu & Hu вы можете выбрать английскую или словенскую версию. Вейдер работает только на английском языке. SentiArt работает на английском и немецком языках. Анализ LiLaH поддерживает словенский, хорватский и голландский языки. Пользовательский словарь позволяет загружать собственные словари позитивных и негативных настроений. Для заданного алгоритма был выбран Multilingual sentiment, так как он поддерживает несколько языков, в том числе и русский язык (рисунок 4).

Data Table (Таблица Данных) — виджет, отображающий данные в электронной таблице. Экземпляры данных могут быть отсортированы по значениям атрибутов. Виджет также поддерживает ручной выбор экземпляров

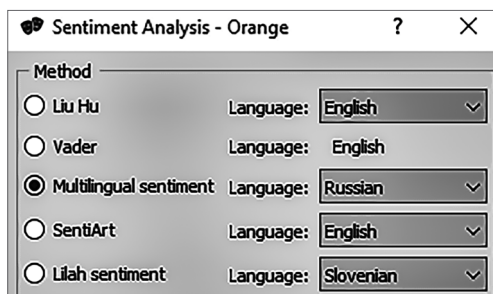

Рисунок 4. Тональный анализ

данных. Данный виджет был выбран специально, чтобы выяснить само значение (число), которое проанализировала программа, и на его основе сделать вывод об эмоциональной составляющей поста, что в дальнейшем стало полезным при ручном сравнительном анализе результатов (рисунок 5).

title	Title True	Document	sentiment
1	Пост1	мужик в аэроп...	4
2	Пост 2	периодически ...	-4.16667
3	Пост 3	пока в мире ес...	18.1818
4	Пост 4	Ненависть, ль...	-8
5	Пост 5	— В России за ...	-3.33333
6	Пост 6	В Японии поли...	3.84615
7	Пост 7	прикиньте у Ст...	0
8	Пост 8	Горох щас рас...	19.0476
9	Пост 9	Министр выс...	11.1111
10	Пост 10	какой оказыва...	0
11	Пост 11	Объясняла 14-...	0
12	Пост 12	Бебур с женой...	0
13	Пост 13	до чего умиль...	4.16667

Рисунок 5. Таблица данных тонального анализа

Heat Map (тепловая карта) — это графический метод визуализации значений атрибутов. Он работает только с наборами данных, содержащими числовые переменные. Значения представлены цветом в соответствии с выбранной цветовой палитрой. Комбинируя переменную класса и атрибуты по осям X и Y, видно, где значения атрибутов являются самыми сильными, а где самыми слабыми, что позволяет нам найти типичные функции для каждого класса. Именно с помощью этого виджета удалось четко продемонстрировать результаты проделанной работы (рисунок 6).

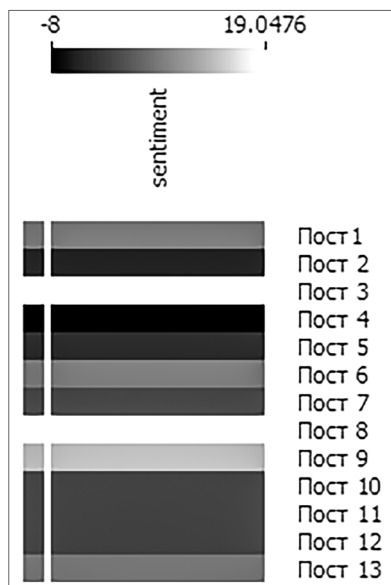

Рисунок 6. Результаты в виде тепловой карты

На тепловой карте наглядно видно, что в целом посты имеют нейтральную эмоциональную окраску за исключением нескольких штук. Таким образом, можно сделать вывод, что прочтение данных постов вызывает скорее нейтральные эмоции, но они близки к положительным, чем к негативным.

Word Cloud (Облако слов) — виджет, который отображает токены в корпусе, их размер указывает частоту слова в корпусе или среднее количество слов в пакете, когда функции «Bag of words» доступны на входе виджета. В виджете слова перечислены по их частоте (весу). Виджет выводит документы, содержащие выбранные токены из Word Cloud. Данный виджет был добавлен, чтобы посмотреть, слова с какой эмоциональной окраской используются чаще всего в постах. Было создано 2 облака слов: по всему корпусу и отдельно по каждому посту (рисунки 7 и 8).

Результаты, полученные с помощью Orange, были проверены путем ручного анализа. Была создана таблица в программе Excel, где были размещены результаты оценки программой и человеческая оценка, где «+» — положительный окрас, а «-» — негативный окрас и 0 — нейтральный окрас (рисунок 9).

Можно видеть, что программа оценила некоторые посты положительно, в то время как человек их оценивает негативно. Касательно оценки человека, в целом, посты выглядят так, как и были отображены по эмоциональному окрасу.

Рисунок 7. Облако слов по всем постам

Рисунок 8. Облако слов по конкретному посту

Программа же некоторые посты оценила отлично от человека, что можно объяснить тем, что программе не понятна интонация, с которой они были написаны, эмоции, которые появляются после прочтения поста. Orange просто оценивает эмоциональную окраску отдельных слов в постах, в то время как человек оценивает окрас поста в целом, предполагая и интонацию, и эмоции автора.

	А	В	С
1	Посты	Оценка программы	Моя оценка
2	№ 1	0	+
3	№ 2	+	+
4	№ 3	+	+
5	№ 4	-	-
6	№ 5	+	-
7	№ 6	0	-
8	№ 7	-	0
9	№ 8	+	+
10	№ 9	+	-
11	№ 10	+	+
12	№ 11	-	+
13	№ 12	-	+
14	№ 13	+	0

Рисунок 9. Сравнительная таблица оценки тонального анализа

Так, можно сделать вывод, что при сравнении машинного анализа и ручного совпадения присутствуют, но они касаются негативно окрашенных постов. При оценке постов с положительной эмоциональной окраской возникли расхождения, но это можно списывать на неучет интонации и эмоций самого автора, так как машина априори не может считывать эмоции лучше человека.

Результаты исследования показали, что общий эмоциональный окрас постов является положительным, что было проверено вручную при помощи тонального анализа. Однако, несмотря на положительные результаты, эта работа имеет ряд ограничений. Использовалось ограниченное количество русскоязычных постов, что может снизить представительность алгоритма. Также возможно, что не все возможности программы Orange были использованы, что снижает точность и обобщенность результатов.

В связи с этим, предлагается для дальнейшего исследования расширить объем выборки русскоязычных постов, а также сравнить использование других программ и алгоритмов для тонального анализа. Также рекомендуется улучшить текущий алгоритм, внедрив новые методы и подходы для повышения его точности и эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Т. Ф., Бойчук Е. И. Основные теоретические проблемы, связанные с понятием тональности текста // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 136–141.

2. *Кожина М. Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка: научная литература. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 696 с.
3. *Меньшиков И. Л.* Обзор систем анализа тональности текста на русском языке / И. Л. Меньшиков, А. Г. Кудрявцев // Молодой ученый. — 2012. — № 12 (47). — С. 140–143.
4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1994. — 907 с.
5. *Семина Т. А.* Анализ тональности текста: современные подходы и существующие проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. — 2020. — С. 47–63.
6. *Liu B., Zhang L.* Survey of opinion mining and sentiment analysis // Mining text data. — 2012. — P. 415–463.
7. *Stone P. J., Dunphy D. C., Smith M. S., Ogilvie D. M.* The General Inquirer: A Computer Approach to Content Analysis. — Cambridge: MIT Press, 1966. — 704 p.

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии
и лингводидактики
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
ta-ta89@mail.ru

ПОВЕСТЬ «ОШИБКА» ЕВГЕНИИ ТУР: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУШКИНСКИХ ТРАДИЦИЙ

Статья посвящена анализу повести Евгении Тур «Ошибка», опубликованной в 1849 году. Произведение принято считать аллюзией на роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, поэтому сравнение данных произведений представляется важным. Е. Тур обращается к аналогичному сюжету, что и классик, однако меняет форму произведения и имена главных героев. Автор предлагает свою интерпретацию сюжета и женских образов, именно на них в повести расставлены акценты. Пространственные образы также являются дополнительной характеристикой к описанию женских характеров.

Ключевые слова: Евгения Тур, «Ошибка», А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», женские образы, сравнение.

Khatskevich T. M.

THE NOVELLA “ERROR” BY EVGINIYA TOUR: FOLLOWING PUSHKIN’S TRADITIONS

The article analyses the novella “Error” by Evginiya Tour, which was published in 1849. The work is considered to be an allusion to “Evginiy Onegin” by A.S. Pushkin due to that fact there is the necessity to compare them to each other. E. Tour exploits the same plot as A.S. Pushkin but she changes the verse novel to the prose fiction, the names of the characters are also changed. The author offers her version of that plot and female images there is an author’s focus on them. The spatial patterns function as an additional feature to the female images description.

Keywords: Evginiya Tour, “Error”, A.S. Pushkin, “Evginiy Onegin”, female images, comparison.

Графиня Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, в девичестве Сухово-Кобылина, стала знаменита еще в юном возрасте переводами произведений Петрарки и старшего Дюма, изданных в журнале «Телескоп». Однако литературный труд стал для Елизаветы Васильевны основным заработком, только когда она осталась одна с тремя детьми. Переводческий опыт у юной Сухово-Кобылиной развивался в студенческие годы, в журнале «Телескоп» впервые размещаются несколько ее работ. В качестве писательницы она дебютировала в 1849 году с повестью «Ошибка», опубликованной в октябрьском номере журнала «Современник». Повесть выстраивается на аллюзии к сюжету романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, несмотря на это в произведении Евгении Тур отсутствует прямое цитирование романа в стихах классика. Тем не менее, можно с большой степенью уверенности утверждать, что обращение к творчеству А. С. Пушкина в жизни Е. Тур присутствовало. Влиянию творчества поэта на писательницу способствовало знакомство с Николаем Ивановичем Надеждиным, ставшим ее учителем. Профессор Н. И. Надежин известен как литературный критик, а также издатель «Телескопа» и «Молвы». Николай Иванович считал А. С. Пушкина талантливым писателем и часто публиковал свои статьи о нем, хотя утверждал, что талант поэта не был раскрыт в полной мере. Следует отметить, что Е. Тур сложила мнение о творчестве классика самостоятельно, не полагаясь полностью на авторитет своего учителя. Возможно, поэтому ей показалась необходимым представить свое прочтение пушкинского сюжета читателю.

Для воплощения своего замысла писательница решила не обращаться к выбранной А. С. Пушкиным форме романа в стихах, она предпочитает прозу, хотя сохраняет оригинальный сюжет. Повесть состоит из четырех глав и вставного письма матери главного героя, как и А. С. Пушкин Е. Тур вводит в текст обращение к читателю: «Не сердитесь на меня, читатель мой, что я, по-видимому, хочу так долго описывать лицо моей героини; но если бы вы её видели, вы сами увлеклись бы и описали нам, может быть, ещё подробнее эту простую физиономию, в которой не было ничего замечательно прекрасного или поразительного характерного, но где всё было так стройно, так тихо, так покойно» [6], в тексте произведения присутствуют отступления с размышлениями повествователя об описанных событиях. Экспозицию произведения Е. Тур также изменила, если великий классик открывает сцену своего произведения представлением главного героя, то есть Евгения Онегина, то повесть вовлекает читателя в доверительный разговор между возлюбленными, главными героями - Ольгой и Славным - в домашней обстановке. Евгения Тур смещает фокус внимания с главного героя, что позволяет расставить акцент на женских образах и женском взгляде. Исследователь Строганова Е. Н. отмечает: «<...> однако в поле зрения исследователей

не попадают тексты, принадлежащие перу авторов-женщин, что в числе других факторов актуализирует необходимость гендерной корректировки истории литературы. Невнимание к творчеству писательниц обедняет наше представление о развитии литературы XIX века в целом и о роли пушкинского романа в частности» [5, с. 40], действительно, образ главной героини значительно отличается от пушкинской. Автор-женщина изображает непохожую ни на какую другую героиню — самодостаточную, воспитанную и образованную девушку, непонимающую ценность праздной жизни общества того времени, выросшую в определенных обстоятельствах, оставивших след на ее личности.

Несмотря на то, что писательница поменяла имена персонажей произведения, просвещенный читатель легко узнает в образе Ольги Федоровой пушкинскую Татьяну, а в Александре Михайловиче Славине — Онегина. Важно рассмотреть антитезу в образах Ольги и Славина связанную с предпочтениями в литературе, так как это во многом проясняет кругозор и интересы героев. Если у А. С. Пушкина и Татьяна, и Онегин зачитывались романами Руссо и Ричардсона, а ближе к концу романа в стихах Евгений «стал вновь читать он без разбора» [4, с. 175], то в повести Евгения Тур Славин читает Руссо, Плутарха и Шиллера, Ольга показана писательницей весьма комплементарно, девушка читает разнообразные произведения Гете. Более того, Ольга постоянно училась, она овладела немецким и английским языками, чтобы в оригинале знакомиться с Шиллером, Байраном, Шекспиром [6]. Кроме того, классик представляет Онегина как знающего жизнь, повидавшего многое молодого человека, Татьяна же ограничена своим домом, так как она не выезжает на светские вечера, и ведением хозяйства в деревне. Все остальные сведения о жизни и любви Татьяна получает из романов посредством книжных описаний. Ольга же в повести «Ошибка» сосредоточена на получении знаний из книг разной направленности, жизнь она наблюдает воочию, помогает соседской семье, заботится о них, рассудительно анализирует происходящее вокруг. Таким образом, Евгения Тур будто противопоставляет ситуацию, меняя роли персонажей, если сравнивать с романом в стихах. Писательница с первых страниц демонстрирует отсутствие характера у Славина, после сцены с диалогом о будущем между влюбленными Тур помещает текст письма матери Славина. Она против отношений молодой пары, считает, что вправе решать вопрос женитьбы сына, более того, Славин допускает ситуацию, что Ольга узнает об отношении его матери к ней. Славин, будучи взрослым и свободным молодым человеком, не является таковым на самом деле, он зависим от матери и, как выясняется по ходу сюжета, от мнения общества. Ольга, находясь постоянно в стенах своего дома, представляется более свободной, чем ее возлюбленный, она сама принимает

решения, в том числе по собственному замужеству, она помогает нуждающейся семье, Ольга считает, что пребывание в свете на балах является пустой тратой времени, поэтому не ходит туда, даже если ее мать на этом настаивает.

Еще одной интересной проблемой освещенной в произведении становится «неравный брак», писательница подходит к ее описанию нетривиально. Мать Славина относится с презрением к семейству Федоровых, хотя они являются дальними родственниками, кузинами, причиной такого пренебрежения стало замужество: «Действительно, чтобы княгине Горскиной выйти за Федорова, надо было иметь голову навыворот» [6], кроме того, что брак неравный по сословию, он неравный и финансово. У А. С. Пушкина Татьяна становится княгиней в финале произведения, хотя семья Лариных описывается А. С. Пушкиным как простая. В произведениях Е. Тур встречаются автобиографические элементы, вопрос неравного брака может считаться одним из них: «Аристократка М. И. Кобылина и слышать не хотела о неродовитом женихе для своей дочери. Пусть Надеждин и знаменит в науках, и великолепно себя держит, но он сын сельского священника, разночинец» [1, с. 259], автобиографическое включение в произведениях тех времен часто считают присущим авторам-женщинам: «Многие черты, свойственные женскому литературному творчеству, автобиографическому по элементам сюжета, лиро-эпическому по форме, с особенным вниманием к женской психологии...», как правило, эти черты письма ставили в укор авторам-мужчинам, если находили в их произведениях указанные характеристики [2, с. 3].

Иначе происходит знакомство молодых людей, Ольга знает Славина с детства, поэтому осознает его увлеченность другими женщинами, понимает, что он не может жить без светских выездов, балов, она надлежаще оценивает ситуацию. В романе А.С. Пушкина знакомство происходит волей судьбы, под влиянием современных той эпохе романов девушка, находящаяся в юном возрасте, влюбляется в придуманный ей самой образ. Онегин, будучи типичным ловеласом, интересующийся последними модными тенденциями, нашел способ развлекать себя в скучной деревенской обстановке. В повести Евгении Тур Ольга и Славин ровесники, обоим по двадцать восемь лет, в романе классика Онегин старше Татьяны.

Евгения Тур включает в сюжет использование символики, например, символом становится браслет, подаренный Славиним: «Ольга любовалась браслетом и подошла к матери, чтобы показать ей его; сердечко зацепилось за шёлковую бахрому её платья, оторвалось и, звеня, будто разбившись, упало на пол, к ногам её; Ольга изменилась в лице; сердечко подняли, тотчас опять прикрепили к браслету; но дурное впечатление от этого случая осталось в уме и тревожило её» [6], подобно подвеске на браслете образ Ольги

также падет в глазах Славина после совместного посещения бала. Девушка застенчива, в ее привычку не входит посещение балов, поэтому она не знает, как себя подавать, юная особа не знакома с обществом и не способна выгодно себя представить, кроме того, Ольга ограничена в средствах и не имеет возможности блистать в роскошных нарядах. Сомнения и уверенность в правильности принятого решения о женитьбе постоянно посещали Славина после того, как он услышал неодобрительные отзывы об Ольге в высшем свете.

Финал повести «Ошибка» выстроен таким образом, чтобы функционально соответствовать задаче, а именно показать образ главной героини на контрасте с пушкинской Татьяной, однако продолжая при этом пушкинские традиции. Если пушкинская Татьяна становится жертвой ситуации, не может на нее повлиять, то Ольга в повести «Ошибка» самостоятельно принимает решения, хотя аналогично страдает из-за случившегося предательства. Ольга чувствует изменившееся к ней отношение Славина после бала, понимает, что возлюбленный сожалеет о сделанном предложении, поэтому она принимает решение освободить Славина от его обязательства, она уезжает из города, чтобы с ним не встретиться: «Живи для другой, если найдешь её, живи мирно, но сохрани воспоминание о том безмятежном и полном счастья, которое ты когда-то ошибкою бросил в удел мне» [6]. Героиня показана как самодостаточная и уважающая себя девушка, она осознает свою ошибку, заключающуюся в том, что сначала позволила дружеским отношениям перейти в любовь, затем, после прочтения письма матери Славина, по-прежнему продолжила отношения с ним, кроме того, уступила его желанию и отправилась на бал.

Примечательная деталь, что писательница не только использует прием повторения сюжета, но и в самом тексте произведения указывает на постоянное повторение одних и тех же событий на глобальном уровне: «Были минуты, когда Елизавета Ивановна жалела о своей бедной Оле; это случилось особенно тогда, когда она невзначай обращалась к своей давно минувшей молодости и к прошлым страданиям любви, так долго несчастливой, но эти минуты были редки и не длились долго — тогда она ласкала дочь» [6], обращаясь к теме цикличности истории, а также передачи опыта старшим поколением следующему, однако часто следующее поколение не следует подобным советам.

Евгения Тур, как говорилось ранее, смещает фокус внимания с мужских образов на женские, поэтому представляет читателю разные типы женских образов общества того времени, она позволяет самостоятельно понять ценности и моральные качества каждой из них, однако рассказчица не высказывает собственное оценочное мнение. Для матери Славина важно,

чтобы жена сына умела занять положение в обществе, она признает доброту и кроткость Ольги, но данные качества не считаются полезными и важными, более того, она подозревает девушку в хитрости, считая отказы ухажерам Ольгой коварным планом, будто девушка надеется овладеть состоянием Славина, убедив его в своем бескорыстии. Мать Славина «разделяла всех женщин на три рода» [6], первый разряд составляют семейные женщины, являющиеся добрыми хозяйками, любящими мужа и детей, они совершенно не способны блистать в гостиных, так как не склонны к умственной деятельности, по мнению Славиной. Второй категорией она считает женщин подобных Ольге, мечтающих, живущих в мире книг, таких женщин Славина особенно не терпела, считала их скучными, печальными, надоедливими в своей любви, экзальтированными, нерасчетливыми, поэтому неспособными управлять домом, для нее это был самый ужасный тип в придуманной классификации. Третий тип Славина предпочла бы для своего сына в качестве жены [7, с. 141]. Такие женщины живут обществом и ради общества, они тщеславны и холодны, однако строго выполняют правила, принятые светским кругом. Подобные женщины живут ради получения удовольствия, они могут обманывать мужей, но делают это ловко, без труда скрывают измены от общества, такие женщины никогда не разоряются, так как ко всему они подходят с расчетом.

Мать Славина сама относится к третьему типу, именно поэтому так его ценит, она является «совершенной аристократкой» [6], самым важным для нее является строгое исполнение обязанностей в светском общении, она расчетлива, умна, хитра, что доказывает ее затея с письмом к сыну. Зная прекрасно привычки сына, его любовь к выездам в общество, предпочтение праздной городской жизни деревенской, Славина разрешает свадьбу, но просит повременить с ней, мать уверена, что скоро сыну наскучит Ольга, более того, девушка не умеет себя вести в обществе, а посещение балов — один из главных интересов Славина. Для Славиной важно не внутреннее содержание, а внешнее соблюдение правил, это касается и будущей жены, для матери важно войти в общество и соблюдать его требования, а не то, что жена будет искренне любить ее сына.

Еще один женский образ, изображенный Е. Тур, образ матери Ольги — Елизаветы Ивановны Федоровой, мечтающей выдать дочерей замуж. Устав от постоянного состояния бедности, она мечтала, чтобы старшая дочь была пристроена, это позволяло бы чаще выезжать младшей дочери в свет. Она сравнивала себя и Ольгу, не понимала, почему дочь обладает таким характером, незаинтересованная в жизни светского общества, в то время как сама Елизавета Ивановна любила проводить время в гостиных. Федорова считала дочь чудачкой, ждала от нее сочувствия к семье, мать считала дочь эгоисткой,

так как Ольга отказывалась выходить замуж и облегчить финансовое положение семьи, однако мать была такой же эгоисткой по отношению к дочери и ее чувствам. Иногда Елизавета Ивановна сочувствовала дочери, ее неразумности, влюбленности в Славина, однако при этом она постоянно сообщала Ольге обо всех интригах молодого человека, зная, что делает больно ей этими сплетнями.

Соня Федорова, сестра Ольги: «Соня была всех счастливее, потому что была молода, не знала борьбы, носила в себе способность забывать беспечно и скоро всякие враждебные столкновения» [6], беспечна, старается держать нейтралитет между сестрой и матерью. Основная цель ее жизни была наслаждаться самой жизнью, несмотря на то, что Соню баловали, она оставалась утешением семьи и благовоспитанной девушкой: «В ней незаметно развивался наивный эгоизм балованных детей, соединённый однако с истинно добрым сердцем и с нежною привязанностью к матери и сестре» [6], внешняя ветреность Сони была обманчивой, так как при всей ее любви к веселью она серьезно подошла к выбору ухажера, Алексея Николаевича Левина, у нее были искренние чувства к нему. Интересно, что Соня без труда вошла в свет, в этом ей помог ее легкий характер, любовь к танцам и веселью.

Семейство Горскиных, то есть графиню и ее дочь Надежду, можно описывать как единое целое, так как дочь переняла у матери все хитрости. Это семейство кажется успешным, богатым, однако позже читатель узнает о финансовых проблемах семейства, в том числе из-за пристрастия сына княгини к азартным играм. Обе женщины стройны, красивы, холодны, мать говорит о соблюдении приличий в обществе, однако затем становится понятно, что и мать, и дочь заинтересованы в расстройстве брака Славина, поэтому внешняя добропорядочность на деле оказывается очередной маской в светском обществе.

Е. Тур критиковалась И. С. Тургеневым за длинные отступления: «Заметим только, что «Ошибка», при всей нововости содержания, небрежности слога и несколько утомительных длиннотах, поразила всех своей искренностью, неподдельным жаром чувства, какою-то стремительностью убеждений и благородным мужеством души, оставшейся юной под ударами горя, не впавшей в болезненную грусть» [3], часто они описывают быт, очевидно, что писательница противопоставляет мещанский быт аристократическим гостиним княгинь и графинь. Мещанский быт демонстрируется как нечто застарелое и неразвивающееся: «застой был главным характером, а посредственность состояния лишала возможности давать балы и вечера; в этих домах сбирались пить чай и разговаривать, — болтали, конечно, но не имели понятия о том, что такое разговор. Это было болото, в котором не жили, а прозябали и гнили до глубокой старости, потому что в такой

пошлой, вседневной, ничем не возмущаемой жизни бывают счастливы, разумеется, только те, которые могут прожить таким образом», у девушек из подобного круга практически не было шанса выйти в высший свет, исключением является наличие знакомств или родственников более высокого положение, либо финансовая возможность войти в избранный круг. Дом на Никитинской представляет собой аристократическое жилище, комнаты убраны со вкусом и роскошью, безделушки привезены из разных стран, зимой жителей радуют оранжереи, взор притягивают произведения искусств, расстановка мебели и в целом обстановка тщательно продумана. Несмотря на внешнее благополучие, по ходу сюжета мать семейства признается, что их состояние расстроено, и они с трудом поддерживают дом, при этом Горская устраивает затратные приемы, а ее сын проматывает деньги в азартных играх.

Исследование повести «Ошибка» позволяет говорить о том, что в произведении присутствует много сюжетных пересечений с романом в стихах «Евгений Онегин», однако Евгения Тур ставит перед собой цель показать женские образы повести в ином ключе. Читатель знакомится с большой галереей женских образов, главным качеством прекрасной половины становится умение вести светскую жизнь и быть ее частью, а любовь, добродетельность и мораль не являются востребованными характеристиками высшего света. Образ Ольги напоминает пушкинскую Татьяну, однако значительно выигрывает в сравнении, так как девушка изображается самодостаточной, уважающей себя, воспитанной и образованной, она более приземленная, чем мечтательная Татьяна у А. С. Пушкина. Ольга понимает сущность Славина, находит в себе силы принять окончательное решение о разрыве с ним. В повести «Ошибка» пространственные образы коррелируются с образами героинь, живущих в них, а также демонстрируют условия формирования характера героев. Евгения Тур продолжает пушкинские традиции, однако перерабатывает материал, чтобы исследовать женские образы и показать женский взгляд на общество той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова М. А., Стрижёва А. Н. Евгения Тур (1815–1892): материалы к библиографии. Литературоведческий журнал. — 2015. — № 36. — С. 257–310.
2. Ивакина И. В. И. С. Тургенев и Евгения Тур (творческий диалог) // Спасский вестник. — 2006. — № 13. — С. 56–62.
3. Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851. [Электронный ресурс]. — URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika/plemyannica-roman-tur.htm> (дата обращения: 01.05.2024).

4. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: роман в стихах / Александр Сергеевич Пушкин; сопроводит. статья Андрея Немзера. — М.: Время, 2017. — 320 с. — (Проверено временем).
5. *Строганова Е. Н.* «Евгений Онегин» в текстах Евгении Тур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — № 4. — С. 39–43.
6. *Тур Е.* Ошибка. [Электронный ресурс]. — URL: <https://proza.ru/2015/10/26/1143> (дата обращения: 01.05.2024).
7. *Уздеева Т. М.* Гендерный аспект в повести «Ошибка» Евгении Тур // Актуальные проблемы исследования родного языка и литературы. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения чеченского ученого и писателя А. С. Сулейманова. — Грозный, 2022. — С. 139–142.

Шаленная Татьяна Александровна,
магистр Санкт-Петербургского государственного университета
по специальности «Языки народов Азии и Африки»,
преподаватель колледжа РХГА им. Ф. М. Достоевского,
shalennaya2001@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТОВ «ГРУСТЬ»
И «ГНЕВ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО
«МЕЛКИЙ СНЕГ»**

Языковые обозначения эмоций лишь в недавнем времени стали интересовать отечественную лингвистику. Антропоцентрический подход стал главенствующим в филологии начиная с XXI века, как реакция на исчерпавший свой потенциал структурализм. Благодаря антропоцентрической парадигме были сформированы такие направления как психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика и др. Эмоции являются важным компонентом человеческого сознания, и их репрезентация в языке создает эмоциональную картину мира. Эмоциональные концепты «грусть» и «гнев» рассматриваются с точки зрения вызываемых ассоциаций (ассоциированные эмоциональные концепты), а также моделируются их лексико-семантические поля в японском языке.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, отрицательные эмоции, концепт, эмоциональная концептосфера, концепт «грусть», концепт «гнев».

Shalennaia T. A.

**CONCEPTS «SADNESS» AND «ANGER» AS A LEXICO-SEMANTIC
FIELD IN THE MAKIOKA SISTERS BY TANIZAKI JUN'ICHIRO**

Linguistic denotations of emotions have only recently become of interest to Russian linguistics. The anthropocentric approach has become dominant in philology since the 21st century as a reaction to structuralism, which has exhausted its potential. Thanks to the anthropocentric paradigm, such directions as psycholinguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, etc. were formed. Emotions are an important component of human consciousness, and their representation in language creates an emotional picture of the world. The emotional concepts «sadness» and «anger» are considered from the point of view of evoked associations (associated emotional concepts), and their lexical-semantic fields in Japanese are modeled.

Keywords: lexical-semantic field, negative emotions, concept, emotional conceptosphere, concept «sadness», concept «anger».

Эмоции являются объектом разных научных дисциплин, начиная с философии и заканчивая когнитивной лингвистикой. Невозможно привести единый перечень, определения и категоризацию эмоций. Культура отражена в языке с помощью концептов. Концепты пребывают в нашем сознании. С помощью языка, речи концепт воплощается в реальность, опредмечивается. Языковой репрезентацией концептосферы языка являются лексико-семантические поля. Совокупность эмоциональных концептов — это эмоциональная концептосфера. Эмоциональная концептосфера является частью эмоциональной картины мира, которая в свою очередь является частью языковой картины мира.

В статье разграничиваются понятия эмоциональная лексика и лексика эмоций. Эти термины широко встречаются в научной литературе. Эмотивность — это способность выражать эмоции через язык, т.е. одна из функций языка. С помощью эмоциональной лексики не только выражаются эмоции, но и дается оценка окружающей действительности. Бабенко Л. Г. дает такое определение: «К эмоциональной лексике относятся лексические средства, служащие для обозначения воздействий, каузирующих эмоции, и различных способов их репрезентации» [2, с. 14].

Концепт «грусть»

Для начала необходимо дать дефиницию концепту «грусть» в русском, японском и английском языках. Определения были взяты из толкового словаря С. И. Ожегова и толкового словаря Уэбстера. Печаль — чувство грусти и скорби, состояние душевно горечи» [3]. Семантический инвариант — «эмоциональное состояние, вызванное нежеланным событием».

Синонимичный ряд к концепту «печаль» в японском языке представлен 91 лексемой. Методом сплошной выборки из произведения «Мелкий снег» были отобраны следующие 25 элементов: 苦しい *курусии*, 悲しみ *канасими*, 不幸 *фуко*, 心痛 *синцу*, 遺憾 *икан*, 痛み *итами*, 悄然 *сё:дзэн*, 絶望 *дзэцубо*: 失望 *сицубо*: 陰鬱 *инъуцу*, 憂鬱 *ю:уцу*, 胸がつか *むね-га цукаэ*та, 気が塞ぐ *ки-га фусагу*, がっかり *гаккари*, しょんぼり *сёнбори*, 気落ち *киочи*, 幻滅 *гэнмэцу*, 滅入る *мэйру*, 気が重い *ки-га оmoi*, 涙 *намида*, 泣く *наку*, 、しくしく *сикусику*, 壊れ *коварэ*, 青白い *аодзирои*, 血の気の失う *ти-но ке-но усунау*.

В русском языке (16): печаль, горе, грусть, отчаяние, скорбь, прискорбие, тоска, уныние, меланхолия, сожаление, горечь, подавленность, мрачность, уныние, хандра, слезы. В английском языке (11): sorrow, sadness, unhappiness, dejection, regret, despair, depression, misery, pain, gloom, apathy.

Распределение элементов поля представлено в следующей таблице 1.

Часть поля	Ядро		Периферия		Дальняя периферия	Итого элементов в поле
	Сектор	Грусть	Тягость	Отчаянье	Меланхолия	
Количество элементов	4	6	4	3	8	25
Итого элементов	10		7		8	

При построении ЛСП «печаль» в японском языке в центр помещается эмоциональный концепт с наиболее общим значением, архисема — *悲し* *ка-насами*. В английском языке — *sadness*.

Во второй сектор помещаются следующие лексемы: 苦しい *куруси*, 痛み *итами*, 悄然 *сё:дэн*, 気落ち *киочи*, 胸がつか 痞えた *мунэ-га цукаэта*, 気が塞ぐ *ки-га фусагу*. Тягость (боль) — эмоция вызванная, давлением и болью, мучительно-неприятное чувство.

«いえ、いえ、そう仰(お)っしやられては痛み入ります» [11]. *Иэ, иэ, со: оссярарэтэ ва итами иримас.*

«Мы очень огорчены, что дело приняло такой оборот» [5].

«The truth is that we are very unhappy with ourselves» [9].

痛み *итами* «боль» может использоваться как с физическими травмами, так и с психологическими переживаниями. Так как эмоции являются эфемерной материей, которую невозможно пощупать, для их передачи используются когнитивные метафоры. Большинство когнитивных метафор, описывающих эмоциональное состояние используют описание ментальное через сенсорное. Например, грусть и печаль часто передаются через ощущение тяжести в груди или боли в сердце 胸がつか; 痞えた *мунэ-га цукаэта*.

«...それでも何も知らずにいる雪子を見ると、胸がつか痞えた» [13]. *Сорэдэмо нани-мо сирадзу ни иру Юкико-о миру то, мунэ-га цукаэта.*

«...но стоило ей взглянуть на ничего не подозревавшую Юкико, как у неё болезненно сжалось сердце» [5].

«Even so she felt a clutching at her heart...» [9].

На периферии находятся 4 лексемы. К первой группе относится 絶望 *дзэцубо:*, 失望 *сицубо:*, 心痛 *синцу:*, 滅入る *мэйру*. Отчаянье — отрицательная эмоция, связанная с чувством безысходности, потерей надежды, невозможностью удовлетворить какую-либо потребность.

Ко 2 группе относятся следующие элементы: 陰鬱 *инъуцу*, しょんぼり *сёнбори*, 憂鬱 *ю:уцу*. Меланхолия. Меланхолия, согласно словарю

Ожёгова, — болезненно-угнетенное состояние, тоска, хандра [3]. В отличие от грусти, более продолжительное состояние.

В данном случае 陰鬱 *инъуцу* перевели как «подавленное настроение», а в английском варианте как «депрессию». Слово депрессия означает глубокое, длительное состояние упадка духа, часто влияющее на физиологическое состояние человека.

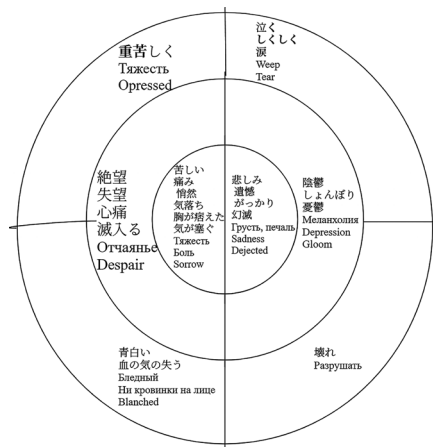
При переводе на английский язык происходят потери смысла. (Например, переводится как «bad, troubled». Но это не отражает эмоциональных переживаний, сопутствующих этой эмоции).

На дальней периферии находятся лексемы, репрезентирующие концепт «печаль»: 気が重い *ки-га оmoi*, 涙 *намида*, 泣く *наку*, しくしく *сикусику*, 壊れ *коварэ*, 不幸 *фуко*; 青白い *аодзирои*, 血の気の失う *ти-но ке-но усинау*.

Кроме этого, большую часть периферии составляет часть эмоционального концепта «печали», связанного с жидкостью и текучестью. «Грусть» крепко ассоциируется со слезами, которые являются самым ярким физиологическим проявлением данной эмоции.

Кроме глагола 泣く *наку* «плакать», существуют также другие части речи, связанные с плачем. Например, しくしく *сикусику* — всхлипывать, 涙 *намида* — слезы. Слезы, как физиологическая реакция, вызванная печалью, также является ярким индикатором концепта эмоции «печали» в литературе.

Также для «грусти» характерной ассоциацией является утрата яркости — приглушенность. Основной материал выражен лексемами, имеющими значение «бледности», т.е. «утратой лицом красок». Приглушенность репрезентируется прилагательными и наречиями. Например, 青白い *аодзирои* «мертвенно-бледный», 血の気の失う *ти-но ке-но усинау* «ни кровинки на лице».

Строение поля представлено на диаграмме ниже.

Если проанализировать количественное соотношение, то мы увидим, что для русского и японского языков очень важен концепт «грусти». И японская, и русская картины мира опираются на эмоциональное переживание, тогда как английская (европейская) — на рациональное.

Концепт «гнев»

Аристотель определял гнев как «соединенное с чувством неудовольствия стремление к тому, что представляется наказанием, за то, что представляется пренебрежением к нам самим, или к тому, что нам принадлежит, когда пренебрегать не следовало» [1]. В толковом словаре гнев определяется как «сильное чувство негодования: страстная, порывистая досада, попросту: сердце; запальчивый порыв, вспышка; озлобление, злоба» [3].

Синонимичный ряд концепта «гнев» в японском языке составляет 90 лексем. В произведении «Мелкий снег» было выявлено 15 элементов с компонентом значения «гнева, раздражения»: 怒る *окору*, 腹が立つ *хара-га тацу*, 激昂 *гэкко*; 立腹 *риптуку*, いらいら *ираира*, 苛立ち *ирадати*, 怒声 *досэи*, 憤慨 *фунгаи*, かんかん *канкан*, 鬱憤 *уппун*, 憤激 *фунгэки*, 憤然 *фундзэн*, 青筋を立てる *аосудзи-о татэру*, むきになる *муки-ни нару*.

В русском (8): гнев, ярость, злость, негодование, возмущение, ненависть, бешенство, злоба, раздражение.

В английском (6): anger, outrage, fury, rage, irritation, resentment.

Данное микрополе состоит из лексики эмоций, т. е. из лексем, которые называют отрицательную эмоцию. Это обуславливает распределение элементов микрополя «гнев». Распределение будет проходить по тематическим группам интенсивности проявления эмоции: возмущение, раздражение, ярость и злость.

Рус. яз.	Англ. Яз	Яп. яз.
Злость, гнев	Anger	怒る <i>окору</i> , 腹が立つ <i>хара-га тацу</i> , 立腹 <i>риптуку</i>
Ярость, неистовство, бешенство	fury, rage	かんかん <i>канкан</i> , 憤慨 <i>фунгаи</i> , 憤激 <i>фунгэки</i> , 青筋を立てる <i>аосудзи-о татэру</i>
Раздражение	Irritation	いらいら <i>ираира</i> , 苛立ち <i>ирадати</i>
Негодование, возмущение	Indignation, resentment	激昂 <i>гэкко</i> ; 鬱憤 <i>уппун</i> , 憤然 <i>фундзэн</i> , むきになる <i>муки-ни нару</i>

Архилексемой в лексико-семантическом поле «гнев» является лексема 怒る *о кору*. А английском языке — anger.

На периферии оказываются элемент 腹が立つ *хара-га тацу* и 立腹 *риппуку* — группа 1. Является соматизмом. Авторы художественных текстов обычно располагают гнев в теле человека. Внутри человеческого тела гнев может иметь конкретную локализацию. Помимо традиционного «жара в груди» гнев проявляет себя как нечто находящееся в сердце, крови. В японском языке существует метафора 腹が立つ *хара-га тацу* «гневаться», но буквально значит «живот стоит».

«貞之助は、考えれば考えるほど腹が立って来るのであったが...» [11]. Тэиносукэ ва кага-эрэба кага-эру ходо хара-га таттэ куру нодэ атта га.

«Тэйноскэ стоило немалых усилий скрыть вскипающее в нём раздражение» [5].

В переводе метафора связана с водой и жаром, а не с соматическим выражением.

Группа 2 — 6 лексем из тематических групп «раздражение»: いらいら *ираира*, 苛立ち *ирадати*. Лексема 苛立ち *ирадати* используется для передачи сильного раздражения.

Группа 3–4 лексем из тематической группы «ярость»: かんかん *канкан*, 憤慨 *фунгаи*, 憤激 *фунгэки* и 青筋を立てる *аосудзи-о татэру*. Эмоции, репрезентируемые этими лексемами, имеют наивысшую степень интенсивности. Эта группу включает в себя элементы значения, направленные не только на раздражение на стимул, но и агрессию.

Фразеологическая единица 青筋を立てる *аосудзи-о татэру* буквально означает «синие вены выскочили». В английском языке этому выражению соответствует эквивалент «pop a vein».

«...とうとう奥畑は青筋を立て...» [13]. То:то: Окубата аосудзи-о татэ

«Тут Окубата вышел из себя и закричал...» [5].

«...and finally he lost his temper» [9].

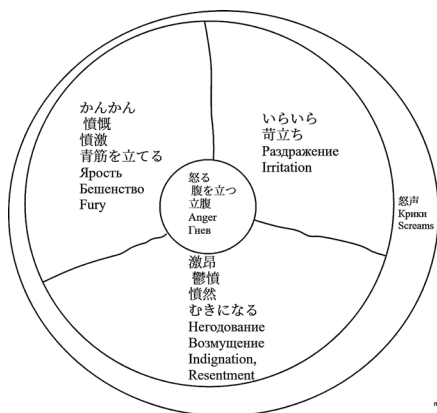
Группа 4 — негодование, возмущение состоит из 4-х лексем: 激昂 *гэкко*;, 鬱憤 *утпун*, 憤然 *фундэн*, むきになる *муки-ни нару*.

В семантический компонент лексемы 鬱憤 *утпун* входит значение «Гнев, который накопился, потому что не было возможности его выместить. Обида, которую приходится сдерживать».

むきになる *муки-ни нару* — «злиться из-за мелочей». На русский эту лексему перевели как «вставать на дыбы», а в английском «flare up».

На периферии находится только одна лексема — 怒声 *досэи*, которая означает «сердитый голос».

Строение микрополя «гнев» представлено на диаграмме ниже.

Если сравнить русское и английские поля, то можно увидеть, что в русском переводе большая дифференциация лексики гнева. Также больше количество лексем с компонентом интенсивности — ярость, бешенство, ненависть.

Выводы

Анализ художественного текста на материале английского, японского и русского языков показывает, что хотя выражение эмоций присуще человеческому виду, не существует абсолютных эквивалентов между эмоциями. Каждая эмоция репрезентируется по-разному. Более того, иногда нюансы эмоциональной окрашенности текста терялись при переводе, когда лексика эмоций попросту опускалась или выражалась имплицитно.

Японское языковое сознание проявляет большую детализацию эмоциональной картины мира, следовательно номинации различных оттенков отрицательных эмоций. Наиболее детализированным является микрополе «грусть». Это является подтверждением того, что в японской картине мира грусть с давних времен занимала важное место.

Если сравнить русское и английские поля, то можно увидеть, что в русском переводе большая дифференциация лексики гнева.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Поэтика. Риторика / пер. Платонова Н. — СПб.: Азбука, 2000. — 348 с.
2. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. — Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1989. — 182 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1996. — 907 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 14.04.2024).

4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. — М.: Просвещение, 1976. — 624 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm> (дата обращения: 14.04.2024).
5. Танидзаки Дзюнъитиро. Мелкий снег / пер Т. И. Редько-Добровольская. — СПб: Северо-Запад Пресс, 2003. — 730 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://royallib.com/read/tanidzaki_dzyunitiro/melkiy_sneg_snegniy_reyzag.html#0 (дата обращения: 01.05.2024).
6. Цаголова В. А. Ассоциативные поля эмоциональных концептов «радость» и «печаль» в немецкоязычном художественном дискурсе // Филологические науки. — №7. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rusnauka.com/26_NII_2009/Philologia/52160.doc.htm (дата обращения: 15.04.2024).
7. Чоршанбиева З. А. «Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект». — 2020. — 146 с.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. — М.: Гнозис, 2008. — 409 с.
9. Junichiro Tanizaki. The Makioka sisters / trans. Edward G. Seidensticker. — London: Vintage, 2000. — 688 p. [Электронный ресурс]. — URL: file:///C:/Users/user/Downloads/toaz.info-the-makioka-sisters-pr_c058e-a999bb7ed9bbffa73adb6ff917f.pdf (дата обращения: 1.05.2024).
10. Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms. — New York: Barnes & Noble Books, 2003. — 451 p. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus> (дата обращения: 14.04.2024).
11. Танидзаки Дзюнъитиро [谷崎潤一郎]. Сасамэюки. Дзё:кан [細雪. 上巻: Мелкий снег. Том один]. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001383/files/56698_59488.html (дата обращения: 01.05.2024).
12. Танидзаки Дзюнъитиро [谷崎潤一郎]. Сасамэюки. Накацумаки [細雪. 中巻: Мелкий снег. Том два]. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001383/files/57416_71300.html (дата обращения: 01.05.2024).
13. Танидзаки Дзюнъитиро [谷崎潤一郎]. Сасамэюки. Гэкан [細雪. 下巻: Мелкий снег. Том три]. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001383/files/57416_71300.html (дата обращения: 01.05.2024).
14. Фукая Кэисукэ [深谷圭助]. Рэикай гакусю: руиго дзитэн [例解学習類語辞典: Учебное пособие. Словарь синонимов с примерами]. — Токио: Сё:гакукан, 2009. — 720 p.

ПСИХОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

УДК 111

Антонюк Алла Владимировна,
магистрант
Русской христианской
гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
allava@rambler.ru

ГОТОВНОСТЬ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН К МАТЕРИНСТВУ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы о готовности молодых женщин к материнству в современном обществе. Приводятся данные о поддержке семьи, материнства и детства на уровне государства. Рассматриваются трудности физического и психологического состояния молодых матерей в послеродовой период. Отмечается важность раннего выявления психоэмоциональных нарушений, что позволит не только оказать своевременную помощь женщине, но и не допустить вторичных осложнений для матери и ребенка. Подчеркивается актуальность и значимость психологического перинатального сопровождения, представлены новые инициативы в этом направлении. Отмечаются проблемы в оказании психологической послеродовой поддержки и реабилитации молодых мам.

Ключевые слова: материнство, поддержка семьи, послеродовой период, послеродовая поддержка, реабилитация.

Antoniuk A. V.

READINESS OF YOUNG WOMEN FOR MOTHERHOOD IN MODERN SOCIETY

The article examines current issues about the readiness of young women for motherhood in modern society. Data is provided on support for family, motherhood and childhood at the state level. The difficulties of the physical and psychological state of young mothers in the postpartum period are considered. The importance of early detection of psycho-emotional disorders is noted, which will not only provide timely assistance to the woman, but also prevent secondary complications for the mother and child. The relevance and importance of psychological perinatal support is emphasized, and new initiatives in this direction

are presented. Problems are noted in providing psychological postpartum support and rehabilitation of young mothers.

Keywords: maternity, family support, postpartum period, postpartum support, rehabilitation.

Поддержка семьи, материнства и детства является одним из важнейших направлений деятельности государства. Будущее любого государства зависит от ежегодного прироста новых граждан. В России больше 2 млн. семей, в которых растут трое и больше детей. Но на решение семьи о рождении ребенка влияет уровень благосостояния семьи. По оценке экспертов ВШЭ, желание завести ребенка в большинстве случаев имеет обратную зависимость от издержек семьи и прямую — от доходов. По прогнозам Росстата, с 2023 по 2027 год рождаемость в России снизится с 1244,5 тыс. младенцев до 1140,4 тыс. [5]. По мнению специалистов, сохраняется малодетность семей, социальное сиротство (более 80 % детей, находящихся на государственном попечении, имеют здравствующих «биологических» матерей), в том числе и беспризорность, огромное количество аборт, в разы превышающих число рождений, трудности адаптации современных подростков в социуме и т. д. (И. В. Бестужев-Лада, В. Ветрова, О. Г. Исупова, Е. В. Шамарина).

Осознавая существующие проблемы, Владимир Путин назвал поддержку материнства и детства в числе приоритетов для страны: «Вопросы поддержки материнства и детства, улучшения демографической ситуации, обеспечения достойного уровня и качества жизни российских семей — в числе ключевых стратегических приоритетов» [3]. Указом Президента Российской Федерации 2024 год был объявлен Годом семьи и поставлена задача: «В горизонте ближайших шести лет мы должны добиться устойчивого роста рождаемости» [9].

Ряд мер по поддержке семьи и детства был принят относительно недавно. Так, с 1 января 2023 года введено единое ежемесячное пособие для семей с невысокими доходами, причем от беременности женщины до достижения ребенком 17 лет. В прошлом году это пособие получали более 11 млн. человек. Приоритет в заключении социального контракта имеют многодетные семьи. Планируется запустить новый национальный проект, который так и называется: «Семья», продлить семейную ипотеку до 2030 г.

При рождении третьего ребенка государство погашает за семью часть ипотечного кредита. Особое значение государство придает материнскому капиталу. Размер материнского капитала регулярно индексируется [1].

Кроме материального обеспечения огромную роль в развитии семьи имеет позиция будущей матери и ее готовность к выполнению всех функций,

связанных с материнством. Когда в семье принимается решение о рождении ребенка, возникает вопрос готовности молодых женщин к материнству, что является важным аспектом развития современной семьи. К принятию решения родить ребенка в большинстве молодые матери подходят взвешенно, многие занимаются обследованием и укреплением физического здоровья. Л.А. Грицай выделила три основных социально-психологических типа материнства, которые обозначает как феминистский, традиционно-ценностный и компромиссный [2].

Первый предполагает осознанный отказ женщины от выполнения её роли матери. При этом рождение и воспитание детей рассматривается как тяжкая обуза, возложенная на нее, во многом препятствующая реализации профессионального и творческого потенциала.

Второй тип основывается на присущем русской культуре традиционном отношении к материнству как важнейшей духовно-нравственной ценности как самой женщины, так всего общества. В этом смысле материнство понимается не только как выражение главного призвания женщины, во сто крат превышающее любые ее профессиональные успехи, но и метафизическое ее предназначение на земле.

Третий тип стремится к совмещению материнского призвания и профессиональных обязанностей женщины. При этом его очевидным достоинством является сохранение активной социальной позиции матери, однако нельзя не признать, что одновременная занятость женщины в сфере дома и профессии накладывает на нее двойной груз ответственности.

Нетрудно заметить, что первые два рассмотренных нами социально-психологических типа материнства явно противопоставлены друг другу, третий тип основывается на некоем компромиссе, однако его тоже нельзя назвать идеальным, так как при таком подходе женщина вынуждена постоянно находиться в ситуации выбора ценностным приоритетов: семья или работа.

Молодые женщины принявшие решение родить ребенка, не всегда готовы к неизбежным изменениям организма физиологического и психологического характера в послеродовой период. После рождения ребенка многие матери начинают испытывать значительные трудности, начинается обычная жизнь один на один с малышом. При этом идущая в женском организме гормональная перестройка оказывает существенное влияние на чувствительность ее нервной системы, возрастает нервно-психическая нагрузка [8]. Молодой неопытной матери кажется, что она не в состоянии справиться с новой ролью, она боится совершить ошибку при уходе за новорожденным. К этому страху добавляется непривычная до этого физическая усталость и отсутствие времени для заботы о себе [6]. Сложный

спектр психофизиологических изменений, сопровождающий период ухода за младенцем, часто приводит к возникновению отрицательных эмоций, таких как тревога, страх, растерянность, вызывает раздражительность и даже агрессивность. В большинстве случаев указанные аффективные проявления кратковременны и проходят самостоятельно. Но при неблагоприятно складывающихся обстоятельствах формируются тревожные, тревожно-фобические, неврастенические и депрессивные синдромы [6]. Как показывают исследования на психоэмоциональное состояние женщины в послеродовом периоде оказывают влияние следующие факторы: возраст, темперамент, особенности характера, культурной среды, семейные традиции, материальное и социальное благополучие, наличие полной семьи.

Диапазон тревожности и страхов в послеродовой период достаточно широк. Это и страх потери физической привлекательности после родов, страх потери контакта с супругом, страх за здоровье ребенка, страх потери работы, карьеры. Динора Пайнз в книге «Бессознательное использование своего тела женщиной» пишет: «После родов наступает период приспособления к чувству опустошенности и ощущению пустоты в том месте, где был ребенок. Матери опять требуется изменить образ своего тела, чтобы чувствовать себя целой и непустой внутри, прежде чем произойдет сживание с реальным рождением ребенка и признание его как отдельного человека, и, кроме того, ей одновременно необходимо с этим реальным ребенком совместить того, который был столь сокровенной частью ее тела. Матерей нередко неприятно удивляет, что они не ощущают немедленного прилива всепоглощающей материнской любви к ребенку, которого им показывают. Таким образом, возбуждение и облегчение от родов часто сменяется периодом упадка и депрессии, как это бывает после долгожданного успеха» [7].

Симптоматика послеродовой депрессии возникает не у всех женщин. Немаловажную роль в генезе указанного расстройства играют внутренние (психологический портрет женщины, готовность к материнству) и внешние (семейная обстановка, материальное положение) факторы. К факторам группы риска по изменению психики женщины после родов относятся различные осложнения беременности и родов. Если рождается ребенок с наличием патологии в развитии, недоношенный — это травма для матери. Матери в этом случае испытывают чувство вины, вследствие чего наступает повышенное психически напряжение, загнанность и депрессивные реакции.

Негативные эмоциональные состояния этого периода могут варьироваться от легких кратко-временных тревожно-депрессивных проявлений, связанных с переживанием стрессовых ситуаций во время

и после беременности, до выраженных психотических полиморфных нарушений и достигать уровня аффективных расстройств. Ученые разделяют их на адаптивные и дезадаптивные состояния, отражающие субъективное переживание человеком значимой ситуации, способствующие или препятствующие удовлетворению его актуальных потребностей. В зависимости от этого разделения и выстраивается тактика послеродовой реабилитации. Также послеродовые депрессивные расстройства принято условно разделять по степени выраженности на три основные категории: послеродовая меланхолия («бейби-блюз») или синдром грусти рожениц, послеродовая депрессия и послеродовые психозы. Наиболее распространенными считаются явления послеродовой меланхолии (испытывают около 50% рожениц). На втором месте по частотности возникновения стоит послеродовая или постнатальная депрессия (до 30%), которая определяется как устойчивое нарушение психоэмоциональной сферы женщины, возникающее в послеродовом периоде и характеризующееся выраженным тоскливым настроением, снижением жизненной активности и утратой интереса к ребенку. В основе депрессивно-го внутриличностного конфликта лежит слабая способность человека устоять перед гибкими и в то же время четкими личностными границами [4].

Несмотря на то, что уже несколько десятилетий проблема послеродовой депрессии интересует специалистов в области медицины, психиатрии и психологии, этиология и динамика депрессивных состояний остается слабо изученной. Отмечается, что раннее выявление психоэмоциональных нарушений позволяет не только оказать своевременную помощь женщине, но и не допустить вторичных осложнений для матери и ребенка. Наиболее разработанным в стране является перинатальное психологическое сопровождение, которое организуется в женских консультациях и Центрах по месту жительства. В рамках года семьи стартуют и новые инициативы. Так, медтех-холдинг «РТ Доктис» и ВТБ запускают бесплатную программу заботы о здоровье детей и беременных женщин. Она состоит из онлайн-консультаций профильных врачей, дистанционного контроля состояния будущей мамы, страхования при возникновении патологий беременности или критических заболеваний ребенка, онлайн-школы для мам и других услуг. Проект будет способствовать повышению уровня рождаемости, снижению количества вынужденных прерываний беременности и риска смертности новорожденных. Партнерами проекта выступают сеть медицинских центров «Мать и дитя», «Ростелеком», группа компаний «Цифромед», страховая компания «Пульс» [10].

При этом психологическая послеродовая поддержка и реабилитация молодых мам практически не ведется. Основная задача, на наш взгляд, такой реабилитации – восстановление устойчивого психоэмоционального

состояния женщины и выстраивание благоприятных отношений в системе «мать – ребенок». Конечно организовать такую работу в условиях дистанционного формата сегодня представляется наилучшим решением. В рамках выполнения выпускной квалификационной работы по теме «Эмоциональный статус молодых матерей в послеродовой период» мы планируем разработать чат-бот для молодых мам, предоставить им не только информацию о рисках в этот период, но и предложить конкретную систему психотехнических упражнений и практик для саморегуляции и нормализации работы психоэмоциональной сферы в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная Дума Российской Федерации, Ежегодное Послание Президента к Федеральному Собранию Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — <http://duma.gov.ru/news/58905/> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Грицай Л. А. Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект // Журнал практической психологии и анализа. — 2010. — № 3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyjournal.ru/articles/krizis-tradicionnogo-materinstva-v-sovremennoy-rossii-socialno-psihologicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 20.04.2024).
3. Климентьев М. Путин В. В. назвал обеспечение достойного уровня жизни семей приоритетом государства / пресс-служба президента РФ/ ТАСС. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/19345123> (дата обращения: 20.04.2024)
4. Коргожа М. А. Динамика эмоциональных состояний у женщин в послеродовом периоде: диссертация канд. психол. наук. — СПб., 2019. — 205 с.
5. Костерева М. Путин В. В. призвал рожать детей пораньше, чтобы обеспечить рост населения России / Коммерсант. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6467425> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Миронова Е. С. Исследование психоэмоционального статуса первородящих беременных женщин // Материалы международной научно-практической конференции: Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. — Уфа: РИЦ Баш ГУ; 2009. — С. 118–121.
7. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. — СПб.: 1997. — 238 с.
8. Полуэктова О. Г. Психологические особенности послеродового состояния женщин // Вестник новых медицинских технологий. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- psihologicheskie-osobennosti-poslerodovogo-sostoyaniya-zhenschin-obzornoliteratury-kratkiy (дата обращения: 20.04.2024).
9. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». [Электронный ресурс]. — <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 20.04.2024).
  10. Digital Russia. РТ Доктис и ВТБ запускают программу поддержки будущих мам и детей. [Электронный ресурс]. — URL: <https://d-russia.ru/rt-doktis-i-vtb-zapuskajut-programmu-podderzhki-budushhih-mam-i-detej.html> (дата обращения: 20.04.2024).

Копылова Кристина Андреевна,
магистр психологии,
старший преподаватель Алматинского филиала
Санкт-Петербургского университета профсоюзов,
kristyna_97@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ПОТЕРИ И ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ВЛИЯНИЕ НА МОТИВАЦИЮ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЮ

Современная психологическая литература уделяет основное внимание исследованию реакций человека на травматические события и анализу их психологических последствий. В статье оценивается влияние травматического опыта на мотивацию личности, воздействие мотивационных диспозиций на интенсивность мотивации к росту после утраты, а также на процессы совладания с горем. Основное внимание уделяется изменениям в мотивационной системе индивида после переживания травмы. Представляются эффективные техники при работе с клиентом. Анализируется влияние травматического опыта на мотивацию к самоактуализации и достижению личностных целей. Делается вывод, какие мотивационные факторы становятся более активными, а какие, напротив, подавляются или изменяются и какие шаги стоит предпринимать психологу, работающему с клиентом, переживающим утрату.

Ключевые слова: мотивация, самоактуализация личности, горе, утрата, травматическое событие.

Kopylova K. A.

PSYCHOLOGY OF LOSS AND TRAUMATIC EVENTS: INFLUENCE ON MOTIVATION AND SELF-ACTUALIZATION

Modern psychological literature focuses on the study of human reactions to traumatic events and the analysis of their psychological consequences. The article evaluates the impact of traumatic experience on personal motivation, the impact of motivational dispositions on the intensity of motivation to grow after loss, as well as on the processes of coping with grief. The main focus is on changes in an individual's motivational system after experiencing trauma. Effective techniques are presented when working with a client. The influence of traumatic experience on motivation for self-actualization and achievement of personal goals is analyzed.

It is concluded which motivational factors become more active, and which, on the contrary, are suppressed or changed, and what steps should be taken by a psychologist working with a client experiencing loss.

Keywords: motivation, self-actualization of personality, grief, loss, traumatic event.

Мотивация формирует поведение человека, влияет на эффективность его деятельности и показатель удовлетворенности от неё. В кризисной психологии, а именно в контексте утраты, основное внимание уделяется анализу стадий горя и тому, насколько человек адаптируется к этому процессу, как он справляется с горем или переживает его в «нормальной» или «аномальной» форме. Под утратой понимается не только смерть значимого человека для индивида, но также разрыв отношений с ним или потеря взаимодействия [13].

Для каждого человека психологическая травма проявляется по-разному – ощущением стыда, чувством вины, гнева или боли от утраты. Эмоции сложны для человеческой психики и, следовательно, подавляются сознанием, но не исчезают полностью, продолжая проявляться через эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты. Подавленная грусть может выражаться через апатию или избегание, а подавленный гнев через раздражительность или агрессию.

Любые события влияют на наше мышление, способность принятия решений, оценку ситуаций и взаимодействие с окружающими. Депрессия, апатия, навязчивые мысли и действия, страх и тревога могут стать внешними признаками психической травмы. В таких случаях человек начинает наносить себе непреднамеренный вред, как минимум через неправильное питание, злоупотребление вредными привычками или самоповреждения. Именно внешние проявления могут быть показателем того, что человек нуждается в поддержке, помощи и восстановления психического здоровья [6].

В контексте мотивации, существуют две формы реагирования на травмирующий опыт. Одни люди могут рассматривать трудности как непреодолимые или разрушительные препятствия, а другие видят негативные события как вызов, который мотивирует их к развитию новых возможностей активного поведения. В первом случае человек часто прибегает к защитному поведению. Вторая стратегия, известная как совладающее поведение, кажется более продуктивной с точки зрения личностного развития, поскольку способствует движению человека к достижению своих высших потенциалов. Сам высший потенциал — это индивидуальный путь к самоактуализации, который проявляется в зависимости от уникальных способностей и целей каждого человека.

Защитное поведение проявляется неосознанно. Оно направлено на снижение стресса и психологического напряжения, что обычно считается

неконструктивным. Люди, прибегающие к такому поведению, часто не анализируют проблемы, не рассматривают варианты и не ищут внутренние или внешние ресурсы для их решения. Паттерн временно облегчает внутренний дискомфорт, но не предоставляет ресурсов для изменения ситуации или удовлетворения потребностей. Для человека важно решить проблему немедленно, удовлетворить свои запросы, контролировать свои эмоции и избежать последствий любым способом. Представим ситуацию, когда человек столкнулся с потерей близкого друга [12]. Вместо того чтобы осознанно искать способы справиться с горем, он избегает обсуждения утраты, подавляет свои эмоции и откладывает разговор о произошедшем «на потом», что позволяет временно избежать боли и дискомфорта, но не решает эмоциональные и психологические проблемы. В такой ситуации, мотивация деструктивна и выражается в изменении поведения.

Второй вид реагирования — совладающее поведение. Оно содействует росту и развитию личности. Понятие хоть и новое, но уже стало широко используемым. Совладающее поведение — это стратегии адаптации, включающие осознанные действия и решения, направленные на преодоление негативных ситуаций в жизни. Чем более гибко и разнообразно поведение, тем больше вероятность, что оно будет эффективным при решении проблемы. Предположим, что человек столкнулся с травматическим событием — например, потерей близкого родственника в автомобильной катастрофе [9]. Вместо того чтобы погрузиться в глубокую депрессию и отчаяние, индивид осознает, что утрата близкого человека является тяжелым испытанием и начинает активно искать способы справиться с потерей. Человек может обратиться к психологу, чтобы получить поддержку и наставления по работе с утратой, присоединиться к группе поддержки и обратить внимание на свои собственные ресурсы и способности, чтобы найти пути к личностному росту и саморазвитию. Например, начать заниматься творчеством или спортом, чтобы находить радость и удовлетворение в жизни даже в трудные моменты. В таком контексте совладающее поведение помогает не только преодолеть травму, но и использовать ее как возможность для личностного роста и развития [1].

В процессе самоактуализации важны два аспекта: самопознание и саморазвитие. Познание себя насколько это возможно позволяет развивать таланты и способности, что является основой для самоактуализации. Самоактуализация означает обретение смысла жизни, реализацию себя и выполнение своей миссии и предназначения. В результате человек ощущает полноту жизни и существования. Люди, пережившие утрату близких, также чаще ориентированы на духовные ценности. Во-первых, потеря близкого человека вызывает сильный эмоциональный стресс и потребность в поиске смысла в происходящем, а духовные ценности как раз могут предоставить психологическую опору и стать механизмом самоактуализации личности [11].

В процессе принятия потери и поиска смысла в жизни человек может обрести глубокое понимание своих ценностей, убеждений и жизненного пути. А они, в свою очередь, способствуют личностному росту и развитию, направляя человека к осознанной жизни в соответствии с его внутренними убеждениями. Практически, это может проявляться в участии в религиозных обрядах, молитвах, посещении церквей или храмов. Обращение к духовным ценностям после утраты близких может помочь человеку найти внутренние ресурсы для справления с горем и восстановления после травматического события и мощным мотиватором для принятия новых вызовов, поиска гармонии и достижения личной самоактуализации в жизни. Ключевым элементом в работе с горем является эмпатия, понимание и поддержка, которые помогают человеку пройти через тяжелый период потери.

Индивид, прибегающий к защитному поведению после утраты близкого человека, может и постепенно перейти к совладающему поведению [4]. Процесс проходит через осознание неэффективности поведенческого паттерна. Но стоит учитывать, что переход возможен при наличии мотивации к изменению, профессиональной поддержки и активного поиска практических стратегий справления. Когда человек проходит через 5 стадий переживания горя (отрицание, обида, агрессия, депрессия, построение новой картины мира), появляется мотивация к личной самоактуализации. Для полного понимания, обозначения влияния стадий переживания горя на мотивацию в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1. Влияние стадий переживания горя на мотивацию

Стадия переживания горя	Характеристика	Влияние на мотивацию
Отрицание	Отказ от признания реальности потери	Снижение мотивации, замедление адаптации
Обида	Чувство обиды и несправедливости	Усиление мотивации к изменению ситуации, внутренние конфликты
Агрессия	Деструктивное поведение и раздражение на окружающих	Увеличение мотивации к действию, но риск конфликтов
Депрессия	Печаль, отчаяние, потеря интереса к жизни	Снижение мотивации
Построение новой картины мира	Поиск нового смысла, восстановление	Постепенное восстановление мотивации и интереса к жизни через индивидуальные ценности

Влияние травматического события охватывает все сферы жизни человека. Обобщая подходы к пониманию психической травматизации, можно определить ее как событие, которое имеет важное значение для индивида, затрагивает ключевые аспекты его существования, вызывает глубокие психологические переживания и может привести к нарушениям адаптации и стрессовым расстройствам. Прямое или косвенное воздействие травматического события может быть интенсивным как в момент его происхождения, так и впоследствии, оказывая влияние на протяжении всей жизни индивида.

В ситуации утраты близких, человек переживает боль и страх, сомневается в способности справиться и опасается, что жизнь больше не будет такой, как прежде — полной, понятной и предсказуемой. Именно мотивация позволяет эмоциям постепенно уменьшаться, позволяя человеку найти новые источники поддержки, восстановить внутренний баланс, перестроить свою систему ценностей и воспринимаемый образ себя, достигнув новой личной идентичности.

В жизни любого человека утраты являются неизбежными и непредсказуемыми: они могут произойти в любое время и на любом этапе жизни. Понимание того, как трудные ситуации воспринимаются и переживаются, помогает контролировать свое отношение к травматическому событию на индивидуальном уровне. Для специалистов, оказывающих помощь, важно уметь определять и выбирать оптимальные методы работы в ситуациях утраты, чтобы помочь людям эффективно справляться с такими вызовами [14].

Перед тем как перейти к этапам психологической помощи, нужно учесть общие методические средства. Основой для психологического консультирования являются так называемые «техники» активного слушания, которые условно можно разделить на две группы.

Первая группа включает в себя «техники» нерефлексивного слушания. Вербальные и невербальные методы помогают выразить клиенту внешнее внимание и поощрить его высказывания через активное присутствие в диалоге, утверждения, подтверждающие важность его слов, а также использование невербальных средств, таких как мимика и жесты. Вторая группа — это «техники» рефлексивного слушания, которые включают словесные методы — выяснение, перефразирование, отражение чувств и резюмирование. Здесь уже методы направлены на углубление и проверку понимания психологом клиента, создание ощущения взаимопонимания и помощи в процессе саморазмышления. Рефлексивное слушание помогает клиенту лучше понять себя и свои переживания [2].

В данной статье уместно рассмотреть малоизвестную методику, предложенную Джоном Джеймсом и Расселом Фридманом, которая помогает личности преодолевать горе. Авторы переведенной на русский язык книги

“Восстановление скорбящих” утверждали, что горе включает в себя разные эмоции, которые возникают в ответ на потери или изменения в жизни. Согласно методу, непроработанное горе часто связано с тем, что люди не выражают свои чувства, от этого необходимо научиться выражать свои эмоции и завершить эмоциональную связь с объектом утраты. Преимущество подхода заключается в том, что его можно применять как на индивидуальном, так и на групповом уровне [10].

На первом этапе клиент создает графу отношений, визуально отражающую все важные аспекты отношений с умершим человеком, как положительные, так и отрицательные. На втором этапе предлагается заполнить таблицу с тремя столбцами. В столбце «Извинения» клиент перечисляет то, за что он хочет извиниться перед умершим. В столбце «Прощение» — то, за что он готов простить умершего. При этом, все эмоциональные высказывания, которые не подпадают ни под одну из вышеперечисленных категорий, указываются в столбце «Значимые эмоциональные высказывания». На третьем этапе клиент пишет письмо умершему, в котором выражает свои эмоции, проявляет извинение и прощение. Затем предлагается прочитать написанное вслух, так клиент вербализует свои чувства и будет услышан другим человеком. Именно прочтение помогает клиенту отпустить боль, вызванную горем, и завершить процесс исцеления, не забывая, а скорее отпуская боль.

Из приемов рефлексивного слушания особенно важную роль при работе с горем играет отражение чувств, что иногда специально выделяют как эмпатическое слушание, для того чтобы лучше понять переживания человека, помочь ему полнее рассказать об утрате, в том числе и таких ее аспектах, которые могут быть пропущены [5]. Возможные формулировки выясняющих вопросов при работе с утратой представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Вопросы при работе с утратой

Тема	Примерные вопросы
О человеке, которого потеряли	Расскажите, что это был за человек. Какой у него был характер?
	Как он обычно выражал свои чувства? Может быть, можете вспомнить что-то смешное?
	Какими были его привычки? Может быть, что-то в его привычках раздражало вас?
	Какими были его недостатки? Расскажите о самых неприятных моментах ваших отношений.

Тема	Примерные вопросы
О смерти	Расскажите, как он умирал.
	Когда в последний раз вы видели его?
	Какой была ваша первая реакция на его смерть? Вы плакали?
	Удалось ли вам проститься с ним?
О похоронах и личных вещах	Расскажите о том, как его хоронили.
	Приходили ли вы к нему на могилу? Сколько раз?
	Что произошло с его личными вещами? Что вы сохранили?
	Были ли у него особенно любимые вещи? Что вы с ними сделали?

Эффективным вариантом организации беседы об утрате является совместный просмотр альбома с фотографиями. Если в отношениях с умершим остались неразрешенные конфликты, незавершенные дела, что-то недосказанное, все это может быть сделано и завершено в символической форме, через диалог, в форме письма к умершему или в форме разговора с ним. Неожиданно для психологов, такие приемы находят применение и в пастырской практике. Митрополит Сурожский Антоний рассказывал о своей беседе с восьмидесятилетним дедушкой, который мучился всю жизнь из-за давнего несчастного случая. Владыка Антоний предложил старику сделать нечто напоминающее психотерапевтическую технику «пустого стула». Он попросил старика сесть после вечерних молитв и рассказать убитой девушке о шестидесяти годах душевных страданий, попросить у нее прощения и заступничества перед Богом. После этого старик нашел покой [8].

В профессионально организованном разговоре с умершим, хорошо подходит техника «пустого стула», где клиенту предлагается представить, что перед ним стоит пустой стул, на котором сидит умерший. В определенный момент — пересесть на пустой стул, то есть встать на место своего близкого и ответить себе от его имени. Речь ведется в настоящем времени и от первого лица. После этого клиент возвращается на свой стул и может ответить на «слова своего близкого». При необходимости можно повторить

перемещение со стула на стул. Основная цель техники — завершить гештальт отношений между человеком и его умершим близким. Переживающий утрату получает возможность сказать умершему то, что не успел сказать ему при жизни, попросить прощения, поделиться своими чувствами и, возможно, даже задать вопросы [7].

Даже если утрата кажется преодоленной, она иногда может вызвать глубокие эмоции, которые неожиданно проявляются во время консультации. Психологам и психотерапевтам приходится иметь дело с различными ситуациями в своей практике, включая как кризисные, так и более длительные процессы работы с потерей. Важно осознавать, что переживание потери близкого не является проблемой, которую можно решить. Человек, потерявший близкого человека, испытывает пустоту и боль, которые невозможно изменить. Поэтому первоначально важно просто быть рядом, проявлять эмпатию и давать ощущение поддержки и понимания. Слушать собеседника — ключевой аспект успешного подхода специалиста в решении запроса клиента.

Американский психиатр Ирвин Ялом говорит, что в каждом человеке закодировано стремление к самоактуализации. В книге «Дар психотерапии» автор считает, что внутри нас заложена скрытая генетическая потребность раскрыть свой внутренний потенциал, достичь гармонии и полноты жизни. Главная задача психотерапевта не заключается в том, чтобы изменить пациентов, а в помочь им осознать свои возможности и преодолеть препятствия, мешающие самореализации [15].

Исходя из психических механизмов и техник работой с утратой, перед специалистами можно поставить следующие задачи:

1. Изучить теоретические основания переживания стадий утраты и особенности прохождения личности через аффект горя.
2. Изучить транзакционный аналитический подход, а именно психотерапевтические техники работы с гореванием и переживанием утраты.
3. Исследовать влияние различных подходов на процесс адаптации к утрате.
4. Установить такие взаимоотношения с клиентом, которые бы позволили ему выразить свои мысли и чувства, осознать свою боль, беспомощность и прожить это.
5. Организовать доверительное и безопасное пространство и позволить себе стать твердой опорой, на которую клиент может опереться.
6. Разработать индивидуализированные методики поддержки и восстановления после утраты, для того чтобы помочь личности сделать первые шаги стремления к самоактуализации.

При работе с клиентом, пережившим утрату, специалист также должен понимать, что личность имеет тенденцию переходить на этапы проживания

горя как в произвольном порядке, так и отрывисто, делая шаги назад. Все этапы переживания психической травмы не укладываются в определенный промежуток, а делятся в разные периоды времени. Главная цель психолога — сопровождать клиента на пути последовательного переживания всех чувств, связанных с утратой, и помочь ему пройти все индивидуальные этапы горя, которые приведут к исцелению и реорганизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А. Г.* Психология личности. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — 367 с.
2. *Баканова А. А.* Метод исцеления горя по Дж. Джеймсу и Р. Фридману // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2017 г.). — СПб.: СПбГИПСР, 2017. — С. 18–19.
3. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. — М., 2004. — 272 с.
4. *Бурина Е. А.* Основные подходы к изучению утраты // Интерактивная наука. Психология. № 6. — 2016. — С. 54–56.
5. *Василюк Ф. Е.* Методика психотерапевтического облегчения боли // Московский психотерапевтический журнал, 1997. — №4 (18). — С. 123–146.
6. *Вагин И. О.* Психология жизни и смерти. — СПб.: Питер, 2002. — 152 с.
7. *Вайтхед М.* Консультирование человека в состоянии горя: модель помощи //
8. Психология зрелости и старения. — 2002. [Электронный ресурс]. — № 1 (17). — С. 27–44.
9. *Гайда Е. Я., Мазур-Марецкая Е. С.* Случай работы с психической травмой // Консультативная психология и психотерапия. — 2010. — Том 18. — № 4. — С. 68–86.
10. *Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации // Вестник Московского университета. — Серия 14. Психология. — 2015. — № 2. — С. 37–50.
11. *Защиринская О. В., Куус Я. В.* Современные представления о психической травме // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сб. науч. трудов / Под науч. ред. О. В. Защиринской. СПб.: Изд-во: Автономная некоммерческая организация поддержки социальных и культурных инициатив «СОФИЯ», 2020. — С. 9–21.
12. *Заманаева Ю. В.* Переживание утраты близкого как процесс изменений во внутреннем личности. Дис. канд....психол. наук. СПб., 2004. — 320 с.

13. *Пантелеева В. В.* Психология кризисных состояний личности: учеб. пособие / В. В. Пантелеева, О.И. Арбузенко. — Тольятти: Изд-во ТГУ, 2011. — 194 с.
14. Синдром утраты. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sidlife.ru/psikhologiya/vozrast-i-razvitiye/71-sindrom-utraty.html> (дата обращения: 12.05.2024).
15. *Ялом И.* Дар психотерапии. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.facebook.com/photo?fbid=3623179077803420&set=gm.2778630775709677> (дата обращения: 12.05.2024).

Талеров Константин Павлович,
магистрант Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского,
начальник горно-механического отдела ООО «Институт Гипроникель»,
314ru@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНЖЕНЕРОВ-ПРОЕКТИРОВЩИКОВ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются существующие подходы к классификации инженерной деятельности, обосновывается существующий обобщенный характер профессиограмм, который может не учитывать специфики требований специальности, должности, занимаемой в рамках профессии. Автор акцентирует внимание на отличии требований к наличию определенных профессионально важных качеств для рядовых инженеров и руководителей групп, что становится актуально в сегодняшние дни для решения задач профессионального отбора в условиях существующих проблем формирования кадрового резерва наиболее квалифицированных специалистов. Приводятся результаты анализа литературного обзора статей и научных работ за последние 15...20 лет, посвященных исследованию особенностей психологических характеристик профессиональной деятельности инженеров, на основе которых делается вывод о недостаточной изученности вопроса отличий индивидуально-психологических особенностей инженеров-проектировщиков в зависимости от занимаемой инженерной должности в проектной организации.

Ключевые слова: инженерная деятельность, инженер-проектировщик, профессионально важные качества инженера, индивидуально-психологические особенности инженера, свойства личности инженеров, проектная организация.

TaleroV K. P.

MODERN STATE OF STUDY OF INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL
PECULIARITIES OF DESIGN ENGINEERS
OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES

The article considers the existing approaches to the classification of engineering activity, substantiates the existing generalized nature of profesiograms, which may not take into account the specific requirements of the specialty, position occupied within the profession. The author emphasizes the difference between the requirements to the presence of certain professionally important qualities for ordinary engineers and group leaders, which becomes relevant today to solve the problems of professional selection in the context of the existing problems of forming the personnel reserve of the most qualified specialists. The results of the analysis of the literature review of articles and scientific papers for the last 15...20 years, devoted to the study of the peculiarities of psychological characteristics of engineers' professional activity, on the basis of which the conclusion is made about the insufficient study of the issue of differences of individual-psychological characteristics of design engineers depending on the engineering position in the design organization.

Keywords: engineering activity, design engineer, professionally important qualities of engineers, individual psychological characteristics of engineers, personality traits of engineers, design organization.

Любое современное производство сложно представить в отрыве от потребности в инженерной деятельности. Инженерные профессии в настоящее время — одни из наиболее востребованных групп профессий в социуме [4]. Общее определение термина «инженер» очень широкое и в целом поясняет лишь то, что это специалист, осуществляющий инженерную деятельность. Инженерная деятельность может быть весьма разнообразной: может быть связана с разработкой, проектированием, конструированием, изготовлением, эксплуатацией и обслуживанием различных технических устройств, машин, оборудования, систем и сооружений.

Существует большое количество вариантов классификаций трудовой деятельности профессии инженер, сложившихся под влиянием исторического развития и дифференциации инженерного труда. Такое разделение происходило как по специальности (инженер-механик, радиоинженер, горный инженер и т. д.), так и по функциональному типу труда (технолог, конструктор, проектировщик и т. д.). Кроме того, например, существует вариант разделения инженерного труда, изложенный в книге «Психологические характеристики профессий» [5], по форме инженерного труда в зависимости от принадлежности к какой-либо профессиональной группе. Таким образом, различается 4 такие группы: конструкторы, технологи, организаторы труда, экономисты. Также деятельность инженера предлагалось разделять (Мясец Г. А. [2]) и по месту осуществления: на предприятиях; в прикладных проектных институтах; конструкторских бюро; специальных конструкторских бюро; в научных и научно-исследовательских институтах.

Вышеперечисленные подходы к классификации инженерного труда, конечно, далеко не исчерпывают представление обо всех известных вариантах, но вместе с тем своим существованием свидетельствуют о многообразии форм инженерной деятельности. Выпускники одного и того же высшего учебного заведения, с одинаковой специальностью в итоге могут работать в организациях на позициях, которые имеют существенные различия в требованиях к профессионально важным качествам специалистов. Например, горный инженер по специальности «Горные машины и оборудование» после окончания учебного заведения может оказаться как в проектной организации, занимающейся разработкой технической документацией для строительства, так и в службе главного механика на действующей шахте (или руднике), занимающейся операционной деятельностью по поддержанию технологического оборудования в работоспособном состоянии. В процессе профессионального становления оба специалиста могут оставаться исполнителями или же возглавить рабочие коллективы (в том числе состоящие из инженеров). Очевидно, что требования к качествам специалистов будут отличаться как в зависимости от направления деятельности, так и от занимаемой позиции в организации. Таким образом, на содержание профессионального существенное влияние оказывает как специализация (специальность) инженерной профессии, так и занимаемая должность, что далеко не всегда находит отражение в соответствующих справочниках, информация в которых носит больше усредненный, обобщенный характер. На существующую неоднозначность, а также пробелы в терминологии («профессия», «специальность», «специализация», «направление подготовки», «должность») в государственных нормативных документах указывает Соломин И. Л. [6].

Учитывая приведенное выше, практический интерес помимо разделения инженерного труда по специальностям и специализациям, представляет предложенный Чикером В. А. [7] вариант дифференцирования, опирающийся на социально-психологический аспект, при котором разделение инженеров выполняется по статусным категориям, характеризующим специфику выполнения профессиональных функций: рядовые инженеры, руководители групп и руководители.

При рассмотрении профессионального становления инженеров-проектировщиков нужно отметить, что формальным результатом становится карьерное развитие специалистов, которое предполагает поступательное продвижение по карьерной лестнице. В разных проектных организациях архитектурно-строительного проектирования иерархия инженерных должностей проектировщиков может несколько отличаться, но, как правило, имеет следующую структуру: к рядовым инженерам относятся должности, начиная с инженера 3 по 1 категорию, заканчивая должностью ведущего

инженера (должности приведены в порядке повышения уровня); к должностям руководителей групп относятся должность главного специалиста, заведующего группой, начальника сектора; к инженерным должностям руководителей относятся должности начальников отделов и главных инженеров проекта. Выполнив в нескольких проектных организациях (ООО «Институт Гипроникель», ООО «СПб-Гипрошахт», ООО «Питергорпроект», ООО «Полиметалл инжиниринг», ООО «ЕМС-майнинг», АО «Гипроцветмет») анализ должностных инструкций, подходов к выделению ступеней инженерных должностей, становится ясным, что наивысшей степенью профессионального развития специалиста как профессионала-разработчика документации в своей сфере, в конкретной компетенции проектирования являются должности руководителей групп, т.к. последующие должности руководителей, как правило, уже больше связаны с административной работой, общим управлением коллективами проектировщиков и данные специалисты непосредственно не вовлечены в выполнение конкретной работы по разработке документации, а обеспечивают своевременное и качественное выполнение «портфеля работ» организации. Исключения касаются, как правило, небольших организаций, где начальник отдела может подключаться к разработке документации, выполняя тем самым фактически роль главного специалиста. Но данные случаи — это скорее исключение из правил, чем правило.

По результату выполненного исследования в проектных организациях, специализирующихся на разработке документации для опасных производственных объектов, по «Методике экспертной оценки профессии» (вариант группового обсуждения), предложенной Соломиным И. Л. [6], можно отметить, что наиболее существенное изменение требований к профессионально-важным качествам инженеров-проектировщиков в процессе карьерного развития сопряжено именно с переходом от должностей рядовых инженеров к должностям руководителей групп. Практически все инженеры-проектировщики, связавшие свой путь с избранной специализацией инженерной деятельности, по мере своего развития в профессии продвигаются до должности ведущего инженера (иное происходит в исключительных случаях). Однако дальнейшее повышение в должности (при обязательном соблюдении условия соответствия) становится либо невозможным в виду высоких требований к кандидату на занятие вакансии, либо нежелательным для кандидата в виду существенного изменения характера работы, связанного с принципиально большим уровнем ответственности, самостоятельности, необходимостью управления группой исполнителей.

Современное развитие цифровых технологий существенно повлияло на соотношение количества должностей рядовых инженеров и руководителей групп в проектных организациях. Переход к выполнению чертежей

на компьютере значительно снизил объемы рутинных операций, выполняемых младшим инженерным составом, и, соответственно, доля инженеров начального уровня относительно руководителей групп сократилась. Тем самым усугубилась ситуация с селекцией главных специалистов, заведующих группами, начальников секторов: выбирать стало сложнее, т.к. сузилась «база», из которой ранее черпались данные кадры. Учитывая, что время становления специалиста такого уровня в проектировании опасных производственных объектов составляет в лучшем случае от 5 лет, а, как правило, существенно более, и то, что на рынке отмечается недостаток такого рода уникальных специалистов, а кадровый резерв в проектных организациях фактически отсутствует, то проблема приобретает особенно острый характер.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что сегодня требуется уделять особое внимание профессиональному отбору кандидатов при приеме на работу на начальные позиции в проектировании. Требуется увеличить процент специалистов, которые в результате профессионального роста смогут и будут готовы преодолеть переход от должностей рядовых инженеров к руководителям групп, сформируют необходимый кадровый резерв на предприятиях.

Для решения практических задач диагностики и прогнозирования профессиональной пригодности в настоящее время личность рассматривается как набор различных черт, характеризующих устойчивые особенности поведения. Подход широко применяется в практике профотбора и доказал свою эффективность [1]. Обзор результатов эмпирических исследований за последние 15 лет, выполненный Коваленок Т. П. [4], посвященных выявлению профессионально важных и личностных качеств инженеров, установил методическую неоднородность подходов. Выделяются диагностические исследования с преобладанием методов количественной оценки психологических особенностей инженеров и исследования с использованием метода экспертных оценок. В одних диагностических исследованиях выделяют степень выраженности отдельных качеств у работающих или будущих инженеров, в других — определяется комплекс качеств, обеспечивающих успешность, надежность, безопасность, эффективность и другие параметры профессиональной деятельности. При этом сравнение имеющихся данных, полученных исследователями, затруднено в виду применения разных наборов психологических тестов.

Наиболее близкие к обозначенной в данной работе проблематике выявления индивидуально-психологических отличий инженеров-проектировщиков, занимающих позиции рядовых инженеров и руководителей групп, научные работы были выполнены Шелеповой Е. С. в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата психологических наук

«Психологические характеристики профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков в промышленном и гражданском строительстве» [8], а также Исхаковой А. М. в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата психологических наук «Психологические условия повышения эффективности профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков» [3]. В обеих работах рассматриваются факторы успешности и эффективности трудовой деятельности инженеров-проектировщиков в архитектурно-строительном проектировании, однако отсутствует рассмотрение психологических отличий специалистов в зависимости от типа занимаемой инженером-проектировщиком должности.

Нужно отметить, что выполненный литературный обзор научных работ в области исследования индивидуально-психологических особенности инженеров показал, что исследованиям характерна существенная методическая неоднородность, а профессионально важные качества инженеров-проектировщиков не исследовались с учетом дифференцирования от занимаемой должности, хотя требования к специалистам существенно отличаются в зависимости от статусной категории. Также нужно отметить, что отдельно не исследовались инженеры-проектировщики опасных производственных объектов.

Решению актуальной проблемы недостатка высококвалифицированных инженеров-проектировщиков (руководителей групп) в узкоспециализированных областях, таких как проектирование опасных производственных объектов, существенно помогло бы ведение научно обоснованного профессионального отбора кадров, для чего на текущий момент недостаточно существующих исследований. Обозначенные пробелы в существующих исследованиях являются актуальной перспективой дальнейших научных разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. — М.: ПЕР СЭ, 2001. — 511 с.
2. Инженерная деятельность: история, методология, социальные проблемы: Материалы науч.-практ. конф., Минск, 12–14 дек. 1990 г. / [Редкол.: В.Ф. Берков (отв. ред.) и др.]. Ч. 1. — 1990. — 148 с.
3. *Исхакова А. М.* Психологические условия повышения эффективности профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Исхакова Александра Маликова; Тверской государственный университет. — Тверь, 2006. — 173 с.
4. *Коваленок Т. П.* Современное состояние исследований профессиональных и личностных качеств инженеров / Т. П. Коваленок // Научно-педагогическое обозрение. — Томск: ТГПУ, 2022. — Вып. 1 (41). — С. 181–191.

5. Психологические характеристики профессий. — Минск: Нар. асвета, 1979. — 96 с.
6. *Соломин И. Л.* Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. — СПб: Речь, 2006. — 280 с.
7. *Чикер В. А.* Связь интеллектуальных особенностей личности с эффективностью деятельности инженеров: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Чикер Вера Александровна; ЛГУ им. А. А. Жданова. — Ленинград, 1981. — 246 с.
8. *Шелепова Е. С.* Психологические характеристики профессиональной деятельности инженеров-проектировщиков в промышленном и гражданском строительстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Шелепова Елена Сергеевна; Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики. — М., 2007. — 20 с.

Ходжян Артак Юрикович,
магистрант
кафедры психологического консультирования в организации
факультета психологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Цель статьи раскрыть проблему профессионального выгорания сотрудников горнодобывающей промышленности и определить методы по ее предотвращению. Также в статье раскрывается понятие профессионального выгорания, а также причины, способствующие его развитию. Особое внимание уделяется способам предотвращения профессионального выгорания, таким как создание благоприятного рабочего климата, обеспечение психологической поддержки и проведение тренингов и обучения персонала.

Ключевые слова: выгорание, профессиональное выгорание, стресс, профилактика профессионального выгорания.

Khodzhyan A. Y.

PROFESSIONAL BURNOUT AMONG EMPLOYEES IN THE MINING INDUSTRY

Abstract: The purpose of the article is to reveal the problem of professional burnout among employees in the mining industry and to identify methods for its prevention. The article also reveals the concept of professional burnout, as well as the reasons that contribute to its development. Particular attention is paid to ways to prevent professional burnout, such as creating a favorable work climate, providing psychological support and conducting training and education for staff.

Keywords: burnout, professional burnout, stress, prevention of professional burnout.

Термин «профессиональное выгорание» впервые определил и ввел в 1974 году американский психолог Х. Фреденберг. Изначально он использовался для характеристики психологического состояния людей, чья работа

связана с интенсивным, тесным общением с людьми, эмоциональным перенапряжением. Под выгоранием подразумевалось состояние изнеможения в совокупности с ощущением собственной бесполезности, ненужности. Очень большой вклад в становление данного синдрома психологического переутомления внесла психолог Кристина Маслач из Америки.

В современном мире профессиональное выгорание становится более актуальной проблемой для сотрудников горнодобывающей отрасли. Сотрудники горнодобывающей отрасли, которые занимаются ведением горных работ и добычей полезных ископаемых, очень часто сталкиваются с постоянным напряжением, сложными условиями труда, а также с высокими требованиями к производительности труда, что в будущем приводит к тому, что многие сотрудники начинают испытывать эмоциональное, физическое и психологическое истощение.

В последние годы в России все чаще говорят о хронической усталости и профессиональном стрессе, и о синдроме профессионального выгорания работников. В результате растущего желания увеличить производительность и достижение результатов в короткие сроки, стресс стал распространяться в повседневной и деловой жизни. Люди ощущают высокий уровень стресса независимо от заработной платы и должности. Ситуация, когда на неопределенное время, любимая работа становится не интересной, известна большинству. У работника появляется синдром профессионального выгорания, если такой период затягивается, профессия становится обременительной, обязанности выполняются на автомате. Синдром выгорания является одним из явлений деформации личности и представляет собой многомерную конструкцию. Он представляет собой подборку отрицательных психологических переживаний, которые связывают с длительными и активными межличностными взаимодействиями. Их различают из-за значительной эмоциональной интенсивности или когнитивной сложности. Это отклик на длительные стрессы межличностных коммуникаций [1].

В профессиональной деятельности одним из распространенных негативных последствий стресса является синдром выгорания, который проявляется как состояние эмоционального и физического истощения, потери трудовой мотивации [5].

В. В. Бойко определяет термин эмоциональное выгорание как защитный механизм психики, который человек выработал в форме полного или частичного выключения эмоций в ответ на какие-либо избранные травмирующие ментальное здоровье воздействия [1].

В соответствии со взглядами Сьюзан Джексон и Кристины Маслач синдром профессионального выгорания рассматривается как встречная реакция на продолжительные рабочие стрессы, появляющиеся в межличностных

профессиональных коммуникациях. Модель данного синдрома может быть продемонстрирована трехкомпонентной структурой, включающей в себя:

- редукцию персональных достижений;
- эмоциональное истощение;
- деперсонализацию.

Эмоциональное выгорание ощущается как эмоциональное перенапряжение, внутренняя пустота, отсутствие внутренних эмоциональных ресурсов. Человек больше не может отдавать всего себя работе как это было прежде, из-за чего чувствуется притупленность своих эмоций. Также возможны эмоциональные срывы.

Деперсонализация — психопатологический синдром, выражающийся неправильным восприятием своей личности. Возрастают обезличенность, формальность контактов, ощущение внутренней пустоты и цинизм. Имеющие скрытый характер негативные установки могут проявляться в сдерживаемом изнутри раздражении, которое со временем прорывается наружу в виде конфликтных ситуаций или всплесков раздражительности.

Редукция персональных достижений — состояние, которое характеризуется пониженным чувством профессиональной компетентности, а также продуктивности в своей рабочей деятельности. Недовольство собой в совокупности с падением значимости выполняемой деятельности, негативное восприятие себя в рабочей сфере. К вышесказанному характерно возникновение чувства вины за свои негативные чувства, пониженная самооценка, безразличие к рабочим моментам.

Выгорание практически не представляется возможным заметить со стороны без субъективной оценки своего состояния индивидом, поэтому отсутствуют условия для своевременного начала мероприятий для коррекции и восстановления. Рассмотрим какие сотрудники входят в группу риска, когда мы говорим о профессиональном выгорании:

- 1) За наиболее короткое время «выгорают» сотрудники с интроверсией, так как их особенности поведения в обществе не согласуются с профессиональными требованиями коммуникативной профессии. У них отсутствует избыток жизненной энергии, их характер зачастую отличается робостью и скромностью. Интроверты склонны к замкнутости в себе и концентрации на предмете своей рабочей деятельности. Именно они накапливают эмоциональный дискомфорт, который не в силах «сбросить» во внешнюю среду.
- 2) Люди, которые испытывают на постоянной основе внутриличностный конфликт, связанный с работой, больше подвержены синдрому профессионального выгорания. Как в России, так и в других странах зачастую это женщины, которые ощущают внутреннее противоречие

между работой и семьей, а также давление со стороны общества в связи с необходимостью постоянно доказывать свои профессиональные возможности в условиях жесткой конкуренции с мужчинами.

- 3) Эмоциональному выгоранию наиболее подвержен персонал, работа которого протекает в нестабильных условиях и хроническом страхе потери рабочего места. В Российской Федерации это, прежде всего, люди от 45 лет и старше, потому что для них найти новое рабочее место в случае потери старого резко снижается по причине возраста.
- 4) На фоне перманентного стресса синдром эмоционального выгорания проявляет себя в условиях, когда человек попадает в новую, непривычную обстановку, в которой он должен проявить высокую эффективность (смена рабочего места, испытательный срок, аттестация).
- 5) Жители крупных мегаполисов больше подвержены синдрому эмоционального выгорания. Они живут в условиях невольного взаимодействия с достаточно высоким количеством незнакомых людей в общественных местах. Чаще также подвергаются выгоранию те, кто ассоциирует свою работу с предназначением, миссией. Среди психотерапевтов и психиатров это называют «комплексом спасателя». «Спасатели» уверены, что помощь другим это неотъемлемая часть их жизни и счастья, однако рано или поздно они сталкиваются с потребительским отношением, которое часто провоцирует выгорание. Также можно упомянуть эффект, называемый «перегоранием сверх новой звезды» - люди старательно добиваются до вершин желаемой карьеры и внезапно к ним приходит осознание, что им не нравится результат. Появляется ощущение бесполезности из-за всего совершенного ради ставшей нежеланной профессии. Большая часть людей считает, будто успех обязательно принесет удовлетворение, и крайне удивляется, когда оказывается не так. Человек становится узником своего успеха.

Симптомы профессионального выгорания организаций: повышенная текучесть кадров (от 100% и более в год, т. е. в течение года увольняются почти все сотрудники, а некоторые работают и вовсе меньше года); снижение мотивации к труду, частые перерывы/ перекуры (более 30% от общего объема рабочего времени); полная профессиональная зависимость персонала от руководителей, проявляемая в повышенном и частично неадекватном критическом отношении к управлению, либо в чувстве полной беспомощности без активной помощи со стороны руководства; конфликтность персонала и тяжелая атмосфера в организации и коллективе.

Профессиональное выгорание в горнодобывающей промышленности — это не просто личностный кризис работника, но и значительная угроза эффективности и безопасности всего производственного процесса.

Деятельность сотрудника горнодобывающей промышленности часто требует мобильности, повышенной ответственности на рабочем месте, потребностью оперативного реагирования на изменения, происходящие в процессе работы, предполагает принятие ответственных решений в обстоятельствах, связанных с неопределенностью и риском.

Горнодобывающая промышленность сопровождается серьезными рисками для здоровья и жизни, поэтому компании должны внедрять эффективные меры для защиты сотрудников. Все это становится факторами, определяющими возникновения профессионального выгорания у сотрудников горнодобывающей промышленности. Поэтому необходимо изучить причины и факторы профессионального выгорания для сотрудников горнодобывающей отрасли, а также разработать эффективные методы по предотвращению данного явления. Профессиональное выгорание сотрудников горнодобывающей промышленности является актуальной проблемой, которая негативно влияет на эффективность работы, производительность труда.

Прежде всего, одной из основных причин выгорания являются тяжелые физические условия труда. Сотрудники горнодобывающей отрасли подвержены большим физическим нагрузкам, необходимости работать в местах с повышенной запыленностью и загазованностью воздуха, обрушения горной породы и других предметов с высоты. Работа горняка также затруднена выбросом метана, воздействием вредных уровней шума.

Второй фактор — это психологическая нагрузка. Работники этой отрасли сталкиваются в процессе работы с риском для жизни и здоровья, что вызывает сильное психологическое напряжение, состояние тревоги.

Третий фактор — это социальные аспекты. Работа в горнодобывающей отрасли часто подразумевает работу вахтовым методом. Сотрудники долгое время находятся в удаленности от своего места проживания, от родных и близких, что может создавать ощущение изоляции от общества, семьи и друзей. Это может привести к чувству одиночества и апатии, усиливающему процесс выгорания.

Сфера горнодобывающей промышленности требует большого количества времени и энергии от своих работников. Отсутствие должного контроля за рабочим расписанием, переработка и недостаточное количество времени отдыха — все это может привести к развитию профессионального выгорания.

Профессиональное выгорание может иметь вполне серьезные психологические и физические последствия. В первую очередь, это нарушения эмоционального состояния: депрессивные настроения, раздражительность, апатия, отсутствие удовольствия от работы и жизни в целом. Длительное нахождение в состоянии стресса вызывает переутомление, приводит

к увеличению риска развития хронических заболеваний, а также к снижению иммунитета.

С точки зрения профессиональной деятельности выгорание часто приводит к снижению продуктивности труда. Сотрудник становится менее внимательным, концентрированным, ответственным, мотивация к работе снижается. Все это приводит к допущению множества ошибок в работе, ухудшается отношение в коллективе. Все эти факторы могут привести к чрезвычайным ситуациям, что особенно критично для горнодобывающей отрасли, ведь иногда любая малейшая ошибка может стоить выхода из строя техники или к другим необратимым процессам.

Для организации последствия профессионального выгорания работников могут быть неблагоприятными. Например, синдром выгорания у работников может привести к следующим проблемам у организации: увеличение заболеваемости и отсутствие работников на рабочем месте по болезни, что ведет к потере рабочего времени, требует дополнительных затрат на выплату больничных листов, а также поиску новых квалифицированных сотрудников. Также повышается риск травматизма на рабочем месте из-за недостаточной внимательности, ответственности, концентрированности. Повышается текучка кадров. В горнодобывающей отрасли это сложная и долгая процедура, ведь необходимо найти нового сотрудника, обучить его необходимыми навыками, пройти период адаптации.

Важно понимать, что профилактика выгорания начинается с раннего обнаружения признаков синдрома выгорания, которые могут быть скрытыми и неочевидными. Поэтому необходимо проводить опросы сотрудников, анализировать отчеты о производственных инцидентах на предмет возможных связей с выгоранием. Здесь важную роль будут играть непосредственные руководители, которые находятся в непосредственном контакте с сотрудниками. Руководители должны создавать здоровую рабочую культуру в предприятии, показывать пример в поддержании баланса между личной жизнью и работой, быть открытыми в общении. Также не маловажным является создание условий для заботы о физическом и психологическом здоровье сотрудников. Это может включать в себя участие сотрудников в спортивных мероприятиях, в различных тренингах по сокращению стресса и напряжения.

Организации также должны стремиться к тому, чтобы работники чувствовали ощущение ценности своего вклада в развитие предприятия. Это может быть достигнуто путем увеличения заработной платы, поощрения, возможности для карьерного роста.

Профессиональное выгорание сотрудников горнодобывающей промышленности — сложная проблема, которая требует комплексного подхода.

Перспективы и рекомендации по преодолению этого негативного явления направлены на создание необходимых условий для сохранения психического здоровья работников, снижения уровня стресса и повышения их профессиональной удовлетворенности.

Важным аспектом в борьбе с профессиональным выгоранием является проведение регулярных психологических обследований сотрудников. Это позволяет своевременно выявить признаки выгорания и принять соответствующие меры. В рамках такого тестирования могут использоваться различные методики, включая анкетирование, опросы, интенсивные интервью и наблюдение за поведением сотрудников.

Другой эффективной стратегией является внедрение корпоративных программ благополучия, направленных на улучшение физического и психического здоровья сотрудников. Такие программы могут включать в себя регулярные тренировки по управлению стрессом и напряжением, организацию специальных зон отдыха на рабочем месте, занятия спортом.

Особое внимание следует также уделять управлению карьерой и профессиональному обучению сотрудников. Важно создавать условия для профессионального роста и развития, предоставлять возможности для обучения и повышения квалификации персонала. Кроме того, руководители должны стараться отмечать достижения сотрудников и признавать их вклад в общую эффективность работы коллектива.

Важна также прозрачная система оценки деятельности, позволяющая каждому видеть, насколько хорошо он работает, и понимать цели компании. Это помогает создать атмосферу доверия и уверенности в том, что все работают над достижением общей цели.

Наконец, необходимо учитывать и специфику работы в горнодобывающей промышленности с высокими рисками и физическими нагрузками. Поэтому важно обеспечить охрану труда и здоровья работников, а также создать адекватные условия для отдыха и восстановления сил после работы.

В заключении следует отметить, что профессиональное выгорание в горнодобывающей промышленности является результатом взаимодействия множества факторов. Отслеживание и предотвращение этих причин поможет снизить уровень выгорания, улучшить условия труда и отношения в коллективе, а также повысить производительность труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко В. В.* Диагностика эмоционального выгорания личности. Под ред. Фетискина Н. П., Козлова В. В., Мануйлова Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Институт Психотерапии, 2019. — С. 394–399.

2. *Бойко В. В.* Методика диагностики уровня «Эмоционального выгорания». [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.b17.ru/article/4338> (дата обращения: 12.05.2024).
3. *Водопьянова Н. Е.* Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях. Под ред. Никифорова Г. С. Психология здоровья. — СПб.: СПб ГУ; 2019. — С. 443–463.
4. Диагностика профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой). Под ред. Фетискина Н. П., Козлова В. В., Мануйлова Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М.: Институт Психотерапии, 2018. — С. 36–362.
5. *Терентьева Т. А.* Профессиональное выгорание сотрудников в современных организациях // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 147–150.

КРИЗИСНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

УДК 316.628+004

Алейник Любовь Геннадьевна,
магистрант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной
академии им. Ф. М. Достоевского,
aleynikl@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: КАК МЕНЯЕТСЯ МОТИВАЦИЯ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

В статье рассматривается изменение мотивации людей в условиях всеохватывающей цифровизации. В ней представлен анализ теоритических источников о том, как технологии и цифровые средства влияют на жизнь людей, работу и отношения с окружающим миром. Также рассматривается, как цифровизация меняет способы достижения целей и удовлетворения потребностей. Проведенное теоретическое исследование показывает, что использование цифровых технологий оказывает комплексный характер влияния на мотивацию человека. С одной стороны, внедрение современных технологических инструментов открывает перед людьми новые возможности для повышения эффективности, расширения познавательных горизонтов и удовлетворения потребностей в социальном взаимодействии и самореализации. Но, с другой стороны, чрезмерная увлеченность цифровыми технологиями может приводить к деформации мотивационной сферы, вызывая зависимость, ощущение потери контроля и снижение интереса к реальному общению.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая компетентность, мотивация, трансформация мотивационной сферы, социальное взаимодействие, самореализация, эффективность.

Aleinik L. G.

DIGITALIZATION: HOW PEOPLE'S MOTIVATION CHANGES IN THE CONTEXT OF COMPREHENSIVE INFORMATIZATION

The article examines the change in people's motivation in the context of all-encompassing digitalization. It presents an analysis of theoretical sources on how technologies and digital tools affect people's lives, work and relationships with the outside world. It also examines how digitalization is changing the way we achieve

goals and meet needs. The conducted theoretical research shows that the use of digital technologies has a complex effect on human motivation. On the one hand, the introduction of modern technological tools opens up new opportunities for people to increase efficiency, expand cognitive horizons and meet the needs for social interaction and self-realization. However, on the other hand, excessive enthusiasm for digital technologies can also lead to deformation of the motivational sphere, causing dependence, a feeling of loss of control and a decrease in interest in real communication.

Keywords: digitalization, digital competence, motivation, transformation of the motivational sphere, social interaction, self-realization, efficiency.

На протяжении последних трех десятилетий человечество оказалось на пороге новой эры – времени информационного общества, прочно связанного с развитием цифровых технологий. Проникновение цифровых технологий во все сферы жизни привело к кардинальным изменениям в экономике, общественных взаимодействиях, а также в повседневной жизни и привычках людей [7].

Цифровизация — это особый метод передачи информации в цифровой форме, открывающий новые возможности для ее обработки и распространения с невиданным ранее масштабом. Цифровая информация обладает рядом преимуществ перед аналоговой: она легче собирается, хранится, обрабатывается и анализируется. Копирование и передача цифровой информации происходит без искажений, что способствует увеличению скорости передачи и обработки информации.

Современный мир немалым образом зависит от цифровизации, которая включает в себя использование средств искусственного интеллекта, создание персональных компьютеров, смартфонов и других устройств. Без неё не мог бы существовать сам современный человек, ведь цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, обеспечивая новые возможности для повышения эффективности и самореализации.

Сегодня решение разных практических проблем ищется на пути цифровизации, и эти решения, как правило, находят. Благодаря цифровизации значительно вырос уровень жизни населения, а соответственно и уровень удовлетворенности условиями жизни [7; 10]. Внедрение современных технологических инструментов открывает перед людьми новые возможности для повышения эффективности, расширения познавательных горизонтов и удовлетворения потребностей в социальном взаимодействии и самореализации. Однако, с другой стороны, чрезмерная увлеченность цифровыми технологиями может приводить и к деформации мотивационной сферы, вызывая зависимость, ощущение потери контроля и снижение интереса к реальному общению [4].

Стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни современного общества оказывает существенное влияние и на психологию человека, в том числе на его мотивационную сферу. Процессы всеобъемлющей информатизации не только трансформируют нашу повседневность, но и модифицируют способы удовлетворения базовых психологических потребностей, в том числе и потребность в мотивации [2].

Таким образом, актуальность данного теоретического исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов трансформации мотивации человека в условиях всеобъемлющей информатизации. Это позволит разработать эффективные стратегии управления мотивацией как в организационном контексте, так и в личной жизни человека.

Для того чтобы изучить влияние процессов цифровизации на изменение мотивационной сферы человека в условиях всеобъемлющей информатизации общества, необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать особенности влияния использования цифровых технологий на мотивацию человека в различных сферах его жизнедеятельности;
- определить ключевые психологические механизмы, лежащие в основе трансформации мотивационных профилей пользователей цифровых решений;
- исследовать влияние цифровизации на удовлетворение базовых человеческих потребностей и их роль в изменении мотивации;
- изучить способы формирования «цифровой компетентности» как фактора, способствующего поддержанию здоровой мотивации в личной и профессиональной жизни.

Анализ существующих теоретических и эмпирических исследований позволяет выделить ряд особенностей влияния цифровых технологий на мотивацию человека в различных сферах его жизни.

В профессиональной сфере за счет использования цифровых инструментов и автоматизации рутинных задач происходит повышение эффективности и производительности труда, что может способствовать росту мотивации, связанной с потребностью в компетентности и достижениях. Однако необходимость постоянного освоения новых цифровых навыков и технологий, а также риск возникновения «цифрового выгорания» из-за чрезмерной нагрузки могут снижать мотивацию к работе [6].

В сфере образования и саморазвития доступность онлайн-курсов, обучающих платформ и образовательного контента в сети повышает мотивацию к самообразованию и непрерывному обучению. Геймификация обучения с использованием цифровых технологий также стимулирует познавательную активность и внутреннюю мотивацию. Однако чрезмерное

использование гаджетов и цифровых развлечений может снижать мотивацию к более глубокому саморазвитию [1].

В сфере межличностных отношений возможности для онлайн-общения, поддержания социальных связей в социальных сетях удовлетворяют потребность в принадлежности и социальном взаимодействии. Вместе с тем риск заменить реальное общение виртуальным может негативно влиять на мотивацию к построению глубоких межличностных отношений.

В сфере здоровья и благополучия применение цифровых решений для организации здорового образа жизни (фитнес-трекеры, онлайн-консультации врачей) повышает мотивацию к заботе о физическом и психическом здоровье. В то же время, риск возникновения интернет-зависимости, нарушений сна и питания из-за чрезмерного погружения в цифровую среду может ослаблять мотивацию к поддержанию общего благополучия. Использование цифровых инструментов для саморегуляции и управления эмоциями может способствовать росту мотивации к психологическому благополучию.

Таким образом, влияние использования цифровых технологий на мотивацию человека в различных сферах его жизни носит неоднозначный характер, демонстрируя как положительные, так и негативные эффекты. Отрицательной особенностью этого процесса является отсутствие «глубины» погружения в разные сферы жизни.

Процессы цифровой трансформации также оказывают неоднозначное влияние и на удовлетворение психологических потребностей человека, что, в свою очередь, определяет трансформацию его мотивационной сферы.

В таблице 1 представлен результат анализа теоретических источников, на основе которых изучено влияние цифровизации на удовлетворение потребностей человека и выявлены позитивные и негативные аспекты данного воздействия. В качестве платформы исследования используется пирамида Абрахама Маслоу, на основе которой анализируются преимущества и недостатки удовлетворения разных потребностей в условиях цифровизации.

Таблица 1. Особенности влияния цифровизации на удовлетворение потребностей по А. Маслоу

Мотивы по А. Маслоу	Преимущества	Недостатки
Физиологические потребности и потребность в безопасности	Удобство онлайн-заказа продуктов питания. Повышение доступности необходимых ресурсов для здоровья. Увеличение ощущения контроля и стабильности.	Нарушение сна из-за чрезмерного использования гаджетов. Сидячий образ жизни и несбалансированное питание. Риски кибератак и угроза физической безопасности.

Мотивы по А. Маслоу	Преимущества	Недостатки
Потребность в принадлежности и любви	Установление и поддержание социальных связей через социальные сети. Преодоление географических барьеров в общении.	Вытеснение реального общения виртуальным. Чувство нехватки глубокой эмоциональной связи и принадлежности.
Потребность в уважении	Самовыражение и демонстрация достижений в социальных сетях. Онлайн-учебные платформы способствуют росту компетентности.	Искажение самооценки и деформация мотивации. Снижение компетентности из-за автоматизации и потери некоторых профессий.
Познавательные и эстетические потребности	Доступность онлайн-курсов и информационного контента. Развитие креативности и саморазвития через цифровые инструменты.	Фрагментация внимания и риск «цифровой усталости». Потеря ценности непосредственного взаимодействия и удовлетворения от «реального мира».
Потребность в самоактуализации	Возможность самореализации и достижения целей в онлайн-пространствах. Стимуляция личной эффективности и признания социальных успехов.	Ограничение возможностей для самореализации в реальной жизни. Снижение ощущения личностного роста из-за зависимости от технологий и отвлечения от реальных целей и достижений.

Согласно теории иерархии потребностей Абрахама Маслоу физиологические потребности и потребность в безопасности являются базовыми, находящимися в основании пирамиды. Они включают в себя такие жизненно важные потребности, как потребность в пище, воде, сне и др. [12]. Удовлетворение физиологических потребностей играет фундаментальную роль в формировании и трансформации мотивационной сферы личности, в том числе в условиях всеобъемлющей цифровизации.

Процессы цифровизации оказывают неоднозначное влияние на удовлетворение физиологических потребностей человека, что, в свою очередь, и определяет изменения в его мотивационной сфере. С одной стороны, использование цифровых технологий может способствовать более эффективному удовлетворению некоторых физиологических потребностей. Например,

онлайн-заказ продуктов питания, услуги доставки еды, онлайн-консультации с врачами способны повышать доступность и удобство получения необходимых ресурсов для поддержания жизнедеятельности, что создает условия для поддержания мотивации к самообслуживанию и здоровому образу жизни. Использование цифровых решений для организации повседневной жизни (онлайн-банкинг, заказ товаров и услуг) повышает ощущение контроля, стабильности и предсказуемости, что положительно влияет на мотивацию.

Однако чрезмерное использование цифровых устройств и погружение в виртуальную среду может негативно сказываться на удовлетворении базовых физиологических потребностей. Так, нарушение режима сна, сидячий образ жизни, несбалансированное питание, вызванные чрезмерной увлеченностью информационными технологиями, могут приводить к ухудшению физического состояния и самочувствия человека. Это в свою очередь, может снижать мотивацию к заботе о своем здоровье и благополучии [5]. Кроме того, риски, связанные с использованием цифровых технологий, например, кибератаки, кибербуллинг, вредоносный контент, воровство и неправомерное использование персональных данных, кибермошенничество и финансовые махинации, потеря конфиденциальности могут вызывать у людей ощущение угрозы физической безопасности, подрывая мотивацию к их применению [11].

Потребность в принадлежности и любви располагается на уровне пирамиды, следующим за физиологическими потребностями и потребностью в безопасности, согласно теории иерархии потребностей Абрахама Маслоу. Данная потребность выражается в стремлении человека к установлению прочных эмоциональных связей, принятию в социальные группы [12]. В условиях цифровизации удовлетворение этой потребности претерпевает значительные изменения. С одной стороны, развитие социальных сетей, мессенджеров и других цифровых платформ для общения открывает широкие возможности для установления и поддержания социальных связей. Использование таких технологий позволяет людям быть на связи друг с другом в любое время, преодолевать географические барьеры и чувствовать себя частью виртуальных сообществ.

Но, с другой стороны, чрезмерное увлечение цифровыми коммуникациями может приводить к вытеснению реального общения, обедняя качество межличностных отношений. Люди могут ощущать нехватку глубокой эмоциональной связи, теряя ощущение подлинной принадлежности к значимым социальным группам. Это, в свою очередь, может негативно сказываться на их мотивации к поддержанию и развитию близких отношений. Более того, некоторые исследования указывают на возникновение «цифровой зависимости», когда люди начинают воспринимать виртуальные социальные

связи как более значимые, чем реальные. Это может приводить к снижению мотивации к налаживанию живого общения и укреплению подлинных социальных связей [8].

Следующий уровень в пирамиде потребностей — потребность в уважении. Она включает в себя два аспекта: самоуважение (достижения, компетентность, уверенность) и уважение со стороны других (престиж, признание, статус) [12]. Использование цифровых технологий оказывает неоднозначное влияние на удовлетворение потребности в уважении. С одной стороны, возможности для самовыражения, демонстрации достижений и статуса в социальных сетях и других онлайн-пространствах становятся новыми источниками мотивации, связанными с потребностью в уважении. Люди могут получать признание, одобрение и престиж со стороны виртуальных сообществ, что повышает их самооценку и стимулирует дальнейшее развитие. Кроме того, использование цифровых инструментов (приложения для управления задачами, повышение эффективности) может способствовать росту чувства компетентности и личной эффективности, удовлетворяя потребность в самоуважении. Это, в свою очередь, положительно сказывается на мотивации человека.

С другой стороны, чрезмерное внимание к виртуальному самовыражению и престижу в ущерб реальным достижениям может приводить к искажению самооценки и деформации мотивационной сферы. Люди могут ориентироваться на поверхностные, «цифровые» атрибуты уважения, игнорируя потребность в подлинном признании собственных заслуг окружающими. Также автоматизация рутинных задач и сокращение определенных профессий вследствие цифровизации может вызывать у людей ощущение снижения их компетентности и статуса, негативно отражаясь на их мотивации. Это может приводить к профессиональной стагнации и потере уверенности в себе.

Помимо физиологических и социальных потребностей, в иерархии Абрахама Маслоу важное место занимают также познавательные и эстетические потребности человека [12]. Удовлетворение данных потребностей также оказывает значительное влияние на формирование и трансформацию мотивационной сферы личности в условиях всеобъемлющей цифровизации.

Процессы цифровизации открывают широкие возможности для удовлетворения познавательных потребностей человека. Доступность разнообразного информационного контента, онлайн-курсов, виртуальных тренажеров и обучающих платформ в сети способствует росту мотивации к самообразованию и непрерывному обучению. Кроме того, геймификация обучения с использованием цифровых технологий стимулирует познавательную активность и внутреннюю мотивацию к освоению новых знаний и умений.

В то же время чрезмерное использование гаджетов и цифровых развлечений может отвлекать человека от более глубокого изучения интересующих его тем, снижая мотивацию к саморазвитию. Риск «цифровой усталости» и фрагментации внимания также может ослаблять познавательную мотивацию.

Что касается эстетических потребностей, то цифровые технологии открывают новые возможности для их удовлетворения. Доступ к виртуальным музеям, галереям, концертам, а также инструменты для создания цифрового искусства позволяют людям более разнообразно и доступно реализовывать свои эстетические запросы. Это, в свою очередь, может стимулировать мотивацию к творческой самореализации. Однако чрезмерная «виртуализация» эстетического опыта может приводить к снижению ценности непосредственного взаимодействия с подлинными произведениями искусства и природными объектами. Это может ослаблять мотивацию к поиску эстетического удовлетворения в «реальном мире».

И высшей, наиболее сложной потребностью человека является потребность в самоактуализации — реализации своего личностного потенциала, стремление к совершенствованию, достижению целей и самовыражению [12]. С одной стороны, использование цифровых технологий открывает широкие возможности для самореализации, самовыражения и достижения личностных целей. Например, развитие онлайн-образования, виртуальных пространств для творчества, социальных медиа как площадок для презентации себя предоставляют людям новые ресурсы для удовлетворения потребности в самоактуализации. Возможность быстро получать новые знания, развивать навыки, демонстрировать свои достижения и удостаиваться признания сообщества может стимулировать внутреннюю мотивацию личности.

С другой стороны, чрезмерная виртуализация жизни, автоматизация рутинных задач и сокращение определенных профессий вследствие цифровизации могут ограничивать возможности людей для самореализации в «реальном мире». Это может приводить к снижению ощущения личностного роста, ослаблению мотивации к достижению высоких результатов. Кроме того, нарушение баланса между «цифровой» и «реальной» жизнью, рассеянность внимания и возникновение зависимости от технологий могут препятствовать целостной самоактуализации человека, создавая предпосылки для деформации его мотивационной сферы [8].

Таким образом, цифровизация может как способствовать, так и препятствовать удовлетворению базовых человеческих потребностей, что, в свою очередь, оказывает ключевое влияние на трансформацию мотивационной сферы личности в условиях всеобъемлющей информатизации. Ключевым

фактором, определяющим характер этого влияния, является способность человека эффективно и осознанно использовать цифровые технологии для поддержания своего физического и психологического благополучия. Понимание данных механизмов крайне важно для разработки эффективных стратегий управления мотивацией.

Умение эффективно и осознанно использовать цифровые технологии для удовлетворения своих потребностей, не жертвуя качеством реальных социальных взаимодействий, и для реализации значимых целей называется «цифровая компетентность», которую необходимо развивать для управления мотивацией в условиях всеобъемлющей информатизации [3; 7].

Основные направления формирования «цифровой компетентности»:

1. Развитие когнитивных навыков работы с цифровыми технологиями. Обучение эффективному использованию различных инструментов, быстрой адаптации к технологическим изменениям, критическому мышлению в оценке цифровой информации [9]. Необходимо ответственно относиться к выбору источников, с которыми работаете, требуется цифровая грамотность. Ресурсы, которые используете должны обогащать знания, стимулировать к развитию и профессиональному и интеллектуальному росту [5].
2. Совершенствование саморегуляции и управления вниманием. Освоение техник контроля времени, осознанного использования цифровых устройств, восстановления ресурсов в условиях высокой «цифровой нагрузки». Для того, чтобы всемирная сеть стала действительно богатым источником полезной информации, а также положительно влияла на психику человека, не вызывая переутомления и перенасыщение избыточной информацией рекомендуется делать информационные паузы. Отдыхать от информационного потока, в том числе от социальных сетей, не читать новости. Дать возможность мозгу отдохнуть. В этом случае через некоторое время, у человека появятся новые мысли, идеи и возможно поменяется отношение к той или иной ситуации. Также важно не посещать сайты, которые негативно влияют на восприятие, отвлекают, «засоряют» мозг [5].
3. Укрепление социально-психологических компетенций. Развитие коммуникативных навыков для поддержания качественных онлайн и офлайн-отношений, самопрезентации, управления конфликтами в цифровой среде. Важно встречаться и общаться с позитивными людьми, способными поддержать, снять эмоциональную нагрузку, дать необходимые советы и помочь в трудной ситуации [5].
4. Культивирование ценностно-смысловой сферы. Формирование устойчивой иерархии ценностей, рефлексивных навыков осознания мотивов

использования цифровых технологий, приверженности ценностям саморазвития и ответственного отношения к благополучию.

Комплексное развитие «цифровой компетентности» по этим направлениям будет способствовать поддержанию здоровой мотивации личности и предотвращению негативных последствий всеобъемлющей информатизации как в профессиональной, так и в личной сфере.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько основных

ВЫВОДОВ:

1. Проведенное теоретическое исследование показывает, что процессы всеобъемлющей цифровизации оказывают существенное и многогранное влияние на мотивацию человека. Использование цифровых технологий открывает новые возможности для удовлетворения потребностей.
2. Внедрение современных технологических решений и инструментов даёт людям новые возможности для повышения эффективности и расширения познавательных горизонтов, для удовлетворения потребностей в социальном взаимодействии и самореализации, что способствует росту внутренней мотивации. Однако чрезмерная увлеченность цифровыми технологиями может приводить к деформации мотивационной сферы, вызывая зависимость, ощущение потери контроля и снижение интереса к реальному общению.
3. Важно формировать «цифровую компетентность» для поддержания здоровой мотивации в условиях всеобъемлющей информатизации. Формирование цифровой компетентности помогает предотвратить возможные проблемы, связанные с цифровой зависимостью и позволяет человеку эффективно работать с огромным объемом информации, отбирать важное, анализировать и принимать обоснованные решения. Умение эффективно использовать цифровые ресурсы позволяет сэкономить время и энергию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова А. Е. Геймификация как инструмент мотивации персонала. — Екатеринбург: DSEME-2019, 2019. — 13 с.
2. Бочавер А. А. и др. Благополучие детей в цифровую эпоху: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. — М.: Высшей школы экономики, 2019. — 36 с.
3. Гилстер П. Цифровая грамотность. — Нью-Йорк; Чичестер: Уайли, 1998. — 276 с.
4. Гутвайн Н., Джиневич В. Самореализация личности в эпоху цифровизации: вызовы и возможности: материалы Международной научно-практической конференции. // Образование и идентичность в цифровой эре / под ред. С. И. Кудинова, С. С. Кудинова. — М.: РУДН, 2022. — С. 34–40.

5. *Ишимова А. И.* Самореализация личности в эпоху цифровизации: вызовы и возможности: материалы Международной научно-практической конференции. // Синдром эмоционального выгорания у студентов в эпоху глобальной цифровизации /под ред. С. И. Кудинова С. С. Кудинова. — М.: РУДН, 2022. — С. 66–70.
6. *Козлова О. А., Селезенева Е. А.* Особенности мотивации формирования цифровой экономики. — 2018. — Том 4. — 8 с.
7. *Лекторский В. А.* Глобальная цифровизация как антропологический вызов // Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. —СПб : Издательство «Юридический центр», 2022. — 328 с.
8. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. — М.: Смысл, 2017. — 375 с.
9. *Царева Н. А.* Цифровая компетентность сотрудников: диагностика и инструменты формирования // Baltic Humanitarian Journal. — 2021. — № 4(37): Vol. T.10. — С. 178–181.
10. *Шуйский В. П.* Цифровизация экономики России: достижения и перспективы: Вестник Института экономики Российской академии наук, 2020. — С. 158–169.
11. `Growing up in a digital world: benefits and risks // The Lancet Child & Adolescent Health. — 2018. — Vol. 2 No. 2. — p. 79.
12. *Maslow A. H.* A theory of human motivation: the Psychological Review, 50(4), 1943. — p. 370–396.

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
galinabardier@yandex.ru;

Жогин Антон Алексеевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
bigbon24@mail.ru;

Марченко Илья Алексеевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
imarchenko@kredo-in.ru;

Сугоняко Дмитрий Юрьевич,
аспирант кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
dima-sug@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕВИАЦИИ КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО КРИЗИСА

Статья посвящена теоретико-концептуальному анализу таких современных вариантов девиантного общения и взаимодействия как буллинг, моббинг, сталкинг. Концептуально коммуникативные девиации соотносятся с тремя уровнями манипулятивного поведения: эмоциональным, когнитивным и поведенческим (конативным). Последствия девиантных коммуникативных взаимодействий рассматриваются как травмафактор и как предиктор личностного кризиса. В малых социальных группах, к числу которых относятся рабочие коллективы, семьи, объединения людей по интересам, девиантные коммуникации нарушают групповую динамику и становятся

фактором уже коллективной психотравматизации. На уровне больших групп в статье упоминается девиантный коммуникативный тренд современности, получивший название «культура отмены».

Ключевые слова: коммуникативные девиации, буллинг, моббинг, stalking, прессинг, боссинг, пранкинг, манипуляции, насилие, травмафактор, личностный кризис.

Bardier G. L., Zhogin A. A., Marchenko I. A., Sugonyako D. Y.

COMMUNICATIVE DEVIATIONS AS PART OF MODERN COMMUNICATIVE CULTURE AND AS A FACTOR IN PERSONAL CRISIS

The article is devoted to the theoretical and conceptual analysis of such modern variants of deviant communication and interaction as bullying, mobbing, stalking. Conceptually, communicative deviations are related to three levels of manipulative behavior: emotional, cognitive and behavioral (conative). The consequences of deviant communicative interactions are considered as a trauma factor and as a predictor of personal crisis. In small social groups, which include work collectives, families, associations of people with similar interests, deviant communications disrupt group dynamics and become a factor of collective psychotraumatization. At the level of large groups, the article mentions the deviant communicative trend of our time, called “cancel culture”.

Keywords: communicative deviations, bullying, mobbing, stalking, pressing, bossing, pranking, manipulation, violence, trauma factor, personal crisis.

В последнее время как в популярной, так и в специальной литературе появляется все больше статей, посвященных проблемам травматизации людей самого разного возраста, от школьников до пенсионеров, мужчин и женщин, партнеров по межличным отношениям и членов учебных, производственных, научных коллективов.

Одним из серьезных стимулов возрастания количества таких статей оказывается впечатляющая статистика. Сейчас трудно найти школу, администрация которой не озабочена профилактикой школьного буллинга [3, 12, 16, 17, 18, 21]. В рабочих коллективах практически всегда можно обнаружить признаки моббинга [10, 11, 15]. Боссинг как вертикальный вариант моббинга в литературе рассматривается даже как образ жизни руководителя-девианта.

В личных отношениях тоже девиаций оказывается достаточно. Stalking [1, 2, 14, 22], как форма домогательства и запугивания, психотравмирует не только жертву, но и самого stalkера. При этом stalking могут подвергаться как женщины, так и мужчины. Примерно половина — это бывшие партнёры, которые начинают преследование после расставания или [развода](#).

В этом случае жертвами сталкинга, который приобретает форму отчужденного родительства, становятся еще и дети [6].

Наконец, в широком социальном контексте упоминаются уже сложившиеся комплексные девиантные коммуникативные технологии, которые активно поддерживаются, развиваются и практикуются современными масс-медиа. Примеры таких технологий всем известны: это ставшая популярной в шоу-бизнесе, экономике, политике, так называемая, «культура отмены» [9]; это и многоликая информационная война с элементами то же «культуры отмены», без которой не обходятся современные гибридные войны и политические противостояния [8, 23]. Оба приведенных примера активно обсуждаются, причем, не только в специальной и публицистической литературе, но и во всех средствах массовой коммуникации, включая социальные сети.

Последствия девиантных коммуникативных взаимодействий рассматриваются как травмафактор и как предиктор снижения уровня личностного благополучия, развития личностного кризиса, что непосредственно отражается на социальных представлениях людей, на их быденной жизни и бытовой культуре [5, 20]. В малых социальных группах, к числу которых относятся рабочие коллективы, семьи, объединения людей по интересам, девиантные коммуникации нарушают групповую динамику и становятся фактором уже коллективной психотравматизации. В этих печальных случаях помочь может уже только высокопрофессиональный HR-менеджер [4, 13], а опираться он может только на грамотно сформированную корпоративную культуру организации [19].

Повышенное внимание к девиантным коммуникациям на всех уровнях — от отдельно взятой личности до широкой общественности — указывает на актуальность данной проблематики, а обилие разнородных публикаций на эту тему требует проведения специальных междисциплинарных исследований, для планирования и проведения которых важно предварительно провести теоретико-концептуальный анализ хотя бы основных референтных понятий.

Хорошей базой для планирования серьезных исследований может также выступить пилотажный опрос населения, предметом которого могут стать социальные представления людей о психологическом содержании референтных понятий. Это важно, поскольку тривиальная гипотеза о том, что коммуникативные девиации становятся важной частью нашей современной коммуникативной культуры, все-таки требует эмпирического подтверждения.

Мы планируем проведение соответствующих пилотажных исследований как в виде массовых опросов населения, так и в форме экспертных

интервью с педагогами, менеджерами по персоналу, бизнесменами, работающими на внешнеэкономическом рынке, производителями товаров и услуг, пользующихся повышенным спросом на внутреннем рынке.

В данной статье представлен предварительный теоретико-концептуальный анализ таких референтных понятий как буллинг, моббинг, сталкинг. В качестве примеров комплексных девиантных коммуникативных технологий упоминается «культура отмены» и приводятся основные выводы пилотажного исследования социальных представлений о компонентах и психологическом содержании понятия «гибридная война».

На теоретическом уровне мы рассматриваем все коммуникативные девиации как манипулятивные проявления, имея в виду тот факт, что манипуляции — это намеренные стремления человека-манипулятора (группы людей-манипуляторов) вынудить каким-то образом другого человека (группу людей) отдать предпочтения интересам манипуляторов, проигнорировав при этом интересы свои собственные. В этом плане можно любое проявление девиантной коммуникации представить в виде модели, элементами которой, с одной стороны, будут интересы и стремления манипулятора (в нашем случае — буллера, моббера, сталкера), а с другой стороны в модели должны присутствовать поверженные интересы и полученные психические травмы его жертвы.

Концептуально коммуникативные девиации мы, основываясь на традиционной социально-психологической парадигме, соотносим с тремя уровнями манипулятивного поведения: эмоциональным, когнитивным и поведенческим (конативным).

Таким образом, обобщенная теоретико-концептуальная модель девиантных коммуникаций в нашем понимании может выглядеть так (рис. 1):

Рис. 1. Обобщенная теоретико-концептуальная модель девиантных коммуникаций

К числу наиболее часто упоминаемых в современной литературе понятий следует отнести буллинг. С него и начнем.

Как правило, буллинг связывается с поведением учащихся в массовых школах [3, 12, 17, 18, 21]. В переводе буллинг — это запугивание, но в социальных представлениях буллинг чаще ассоциируется с травлей. По всей видимости это происходит из-за того, что именно буллинг (в отличие от других девиантных коммуникаций) сочетает в себе силовую и манипулятивную стороны. Силовое воздействие — это непосредственное требование удовлетворения интересов буллера. Это действительно травля, насилие, физические воздействия. Интересы буллера в этом случае чаще всего фокусируются на демонстрации силы. Но этим его интересы не ограничиваются.

Манипулятивная (психологическая) сторона буллинга — это уже не поведение, а внедрение в эмоциональную сферу жертвы. В этом случае интересы буллера — это запугивание, стремление вызвать у жертвы страх, тревожные ожидания, заведомую и беспрекословную покорность (на подростковом сленге это звучит как «кинуть на прогиб»). В эмоциональном контексте важно отметить, что для буллера важны сообщники и свидетели, которые усиливают эмоциональный резонанс его намерений и действий.

Несмотря на то, что и психологическая (угрозы, насмешки, клевета, изоляция, мелкое задиранье без травматической физической агрессии, «цука-нь») и физическая формы буллинга (толчки, побои, прочие насильственные действия, порча имущества жертвы и т. д.) проявляются в виде конкретных действий, цель буллера всегда одна — эмоциональное воздействие (подчинение, страх, тревога, эмоциональная травма).

Наше предположение относительно эмоциональной сферы как основной мишени буллера подтверждается тем, что, как указывается практически во всех литературных источниках, объединяет всех жертв буллинга одна черта: чаще всего объектами издевательств становятся дети и подростки, обладающие повышенной чувствительностью, показывающие свою «слабость» (страх, обиду или злость). Их реакция соответствует ожиданиям агрессоров, рождая искомое ощущение превосходства. Заметим, что чувство превосходства — это чувство, то есть, оно также относится к аффективной сфере.

В буллинге есть три роли: жертва, агрессор и свидетель. Эмоционально страдают все трое. Самые тяжёлые последствия проявляются у жертвы: теряется уверенность в себе, эмоциональные сбои приводят к самым разным психическим отклонениям, психосоматическим заболеваниям, переживаниям суицидального характера. Страдают и свидетели буллинга, получая опыт бессилия перед властью толпы и стыда за своё слабодушие, свой страх самому не оказаться жертвой. Буллинг деструктивен и для эмоциональной сферы агрессора, поскольку он огрубляет его чувства, лишает его возможности построения тонких и близких отношений, разрушая механизмы формирования близости с другими людьми.

Моббинг — это форма девиантной коммуникации, уже полностью построенная на психологическом воздействии манипулятивного характера [10, 11, 15].

Несмотря на то, что некоторые авторы описывают моббинг как эмоциональное насилие на рабочем месте, мы склонны в качестве основной мишени моббера считать не эмоциональную, а когнитивную сферу. В пользу этого предположения говорит большая часть описанных в литературе проявлений моббинга — это сплошь когнитивные конструкции: сплетни, слухи, дискредитация, насмешки, информационная изоляция, намеки, смешки, наклеивание ярлыков, немые выразительные взгляды, ухмылки и т. п.

Отмечается, что, как и буллинг, моббинг явление коллективное. Физическое насилие в моббинге не присутствует, но его психологическое проявление имеет две формы — вертикальную (боссинг — от слова босс, начальник, шеф) и горизонтальную (девиантные коммуникации, выстраиваемые коллегами).

Российская практика свидетельствует, что кроме вертикального и горизонтального моббинга имеет место институциональный моббинг, под которым понимается моральное преследование работников с использованием таких институтов, как аттестация персонала, квалификационные экзамены, рассмотрение служебных споров.

Таким образом, складывается модель, в которой моббинг ассоциируется преимущественно с когнитивной сферой. Моббинг бывает прямым и выражается в форме насмешек, угроз, недооценки квалификации и профессионального вклада, лишения рабочих заданий, придираках, обвинениях, отказ в присутствии на собраниях и т. д. Косвенный моббинг может выражаться в форме игнорирования, социальной изоляции и сокрытия информации. Проявлением моббинга также могут быть: бойкот, придирки, насмешки, дезинформация, доносительство, то есть, когнитивные воздействия.

С точки зрения интересов моббера-манипулятора можно отметить, что, как правило, им движет деструктивная профессиональная направленность, профессиональный эгоцентризм, нездоровая конкуренция.

В качестве организационных причин моббинга выделяют низкий профессионализм коллектива, слабую корпоративную культуру, отсутствие в штатном расписании должности менеджера по персоналу. Причины боссинга — это и личностные, и профессионально-управленческие дефициты руководителя. В некоторых случаях боссинг даже рассматривается как образ жизни такого руководителя.

Негативные последствия моббинга и боссинга как проявлений девиантных коммуникаций «на рабочем месте» также носят преимущественно когнитивный характер: в личном плане страдает самооценка и профессиональная

компетентность сотрудников, а в плане организационной (корпоративной) культуры формируется высокий уровень неопределенности, что ведет к недоумкам, подозрительным толкам, взаимонепониманию, «провисанию информационных потоков» в организациях.

По поводу интересов руководителя-боссера пишут, что:

1. Боссинг можно рассматривать как образ жизни, как жизненный стиль руководителя, который в угоду своим амбициям жертвует не только ценными работниками, но и интересами коллег. Игра с подчинёнными как с пешками — одна из самых древних, аморальных и, к сожалению, самых увлекательных. Для такого босса властвовать, вносить раздор, сталкивать интересы сотрудников — дело жизни.
2. Боссинг чаще всего — это компенсация собственной закомплексованности руководителя. Неуверенность в себе, патологическая подозрительность, заставляющая босса видеть во всех «врагов», привычка самоутверждаться за счёт подчинённых. В этом случае давление с его стороны становится поводом для горизонтального моббинга.
3. Некомпетентность в управленческой сфере, в частности не отлаженный механизм коммуникации с сотрудниками у такого руководителя неизменно приводит к отсутствию отработанного механизма разрешения конфликтов, отсутствию навыков постановки профессиональных задач и корректной оценки их выполнения.
4. Такого рода руководитель нередко заботится о том, чтобы те, кто его поддерживает, проявляет лояльность и демонстрирует покорность, получили хорошие должности и оклады, чтобы сделать их ещё более зависимыми от себя.
5. Обычно «сообщники» боссера возводят на пьедестал самих себя и нередко присваивают себе чужую славу.

Любопытно отметить, что моббинг может присутствовать и на кафедрах в вузах для этого случая есть и специальный термин — «вузовский моббинг». К числу базовых причин вузовского моббинга относят [11]:

1. Объектом моббинга зачастую становится высококвалифицированный преподаватель/научный сотрудник, активно демонстрирующий свою независимость, профессионализм и рвение. Он представляет «угрозу» для коллектива и руководства, когда коллектив находится в состоянии латентного моббинга, но обязательно назначается «жертвой» в случае экономического кризиса или реорганизации.
2. Объектом моббинга становятся как молодые специалисты, так и пожилые, остепененные сотрудники, а также те, кого в коллективе считают «балластом». Их участь может зависеть от изменения внешних условий или от воли руководителя.

3. Инициатива моббинга исходит от руководителя кафедры/отдела, который вносит раздор, «разделяя и властвуя», с той целью, чтобы подчинять себе коллектив, манипулировать людьми и решать свои задачи, например, приводить на кафедру «своих людей» — родственников или учеников.
4. Инициатива моббинга исходит от неуверенного в себе руководителя, который «задержался» в своей должности. Он будет истреблять любое инакомыслие на корню, предупреждать «заговоры», избавляясь от потенциальных конкурентов — высококвалифицированных или «нелояльных» сотрудников.
5. Инициатива моббинга исходит от руководителя кафедры/отдела, у которого в результате профессиональных деформаций развивается синдром «вседозволенности», выражающийся в нарушении профессиональных и этических норм в оценке профессиональной деятельности подчинённых.
6. Распространённой причиной вертикального (исходящего от руководителя) и горизонтального (исходящего от коллектива, но инициируемого руководителем) моббинга становится банальная зависть к более успешному коллеге или коллеге, который, по мнению коллектива и руководителя, демонстрирует свою значимость и возможности.
7. В этом случае зависть следует рассматривать как форму проявления агрессии. При этом завидующие коллеги могут интерпретировать чужой успех как своё поражение.

Проявления вузовского моббинга также носят преимущественно когнитивный характер, а мишенью кафедрального боссера становится репутация сотрудника и его имидж в глазах сотрудников других подразделений вуза.

Приведем примеры некоторых из таких коммуникативных девиаций, нацеленных на когнитивную составляющую психологического портрета подчиненного:

- лживые утверждения по поводу поведения сотрудника в коллективе («зазнался»);
- выражение сомнений по поводу профессионализма и компетентности сотрудника;
- умышленное непредоставление работнику важной информации;
- дискредитация сотрудника в глазах руководства, коллег и студентов;
- создание сфабрикованных коллективных жалоб и докладных на него;
- организация собраний, на которых коллеги клеймят «козла отпущения» позором;
- тщательный и предвзятый контроль посещения занятий и рабочего места;
- нелегитимные решения, принятые в отсутствие сотрудника;

- оскорбительные высказывания в адрес сотрудника;
- предвзятое отношение к студентам, руководимым сотрудником (в случае иных сфер деятельности — к протеже или подчинённым сотруднику).

Отмечается, что моббинг может встречаться и в педагогическом коллективе школы. Отдельно описывается моббинг в социальных сетях — кибермоббинг.

Возможные последствия для объектов (жертв) моббинга проявляются в виде нервного срыва, психических травм, соматических заболеваний на почве длительного стресса, снижения самооценки, комплекса неполноценности. Объект боссинга (жертва) каждую минуту ждет подвоха, подставы, нападения: со стороны непосредственного начальника или со стороны коллег, активно включающихся в «горизонтальный» моббинг. Его результатом может быть не только невроз, но и инфаркт, инсульт и даже суицид.

Особо исследователи выделяют возникающие у объекта (жертвы) моббинга нарушения в когнитивной сфере: снижение концентрации внимания, снижение самооценки, удовлетворенности жизнью, возможно и возникновение депрессии.

Еще одна форма девиантных коммуникаций — это stalking [1, 2, 14, 22].

Сталкинг (от англ. *stalking* — преследование) — это нежелательное навязчивое внимание к одному человеку со стороны другого человека или группы людей. Сталкинг является формой домогательства и запугивания; как правило, выражается в преследовании жертвы, слежении за ней, то есть в формах, которые носят конативный (намерение и действие) характер.

Типичное поведение стalkerов включает постоянные телефонные звонки и оскорбления по телефону, посылку нежелательных подарков, выслеживание и шпионаж, нежелательную электронную почту и другие виды оскорблений по Интернету, а также угрозы или запугивающие действия.

Мотивацией стalkerов обычно является стремление установить контроль над жертвой, поэтому их поведение, как правило, носит циклический характер и в этом сходно с домашним насилием: начиная с попыток «доказать свою любовь», посылая жертве письма, цветы или подарки, стalker затем переходит к оскорблениям и угрозам, которые, в конце концов, может привести в исполнение.

По данным опросов, в результате сталкинга жертвы не столько переживают страх и тревогу, сколько начинают страдать паническими атаками, ночными кошмарами, бессонницей, депрессиями. Жертвы также могут нести экономические потери, связанные со снижением трудоспособности, вынужденной покупкой товаров для самозащиты, вынужденной сменой места работы или даже места жительства. То есть, и сами действия стalkerов, и их мишени, и последствия сталкинга для жертв — все эти

характеристики также относятся к конативному спектру психических проявлений.

В целом все три вида коммуникативных девиаций, как мы видим, носят манипулятивный характер: манипулятор на эмоциональном, когнитивном или конативном уровне воздействует на жертву, принуждая ее к удовлетворению интересов самого манипулятора и игнорированию (даже угнетению) интересов собственных.

Интересы манипулятора — это демонстрация силы, профессиональное самоутверждение, установление контроля и власти над жертвой. Последствия для жертвы — эмоциональная травма, разрушение профессионального имиджа и профессиональной идентичности, панические атаки, кошмары, вынужденное бегство.

Отдельные формы и виды проявлений описанных коммуникативных девиаций постепенно складываются в комплексные коммуникативные девиантные технологии. Примером таких технологий является многократно и ярко проявившая себя в шоу-бизнесе технология, которая носит название «культура отмены» [9, 23].

Содержательное наполнение этого понятия связано с отсутствием поддержки или даже психологическими наступательными действиями (коммуникациями), направленными на неудобную публичную персону, табуированную социальную группу или даже враждебную целую страну.

В последнем случае психологический инструментарий (коммуникации) дополняется инструментарием экономическим (санкции), медико-биолого-экологическим (бактериологические войны, эпидемии), политическим (информационные войны, пропаганда и контрпропаганда). Примером совмещения психологических и иных инструментов манипулятивного воздействия являются, так называемые, гибридные войны, хотя все же основными технологическими направлениями ведения гибридной войны являются коммуникативно-информационные технологии [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алимбаева А. А.* Сталкинг: самоутверждение через сталкинг // Вестник Международного Казахско-Турецкого Университета имени Х. Я. Ясави. — 2018. — №4. — С. 5–6.
2. *Амангелди Т. А., Байздрахманова А. К.* Психология сталкинга: понимание и причины // Научные высказывания. — 2024. — №7 (54). — С. 46–49.
3. *Аудмайер К.* Все на одного: Как защитить ребёнка от травли в школе. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 152 с.
4. *Бардшер Г. Л., Жогин А. А.* Факторы успешности профессиональной деятельности менеджера по работе с персоналом // Сборник материалов

- XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. — СПб, 2023. — С. 308–315.
5. *Бардиер Г. Л., Сугоняко Д. Ю.* Социальные представления о психологически благополучной личности // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге. — СПб, 2023. — С. 316–324.
  6. *Бардиер Г. Л.* Концепция психологической помощи семье в ситуации реального или потенциального отчуждения родителя: аспекты, цели, виды помощи, инструменты, технологии / Мы любим вас обоих. Материалы первой международной научной конференции по проблеме отчуждения родителя. Санкт-Петербургский институт психологического консультирования, Национальная ассоциация исследователей синдрома отчуждения родителя. — СПб, 2022. — С. 165–175.
  7. *Бочавер А. А.* Школьная травля и позиция учителей / А. А. Бочавер, А. В. Жилинская, К. Д. Хломов // Социальная психология и общество. — 2015. — Том 6. — № 1. — С. 103–116.
  8. *Вайнци А. А., Бардиер Г. Л.* Психологические составляющие понятия «гибридная война» / Бог. Человек. Мир. Сборник материалов XXVI всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. — СПб, 2024. — С. 73–82.
  9. *Волкова Б., Чалабова Г.* Борьба за справедливость или травля? Почему нам пора учиться жить с cancel culture. [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/9246969> (дата обращения 08.07.2024).
  10. *Далсегг А., Вессе И.* Моббинг и психологическое насилие на рабочем месте // На крючке. Как разорвать круг нездоровых отношений. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 274 с.
  11. *Дружилов С.* Психологический террор (моббинг) на кафедре вуза как форма профессиональных деструкций. // Психологические исследования, 4(17). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.845>
  12. *Ениколопов С. Н.* Психологические проблемы безопасности в школе (стенограмма) // Материалы проекта «Образование, благополучие и развивающаяся экономика России, Бразилии и Южной Африки» Психологические проблемы безопасности в школе (стенограмма). 2010. [Электронный ресурс]. — URL: http://psyjournals.ru/edu_economy_wellbeing/issue/36278_full.shtml
  13. *Жогин А. А.* Социальный капитал как ресурс профессиональной деятельности HR-менеджера / Международная научная сессия XIX неевские чтения гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества. развитие и стабильность. 05–10 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://nevskiechteniya.ru/nbooks/nch23sb> (дата обращения 27.06.2024).

14. *Квасов Д., Брянцев Е.* Сталкинг: что это такое и как за него наказывают. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6791311> (дата обращения 08.07.2024)
15. *Колодей К.* Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / Пер. с нем. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. — 368 с.
16. *Кон И. С.* Что такое буллинг и как с ним бороться? // *Семья и школа.* — 2006. — № 11. — С. 15–18.
17. *Кривцова С. В.* Буллинг в школе vs сплочённость равнодушных. Организационная культура образовательного учреждения для решения проблем дисциплины и противостояния насилию. — М.: Изд-во Федерального института развития образования, 2011. — 119 с.
18. *Кубанцева А. П., Кучегашева П. П., Орешкина Н. В., Пономарева Е. А.* Проблема школьного буллинга: позиция и роль учителя в ее решении // Учебный год. — 2018. — № 4 (53). — С. 30–36.
19. *Марченко И. А.* Корпоративная культура бизнес-организации, работающей на внешнеэкономическом рынке / Международная научная сессия XIX невские чтения гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества. развитие и стабильность. 05–10 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://nevskiechteniya.ru/nbooks/nch23sb> (дата обращения 27.06.2024).
20. *Сугоняко Д. Ю.* Социальные представления отечественных врачей о современном медицинском образовании / Международная научная сессия XIX невские чтения гуманитарное знание — конструктивная основа благополучия общества. развитие и стабильность. 05–10 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://nevskiechteniya.ru/nbooks/nch23sb> (дата обращения 27.06.2024).
21. *Fahie D., Devine D.* The impact of workplace bullying on primary school teachers and principals // *Scandinavian Journal of Educational Research.* — 2012. — Vol. 56. Issue 1. — P. 1–18.
22. *Meloy J. R.* The psychology of stalking: Clinical and forensic perspectives. — San Diego, CA: Academic Press, 1998. — 250 p.
23. *Scalia E.* John Adams, Legal Representation, and the “Cancel Culture”. — *Harvard Journal of Law & Public Policy.* — 2021. — 44 (1). — P. 333–338.

Гнатко Ольга Владимировна,
магистрант
кафедры психотравматологии
Русской христианской
гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
психолог,
gnatkoo@yandex.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПСИХОТЕРАПИИ: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ

В статье дается обзор стремительного развития виртуальной реальности (VR) и ее новых применений в психотерапии. Этот инновационный подход предлагает эффективные решения для преодоления кризисных состояний, таких как депрессия, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и зависимости. В статье подчеркиваются несколько преимуществ VR: иммерсивная среда усиливает эффект терапевтического вмешательства, контролируемый и безопасный контекст позволяет моделировать кризисные ситуации без риска для клиента, а персонализированный опыт обеспечивает адаптацию под индивидуальные потребности. Основные обсуждаемые терапевтические методы включают экспозиционную терапию и когнитивно-поведенческую терапию, каждая из которых использует уникальные преимущества VR для достижения терапевтических целей, от моделирования стрессовых сценариев до симуляции триггеров для лечения зависимостей. В статье также рассматриваются перспективы будущего, отмечая, что интеграция VR с искусственным интеллектом (AI) и увеличение доступности технологий представят новые возможности и вызовы, включая вопросы этики и безопасности. Таким образом, VR представлена как перспективное направление в психотерапии, с потенциалом значительного улучшения качества жизни клиентов.

Ключевые слова: Виртуальная реальность, VR-терапия, инновационные методы в психотерапии, экспозиционная терапия.

VIRTUAL REALITY IN PSYCHOTHERAPY:

INNOVATIVE METHODS FOR OVERCOMING CRISIS CONDITIONS

The article provides an overview of the rapid development of Virtual Reality (VR) and its emerging applications in psychotherapy. This innovative approach offers effective solutions for addressing crisis conditions such as depression, anxiety disorders, post-traumatic stress disorder (PTSD), and addictions. The article highlights several advantages of VR: the immersive environment enhances therapeutic intervention effects, the controllable and safe context allows for the simulation of crisis situations without risk to the client, and the personalized experience ensures adaptation to individual needs. The primary therapeutic methods discussed include exposure therapy and cognitive-behavioral therapy, each leveraging VR's unique benefits to achieve therapeutic goals, from modeling stressful scenarios to simulating triggers for addiction treatment. The article also explores future prospects, noting that the integration of VR with artificial intelligence (AI) and increased technology accessibility will present new opportunities and challenges, including ethical and safety considerations. Thus, VR is portrayed as a promising direction in psychotherapy, with the potential to significantly improve clients' quality of life.

Keywords: Virtual Reality, VR Therapy, innovative methods in psychotherapy, exposure Therapy.

Концепция психологической виртуальной реальности состоит в превращении любого образа в полноценный виртуальный опыт, способный представлять «реальный» мир с уникальных, ранее неизведанных точек зрения, тем самым вызывая новые переживания и эмоции. Это позволяет создавать многослойные, детально проработанные виртуальные сценарии, которые могут включать всевозможные аспекты окружающего мира, природы, урбанистические пейзажи, и даже фантастические, воображаемые пространства. Тем самым, виртуальная реальность становится мощным инструментом для исследования человеческой психики и эмоций, открывая совершенно новые подходы к познанию себя и окружающего мира [7].

Способность человека дифференцировать виртуальное от реальности зависит от уверенности в себе и отношения к своему здоровью. Люди могут не только воспринимать виртуальный мир, но и активно его создавать, что стимулирует как позитивные самоподдерживающие визуализации, так и негативные тревожные образы. Это означает, что виртуальная реальность позволяет воспроизводить и модифицировать личные переживания и воспоминания, превращая их в терапевтические инструменты. Человек, пребывающий в стрессе, может выбрать в качестве успокоения альтернативный

виртуальный образ, который может быть представлен, например, шаманом в виде героического путешествия, художественным произведением, дающим новые виды ощущений, сновидениями, пронизывающими сознание новыми смыслами и так далее.

Современные технологии стремительно интегрируются в различные сферы человеческой деятельности, и медицина и психотерапия не являются исключением. Эти два направления активно используют новые технологии для улучшения качества жизни и психического здоровья людей. В частности, виртуальная реальность находит всё больше применений в этих областях, предлагая инновационные методы лечения и диагностики. Терапия виртуальной реальностью (VR-терапия, VTR) — это метод лечения, в основе которого лежит использование виртуальной реальности для проведения коррекционных и терапевтических процедур [16].

Пациент при помощи VR-оборудования погружается в виртуальную среду, которая может быть смоделирована исходя из его потребностей. Это позволяет ему погрузиться в сценарии, которые наиболее эффективно прорабатывают его психические и эмоциональные проблемы. Такая достаточно новая, однако очень перспективная область уже принесла существенные результаты в терапии различных психических расстройств, особенно в кризисных ситуациях. VR-терапия, использующая виртуальную реальность (VR), зарекомендовала себя как действительно эффективный метод, который открывает новые горизонты в помощи пациентам.

Для проведения VR-терапии используются специализированные устройства, такие как VR-очки и шлемы, датчики движения и другие аксессуары, которые помогают создать полностью интерактивную виртуальную среду. Совместно с программным обеспечением, предоставляющим детально проработанные миры и сценарии, эти устройства создают уникальные интервенционные возможности. Они позволяют моделировать всевозможные жизненные ситуации, которые могут быть полезны для терапевтической работы с пациентами. Эти интерактивные виртуальные миры способны имитировать реальную жизнь вплоть до мельчайших деталей, включая звуки, запахи и текстуру объектов, что существенно повышает эффективность проработки стрессовых ситуаций и других психологических проблем.

Преимущества VR-терапии. VR-терапия представляет собой инновационный подход в психологической и психиатрической практике, представляющий множество весомых преимуществ. Одним из ключевых преимуществ является её контролируемость и безопасность [11]. Технологии виртуальной реальности позволяют создавать контролируемую и безопасную среду для проведения экспозиционной терапии, что особенно полезно

при лечении таких состояний, как фобии, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и тревожные расстройства. Пациенты могут проходить терапию в условиях, которые точно реплицируют ситуации, вызывающие страх или стресс, но при этом находятся в безопасной и контролируемой обстановке [13].

Высокая степень вовлеченности является ещё одним значительным преимуществом VR-терапии. В отличие от традиционных методов, использование виртуальной реальности позволяет создать обстановку, максимально приближенную к реальной [3; 4]. Это достигается благодаря погружению пациентов в виртуальный мир, что существенно повышает их вовлеченность в процесс терапии и, соответственно, делает её более эффективной.

Доступность VR-терапии также заслуживает особого внимания. Данный метод терапии открывает новые возможности для пациентов, которые испытывают трудности с посещением традиционных сеансов. Это особенно актуально для тех, кто проживает в географически отдалённых районах, а также для лиц с ограниченными физическими возможностями [1]. Виртуальная терапия может быть проведена дистанционно, что значительно расширяет доступ к качественному лечению.

Гибкость виртуальных сред позволяет легко адаптировать их под индивидуальные нужды и характеристики каждого пациента [4]. Это персонализированный подход, который повышает эффективность терапевтических вмешательств. Виртуальные сценарии могут быть модифицированы и настроены так, чтобы соответствовать уникальным требованиям каждого конкретного случая, что в свою очередь способствует более глубокому и персонализированному терапевтическому опыту [3].

Наконец, точность VR-технологий позволяет более эффективно отслеживать реакции пациента и накапливать данные, которые могут быть использованы для мониторинга прогресса и оценки эффективности проводимого лечения. Использование датчиков и других инструментов мониторинга в виртуальной среде позволяет собирать объективные данные о состоянии пациента, что способствует более информированному и точному подходу к лечению.

Применение VR для лечения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Применение виртуальной реальности (VR) для лечения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) является одной из перспективных областей психотерапии, которая активно изучается и внедряется на практике [13]. Доктор Альберто Риццо (Alberto Rizzo), чьи исследования в области VR-терапии являются пионерскими, сыграл значительную роль в развитии этой дисциплины. Одним из наиболее известных направлений его работы является использование виртуальной реальности

для лечения ПТСР у ветеранов боевых действий. В рамках своей работы доктор Риццо и его команда разработали программу, известную под названием «Virtual Iraq/Afghanistan».

Программа «Virtual Iraq/Afghanistan» использует технологию виртуальной реальности для создания виртуальной среды, которая максимально точно и детально имитирует боевые условия, похожие на те, с которыми сталкивались ветераны на войне. В этой программе военные действия, звуки, визуальные эффекты и даже запахи воспроизводятся с большой точностью, чтобы воссоздать условия, вызывающие стресс и травматические воспоминания у ветеранов. Это позволяет проводить экспозиционную терапию, суть которой заключается в постепенном и контролируемом погружении пациента в травмирующие ситуации для уменьшения тревожности и повышения адаптивных механизмов, в контролируемой и безопасной виртуальной среде.

В исследовании доктора Альберто Риццо приняли участие десятки ветеранов, каждый из которых прошёл через многоэтапный процесс терапии. Результаты продемонстрировали, что такая форма виртуальной экспозиционной терапии может быть особенно эффективна для ветеранов с ПТСР. Она помогает им снизить уровень тревожности и лучше справляться с воспоминаниями о травматических событиях.

Благодаря этим исследованиям, VR-терапия для ПТСР начинает находить все большее применение в клинической практике, а программы, подобные «Virtual Iraq/Afghanistan», становятся важными компонентами терапевтических протоколов для ветеранов и других пациентов, страдающих от ПТСР.

Виртуальная экспозиционная терапия для лечения фобий. Доктор Барбара Ротбаум (Barbara Rothbaum) является признанным специалистом в области психотерапии, особенно в лечении тревожных расстройств с использованием виртуальной реальности (VR) [14]. Одним из значимых проектов доктора Барбары Ротбаум стало использование VR для лечения аэрофобии. В рамках этого проекта её команда разработала инновационную VR-платформу, которая симулирует различные аспекты полета на самолете с высокой степенью реалистичности. Платформа включает несколько сценариев, позволяющих пациентам постепенно привыкать к ощущениям и эмоциям, связанным с полетами. Программа начинается с более простых этапов: пациенты сначала проходят через модель посадки на самолет, нахождение в салоне и привыкание к окружающей обстановке. По мере прогресса пациентов в терапевтическом процессе, они переходят к более сложным моделям, таким как виртуальное моделирование взлета самолета, полета с различными уровнями турбулентности и других факторов, вызывающих страх.

Клинические исследования, проведенные доктором Ротбаум и её командой, показали высокую эффективность VR-терапии для лечения аэрофобии. В одном из исследований пациенты, прошедшие курс VR-терапии, продемонстрировали значительное снижение уровня страха перед полетами по сравнению с контрольной группой, использовавшей традиционные методы лечения. Методы традиционной терапии включали когнитивно-поведенческую терапию и экспозиционную терапию без использования виртуальной реальности, однако результаты сравнения ясно указали на преимущество VR-технологий.

Дальнейшие результаты исследований подтвердили устойчивость положительного терапевтического эффекта. Пациенты, завершившие курс VR-терапии, сохраняли низкий уровень страха и тревожности при реальных полетах даже спустя несколько месяцев после завершения терапевтических сеансов. Этот высокий уровень удержания результатов является ключевым фактором, свидетельствующим о долгосрочной эффективности VR-терапии при лечении аэрофобии.

Применение VR в коррекции паранойи. Одно из известных исследований доктора Дэниела Фримана (Daniel Freeman) из Оксфордского университета, опубликованное в 2016 году, рассматривало использование VR для лечения параноидных переживаний у людей, страдающих тяжелыми психическими расстройствами [12]. Фриман и его команда использовали VR для создания контролируемых, безопасных сред, в которых пациенты могли быть представлены тем социальным ситуациям, которые вызвали бы у них тревогу и паранойю в реальной жизни.

Основной метод заключался в том, чтобы постепенно привыкать к этим ситуациям и снижать уровень тревожности и паранойи. Пациенты проводили по 30 минут в виртуальной реальности, находясь в таких виртуальных сценариях, как поездка в метро или пребывание в лифте, где они сталкивались с различными уровнями социальных взаимодействий.

Исследование выявило значительное снижение уровня паранойи и улучшение восприятия реальных социальных ситуаций после нескольких сессий VR-экспозиции. Большинство пациентов сообщили о снижении социальной тревожности и повысившейся способности чувствовать себя более комфортно в реальных ситуациях.

Применение VR в лечении депрессии. Кэролайн Фальконер (Caroline Falconer) является исследователем из Оксфордского университета, которая также занимается изучением применения виртуальной реальности (VR) для лечения психических расстройств, включая депрессию [10]. Ее работа тесно связана с исследованиями, проводимыми под руководством вышеупомянутого доктора Дэниела Фримана [12], и она внесла значительный вклад

в эту область. Одним из ключевых проектов Кэролайн Фальконер является исследование, посвященное использованию виртуальной реальности для терапии самокритики и улучшения самосострадания у людей, страдающих депрессией. Одно из таких исследований было опубликовано в 2016 году в журнале «British Journal of Psychiatry Open» и привлекло к себе внимание благодаря инновационному подходу к психотерапии.

В процессе исследования пациенты использовали VR для участия в специально разработанных терапевтических сессиях. В одной из таких сессий пациенты сначала оккумулировались в виртуальном теле взрослого человека (аватар), которому предстояло утешить виртуального ребенка. Затем они переключались в тело ребенка и наблюдали, как взрослый аватар (которым они ранее управляли) произносит утешительные слова.

Результаты показали, что такая терапия помогает уменьшить уровень самокритики и увеличить уровень самосострадания у пациентов. Это важно, поскольку чрезмерная самокритика часто является значительным фактором, способствующим поддержанию и усугублению депрессивных симптомов.

Виртуальная реальность и лечение зависимости. Исследователи Christopher S. Culbertson, Stephanie Shulenberg, Richard De La Garza, Thomas F. Newton и Arthur L. Brody провели новаторское исследование, направленное на оценку эффективности терапии с использованием виртуальной реальности (VR) для лечения зависимости от табака [9]. Результаты исследования показали, что участники экспериментальной группы, прошедшие VR-терапию, продемонстрировали значительное снижение интенсивности тяги к курению по сравнению с контрольной группой. Было также зафиксировано значительное уменьшение количества выкуриваемых сигарет среди участников, подвергшихся VR-экспозиции.

Исследование выявило психофизиологические изменения у участников на провокационные стимулы, что свидетельствовало о снижении реактивности к сигаретным триггерам. На основании этих данных исследователи пришли к выводу, что терапия с использованием виртуальной реальности может служить эффективным инструментом в лечении табачной зависимости. Моделирование VR-сцен, связанных с курением, позволяет участникам развивать навыки совладания с тягой и снижать уровень зависимости.

Это исследование демонстрирует значимый потенциал VR-терапии в борьбе с зависимым поведением и открывает новые горизонты в области психотерапевтических методов.

Ограничения и вызовы VR-терапии. Несмотря на многочисленные преимущества VR-терапии, существуют и значительные ограничения и вызовы, которые необходимо учитывать при её применении. Одним из основных ограничений является высокая стоимость оборудования. Для проведения

VR-терапии требуется специализированное оборудование, которое может быть дорогостоящим. Это существенно ограничивает возможности использования данной технологии в широкой практике и делает её недоступной для некоторых категорий пациентов [2].

Технические сложности также представляют собой серьёзное препятствие. VR-терапия требует наличия квалифицированных специалистов, способных работать с VR-оборудованием и программным обеспечением [8]. Нередко возникают технические сбои и проблемы с настройкой оборудования, что может негативно повлиять на качество и эффективность терапии. Подготовка и поддержка таких специалистов также требуют дополнительных ресурсов и времени.

Необходимость дополнительных исследований представляет собой ещё один вызов [3]. Несмотря на положительные результаты, уже полученные в области VR-терапии, требуется проведение дальнейших исследований для более детальной оценки её эффективности и безопасности. Важно определить, какие конкретные методики работают наилучшим образом для различных категорий пациентов, а также выявить возможные долгосрочные последствия применения VR-технологий в терапии.

Психологические эффекты от использования VR-оборудования также не следует игнорировать. Некоторые пациенты могут испытывать дискомфорт или побочные эффекты, такие как головокружение или укачивание, при использовании VR-оборудования [4; 7]. Эти побочные эффекты могут ограничить возможность применения VR-терапии у определённых групп людей, особенно у тех, кто уже имеет склонность к подобным реакциям.

Перспективы и возможности VR-терапии. С развитием технологий виртуальной реальности (VR), VR-терапия обещает стать более доступной и эффективной. Улучшение качества графики и сенсорных эффектов, а также снижение стоимости оборудования ведут к расширению спектра использования данной методики. Эти усовершенствования могут значительно увеличить её приёмлемость для различных категорий пациентов, что в конечном итоге позволит внедрить VR-терапию в обширную клиническую практику.

Интеграция VR-терапии с другими методами лечения открывает новые горизонты в комплексном подходе к лечению психических расстройств. VR-терапия может быть использована в сочетании с традиционными методами, такими как когнитивно-поведенческая терапия и медикаментозное лечение, усиливая их эффективность. Это позволяет создать более индивидуализированный подход к лечению, учитывающий уникальные потребности и особенности каждого пациента.

Улучшение пользовательского опыта является ещё одним важным аспектом развития VR-терапии. Разработка более интуитивного и удобного

программного обеспечения сделает процесс терапии проще и комфортнее как для пациентов, так и для терапевтов. Повышение удобства и вовлеченности может существенно увеличить удовлетворенность от терапии и повысить её эффективность.

Для подтверждения эффективности VR-терапии и расширения её применения необходимо проведение масштабных клинических исследований. Эти исследования помогут разработать стандарты и рекомендации для использования VR-технологии в медицинской практике. Кроме того, они предоставят необходимые данные для оценки долгосрочных последствий и безопасности применения данной методики.

Заключение. Концепция психологической виртуальной реальности предоставляет уникальные возможности для исследования и терапии человеческой психики и эмоций. Современные технологии продолжают стремительно развиваться, расширяя горизонты использования виртуальной реальности в медицине и психотерапии. Терапия виртуальной реальностью уже доказала свою эффективность и продолжает приносить значительные результаты в лечении различных психических расстройств. В этом контексте, VR-технологии и специализированные устройства играют ключевую роль, превращая виртуальные сценарии в мощный инструмент для улучшения качества жизни и психического здоровья пациентов.

VR-терапия с использованием виртуальной реальности открывает новые возможности для лечения психических расстройств и кризисных состояний. Методики, такие как виртуальная экспозиционная терапия, в лечении фобий и управлении стрессом с помощью VR, показали свою высокую эффективность и положительное влияние на психологическое состояние пациентов.

Несмотря на огромный потенциал и значительные преимущества, VR-терапия сталкивается с рядом серьезных ограничений и вызовов, которые необходимо учитывать для её успешного и безопасного применения в клинической практике. Однако VR-терапия продолжает развиваться и имеет большое будущее в психотерапевтической практике.

Эти инновационные подходы делают психологическую помощь более доступной и эффективной, предоставляя пациентам уникальные инструменты для преодоления кризисов и улучшения качества жизни, а с развитием технологий, интеграцией с традиционными методами лечения, улучшением пользовательского опыта и проведением клинических исследований, VR-терапия имеет все шансы стать важным компонентом современной психотерапии, предлагая новые и более эффективные подходы к лечению психических расстройств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воловик М. Г.* Технологии виртуальной реальности в комплексной медицинской реабилитации пациентов с ограниченными возможностями (обзор) / Воловик М. Г., Борзиков В. В., Кузнецов А. Н., Базаров Д. И., Полякова А. Г. // *Современные технологии в медицине.* — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 173.
2. *Володина Е. И.* VR-технологии в медицине, психотерапии, экспериментальной психологии // *Психологическая газета.* [Электронный ресурс]. — URL: https://psy.su/feed/9251/#article__comments (дата обращения: 03.06.2024).
3. *Зеленский М. М.* Виртуальная реальность (VR) в клинической медицине: международный и российский опыт / Зеленский М. М., Рева С. А., Шадеркина А. И. // *Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.* — 2021. — № 3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-vr-v-klinicheskoy-meditzine-mezhdunarodnyy-i-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 03.06.2024).
4. *Зинченко Ю. П.* Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. / Зинченко Ю. П., Меньшикова Г. Я., Баяковский Ю. М., Черноризов А. М., Войскунский А. Е. // *Национальный психологический журнал.* — 2010. — № 1. — С. 54–62.
5. *Лысенко Г. Э.* Осложнения, связанные с использованием терапии на основе виртуальной реальности во время лечения послеоперационной боли. / Лысенко Г. Э., Щеголев А. В., Богомолов Б. Н., Мешаков Д. П. // *Вестник анестезиологии и реаниматологии.* — 2023. — Т. 20. — №3. — С. 38–44.
6. *Мурашко А. А.* Возможности применения виртуальной реальности в психиатрии // *Социальная и клиническая психиатрия.* — 2021. — № 2. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-virtualnoy-realnosti-v-psihiatrii> (дата обращения: 03.06.2024).
7. *Носов Н.* Виртуальная психология. — М.: Аграф, 2000. — 432 с.
8. *Фрейзе В. В.* Перспективы использования технологий виртуальной реальности (VR) в терапии пациентов с психическими расстройствами (обзор зарубежной литературы) / Фрейзе В. В., Малышко Л. В., Грачев Г. И., Дутов В. Б., Семенова Н. В., Незнанов Н. Г. // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева.* — 2021. — Т. 55. — №1. — С.18–24.
9. *Culbertson C. S.* Virtual Reality Cue Exposure Therapy For The Treatment Of Tobacco Dependence. / Culbertson C. S., Shulenberg S., De La Garza R.,

- Newton T. F., Brody A. L. // Journal of cyber therapy and rehabilitation. — 2012. — Т. 5. — № 1. — С. 57–64.
10. *Falconer C. J.* Embodying self-compassion within virtual reality and its effects on patients with depression / Falconer C. J., Rovira A., King J. A., Gilbert P., Antley A., Fearon P., Ralph N., Slater M., Brewin C. R. // BJPsych Open. — 2016, Feb 15. — Т. 2. — №1. — С. 74–80.
  11. *Fornells-Ambrojo M.* Virtual reality and persecutory delusions: safety and feasibility / Fornells-Ambrojo M., Barker C., Swapp D., Slater M., Antley A., Freeman D. // Schizophr Res. — 2008, Sep. — Т.104. — №1–3. — С. 228–236.
  12. *Freeman D.* Virtual reality in the treatment of persecutory delusions: randomised controlled experimental study testing how to reduce delusional conviction. / Freeman D., Bradley J., Antley A., Bourke E., DeWeever N., Evans N., Černis E., Sheaves B., Waite F., Dunn G., Slater M., Clark D. M. // Br J Psychiatry. — 2016, Jul. — Т. 209. — № 1. — С. 62–67.
  13. *Rizzo A. A.* VR PTSD exposure therapy results with active duty OIF/OEF combatants. / Rizzo A. A., Difede J., Rothbaum B. O., Johnston S., McLay R. N., Reger G., Gahm G., Parsons T., Graap K., Pair J. // Stud Health Technol Inform. — 2009. — № 142. — С. 277–282.
  14. *Rothbaum B. O., Hodges L., Watson B. A., Kessler C. D., Opdyke D.* Virtual reality exposure therapy in the treatment of fear of flying: a case report // Behav Res Ther. — 1996, May-Jun. — Т. 34. — №5–6. — С. 477–481.
  15. Virtual reality therapy // Wikipedia, The Free Encyclopedia. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Virtual_reality_therapy&oldid=1222785997 (дата обращения 20.05.2024).

Клюев Станислав Владимирович,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф.М. Достоевского,
теолог-исследователь, магистр психологии,
юрист, священник,
advokat.udm@mail.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ И ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

К числу традиционных российских семейных ценностей относятся преемственность поколений, практическая возможность передачи жизненного опыта, идей, традиций и системы ценностей от поколения к поколению. Достигается это живой связью и реальным общением в семье детей, родителей и прародителей. Лженаучные зарубежные концепции, массовое разрушение браков, раздельное проживание родителей и «семейные войны» с вовлечением в них детей создают угрозы здоровью детей, сохранению их семейных связей, утраты идентичности и разрушения авторитета родителей, а также угрозу национальной безопасности.

Ключевые слова: преемственность поколений, традиционные семейные ценности, семейные связи ребенка, отчуждение семьи, национальная безопасность.

Klyuev S. V.

GENERATIONAL CONTINUITY AND TRADITIONAL FAMILY VALUES: CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Traditional Russian family values include the continuity of generations, the practical possibility of transferring life experiences, ideas, traditions and value systems from generation to generation. This is achieved by live communication and real communication in the family of children, parents and grandparents. Pseudoscientific foreign concepts, mass destruction of marriages, separation of parents and “family wars” involving children in them pose threats to children’s health, the preservation of their family ties, loss of identity and destruction of parental authority, as well as a threat to national security.

Keywords: succession of generations, traditional family values, family ties of a child, family alienation, national security.

Бог создал этот мир таким, что состояние семьи в нем определяет состояние общества в целом. Враг ополчился на семью. Его цель — в этом природном чистом источнике всякого единения и добрых человеческих отношений посеять рознь, вражду, обиды, эгоизм и ненависть. Сделать людей, которые по закону природы «свои», членов одной семьи, чужими друг для друга. Это означает потерю единства, разрушение семейных связей и привязанностей... То, что мы называем «атомизация семьи». Которая неизбежно влечёт атомизацию общества, утрату единства на уровне нации. В связи с чем и возник запрос на «общественные скрепы» и формирование гражданской идентичности подрастающих поколений.

Преемственность поколений — это сложный механизм взаимодействия людей, за счет функционирования которого в обществе сохраняются и передаются культурное наследие, традиции семьи, нравственные устои, на которых держится вся цивилизация. Сущность преемственности заключается в значимой связи поколений прошлого, настоящего и будущего. Значение преемственности поколений невозможно переоценить. Она является невидимой связью предков с потомками и одновременно центральной основой, опираясь на которую народ устоит во время любых политических, экономических, социальных потрясений и изменений, включая глобальные. Эта связь требует своего бережного хранения, так как именно она обеспечивает формирование гражданской идентичности и сохранение нравственного кода нации, служит моральному воспитанию детей, чтобы вместе с прогрессом цивилизации в обществе не ослабевали нравственные принципы.

Авва Дорофей говорит о том, что Бог — это солнце, а мы, люди, как солнечные лучи: чем ближе к Богу, тем ближе друг ко другу. Две основные заповеди: «возлюби Бога» и «возлюби ближнего». Мы идём к Богу и сближаемся друг с другом. Такое происходит с каждым христианином. Что же говорить о семье!

Враг захватил Запад, и теперь уже его руками пытается ликвидировать исторические корни нашей страны, культуру и традиции, подменить истинные, традиционные наши ценности ценностями ложными, чуждыми и разрушительными.

За последний век в мире массовое распространение получили человеконенавистнические феномены: 1) убийство детей матерями в собственном чреве, 2) репродуктивные технологии, сопровождающиеся убийством других детей, 3) гендерные представления о смешении полов, 4) идеи о «токсичной мужественности», потенциальной опасности всех мужчин и отцов для женщин и детей.

Враг словно шепчет каждому члену семьи: «Вы чужие друг другу, вы опасны друг для друга, не дай им вырвать тебя из зоны твоего комфорта, не уступи им своего времени, здоровья, имущества, заботы, места в сердце. Они тебе чужие. Живи для себя».

Количество регистрируемых разводов стало превышать количество регистрируемых браков. Более трети российских семей сегодня — монородительские. Треть детей в России (около 11 миллионов) живёт с одним родителем, из них порядка 10 млн — с матерями, в условиях отцовской депривации. Словно страшная мировая война уже прошла и собрала свой урожай, лишив миллионы семей отцов и дедов...

Развод — это как правило длительный конфликт, «семейная война», судебные споры, завершающиеся судебным решением, которое та или другая сторона исполнять отказывается, считая его несправедливым. И зачастую — обоснованно считая. Сложно признать правоту судебной практики, если по ней выходит, что практически никто из отцов в России не достоин, чтобы ребёнок проживал с ним.

Развод почти всегда является психотравмирующей ситуацией, он связан с высоким риском возникновения различного рода нарушений психического состояния у всех членов семьи. Дети, в силу естественной возрастной зависимости от родителей, личностной и эмоциональной незрелости, оказываются наиболее уязвимыми к психотравмирующему действию развода. В соответствии с Международной классификацией болезней 10 пересмотра (МКБ-10) воспитание ребенка в ситуации конфликтных и враждебных отношений между родителями является «аномальным и создает риск развития у ребенка различного рода психических нарушений». Развод относится к тем событиям в жизни ребенка, которые наиболее часто ведут к появлению невротических симптомов. Поведение родителей в ситуации развода (высокий уровень агрессии, вовлечение ребенка в родительский конфликт и т.п.), неблагоприятно складывающаяся после развода воспитательная ситуация (патологизирующий стиль воспитания у родителя, с которым проживает ребенок, отсутствие общения с одним из родителей, сопряженность общения с отдельно проживающим родителем с высоким уровнем интрапсихического конфликта) также могут оказывать негативное влияние на психическое состояние и развитие ребенка.

Вслед за одной бедой (разводом родителей) к ребёнку, приходит вторая — отчуждение одного из родителей. Взрослые, проживающие с ребёнком, зачастую более или менее осознанно «выдавливают», «стирают» из жизни ребёнка родителя, проживающего отдельно. В России такая участь постигла миллионы отцов и десятки тысяч матерей. Можно говорить о новом виде социального сиротства, когда при живых родителях в жизни ребёнка

перестаёт присутствовать один из них, который при этом желает участвовать в воспитании своего ребёнка, но не имеет фактической возможности сделать это.

В результате психологической «обработки» со стороны значимых для ребенка взрослых (чаще всего — родителя, с которым ребенок живет, но нередко — бабушки или дедушки, нового супруга родителя) ребенок принимает предлагаемую ему интерпретацию фигуры отчуждаемого родителя и начинает демонстрировать неадекватное, отвергающее отношение к нему. Разрушается детско-родительская привязанность, рвутся связи ребенка с иными членами семьи. Индуцированный отчужденный ребенок игнорирует второго родителя, отказывается в любой форме контактировать с ним и исполнять судебное решение о порядке общения отдельно проживающего родителя и ребенка. Отвержение отца либо матери перерастает и на иных членов семьи, связанных с отвергаемым родителем (дедушку, бабушку, братьев, сестер, иных родственников).

«Закольцовкой» психологического синдрома отчуждения семьи выступает положительная реакция социума (представители которого в таком случае становятся соучастниками отчуждения ребенка от родителя и иных членов семьи ребенка), придающая устойчивость синдрому. Она заключается в поддержке разными людьми индуктора в его отчуждающем поведении, одобрении (в том числе, молчаливом) его негативных оценок целевых членов семьи ребенка, помощи в перемещении ребенка в пространстве и ограничении контактов ребенка с целевым членом семьи, отсутствии четкой негативной реакции на факт исключения целевых членов семьи ребенка из жизни последнего, поддержке (в том числе, молчаливой) поведения ребенка, отвергающего свою семью, свою семейную историю, свои увлечения, по сути — себя самого.

«Психологическое индуцирование является крайней формой вовлечения ребенка в родительский конфликт, представляет собой яркий пример выраженного негативного влияния родителя-индуктора на психическое состояние и дальнейшее благополучное психологическое развитие несовершеннолетнего, на психическое и соматическое здоровье ребёнка и его нравственное развитие. Это обстоятельство имеет особо важное значение при решении вопросов об определении места жительства ребенка... Ситуацию, при которой ребенок утрачивает позитивное отношение к одному из родителей, а нередко — ко всем родственникам с его стороны, с клинико-психологической точки зрения следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психического (личностного и эмоционального) развития ребенка. Действия, продиктованные негативным отношением ребёнка к одному из родителей, сформировавшимся вследствие психологического

индуцирования, не отвечают его истинным интересам. Целью психологического индуцирования чаще всего является удовлетворение амбиций взрослых, далеких от интересов ребенка» [Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: Сафуанов Ф. С., Калашникова А. С., Переправина Ю. О., Черненко А. Д. — М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, 2020. — 39 с.]

Целью психологического индуцирования чаще всего является удовлетворение амбиций взрослых, далеких от интересов ребенка». Отчуждение семьи влечёт серьёзные психосоциальные нарушения у детей, заболевания психосоматического характера, психические отклонения, подростковые суициды. Переживаемая ребёнком травма расщепления влечёт потерю им личности, семейной и родовой идентичности.

Именно психика детей, прошедших через дисфункциональность и отчуждение собственной семьи, развод, расставание, длительный конфликт и вражду родителей, и становится благодатной почвой для усвоения ребёнком и подростком всех разрушительных идей. В этом случае проще всего усваиваются ложные ценности, ошибочные взгляды, обманчивые постулаты, включая отрицание брака, чайлдфри, трансгендерность, искажённые представления о мужественности и женственности, а в конечном итоге — о плохом и хорошем, о добре и зле. Именно так прокладывается путь, ведущий к размыванию традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В нашей стране отчуждение родителя в подавляющем большинстве случаев направлено против отцов (в силу сложившейся судебной практики по определению места жительства ребенка после развода родителей с матерью). В результате выросли уже целые поколения детей с разными степенями отчуждения от отцов, поколения, не имевшие в детстве и отрочестве необходимого опыта взаимодействия с отцом и практического примера выстраивания внутрисемейных отношений и преодоления внутрисемейных конфликтов, не воспринявших необходимое полоролевые модели поведения. Каждый ребенок, отчужденный от собственного родителя, теряет половину собственного потенциала, отрицает в себе половину собственной вселенной, своих предков, неизбежно теряет собственную идентичность, личность расщепляется. Теряя осознание себя как продолжения собственного отца либо собственной матери, человек теряет и связь со своим родом, своей Родиной, Отечеством. Следом за утратой авторитета родителя, ребенок, как правило, утрачивает и другие авторитеты, включая авторитет Бога, авторитет власти. В той иной степени утрачиваются внутренние ориентиры,

нарушается или разрушается система ценностей. После потери ребенком собственной семейной идентичности, говорить о сохранении или воспитании у него гражданской идентичности уже не приходится. Поэтому отчуждение родителя, потерю ребенком связи со своим отцом, утрату у него авторитета отца мы видим существенными, если не непреодолимым препятствием для воспитания у ребенка гражданской идентичности.

Монородительская материнская семья вкупе с отцовской депривацией становятся питательной средой для целого ряда негативных явлений в жизни ребёнка и общества в целом. Для примера можно вспомнить ижевского, керченского, пермского стрелков, Чикатило, сибирского потрошителя, битцевского маньяка (список можно продолжать бесконечно). Все они — выходцы из монородительских материнских семей. Конечно, из любого правила в жизни находятся исключения, но правило, к сожалению, именно таково.

Как показывают научные исследования последних 30 лет, именно наличие или отсутствие в жизни ребёнка отца оказывает принципиальное влияние на умственные способности детей, на познавательные возможности, мышление, память, внимание, логику, языковое развитие, на мотивацию детей к учёбе, на способность сопереживать другому, на формирование половой идентичности подростков (женственности у девочек и мужественности у мальчиков), на формирование ответственности, этических качеств личности, положительных черт характера, на эмоциональную устойчивость, на последующее профессиональное мастерство и целеустремлённость, на формирование патриотизма.

Вырастая, отчуждённые дети не восстанавливают полноценных отношений с семьёй, испытывают трудности в создании своей собственной семьи, а вступив в брак (в том числе, с тем, кто в своём роду ещё не имел опыта отчуждения), часто не хотят заводить детей либо повторяют судьбу своих родителей, инициируя развод и последующее отчуждение уже собственного ребёнка. Таким образом, речь идёт о трансгенерационной психологической травме. И именно поэтому все указанные негативные явления распространяются сейчас в нашем обществе по экспоненте.

Мы имеем на сегодня запрос от здоровых сил общества и от руководства страны на народосбережение и народодумножение, на формирование национальной идеологии и гражданской идентичности. И этот запрос своим фоном имеет очевидный для всех кризис института семьи, постоянное снижение количества браков, рост количества разводов, снижение коэффициента рождаемости, сокращение численности населения страны, массовую непочтительность молодежи к родителям и старшим, отчуждение родителей (в основном — отцов) и гейткипинг после разводов, прерывание преемственности внутри рода, разрушение связи поколений, связи отцов и детей,

и, в перспективе — разложение и разрушение нации, изменение исторического миропонимания и самосознания нации, трансформацию внутреннего национального кода, полную потерю гражданской общности и гражданской идентичности. Все описанные и сопутствующие им негативные явления взаимосвязаны, взаимно обуславливают друг друга, и стимулируют нарастание друг друга.

Изменившись таким образом и, в конечном итоге, разрушившись внутри, такая нация неизбежно уступит свою историческую территорию другим нациям, сумевшим противостоять указанным тенденциям, сохранившим внутри себя уважение к собственным корням и традициям, своим пращурам, своим отцам и матерям, к институту брака и семьи, осознающих ценность многодетности и иерархического устройства семьи. Только такие нации смогут сформировать собственную гражданскую идентичность и воспитать ее у будущих поколений.

Отчуждение семьи негативно влияет на демографию страны, перспективы народонаселения, создаёт постоянно нарастающую социальную напряжённость, а в целом — угрожает национальной безопасности Российской Федерации.

Очень важно и в России безотлагательно принять меры к профилактике разводов и минимизировать последствия развода родителей для ребёнка, сохранить детям, чья психика и так пострадала от развода их родителей, хотя бы разделённую семью и связь со всеми своими родственниками, помочь им сохранить историю своей семьи и двух родов, её образовавших.

Решение проблемы носит комплексный характер и должно включать в себя обязательное преподавание в школе и ВУЗах спецдисциплин по нравственным основам семьи, а также просвещение всех заинтересованных лиц о многочисленных негативных последствиях разрушения семейных связей ребёнка. Кроме того, развод должен перестать быть легкодоступным и экономически привлекательным. Развестись, если разводятся родители, не должно быть так же легко, как высморкаться. Нужно также помогать родителям, а где-то — и принуждать их договариваться в интересах детей.

Ни у кого не возникает сомнений (и это правильно) в том, что детям с особыми потребностями нужно дополнительное внимание, свои гарантии, средства правовой защиты. Детям сиротам — то же самое... Первых — 730 000. Вторых — около 400 000. Что же мы скажем про 11 000 000 детей, живущих с одним родителем? Хорошо было бы и этой категории социальных сирот получить свою особую заботу со стороны и государства, и общества, и Церкви.

Без принятия экстренных, комплексных, мер механизм преемственности поколений, в основе которого живое, постоянное общение детей со своими родителями, дедушками и бабушками, даже несмотря на развод

родителей, будет разрушен окончательно, а нация наполнится «манкуртами», родстав не помнящими, с утраченной и личностной, и семейной, и родовой, и национально-культурной идентичностью.

В целом, правильным было бы скорректировать вектор семейной политики, сместив его с разделения членов семьи и «заботы» отдельно о женщинах и детях, как это сейчас зачастую практикуется, на заботу о семье как сложной, но единой системе, не выпячивая ни материнство, ни отцовство, и не внедряя в практику чуждый нашим традициям детоцентризм. Поменять вектор действий со стимуляции разделения и отчуждения семьи на тот, который заключается в словах преподобного Сергия игумена Радонежского, всея России Чудотворца: «Любовию и единением спасемся!».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адмакина Т. А.* Проективные маркеры психогенного индуцирования в рисунках детей в ситуации судебной психолого-педагогической экспертизы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 19. — № 2. — С. 373–381.
2. *Бейкер Э. Дж. Л., Файн П. Р.* Воспитание детей после развода. Что делать, если бывший супруг пытается настроить ребенка против вас. — СПб.: ИГ «Весь», 2019. — 256 с.
3. *Борисенко Ю. В., Портнова А. Г.* Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. — 2006. — №3. — С. 122–130.
4. *Боулби Дж.* Привязанность. — М.: Гардарики, 2003. — 447 с.
5. *Ваким Б. Б.* Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть I. [Электронный ресурс] // Психология и право. — 2019. — Том 9. — № 1. — С. 96–110.
6. *Гельмут Ф.* Беды развода и пути их преодоления. В помощь родителям и консультантам по вопросам воспитания. [Электронный ресурс]. — URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/163747-gelmut-figdor-bedy-razvoda-i-puti-ih-preodoleniya-v-pomoshh-roditelyam-i-konsultantam-po.html#text> (дата обращения: 21.02.2024).
7. *Герасименко Т. С.* Экологичный развод: как уберечь ребенка от травмы и выйти из кризиса самому / Татьяна Герасименко. — Ростов н/Д: Феникс, 2021. — 235 с.
8. *Гульдан В. В., Сухотин А. А., Сушкова Е. Ю., Токарева Г. М.* Проблема индуцирования негативного отношения ребенка к одному из родителей в судебных спорах // Вопросы психологии. — 2019. — №3. — С. 41–50.
9. *Дафф Т., Ригон Д.* Счастливые дети разведенных родителей / Т. Дафф, Д. Ригон; пер. с англ. С. Миронов. — 137 с.

10. *Евсеевкова Ю. В.* Система отношений в диаде «отец-ребенок» как фактор развития // Семейная психология и семейная терапия. — 2003. — № 4. — С. 30–48.
11. *Зотова Ю.* Всё дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. — М.: Класс, 2018. — 344 с.
12. *Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. — М.: Форум, 2011. — 112 с.
13. *Клюев С. В.* Отчуждение семьи как актуальная проблема современного общества: психологические и правовые аспекты: сборник трудов конференции. // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 15 нояб. 2022 г.) / редкол.: Н. А. Степанова [и др.]. — Чебоксары: ИД «Среда», 2022. — С. 371–379.
14. Мы любим вас обоих. Материалы первой международной научной конференции по проблеме отчуждения родителя. 28–30 мая 2021 года / отв. ред. В. А. Егоров В. А., науч. ред. Г. Л. Бардиер. — СПб.: Изд-во «Центр содействия образованию», 2021. — 135 с.
15. *Пережогин Л. О., Девятова О. Е.* Диагностика и коррекция психических расстройств, возникающих у несовершеннолетних вследствие семейной депривации. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.otrok.ru/medbook/listpsy/semdepriv.htm> (дата обращения: 24.02.2024).
16. *Русаковская О. А., Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К.* Психологическая адаптация детей после развода родителей в зарубежных исследованиях // Российский психиатрический журнал. — 2011. — № 1. — С. 36–45.
17. *Фурманов И. А.* Психологические последствия насилия над детьми. «Избранные научные труды Белорусского государственного университета». В 7 т. Т. 1. // Педагогика. Психология. Социология. Философия. — Минск.: БГУ, 2001. — С.183–190.
18. *Харитонова Н. К., Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А.* Дети как предмет судебных споров между родителями // Материалы IV Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья». (22–24 сентября 2009 г.) / Под ред. А. А. Северного, Ю. С. Шевченко. — Киров, 2009. — С. 151–152.
19. *Шварц С. Е.* Отсутствующий отец и его влияние на дочь. — СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2021. — 364 с.

Коваленко Доминика Михайловна,
студентка Русской христианской
гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского;
Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена,
доцент Русской христианской
гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского
sa-kotova@yandex.ru

ТРАВМА ОТВЕРЖЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Поднимается проблема обеспечения социальной адаптации младших школьников. Обосновывается необходимость изучения причин повышенной тревожности учащихся начальных классов. Ведущей причиной авторы выдвигают травму социального отвержения, возникающей в условиях семейной системы. Данная травматизация может усугубляться в условиях школы отвержением сверстников и реже со стороны педагога. Подчеркивается необходимость проведения исследования всех компонентов проявлений психотравмы отвержения в начальной школе.

Ключевые слова: отвержение, межличностные отношения, социальная эксклюзия, тревожность, травма, младший школьный возраст, страх, родители.

Kovalenko D. M., Kotova S. A.

REJECTION TRAUMA IN ELEMENTARY SCHOOL CHILDREN

The problem of social adaptation of junior schoolchildren is raised. The necessity of studying the causes of increased anxiety of elementary school students is substantiated. The authors put forward the trauma of social rejection arising in the conditions of the family system as the leading cause. This traumatization can be aggravated in school conditions by peer rejection and less often by a teacher. The necessity of conducting research on all components of manifestations of psycho-trauma of rejection in elementary school is emphasized.

Keywords: rejection, interpersonal relationships, social exclusion, anxiety, trauma, elementary school age, fear, parents.

Травмы становятся обычным явлением современной жизни и развитие детей происходит на фоне или в непосредственно травмоопасной среде. Тревожность, эмоциональная неустойчивость представляют собой одну из первостепенных проблем современной цивилизации, основную характеристику современного социума. В повседневной реальности широко представлен диапазон негативных состояний: тревога, одиночество, обрыв социальных связей и общая разобщенность.

Специалисты считают, что самые глубокие и устойчивые негативные последствия, искажающие долгосрочную перспективу развития, являются следствием травмы от пренебрежительного общения. В соответствии с теорией Вильямса утверждается, что отверженне как социальная эксклюзия приводит к депривации базовых социальных потребностей — потребности в принадлежности и автономии, а также к нарушению социальной идентичности вплоть до невозможности ее формирования [6, с. 40]. Отвержение порождает целый симптомокомплекс проявлений: идентификации со статусом отверженного [5, с. 191], утрату эмпатии, постоянная тревожность, чувство опасности, проблемы с самоконтролем, зависимость, агрессивность [5].

Неприятные события, сложные ситуации неизбежны в жизни каждого человека, но дети сталкиваются с ними чаще, чем взрослые, и очень чутко реагируют на них, что кажется взрослому привычным и естественным, может причинять боль и вызвать беспокойство и страх у детей [14]. По А. К. Дусавицкому тревожность младших школьников проявляется чрезмерным беспокойством, чувством беспомощности, повышенными требованиями к себе, самокритичностью, низкой самооценкой, выраженной потребностью в поощрении и одобрении взрослых. Тревожность является неотъемлемой составляющей психической травмы, в том числе при травме «социального отвержения».

Одной из основных потребностей детского возраста является потребность в общении со взрослым, являющаяся главным источником эмоций ребёнка и тем фактором, который влияет на весь эмоциональный склад личности ребенка (А. В. Запорожец, М. И. Лисина). В конце XX века многие авторы (Д. И. Фельдштейн, Дж. Франкл, Ю. Б. Гипенрейтер и др.) обозначили проблему нарастания утери эмоционального контакта между взрослыми и детьми (Райгородский). Проблема эмоционального отвержения ребенка в семейной системе отмечается в работах Г. В. Бурменской, О. А. Карabanовой, Н. В. Лафицкой., Т. Ю. Садовниковой и др.). оказывает существенное влияние на развитие личности ребенка. О. Н. Истратова, С. К. Нартова-Бочавер, С. А. Котова и другие авторы приходят к выводу о том, что гиперопека, противоречивое и попустительское воспитание, эмоциональное отвержение, недостаток заботы о ребёнке и жестокое обращение с ним способствуют

эмоциональному неблагополучию ребёнка и поведенческим нарушениям, которые могут существенно затруднить процесс социально-психологической адаптации. К последствиям отвержения в детско-родительских отношениях у детей относят эмоциональный дискомфорт, агрессивные формы реагирования на ситуации фрустрации, мотивацию избегания неудач, пониженные показатели познавательного интереса и самооценки.

В этой связи особое значение имеет теория антрополога Рональда Ронера. Первоначально его теория носила название теории родительского принятия-отвержения (Parental acceptance-rejection theory, или PARTheory) и только позднее приобрела вид теории межличностного принятия-отвержения (Interpersonal acceptance-rejection theory, или IPARTheory) [4]. Он пришел к выводу, что восприятие детьми родительского принятия панкультурно (универсально) и связано с психологической адаптацией детей. Исследования проведенные Р. Ронером и сотрудниками его центра показали, что родительское отвержение в детском возрасте имеет серьезные последствия для когнитивного, эмоционального, поведенческого развития детей, функционирования личности во взрослом возрасте. Были выявлены корреляционные связи между родительским принятием — отвержением и такими проявлениями, как депрессия, поведенческие проблемы, в частности, деликventное и аддиктивное поведение (Promoting Psychological Wellbeing 2015). Кросскультурные исследования (220 исследований с участием 33081 респондентов 23 стран пяти континентов) подтверждают, что 60–80% детей, переживающих родительское отвержение, независимо от географического проживания и этнической принадлежности испытывают трудности в будущем (Ali, Rohner, Khaleque).

Н. Т. Колесниковой и Е. В. Хохловой было описано влияние стиля семейного воспитания на эмоциональное расстройство и социальную адаптированность детей. Авторами показано, как различные типы семейного воспитания способствуют формированию низкого уровня социальной адаптированности и высокого уровня напряжения у детей [13]. В. И. Гарбузов полагал, что эмоциональное отвержение ребёнка способствует формированию у него неуверенности в собственной значимости и в своих силах, закрепляет у него комплекс «гадкого утенка», что в дальнейшем затрудняет его коммуникацию со сверстниками и налаживание дружеских отношений.

Однако отвержение встречается не только в детско-родительских отношениях, но и в иных межличностных отношениях, когда один человек или группа, отказывает другому в предоставлении ресурсов социальной поддержки (социальная эксклюзия), что в последствии депривировывает доступ к собственной личности или к групповому единству. В этих случаях отчужденность выступает как инкапсуляция и выражается через характеристики

отстраненности, закрытости и ухода от внешнего мира, через погруженность во внутренние переживания и одиночество [15].

Социальное поражение ребенок очень часто может получить в период школьного опыта. Особенно негативно травма социального отвержения сказывается на детях младшего школьного возраста, так как в этот период происходит закладка основ личности, мировоззрения и рефлексии [5]. С поступлением ребенка в школу его социальная ситуация развития существенно меняется и адаптация к ней оказывает влияние на развитие личности ребенка в целом. Этот этап обычно сопровождается рядом болезненных переживаний. Когда ребенок достигает школьного возраста, у него начинает складываться Эго, усиливаются задачи приспособления к внешнему миру. Дети, получая в школе опыт восприятия большого количества детей разного возраста, начинают ощущать не только свое отличие от других людей, но и активно ищут подобных себе, завязывают дружеские отношения. Травмирующие ситуации в этот временной период нарушают процесс становления идентичности. При этом травмой может стать любой социальный опыт, который был слишком негативным, внезапным, интенсивным. Школа, ученики, преподаватели, новые обязанности и роли создают стресс для ребенка, но успешное прохождение этого кризиса дает возможность двигаться дальше: взрослеть, учиться, взаимодействовать, общаться со своими сверстниками, и закрывать свои потребности в принятии и сопричастности. Если же этого не происходит, если ребенок отвергается и не принимается значимыми для него другими (родителями, педагогами, сверстниками), то логична фрустрация потребностей и дистресс. Явление школьного невроза и его проявлений широко описаны в педиатрии, психиатрии, психологии и педагогике.

Когда школьный коллектив не принимает ребенка, над ним издеваются сверстники, запугивают или игнорируют, или постоянно конфликтуют с ним, тогда у него пропадает интерес к школе, к учению, появляется страх унижения. Ощущение беспомощности и безнадежности в отношении своих проблем вызывает у ребенка чувство страха, тревоги и беспокойства. Младший школьник и даже подросток может чувствовать, что он не способен решить свои проблемы самостоятельно и что он нуждается в помощи. Если он попадает в ситуацию отсутствия поддержки и понимания со стороны взрослых, то у ребенка усиливается чувство страха, тревоги и беспокойства и постепенно они переходят в хроническую форму течения. Ребенок приходит к осознанию, что его не любят и не заботятся о нем, что он одинок и отчужден.

Отвергаемый ребенок переживает фрустрационные состояния, обусловленные блокированием природной потребности в привязанности, принадлежности и любви (К. Хорни, Э. Фромм, А. Маслоу). Эти переживания

обуславливают, в свою очередь, деформации личностного развития [16]. Переживаемые ребенком чувства — отвержения, одиночества, телесного и эмоционального холода, беспомощности, ненужности, обиды, злости и т. д., даже находясь в вытесненном состоянии, составляют ядро представления о себе, других и мире. Входя в Я-концепцию они сохраняются на протяжении всей дальнейшей жизни человека.

Когда происходит травма, психика старается справиться с болью тем, что включает разного рода защитные механизмы психики, в частности, самыми ранними в появлении и поэтому достаточно распространенными механизмами являются отрицание и избегание. Преимущественно эти механизмы включаются бессознательно, так как психотравмированный человек стремится избежать повторения болезненной ситуации и всех чувств, возникших на момент травмы. Отрицание рассматривается как защита от неприятной действительности за счет отказа ребенка от ее реалистического и адекватного восприятия, от осознания собственных проблем. Ребенок может считать, что травмирующее событие случилось не с ним (дереализация и деперсонализация). Избегание проявляется не только в уходе от анализа травмирующей проблемы, но и сопровождается общей пассивностью. Ребенок избегает нового жизненного опыта, который может нести с собой риск, выбирает узкую, но безопасную сферу активности с минимальным количеством интересов, при этом заранее пессимистически настроен в отношении результата своих действий и чрезвычайно сензитивен к критическим замечаниям в свой адрес.

Аварийным механизмом избегания будет отстранение в форме диссоциации. Таким образом ребенок уходит от неприятных переживаний в область фантазии, в социальные сети, и даже во внутрь собственного тела. Последствием сильно выраженной диссоциации выступает идеализация и обесценивание, трансовое состояние, проективная идентификация, деперсонализация, оцепенение, и так далее [6]. Ребенок даже может идентифицироваться с агрессором. В его поведении по отношению к окружающим появляются чувства и качества, которые присущи человеку, проявившему в отношении ребенка агрессию или злоупотребление. Дети, использующие механизм психологической защиты – проекция, обвиняют других в том, что ощущают сами.

Дети, которые считают окружающий мир ненадежным и даже опасным, могут испытывать сильную тревожность и формировать поведенческие модели избегания. Психические травмы развития: психотравма привязанности; психотравма детско-родительских отношений; психотравма детского развития (нет условий для нормального психического развития) по классификации психических травм О. В. Заширинской относятся

к интерперсональным психическим травмам, возникающих в результате отношений между людьми [4].

Важным признаком ранней детской травматизации является неспособность к скорби, в ситуации когда у ребёнка еще не было опыта взаимодействия с эмпатическим объектом, или этот опыт был неадекватным. В то же время еще Анна Фрейд, первый исследователь детской психологической защиты, подчеркивала оберегающий характер психологической защиты, указывала, что она предотвращают дезорганизацию и распад поведения, поддерживают нормальный психический статус личности [18].

Смежной с социальным поражением выступает ментальное поражение. Ehlers et al. (1998) предложили рассматривать ментальные поражения как существенное измерение психологической травмы, причиняемой другими людьми. Ментальное поражение есть результат воспринимаемой человеком угрозы своей психологической связности и целостности, угрозы восприятия себя как автономного существа. Как следствие, человек переживает чувства отчуждения от других людей, утраты свободной воли, отказывается прилагать какие-либо усилия, направленные на удержание своей идентичности [19]. Негативный опыт социального отвержения часто приводит к развитию метального поражения уже в младшем школьном возрасте.

На настоящий период одной из актуальных проблем, стоящих перед педагогом-психологом, является проблема адекватной постановки заключения об уровне как общего развития личности, так и развития отдельных личностных свойств и состояний. В связи с этим немаловажное практическое значение приобретает проблема ранней диагностики и исследования социального отвержения, понимаемого как травма-ситуация, и диагностики психоэмоционального состояния ребенка, включая тревогу, на фоне адаптации к школе и миру в целом.

Смягчающим фактором проблемы социальной адаптации в школе является то, что в данном возрасте тревожность, замкнутость, низкая самооценка легко поддаются коррекции, поскольку в данном возрасте следует проводить профилактику и коррекцию любой детской психической травмы. При создании благоприятных социальных и психолого-педагогических условий эта проблема может быть скорректирована. К данным условиям относится и работа по созданию специальных комплексных программ, реализующих работу как на уровне семьи, так и на уровне класса, школы, где присутствует открытость и выборность.

Целью планируемого исследования выступает коррекция личностной тревожности младших школьников в условиях общеобразовательной школы. Вторичными целями выступает повышение сплоченности учебной группы - класса за счет профилактики отвержения среди обучающихся.

Основными задачами работы являются:

1. Провести анализ теоретических подходов к пониманию психической травмы, в том числе детской травмы.
2. Изучить феномен тревожности и личностной тревожности в детском возрасте, в частности в период адаптации к условиям школьного обучения.
3. Изучить феномен тревожности и личностной тревожности при психической травме развития.
5. Изучить взаимосвязь тревожности, травмы привязанности и самооценки младшего школьника.
6. Разработать программу коррекции личностной тревожности младших школьников.

Гипотезы исследования: мы предполагаем, что:

1. Наличие травмы нарушения привязанности между родителем и ребенком влияет на личностную тревожность ребенка.
2. На личностную тревожность ребенка младшего школьного возраста влияет наличие и степень травмы развития.
3. Риск проявления личностной тревожности в младшем школьном возрасте возрастает при отсутствии специальной психологической поддержки.
4. На процесс адаптации к школьному обучению будет влиять опыт ранней травматизации ребенка.
5. Повышение адаптационного ресурса младшего школьника может быть обеспечено целенаправленной коррекцией и профилактикой отклонений его психического состояния, включая проработку детских травм и повышение самооценки.
6. Коррекция личностной тревожности предположительно должна включать в себя коррекцию травмы развития и травмы привязанности.
7. Коррекция личностной тревожности легче осуществляется методами арт-терапии, которая предоставляет способы выражения травматического события посредством творческой продукции с приобретением нового опыта с другими, что дает возможность сделать гибче тип привязанности на надёжный.

В диагностический комплекс нашего исследования входят следующие блоки:

- 1 блок — изучение степени адаптации к школьному обучению, уровня и проявления тревожности и травматизации младших школьников.
- 2 блок — изучение опыта работы педагога-психолога школы с проблемой тревожности младших школьников разных классов.
- 3 блок — изучение потребностей учителей начальных классов и родителей воспитанников в психокоррекционной работе с тревожностью младших школьников.

Проведение исследования позволит не только выявить особенности тревожности младших школьников, определить актуальные мишени психологической помощи ребенку, а также с помощью целенаправленно разработанной коррекционной программы понизить уровень коллективной тревожности у младших школьников в настоящем и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурменская Г. В. Принятие-отвержение как фактор детско-родительских и сиблинговых взаимоотношений в детстве и взрослости // Мир психологии. — 2018. — № 1 (93). — С. 108–126.
2. Гарбузов В. И. Воспитание ребёнка в семье. Советы психотерапевта / В. И. Гарбузов. — М.: Каро, 2015. — 296 с.
3. Ермилова В. П. Психологические средства, способствующие изменению статуса «отверженный» // Вестник Тамбовского университета. — 2007. — № 4 (48). — С. 190–193.
4. Защирина О. В., Чернякова Т. А. Теория привязанности в контексте психотравматизации ребенка // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде: сборник научных трудов / под ред. О. В. Защириной. — СПб.: АНО «София», 2020. — С. 32–51.
5. Истратова О. Н. Развитие младшего школьника в условиях эмоционального отвержения его родителями. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mladshego-shkolnika-v-usloviyah-emotsionalnogo-otverzheniya-ego-roditelyami/viewer> (дата обращения: 12.05.2024).
6. Калишед Д. Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личного духа. — М.: Академический Проект, 2007. — 365 с.
7. Котова С. А. Проблема отвержения и отчужденности в среде младших школьников // Актуальные вопросы изучения травматического стресса и психотравмы в социальной и образовательной среде / Сб. под ред. О. В. Защириной. — СПб.: АНО «София», 2020. — С. 52–66.
8. Котова С. А. Работа психолога с тревожными детьми в начальной школе // Материалы съезда Российского психологического общества / сост. Л. В. Артищева; под ред. А. О. Прохорова и др. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. — Т. 1. — С. 209–211.
9. Котова С. А., Белоусова М. В. Проявление социальной тревожности и страхов у первоклассников // Материалы X Российского форума с междун. уч. «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения», 10–11 сентября 2018 г. — СПб., 2018. — С. 86–91.

10. Котова С. А., Заширинская О. В. Особенности межличностных отношений первоклассников // Сб. мат-ов XI Российского Форума с междуна. уч. «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения», 27–28 сентября 2019 года. — СПб., 2019. — С. 71–77.
11. Котова С. А., Игнашева Н. В. Агрессивные проявления в поведении младших школьников // Материалы X Российского форума с междуна. уч. «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения», 10–11 сентября 2018 г. — СПб., 2018. — С. 80–86.
12. Котова С. А., Самойлюк О. В. Психологическое сопровождение учащихся первых классов: проблемы и новые подходы // Вестник практической психологии образования. — № 3, — 2017. — С. 77–82.
13. Кузьмишина Т. Л. Стили семейного воспитания: отечественная и зарубежная классификация / Т. Л. Кузьмишина, Е. С. Амелина, А. А. Пермякова, Е. А. Хохлова // Современная зарубежная психология. — 2014. — №1. — С. 16–25.
14. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. — СПб.: Речь, 2000. — 507 с
15. Семенова Г. В., Кичигина О. А. Отвержение как форма социальной эксклюзии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 102–110.
16. Суворова И. Ю. Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии // Социальная психология и общество. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 34–55.
17. Юнг К. Г. Практика психотерапии. — М.: Университетская книга. — АСТ, 1998. — 146 с.
18. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 144 с.
19. Ehlers A. Predicting the response to exposure treatment in PTSD: The role of mental defeat and alienation / A. Ehlers, D. M. Clark, E. B. Dunmore et al. // Journal of Traumatic Stress. — 1998. — Vol. 11. — P. 457–471.

Паширова Екатерина Сергеевна,
магистрант кафедры психотавматологии
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
pashirova00@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЫТА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЛИЦАМ С ПСИХОТРАВМОЙ У ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ

В статье представлены различные теоретические и практические аспекты изучения темы «последствия опыта преодоления эмоционального присоединения к лицам с психотравмой у психологов консультантов». Вопрос актуализации психотравмы в обществе влияет на развитие случаев правильной диагностики и оказанию квалифицированной помощи. И вместе с тем все большее число психологов сталкиваются со случаями психотравмы, которые неизбежно меняют процесс консультирования и могут сказываться на состоянии психолога. С целью изучения данного феномена был подобран диагностический комплекс выпускной квалификационной работы, в котором рассматривались критерии, описывающие последствия опыта преодоления эмоционального присоединения к лицам с психотравмой.

Ключевые слова: психическая травма, генезис психотравмы, процесс психотравматизации, техники самопомощи, направления психологического консультирования, психолог-консультант, эмоциональное выгорание.

Pashirova E. S.

THE CONSEQUENCES OF THE EXPERIENCE OF OVERCOMING EMOTIONAL ATTACHMENT TO PERSONS WITH PSYCHOTRAUMA FROM COUNSELING PSYCHOLOGIST

The article presents various theoretical and practical aspects of studying the topic “the consequences of the experience of overcoming emotional attachment to persons with psychotrauma in counseling psychologists”. The issue of actualization of psychotrauma in society affects the development of cases of correct diagnosis and provision of qualified assistance. And at the same time, an increasing number

of psychologists are faced with cases of psychotrauma, which inevitably change the counseling process and can affect the state of the psychologist. In order to study this phenomenon, a diagnostic complex of the final qualification work was selected, which considered criteria describing the consequences of the experience of overcoming emotional attachment to persons with psychotrauma.

Keywords: mental trauma, the genesis of psychotrauma, the process of psychotraumatization, self-help techniques, areas of psychological counseling, psychological consultant, emotional burnout.

При преодолении последствий опыта эмоционального присоединения к лицам с психотравмой психологи-консультанты часто сталкиваются с субъективными ограничениями, личностными особенностями, неосознаваемыми эмоциональными реакциями, повышением риска выгорания. Сильное эмоциональное присоединение [1, с. 71] к лицам с психотравмой зачастую оказывает влияние [2, с. 32–34] не только на профессиональную практику, но и на личную сферу жизни психолога-консультанта. Для исследования опыта консультантов по переработке последствий работы с крайне напряженными эмоциональными состояниями клиентов с психической травмой в рамках магистерского исследования был разработан диагностический комплекс.

В соответствии с сформулированными целью и задачами исследования в программу диагностического комплекса констатирующего этапа исследования вошли следующие методики:

1. «Шкала профессиональных жизненных качеств» (PROQOL; 2009)
2. Опросник профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой)
3. «Шкала учета реакций после нагрузок» (PTSS-10; “Posttraumatic symptom scale 10 item”)
4. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (WCQ)
5. Модифицированный (для психологов) опросник «Шкала MBI-HSS»

Диагностический комплекс был подобран из потребностей изучения основных факторов, которые приводят к выгоранию или снижению эффективности работы на короткий срок, но сказываются в долгосрочной перспективе.

Исследование проводилось в один этап и показало особенности выборки среди числа начинающих специалистов, чья практика составляет до 5 лет консультирования (58,3% респондентов), и более опытные коллеги со стажем более 10 лет (соотношение респондентов примерно равное). Всего было опрошено 30 специалистов, средний возраст опрашиваемых около 40 лет. Опрос проводился на базе информационно-консультационного центра «Психометрика» г. Санкт-Петербург

Рассмотрим результаты по первой методике — опросник «Шкала профессиональных жизненных качеств» (PROQOL; автор Б. Хандэлл Стамм, 2009). Данный тест позволяет быстро определить ключевые для анализа характеристики, которые показательны для результатов исследования и являются более точечными в том смысле, что акцент ставится на особенность сострадания и влияние проявления эмпатии как травмафактора при консультировании клиентов с психотравмой. Опросник, включающий 30 вопросов, позволяет определить 3 значимых диагностических аспекта, а именно: выгорание, усталость от сострадания и удовлетворенность состраданием.

Показатель удовлетворенность состраданием у респондентов оказался на уровне 37 баллов (выше среднего). В значении до 40 баллов специалисты ощущают удовлетворение и вовлечение на работе, их общий фон говорит о позитивной динамике. Однако имеет место быть некоторый индивидуальный дефицит, то есть участники исследования могут испытывать трудности в работе, возможно, требуется восполнять ощущение неудовлетворенности через иные варианты: организацию свободного времени в течение рабочего дня, откорректировать режим отдыха, дополнить отношения с коллегами качественным досугом и т. д.

Важным показателем является сгорание. С исследовательской точки зрения сгорание является одним из элементов усталости от сострадания [3, с. 90]. Оно ассоциируется с чувством безнадежности и трудностями, связанными с выполнением работы или эффективности ее выполнения. Оценка данного критерия является субъективной, поскольку каждый специалист определяет для себя лично степень усталости и момент выгорания. По результатам исследования получен показатель сгорания ниже среднего (19 баллов). Важно, что он не минимальный и говорит о том, что специалисты сталкиваются со сгоранием в ходе работы, но оценивают его весьма незначительно и считают, что эффективно его преодолевают. Полученное значение не позволяет утверждать, что в значительной степени сгорание оказывает влияние на процесс консультирования, так как оценка его степени носит субъективный характер и возможно ориентирована на социально поддерживаемую оценку.

Еще один показатель — вторичный травматичный стресс. Специалисты, которые сталкиваются в работе с экстремально травматичными опытами клиентов в ходе консультирования, могут быть подвержены этому влиянию. В случае показателей до 22 баллов работник вовлекается экологично и безопасно для себя в тяжелую ситуацию клиента, то есть не происходит чрезмерного включения в психотравму, что наиболее важно для исследуемой выборки. В ходе опроса респондентов мы получили 19 баллов. Это значит, что психологи способны держать дистанцию с переживаниями клиента,

что предположительно помогает сохранить благоприятное состояние психики при консультировании и минимизировать риски эмоционального выгорания.

Второй используемой диагностической методикой стал опросник профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой), в российской версии — «Профессиональное выгорание» (ПВ). Данная методика предназначена для измерения основных показателей синдрома профессионального выгорания (перегорания): эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений. Значимость проведения данного опроса для исследования велика, так как на основе его возможно сделать вывод о том, как уровень усталости от сострадания способствует общему фону специалиста, и насколько имеет место быть выражен процесс эмоционального выгорания. По результатам сбора данных по опроснику профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) были получены следующие результаты, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты опросника «Профессиональное выгорание», в баллах

Показатель	Результаты	Нормативный показатель
Психоэмоциональное истощение	34	31-40 высокий уровень
Деперсонализация (личностное отдаление)	9	6-11 низкое значение
Редукция личных достижений (профессиональная мотивация)	37	29-38 высокое значение
Психическое выгорание	80	76-101 высокое значение

Результаты опросника профессионального выгорания показывают высокий уровень проявления выгорания [4, с. 3], особенно по параметрам «истощение» и «редукция профессиональной мотивации на достижения».

В диагностический комплекс исследования была включена «Шкала учета реакций после нагрузок» (PTSS-10; «Posttraumatic symptom scale 10 item»), авторы В. Шюффель, Б. Шад, Т. Шанк (модификация О. В. Заширинская). Данная шкала позволяет диагностировать выраженность патопсихологической симптоматики. В рамках проводимого исследования важно было рассмотреть ключевые характеристики посттравматического стрессового расстройства, и имеют ли они место быть у психологов, в частности,

показателями являются систематическое повторное проживание травмы посредством произвольных воспоминаний (flashback), ночные кошмары, апатия, дереализация, деперсонализация, безразличие себе, людям и миру, избегание действий и ситуаций, которые потенциально могут быть ретравматизирующими, возвращающими к травме. Тестирование проводится быстро, комфортно и показывает посттравматические симптомы, если они имеют место быть. Полученные в исследовании результаты в значении 20 баллов свидетельствуют о наличии признаков психотравматизации средней степени выраженности. В данном случае показатель не высокий, однако авторы шкалы при таких результатах уже рекомендуют обратиться к специалисту за психологической помощью.

Исходя из задач исследования было важным изучить реакции психологов на стресс и определить их копинговые стратегии [5] с помощью классического опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (WCQ). Опросник позволяет исследовать особенности поведения человека в проблемных и трудных для личности ситуациях, выявить факторы риска психической дезадаптации в стрессовых условиях. Данный опросник считается первой стандартной методикой в области измерения копинга. В рамках текущего исследования крайне изучение формы совладания с проблемой важно для последующего построения поддерживающей программы и эффективного подбора техник самопомощи.

Проявление профессионального выгорания результатам сбора данных по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса были получены следующие результаты относительно шкалы, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2. Профиль совладающего поведения психологов-консультантов, в баллах

Показатель	Результат	Нормативная оценка
Конфронтационный копинг	14	13-18 — высокая выраженность копинга
Дистанцирование	14	13-18 – высокая выраженность копинга
Самоконтроль	22	13-18 — высокая выраженность копинга
Поиск социальной поддержки	19	13-18 — высокая выраженность копинга
Принятие ответственности	7	13-18 — высокая выраженность копинга

Показатель	Результат	Нормативная оценка
Бегство, избегание	19	7-12 — средний уровень адаптационный потенциал личности в пограничном состоянии.
Планирование решения проблемы	19	13-18 — высокая выраженность копинга
Положительная переоценка	24	13-18 — высокая выраженность копинга
Средний показатель	17, 25	высокая выраженность копинга

По результатам исследования оказалось, что среди психологов-консультантов отмечается высокий уровень проявления копинга, при этом актуальны рациональные выходы из проблемы, такие как: планирование решения проблемы, принятие ответственности и положительная переоценка.

В исследовании также использовалась принципиально новая авторская методика — «Модифицированный (для психологов) опросник «Шкала MBI-HSS». Тест направлен на исследование степени эмоционального выгорания специалиста при консультировании клиентов с психической травмой и оценки способов, которыми психолог справляется с дополнительным стрессом, если он возникает: берет ли дополнительную супервизию, если ее посещает, дополнительный выходной, просматривает литературу по случаю клиента и т. д.

В ходе проведения исследования было выявлено ряд факторов, которые имеют практическое значение. Специалисты оценивают значимость сопереживания при консультировании лица с психотравмой на среднем уровне, примерно половина опрошенных считает, что лицам с психотравмой нужно уделять больше внимания, чем другим клиентам (у респондентов — значение 3 при диапазоне оценок от 0 до 6).

Переключение после консультации клиента с психотравмой происходит у специалистов без большого труда, однако занимает некоторое время. При этом почти половина опрошенных (45,5 %) сообщили, что им не требуется дополнительный отдых.

Техники самопомощи оцениваются специалистами не как основной, но скорее, как вспомогательный инструмент, к нам прибегают 60% опрошенных. Психологи называли такие способы самопомощи как: медитация, личная терапия, спорт, дополнительный отдых, физические кардионагрузки в циклических видах спорта, ДПДГ стандартный протокол, дыхание,

аффирмации на самоуспокоение и т. д. Далее проводилось исследование на оценку эффективности техник самопомощи, наиболее положительный отклик вызвали: спорт и чтение дополнительной литературы. Оценка эффективности на 20 % выше, чем частота их использования. Респонденты считают, что дополнительная личная терапия им практически не требуется, активизация психотравм психолога также не происходит или очень редко.

Среди опрошенных 90% процентов посещали супервизию и 45% опрошенных делают это регулярно и находят супервизию действенным средством, однако запрос на дополнительную сессию после консультирования клиента с психотравмой случается не часто (диапазон ответов расположен в значениях от 0 до 3 по шкале частоты от 0 до 6). Известно, что качество супервизии зависит от профессионализма ведущего специалиста и готовности обращающегося. Среди опрошенных 45% ответили, что супервизии не достаточно для профилактики профдеформации и выгорания.

В завершении опросника была собрана информация о том, какие краткосрочные семинары повышения квалификации актуальны для психологов-консультантов или предложить свои варианты. Участниками были выбраны темы: «Особенности применения техник самопомощи в работе с клиентом с выраженной психотравмой» и «Методы совладения с активизацией собственной психотравмы в ходе работы с клиентом».

Исходя из полученных в ходе исследования данных, видно, что особенности реагирования и опыта преодоления эмоционального присоединения обусловлены не только стажем работы, но и другими факторами: личностными особенностями, общим состоянием, степенью выгорания и т. д. В целом психологи-консультанты демонстрируют высокую способность совладания и профилактики эмоционального выгорания [6]. Но анализ общего массива данных показывает противоречивость ответов и свидетельствует о наличии стремления специалистов к минимизации оценки процессов деформации. Высокий уровень проявления компинга по целому ряду параметров убедительно говорит о необходимости поиска дополнительных условий профилактики и коррекции профессиональной деформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникова О. О. Основы психологического консультирования: учеб. пособие. — М.: Вузовский учебник, 2018. — 414 с.
2. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. — СПб: Питер, 2004. — 154 с.
3. Гринберг Дж. Управление стрессом / Дж. Гринберг. — М.; СПб., 2022. — 256 с.

4. *Степанова Л. В.* К вопросу об «усталости от сострадания» и эмоционального выгорания: или почему нужна помощь помогающим? / Л. В. Степанова. — М.: Диалог, 2021. — 18 с.
5. *Ayalon A., Shacham A.* Helping the Helpers: Teaching the salutogenic approach to colleagues coping with war trauma // Children under Emergency and Stress: Characteristics and Psychological Interventions; eds. A Kligman, A. Raviv, B. Stein. — Jerusalem, Ministry of Education, Service for Psychology and Counseling, 2000.
6. *Brindley P. G.* Psychological burnout and the intensive care practitioner: A practical and candid review for those who care // J Intensive Care Soc. — 2017. — Vol. 18 (4). — P. 270–275.

УДК 159.9

Сухобоченкова Ольга Владимировна,
магистр Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского;
Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена,
доцент Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
sa-kotova@yandex.ru

ПЕРЕЖИВАНИЕ РЕБЕНКОМ УТРАТЫ ПИТОМЦА

Статья рассматривает один из малоизученных аспектов психологии утраты, а именно утрату домашнего питомца. Показано, что утрата питомца часто приравнивается по силе воздействия к утрате близкого человека. Дети тяжело переживают утрату домашнего питомца. В силу возрастных ограничений самостоятельно переработать горе они не могут. В статье описан диапазон эмоциональных состояний и расстройств последующих за травмой утраты. Описано построение исследования переживания ребенком утраты питомца, представлен авторский диагностический комплекс.

Ключевые слова: утрата, переживание, совладание, дети, домашнее животное.

Sukhobochenkova O. V., Kotova S. A.

A CHILD'S EXPERIENCE OF THE LOSS OF A PET

The article examines one of the little-studied aspects of the psychology of loss, namely the loss of a pet. It has been shown that the loss of a pet is often equivalent in impact to the loss of a loved one. Children have a hard time coping with the loss of a pet. Due to age restrictions, they cannot process grief on their own. The article describes the range of emotional states and disorders subsequent to the trauma of loss. The structure of a study of a child's experience of the loss of a pet is described, and the author's diagnostic complex is presented.

Keywords: loss, experience, coping, children, pet.

Социально-психологическая значимость домашних животных в последние десятилетия резко возросла. По данным всероссийского исследования Левады-центра, проведенного в ноябре 2023 года более половины россиян держат домашних животных, только четверть никогда не имели питомцев [6]. Раньше животных содержали для питания, охраны, то теперь получили распространение животные, приобретаемые для развлечений и подчеркивания социального статуса. Диапазон животных, содержащихся в домашних условиях, существенно расширился, среди них появилось много экзотических [9]. Практически все владельцы домашних животных считают их полноправными членами своей семьи (97% по группе), по сравнению с 2014 годом эта доля увеличилась на 6 пп. [6]. Домашние питомцы помогают удовлетворить недостающие потребности в заботе и опеке, безопасно выразить глубокие чувства, рядом с ними мы чувствуем себя более сильными. Животные все чаще становятся заменой отсутствующим или не сложившимся отношениям с другим человеком. «Нам нравится общение с домашними животными потому, что оно эмоционально безопасно для нас, предсказуемо и понятно. Наши питомцы нас никогда не оценивают, не критикуют, они любят и принимают нас такими, какие мы есть, что называется, безусловно (а этого нам очень не хватает). Такое комфортное и безопасное общение довольно часто невозможно во взаимодействии даже с самыми близкими людьми» [4].

Домашних питомцев активно включают в ход семейной жизни. «Даже само их наличие часто свидетельствует о нехватке эмоциональной связи в семье. Замечено, что довольно часто домашние питомцы появляются в семье в особые периоды её развития: во время беременности жены, сразу после рождения ребёнка, когда ребёнку исполняется год, около трёх, семи, 13–15 лет. В эти периоды в семейной системе возрастает уровень напряжения, «семейной тревоги», так как возникает необходимость в перестройке взаимоотношений, в нахождении оптимальных эмоциональных дистанций между членами семьи. Животное помогает снизить эту самую тревогу, но задача перестройки отношений в связи с возникшими изменениями в семье так и не решается» — отмечает Е. Ю. Федорович [2; 7]. Те или иные члены семьи выстраивают с животным особые, личные отношения как некий прототип желаемого.

Анализируя включение питомца в семейную структуру, А. Я. Варга и Е. Ю. Федорович отмечают следующий диапазон выполняемых им функциональных ролей:

- агент сепарации молодого человека от родительской семьи;
- триангулированный член семьи, позволяющий снизить тревогу в супружеской диаде;
- замещающий элемент системы при изменении семейной структуры [2].

При этом она высказывает предположение, что включение ДП в семью для поддержания ее гомеостаза свойственно дисфункциональным семьям и носит компенсаторный характер.

Домашние животные незаменимы в воспитании детей, их наличие в доме положительно сказывается на детях. С помощью домашнего питомца дети учатся заботиться и нести ответственность за себя и другого. Ребёнок с трудностями концентрации и запоминания, в присутствии питомца легче справляется с учебными заданиями. Домашние питомцы помогают ребенку почувствовать себя уверенно в коллективе и приобрести настоящих друзей.

«Дети считают домашних любимцев друзьями, разговаривают с ними и доверяют свои секреты. Вместе радуются и печалются, поддерживают друг друга в различных жизненных ситуациях. Присутствие домашнего любимца помогает избавиться от страхов и не дает им перерасти в фобию. Благодаря животным дети быстро забывают о своих проблемах и неприятностях, обретают душевное равновесие. Домашние животные помогают многим детям в жизни, в спорте, в учебе, помогают в становлении и формировании характера, воспитанию многих качеств: ответственности, сердечности, любви, сострадания» — отмечает К.В. Мещеряков [5, с. 38].

Жизнь домашнего питомца непродолжительна, поэтому все владельцы животных сталкиваются с ситуацией утраты. Смерть домашнего любимца может вызвать состояние горя по интенсивности превышающее переживание потери родственника. Утрата становится особенно травмирующей в случае, когда животное признавалось членом семьи.

Проблема переживания потери, утраты близкого одна из наиболее актуальных проблем современной жизни. Ученые активно исследуют психологию переживания утраты (Э. Линдемманн, В. Ворден, Ж. В. Лурье, Р. Моуди, С. А. Шефов, С. В. Уманский и др.), психотравму утраты (З. Фрейд, В. Вильям, И. В. Никольская, Ф. Е. Василюк, А. В. Андрющенко и др.), влияние утраты на последующую жизнь человека (З. Фрейд, Дж. Боулби, В. Франкл, И. Ялом и др.). Работ, посвященных детской утрате, тому, как дети переживают смерть и как взрослые реагируют на то, как ребенок переживает смерть, крайне мало. Исследования переживания утраты домашнего питомца ребенком практически отсутствуют. Тем не менее, утрата любимого питомца для ребенка не менее значима, чем потеря родного и близкого человека. Чем сильнее привязанность ребенка к питомцу, тем выше значимость его утраты.

Длительное переживание утраты негативно сказывается на психоэмоциональном статусе. Часто ребенок полностью замыкается от внешней среды, погружаясь в своё страдание и в воспоминания о том, как они проводили время с питомцем [1].

Ученые из центра геномной медицины Массачусетской больницы общего профиля (США) установили, что смерть домашнего питомца может вызвать у детей глубокое и продолжительное горе, которое может привести к выраженным проблемам психического здоровья и даже психосоматическим нарушениям. Проанализировав данные об опыте владения домашними животными и их потере у 6260 детей в диапазоне от 3 до 8 лет исследователи обнаружили связь между смертью питомца и проявлением симптомов психопатологий в детстве. Учёные также выяснили, что психопатологии после смерти питомца более выражены у мальчиков, чем у девочек, и не зависят от того, когда именно произошла смерть животного. Кэтрин Кроуфорд, руководитель исследования, приходит к выводу о том, что прочные связи между детьми и домашними животными формируются ещё в раннем возрасте и влияют на ребенка на протяжении всего его развития [11].

При утрате у детей медиками фиксируется широкий диапазон проявления эмоций, чувств и телесных ощущений:

- от грусти до уныния и отчаяния;
- от легкой усталости до ощущения полного бессилия и апатии;
- от раздражения до злости и гнева (на себя, на близких, на персонал вет. клиники);
- от легкого сожаления до интенсивного чувства вины (за то, что было сделано, по вашему мнению, не так) ;
- от растерянности до оцепенения и шока;
- от скучания до чувства одиночества и изолированности;
- от облегчения до радости (если питомец долго страдал);
- от легкой тревожности (например, за состояние других питомцев) до предпанических и панических состояний (могут сопровождаться головокружением, расфокусированием зрения, тошнотой, дрожью, учащенным сердцебиением и дыханием, болезненными ощущениями (чаще в груди, горле и голове), усиленным потоотделением, ощущением оглушённости и нереальности происходящего);
- от легкого беспокойства до страха (в т. ч. страха собственной смерти);
- от ночных кошмаров до флешбэков (болезненное переживания прошлого опыта).

Специалисты отмечают, что дети разного возраста реагируют на ситуацию утраты по-разному [3; 8]. Для детей младшего возраста в ситуации с осложненным горем будут в большей степени характерны проблемы, связанные с привязанностью и различными страхами (например, страх спать в одиночестве, страх оставаться одному и т. д.), а также повторяющиеся игры и регрессия. У подростков переживание осложненного горя может изменить их взгляды на будущее (например, неспособность ставить цели),

на семейные отношения или проявиться в рискованном поведении, включая аутоагрессию, несчастные случаи и суицидальные идеи [10].

Переживание горя происходит по определенному алгоритму:

1 стадия — отрицание. Ребенок не верит в то, что произошла утрата и картина мира изменилась. Ребенок надеется на «чудесное восстановление», возрождение утраченного, возвращение к прежней жизни, и не видит перспективы вхождения в будущем новую жизнь.

2 стадия — стадия обиды. Идет переживание нестерпимого чувства разрушения своего мира и мира внешнего, переживание катастрофы. Часто возникает состояние «замирания».

3 стадия — агрессия. Энергия, бессильный гнев направляется на то (на тех) кто «виноват». Это яркая и последняя попытка силой гнева вернуть утраченное.

4 стадия — стадия выхода из кризисной ситуации, связана с построением новой картины мира и планов на будущее. Это проработка утраты, когда все хорошее, что было связано с ушедшим, остается как светлая память, воспоминание, которые постепенно превращаются в ресурс для новой жизни.

Ребенок в силу своих возрастных особенностей и при дефиците семейных ресурсов может застревать на той или иной стадии переживания горя. Процесс приспособления, выработки новой картины мира может оказаться прерван. Перед взрослыми встает задача — найти ресурсы для поддержки ребенка, помочь ему встретиться с опытом горя и опытом потери и в осознанном состоянии пройти через этот процесс.

Поэтому целью исследования стало определение особенностей реагирования младшими подростками на ситуацию утраты любимого питомца.

Задачи исследования:

- 1) на основании изучения психологической литературы дать психологическую характеристику реакции ребенка на утрату;
- 2) спланировать и провести эмпирическое исследование для установления специфики реагирования подростка на утрату любимого питомца;

Предполагается, что потеря любимого питомца неблагоприятно влияет на психоэмоциональное состояние младших подростков и приводит к наличию признаков травматического стресса. В силу возраста у них может отмечаться нарушение прохождения стадий горевания и фиксироваться некомпенсированная травма утраты.

Поскольку утрата происходит в семейной системе в диагностический комплекс мы включили 2 блока исследования.

Диагностический комплекс для детей:

1. Проективный рисуночный тест «Розовый куст»;
2. Модифицированная методика «Неоконченные предложения»;

3. Проективная методика «Письмо любимому питомцу»;
4. Методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана в адаптации Н. А. Сирота (1994), В. М. Ялтонский (1995).
Диагностический комплекс для родителей:
1. Эссе-воспоминание о жизни питомца в семье;
2. Модификация методики Н. В. Тарабриной «Текущая реакция на травматический стресс у детей».

Важно, чтобы родители, педагоги и психологи признавали и серьезно относились к краткосрочным и долгосрочным психологическим реакциям детей на смерть домашнего питомца. Взрослым нужно обращать внимание на то, как ребенок себя чувствует, что может быть признаком тяжелого чувства горя, что может быть опасным для его психоэмоционального состояния и здоровья. Планируемое исследование может дать новые данные о характере эмоциональных переживаний утраты в подростковом возрасте и на их основе планировать эффективную стратегию и тактику интервенции в ситуации утраты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баканова А. А.* Детское горе: теоретическая концептуализация проблемы // Консультативная психология и психотерапия. — 2023. — Т. 31. — № 3. — С. 28–46.
2. *Варга А. Я., Федорович Е. Ю.* Участие домашнего питомца в жизненном цикле семейной системы // Вопросы психологии. — 2010. — № 1. — С. 56–65.
3. *Гаврилова Т. А.* Проблема детского понимания смерти // Психологическая наука и образование. — 2009. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2009/4/Gavrilova.phtml> (дата обращения: 07.05.2024).
4. *Калараш М. И.* «Зверьё моё» или какую роль в семейной системе играют домашние любимцы. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.b17.ru/article/274206/> (дата обращения: 07.05.2024).
5. *Мещеряков К. В.* Роль животных в жизни людей. Влияние домашних животных на формирование характера ребенка // Юный ученый. — 2016. — № 1.1 (4.1). — С. 38–39.
6. Сайт Левада-центр. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.levada.ru/2024/01/19/rossiyane-o-soderzhanii-domashnih-zhivotnyh/> (дата обращения: 21.05.2024).
7. *Федорович Е. Ю., Варга А. Я., Митина О. В.* Появление домашних питомцев в семье в зависимости от возраста детей // Вестник Московского университета. — Серия 14: Психология. — 2015. — № 2. — С. 77–92.

8. Юницкий В. А. Психология детской потери (обзор зарубежных исследований) // Вестник Московского университета. — Серия 14 «Психология». — 1991. — № 2. — С. 49–61.
9. Bernstein P. L. The human-cat relationship // The welfare of cats. Ed. by I. Rochlitz. Springer. — 2005. — P. 47–89.
10. Dyregrov A., Dyregrov K. Complicated grief in children — the Perspectives of experienced professionals // Omega. Journal of Death and Dying. — 2013. — Vol. 67 (3). — P. 291–303.
11. Crawford K. M., Zhu, Y., Davis K. A. et al. The mental health effects of pet death during childhood: is it better to have loved and lost than never to have loved at all?. Eur Child Adolesc Psychiatry 30, 1547–1558 (2021). [Электронный ресурс]. — <https://doi.org/10.1007/s00787-020-01594-5> (дата обращения 13.06.2024).

Тёмкина Алена Сергеевна,
студентка Русской христианской
гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
insomnia-13@yandex.ru

ПРОБЛЕМА АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена проблеме становления личности в подростковом возрасте. Подробно рассматривается такая форма дезадаптации как аутоагрессивное поведение подростков. Автор исследует причины и основные аспекты проявления аутоагрессии в подростковом возрасте. Описаны современные методы диагностики проявлений аутоагрессивного поведения, представлен диагностический комплекс исследования. Автор статьи показывает важность и необходимость разработки эффективных методов работы по профилактике и коррекции проявлений аутоагрессии.

Ключевые слова: аутоагрессия, аутодеструкция, аутоагрессивное поведение, подростковый кризис, психологическая помощь подросткам.

Tyomkina A. S.

THE PROBLEM OF AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

The article is devoted to the problem of personality development in adolescence. This form of maladjustment as self-aggressive behavior of adolescents is examined in detail. The author explores the causes and main aspects of the manifestation of auto-aggression in adolescence. Modern methods for diagnosing manifestations of auto-aggressive behavior are described, and a diagnostic complex of studies is presented. The author of the article shows the importance and necessity of developing effective methods for preventing and correcting manifestations of auto-aggression. The article is devoted to the problem of self-aggressive behavior of teenagers.

Keywords: auto-aggression, auto-destruction, auto-aggressive behavior, teenage crisis, psychological help for teenagers.

Подростковый возраст традиционно рассматривается как сложнейший этап становления человека. Не случайно кризис этого возраста

Л. С. Выготский называл «большим кризисом». Именно в этот период происходит физическое созревание человека. На фоне существенных физических и психофизических преобразований организма идет активное развитие всех психических процессов и свойств личности. Развивается самосознание и закладываются основы мировоззрения. Процесс внутренних метаморфоз настолько сложен, что часто вызывает осложнения и отклонения.

Наиболее распространенной формой осложнения развития в этот период выступает акцентуация характера. При этом происходит заострение каких-либо черт характера и они приобретают чрезмерную выраженность. Эти изменения не являются патологией, но такая дисгармония затрудняет адаптацию подростка в обществе, повышает его уязвимость по отношению к определенным социальным условиям и обстоятельствам. Ученые различают 12 типов акцентуаций. По данным А. Е. Личко, у подростков-тинейджеров сбалансированный характер встречается менее чем в 5 % случаев. Подростков с явно выраженными акцентуациями относят к группе высокого риска дезадаптации из-за их уязвимости к неблагоприятным влияниям окружающей среды и психическим травмам. В одних ситуациях подросток с определенной акцентуацией характера ведет себя неадекватно, неразумно, не так, как другие подростки. При этом в других ситуациях тот же подросток ведет себя так же, как все, и не испытывает психологического дискомфорта.

Тип акцентуации характера у подростков влияет на многие жизненные аспекты: на особенности поведения (в том числе и на его нарушения), на отношение к другим людям, к миру и к самому себе. Без специальной психологической помощи самостоятельно справиться с корректировкой акцентуации они не могут. Это отклонение находится на грани с психопатией и при неблагоприятных обстоятельствах (психотравма) может в нее переходить и сопровождаться развитием и других невротических нарушений. Установлено, что на развитие акцентуаций влияют следующие условия:

- социальное окружение,
- деформирующий стиль воспитания,
- дефицит общения,
- неудовлетворение личных потребностей,
- хронические заболевания, физические недостатки и пр.

Возрастные реакции подростков весьма специфичны. Акцентуация характера в основном проявляется в форме различного рода конфликтов подростка с его ближайшим окружением. Формы протеста могут быть разными, при этом протест происходит в типологически заданной форме, обусловленной типом акцентуации характера. Довольно часто такому подростку бывает трудно не только с другими, но и с самим собой. Внутренний конфликт с собственным «Я» также является существенным признаком таких

подростков. Одним из путей выхода для современного тинейжера является поиск «пределов допустимого», который может выражаться в том числе и в форме аутоагрессии.

Аутоагрессия у подростков является актуальной и многогранной проблемой, которая все более требует внимания со стороны психологов и психотерапевтов. Важность изучения этой темы обусловлена её влиянием на физическое и психическое здоровье молодых людей, а также на их социальную интеграцию и качество жизни [4, 6].

В современной литературе термин «аутоагрессия» часто используется как синоним самоповреждающего поведения, поскольку данное слово имеет латинское происхождение, переводится как «нападение на самого себя». Википедия дает следующее определение аутоагрессии (аутоагрессия, аутодеструкция, поворот против себя) — активность человека, нацеленная (осознанно или неосознанно) на причинение себе вреда в физической и психической сферах. Медицина относит аутоагрессию к формам отклоняющегося поведения и рассматривает ее как патологическую реакцию на стресс и/или при угрозе дезадаптации.

Проявляется аутоагрессия на всех уровнях психического реагирования: на ментальном уровне — самообвинением, самоуничижением, навязчивыми мыслями, и на уровне действий — причинением физического вреда напрямую и косвенно (порезы, суицидальные попытки, пирсинг, анорексия). Основными функциями аутоагрессивного поведения считаются функции эмоциональной регуляции (снятие эмоционального напряжения, совладание с интенсивными эмоциями) и межличностной коммуникации (установление отношений, привлечение внимания) [1].

В онтогенезе наиболее часто аутоагрессивные реакции проявляются в подростковом возрасте. Согласно исследованиям [11, с. 60] важными аспектами возникновения аутоагрессии являются социально-психологические факторы, к которым относятся напряженные, конфликтные отношения в семье, проблемы в школе, нарушения отношений со сверстниками, буллинг и влияние социальных сетей. Большое значение в формировании аутоагрессивного поведения имеет семейный фактор, проявляющийся в эмоциональном отвержении внутри семьи и сопровождающееся ощущением опасности, незащищенности и покинутости [1, с. 23].

Развитию аутоагрессии могут способствовать биологические факторы. Аутоагрессия может быть результатом психического расстройства, акцентуаций характера, воздействия длительного стресса, эмоциональной нестабильности. Также внимание в исследованиях отдельно уделяется гендерным и возрастным отличиям [12, с. 75].

Среди причин и механизмов аутоагрессивного поведения выделяют психологические факторы. Эмоциональная регуляция и самонаказание

являются основными мотивами аутоагрессивного поведения. Исследования показывают, что самоповреждение может быть способом справиться с негативными эмоциями или выражением внутреннего ощущения вины и стыда [13, 14]. Также к формам аутоагрессивного поведения относят психическую или ментальную аутоагрессию, проявляющуюся в самообвинении, самоуничтожении, негативном самоотношении.

Исследователями выделяются различные формы аутоагрессивного поведения, характерные для подростков, такие как суицидальное поведение (направленное на прекращение жизни), несуицидальное самоповреждающее поведение (намеренное физическое повреждение кожных покровов в виде порезов, ожогов, проколов, ударов и др.), нарушения пищевого поведения (манипулирование приемами пищи) и безрассудное поведение (высокорискованное поведение, связанное с переживанием острых ощущений, чувства опасности, нового необычного опыта, сильных эмоций и собственной неуязвимости) [9, с. 5].

Аутодекструкция может также проявляться в стремлении к занятиям экстремальными видами спорта или опасными играми, а также сочетается с развитием алкогольной или наркотической зависимости.

Среди методов работы с аутоагрессией используется когнитивно-поведенческая терапия и диалектическая поведенческая терапия [2, с. 4]. Когнитивно-поведенческая терапия помогает подросткам изменять деструктивные мысли и поведение, а диалектическая поведенческая терапия фокусируется на обучении навыкам эмоциональной регуляции. Полиmodalная арт-терапия также показала высокую эффективность в работе с аутоагрессией у подростков [3, с. 7].

Профилактические программы, направленные на развитие навыков эмоциональной регуляции и снижение уровня стресса, рассматриваются как важный ресурс в предотвращении аутоагрессии [4, 5, 7, 8, 9, 10].

Целью нашего исследования является проверка гипотезы о том, что аутоагрессия имеет место у современных подростков и вызывается ранней психотравмой. Исследование будет способствовать не только более углубленному исследованию причин аутоагрессивного поведения современных подростков, но и определению наиболее целесообразных путей как профилактики, так и условий положительных изменений, подбора индивидуальных эффективных методов психологического воздействия, снижению дезадаптационных проявлений у подростков.

Современные методы диагностики имеют широкий диапазон. Традиционно используются клинические интервью и наблюдение. Также принято включение в эмпирические исследования опросников и шкал, таких как опросник на определение уровня поведения с преднамеренным

самоповреждением (Deliberate Self-Harm Inventory, DSHI), тест агрессивности Л. Г. Почебут, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса опросник Suicidal Behaviors Questionnaire-Revised (SBQ-R), Positive and Negative Affect Schedule-Expanded Form (PANAS-X) и др. Исходя из предположения, что аутоагрессивное поведение подростков может быть связано с ранними детскими психотравмами, для исследования были выбраны следующие мало используемые методики:

- проективный рисуночный тест «Дерево»,
- опросник «Признаки психологического дискомфорта», разработанный О. В. Заширинской в целях работы с психотравмой и преодолением травматического стресса,
- методика «Уровень аутоагрессии» Ильина Е. П., методика склонности к отклоняющему поведению А. Н. Орел,
- шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

По результатам констатирующего исследования планируется разработка и апробация программы коррекции поведения подростков для снижения уровня аутоагрессии и психологического дискомфорта. Использование методов арт-терапии в работе с подростками с аутоагрессии сможет оказать благотворное воздействие на их эмоциональное состояние, вызовет снижение уровня аутоагрессии и будет способствовать формированию готовности справляться с аутоагрессивным поведением.

Подводя итоги, можно сказать, что аутоагрессивное поведение является сложной проблемой, требующей многоуровневого подхода. Аутоагрессия у подростков имеет множество причин, включая психологические, биологические и социальные факторы. Необходимо продолжать исследования в этой области для разработки более эффективных стратегий профилактики и интервенции. Отдельное внимание необходимо уделить разработке целенаправленных краткосрочных программ для поддержки подростков, которые могут осуществляться в различных образовательных учреждениях и психологических центрах с целью снижения психологического дискомфорта у подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова А. А., Ениколопов С. Н., Ефремов А. Г., Кузнецова С. О.* Аутоагрессивное несуйцидальное поведение как способ совладания с негативными эмоциями // Клиническая и специальная психология. — 2018. — Том 7. — № 2. [Электронный ресурс]. — URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2018_n2/cpse_2018_n2_Abramova_et_al.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

2. *Исагулова Е. Ю.* Развитие когнитивных навыков в подростковом возрасте с целью преодоления аутоагрессивных паттернов поведения // Медицинская психология в России. — 2020. — 1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kognitivnyh-navykov-v-podrostkovom-vozhraсте-s-tselyu-preodoleniya-autoagressivnyh-patternov-povedeniya> (дата обращения: 30.5.2024).
3. *Копытин А. И.* Арт-терапия детей и подростков / Копытин А. И., Сви-стовская Е. Е. — М.: Когито-Центр, 2019. — 208 с.
4. *Котова С. А.* Психологическая травматизация школьника в образо-вательной среде // Круглый стол «Психотравматизация школьников в образовательной среде» на базе Санкт-Петербургского государственного учреждения социальной помощи семьям и детям «Региональный центр «Семья» 7 ноября 2011 г. СПб / Мат-лы интернет конференции Интернет-портал — <http://www.ahtidrug.ru>
5. *Котова С. А.* Концептуальные основы построения профилактики пси-хологического травматизма учащихся в школе // Вестник практической психологии образования. — 2012. — № 2(31). — С. 15–18.
6. *Котова С. А., Бекетов В. Ю.* Проблемы психосоциального здоровья подростков // Материалы VIII Российского форума с междун. уч. «Пед-иатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения», 12–13 сен-тября 2016 г. — СПб., 2016. — С. 74–80.
7. *Котова С. А.* Использование театрализации в ресоциализации детей и подростков с эмоциональными нарушениями // Психотерапия. — 2016. — № 3 (159). — С. 39–44.
8. *Котова С. А., Порфирова Н. Н.* Личностно-ориентированные техноло-гии воспитания у подростков позитивного отношения к жизни // Герце-новские чтения. Художественное образование ребенка. — Т. 3. Вып. 1. Мат-лы III Всерос. н/пр. конф. «Художественное образование ребенка: стратегии будущего» 24 февраля 2017. — СПб.: изд-во ВВМ, 2017. — С. 215–223.
9. *Лукина А. В.* Методические рекомендации по вопросам профилактики аутоагрессивного поведения среди детей и подростков. — Мурманск: ГАУДПО МО «Институт развития образования», 2023. — 29 с.
10. *Польская Н. А.* Аутодеструктивное поведение в подростковом возрас-те: профилактика и основы психолого-медико-педагогической помощи. Методические рекомендации. — М: ФГБНУ «Центр защиты прав и ин-тересов детей», 2019. — 58 с.
11. *Шаталина М. А.* Психологические особенности подростков с выражен-ной склонностью к аутоагрессии // Актуальные проблемы педагогики и психологии (Самара). — №. 1. — С. 59–62.

12. *Шевырина Л. С., Салова М. Н., Павлычева И. Н.* Возрастные и гендерные особенности современных проявлений аутоагрессии у подростков // Вестник ИВГМА. — 2011. — №3. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnye-i-gendernye-osobennosti-sovremennyh-proyavleniy-autoagressii-u-podrostkov> (дата обращения: 30.05.2024).
13. Шустов Д. И. Аутоагрессивность и иллюзия бессмертия // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2005. — №1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.archive.org/web/20080121125505/http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20050104> (дата обращения: 30.05.2024).
14. *Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д., Усаева Н. Р.* Проблема аутоагрессивного поведения человека // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2014. — №4 (59). [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-autoagressivnogo-povedeniya-cheloveka> (дата обращения: 30.05.2024).

ОНТОЛОГИЯ СЛОВА И ОБРАЗА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

УДК 882

Глущенко Юлия Марковна,
бакалавр филологического факультета
Ленинградского государственного
университета им. А. С. Пушкина,
gluschenkoj@yandex.ru

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА А. А. БЛОКА КАК ДИАЛОГ ФИЛОСОФИИ И ПОЭЗИИ

В статье анализируются философские основы концепции Прекрасной Дамы А. А. Блока через призму взглядов мыслителей русской философии — В. С. Соловьева, Е. Н. Трубецкого и С. Н. Булгакова. Исследование обращает внимание на то, как идеи и философские труды указанных философов влияли на формирование и развитие концепции Прекрасной Дамы в творчестве А. А. Блока. Анализируется обширный философский контекст, исследуя понятия духовного и космического единства, духовного и разумного начала, а также антиномии и душевной борьбы, которые присутствуют в произведениях перечисленных философов и находят свое отражение в мифологическом образе Прекрасной Дамы. Анализируя взаимодействие этих концепций, статья пытается раскрыть влияние философии на художественное творчество А. А. Блока и рассмотреть, как эти философские идеи преломляются в его литературных произведениях, в частности в проблематике Прекрасной Дамы.

Ключевые слова: Прекрасная дама, София, Душа мира, А. А. Блок, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков.

Glushchenko Y. M.

THE BEAUTIFUL LADY BY A. A. BLOK AS A DIALOGUE OF PHILOSOPHY AND POETRY

The article examines the philosophical foundations of Alexander Blok's concept of the Beautiful Lady through the perspectives of renowned Russian philosophers V. S. Solovyov, E. N. Trubetskoy, and S. N. Bulgakov. The study highlights how the ideas and philosophical works of these philosophers influenced the formation and development of the concept of the Beautiful Lady in Blok's creative work. It delves into a broad philosophical context, exploring notions of spiritual and cosmic unity,

spiritual and rational principles, as well as antinomies and inner struggles present in the works of the mentioned philosophers and reflected in the mythological image of the Beautiful Lady. By analyzing the interaction of these concepts, the article seeks to uncover the influence of philosophy on Alexander Blok's artistic creation and examine how these philosophical ideas are refracted in his literary works, particularly in the issues surrounding the Beautiful Lady.

Keywords: Beautiful Lady, Sophia, Soul of the World, A. A. Blok, E. N. Trubetskoy, S. N. Bulgakov.

Отечественная литература славится выдающимися творцами. Одна из самых ярких эпох русской классики после золотого века — серебряный век. Одно из ведущих, а также самое раннее литературное направление данной эпохи — символизм, в котором главным инструментом является символ — знак, наделённый множеством смыслов. Этот термин родился среди французских поэтов, однако в России он был переосмыслен и получил новое воплощение. В отечественной традиции в рамках этого направления развилось два течения: «старшие» и «младшие» символисты. Каждый из них понимал и осмыслял окружающую действительность по-своему. У каждого из них был свой идеал, к которому он стремился. В данной работе мы остановимся на творчестве Александра Александровича Блока. Его стихи еще до появления в печати получили широкое распространение в кругах московской интеллигенции, объединенной именем и идеями философа и поэта Владимира Сергеевича Соловьёва.

Как справедливо отметил редактор религиозно-философского публицистического журнала «Новый путь» П. П. Перцов, «Подкупала, конечно, тема. Точно воскресла поэзия Владимира Соловьёва — её последние, лучистые озарения. Это казалось прямо каким-то чудом, только два года перед тем замолчала муза мыслителя-ясновидца, и вот вдруг ее звуки переходят на новую лиру — кто-то пришел, как прямой и законный наследник отозванного певца; он уже всё знает и ведает, и ведет дальше оборвавшуюся песнь, как заранее знакомое слово о том же самом» [6]. В ранних стихах Блока традиционный мотив любви получает новое содержательное наполнение, возникает и развивается средневековый мотив рыцарского служения своей Прекрасной Даме.

Идея этого образа возникла у поэта ещё в юношеские годы. Сначала под влиянием поэзии В. А. Жуковского и А. А. Фета, а впоследствии, после знакомства с идеями В.С. Соловьёва, а также под влиянием идей эстетики романтизма, в которой женщина становится объектом поклонения и соратницей, а также необходимым началом во всем: природе, гармонии, музыке. Романтизм Блока первого периода творчества сродни раннему романтизму

Йенских романтиков, принесших с собой не только новые литературные формы, но и новое чувство жизни, новое восприятие действительности. Именно в период раннего творчества появляется образ Прекрасной дамы, сопровождающий творца на протяжении всей жизни. Завершенная к 1916 году лирическая «трилогия вочеловечения» соотносила путь поэта (путь — важнейший из блоковских образов-символов, определяющая идея творчества) с миссией богочеловека Христа. Приятие жизни во всех противоречиях, даже неразрешимых, как в поэме «Соловьиный сад», увенчало сложную эволюцию поэзии Блока. С лета 1916 г. он перестал писать стихи, словно замер в тревоге и надежде на то, что сама жизнь выведет и его, и Россию, и весь мир на некий новый путь, что томительные предчувствия прежних лет так или иначе сбудутся [11].

Также нельзя отрицать веяния эпохи, в которой родился поэт. Самый большой поэт «серебряного века», безусловно, разделял свойственный этому «веку» культ творчества. Обычное, привычное существование казалось рутиной и пошлостью. Мировая война осознавалась как пролог краха этого существования. Устремления же его были самыми масштабными, он ждал чего-то большего, чем революция: «Нужно было бы что-нибудь вроде Второго Пришествия...» [11].

Феномен духовности пронизывает всю историю русской культуры. С. С. Хоружий в работе «Опыты из русской духовной традиции» высказывает мнение, что история отечественной мысли сопровождалась с переменным успехом периодами доминирования то духовной, то культурной традиции, а иногда и их противостоянием, что и обусловило специфику не только философских, религиозных идей, но и в целом русского менталитета. Важнейшей отличительной чертой отечественной религиозной философии является духовный синтез [12].

Подробнее рассмотрим идеи В. С. Соловьева. В своем учении философ утверждал, что только через любовь можно постичь истину, соединиться с миром в гармонии, победить в себе эгоизм и зло. Он верил, что все женское несет в себе животворное начало. Мать, жена, возлюбленная — именно они спасают мир от гибели. «Высокая» любовь к женщине может открыть сокровенные тайны мира, соединить человека с небом. Философ утверждал, что сущность и исток всего живого может побороть смерть. Для Соловьева Душа Мира есть живое средоточие всех тварей — «сущий субъект тварного бытия ... единая внутренняя природа мира, мыслимая как живое существо, обладающее стремлениями, представлениями и чувствами» [7]. Исследователь русской философии Гайденко отмечает, что «В. С. Соловьев в исследовании пытался осмыслить собственный мистический опыт — свои видения Софии» [3].

Свои эстетические воззрения, которые легли в основу литературно-критических статей о русской поэзии Соловьев изложил в работах: «Общий смысл искусства», которая стала продолжением предшествующей работы «Красота в природе». В письме к Фету автор определил общий смысл своей работы: «Определяю красоту с отрицательного конца как чистую бесполезность, а с положительного — как духовную телесность» [5]. В самой статье «красота» понималась как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала». Важен тезис Соловьева о том, что «красота в природе не есть выражение всякого содержания, а лишь содержание идеального, что она есть воплощение идеи» [7].

Одна из самых значимых идей «Общего смысла искусства» — «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [5], что эстетическая связь искусства и природы состоит не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой, — в дальнейшем и более полном разрешении той же эстетической задачи. Соловьёв считал, что красота имеет объективное значение, что она действует вне человеческого мира, что сама природа равнодушна к красоте. Тем не менее, по гегельянской эстетике красота есть воплощение универсальной и вечной идеи в частных и преходящих явлениях [5].

По мнению Соловьёва, всякое осязаемое изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира, есть художественное произведение. В самых великих произведениях поэзии смысл духовной жизни реализуется только через отражение от неидеальной человеческой действительности. Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а должно одухотворить нашу действительную жизнь [5].

Нельзя не упомянуть одно из самых значительных произведений Соловьёва: «Чтение о богочеловечестве», где философ утверждает, что вера в Бога и вера в человека — сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества. Работа начинается с рассмотрения религии, определяемой как «связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего». Необходимость религии заключается в том, что она сообщает смысл человеческой жизни [9].

Одна из идей этих трудов — идея безусловного блага или любви. Бог открывается как всеобъемлющая безусловная любовь. Связующее звено между божественным и природным миром есть человек. София есть начало человечества, есть идеальный человек, заключенный в божественном существе. Она содержит в себе и собою связывает все особенные живые

существа или души. Все человеческие элементы образуют цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм — организм всечеловеческий, как вечное тело Божие и вечная душа мира. Мировая душа содержит в единстве все элементы мира, поскольку она сама подчиняется воспринимаемому ею божественному началу [9].

«Цель всего бытия», по Соловьёву, — это воссоединение с Богом в первоначальное единство [9].

Для того, чтобы божественное начало действительно одолело злую волю и жизнь человека, необходимо, чтобы оно само явилось для души как живая личная сила, могущая проникнуть в душу и овладеть ею; необходимо, чтобы божественный Логос родился в самой душе, не ограничивая и не просвещая, а перерождая ее. Философ был убежден в том, что будет «поглочена смерть победою», так как истинный жизненный источник всего тварного бытия — София имеет в себе «скрытую мощь» и силу вновь дать жизнь и отвратить смерть от твари [9].

Для Соловьёва в течение всей его жизни мир мог иметь либо «божественный» смысл, либо никакого. Скептицизм был для него поэтому безысходной трагедией, крахом. Для Блока же крушение одной системы мироощущения и вызванные им скепсис, ирония становились в конечном счете «оптимистической трагедией» новых поисков [9].

Исследователь софиологических концепций Соловьёва Е.Н. Трубецкой утверждал, что «отвращение к смерти, ощущение ее власти над нашим миром, и желание бессмертия, живое возмущение против царящей кругом неправды и жажда правды — вот основы истинного религиозного настроения». По его мнению, именно это «необходимое предположение религиозного сознания» Соловьёв открывает в своем учении о Мировой Душе [10].

Е. Н. Трубецкой утверждал, что мир создан не из положительных, а из отрицательных потенций Софии. «Все мои действия – все равно добрые или злые — суть порождения этой сущности — явления божественной Софии. Очевидно, что учение это делает св. Софию виновницею зла: ибо, если мое я — только ее частичное явление, — мое самоопределение ко злу есть ее самоопределение.» [10]

Платон же понимал под Мировой душой некое живое существо, объединение всех тварей. Она предстает персонифицированный воплощением всеединства, живого положительного, а также внебожественного начала, обладающим самостью [12].

В Библии Мировая Душа как единящая сила выражается в таких ее библейских образах, как «Жена, облеченная в солнце», и как «Жена, облеченная в виссон», который «есть праведность всех святых», означает, что все святые души собраны и соединены в Жене, облеченной в виссон, как в единой

положительной праведной Мировой Душе — Софии, которая называется также скинией [12].

Подобным образом давал определение мировой душе философ С. Н. Булгаков. Рассмотрим его труд «Свет невечерний: Созерцания и умозрения», где он обращается к идеям Софии и Вечной Женственности [1].

С. Н. Булгаков вслед за Соловьевым утверждает, что Бог, — это всеединство. Между богом и миром, соединяя их и не являясь ни тем, ни другим, находится София — идеальная основа мироздания, предмет божьей любви, всеединство, которое приемлет любовь бога, вечная Женственность. София — это и органическое единство идей всех сотворенных существ: любое существо имеет свою идею, которая является его сущностью, Софией [1].

Мир — это иерархия идейных существ, каждое из которых жаждет «софийного сияния», преобразования в красоте, что достигается под руководством Софии как универсальной «инстинктивно бессознательной или сверхсознательной души мира». В аксиологическом плане София предстает как реально существующая Соборная Личность, имеющая Лик Вечной Женственности [1].

Для Булгакова София Божественная — Существо Духовное, «Живое и Живущее». У него зло изображается как некоторое состояние Софии, — результат ее внутреннего распада. София, как душа и сущность мира, переживает некоторое «метафизическое грехопадение», «метафизическую катастрофу», в результате коей она распадается надвое: «подобно тому, как у Платона различается Афродита Небесная и Афродита Простонародная, — также различаются и София Небесная, вневременная, и София эмпирическая и историческая» [1]. Т. е. Булгаков развивает теорию двух Софий: божественной и сотворенной. Божественная София принадлежит идеальному миру, она находится вне времени, сотворенная София раскрывается в мире вещественном, осуществляется во времени. Так как положительное содержание мира тождественно содержанию, которое было в боге до акта творения, сотворенная София близка Софии божественной, которая есть «вечное человечество в Боге». По Булгакову, она — тот мировой демиург, который может даже стать повинным в «суете тления» [1].

Софиологи основывали свои суждения, опираясь на различные философские течения и их основные концепции, в том числе на античную философию, используя ее специфичную терминологию. Основным христианским источником софиологии служит книга Притчей Соломоновых. В ней София понимается как предвечный замысел Бога о мире, предшествующий его физическому сотворению, но одновременно и как некое специфическое субстанциональное начало, лежащее в основе физических и психических космических процессов.

Култ Софии оказал значительное влияние на формирование доминантного и основополагающего для младших символистов образа Вечной Женственности. Через любовь к ней человек может приблизиться к Мировой Душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
2. *Быстров В. Н.* Идея преображения мира в творческом сознании А. Блока // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). — СПб., 1996. — С. 213.
3. *Гайденов П. П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 472 с.
4. *Ерохина Т. И.* Грани женственности в русском символизме. Ерохина Татьяна Иосифовна Грани женственности в русском символизме // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 6. — С. 210–217.
5. Переписка Фета с Вл. С. Соловьёвым (1881–1892) / публ. Г. В. Петровой // А. А. Фет: материалы и исследования / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Вып. 2. — СПб.: Контраст, 2013. — С. 362.
6. *Перцов П. П.* Ранний Блок. — М.: Костры, 1922. — 75 с.
7. *Соловьёв В. С.* Духовные основы жизни // Соловьёв В. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3 (1877–1884) / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. — СПб.: Просвещение, 1912. — С. 299–421.
8. *Соловьёв В. С.* Смысл любви: Избранные произведения. — М.: Современник, 1991. — С. 69–85.
9. *Соловьёв В. С.* Чтения о Богочеловечестве. — М.: АСТ, 2004. — 251 с.
10. *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. С. Соловьёва: в 2 т. Т. 2. — М.: Путь, изд. автора, 1913. — 420 с.
11. *Кормилов С. И.* История русской литературы XX века (1920–1990-е годы): основные тенденции: учебное пособие для вузов / С. И. Кормилов. — М.: Юрайт, 2024. — 190 с.
12. *Хоружий С. С.* Опыты из русской духовной традиции / С. С. Хоружий. — М.: Парад, 2005. — 445 с.

Иванов Михаил Олегович,
студент филологического факультета
Ленинградского государственного университета
им. А. С. Пушкина,
serebry00@gmail.com

СВЯЗЬ ПОЭЗИИ И ФОТОГРАФИИ. ФОТОЭКФРАСТИЧНОСТЬ ЛИРИКИ Б. РЫЖЕГО

В данной статье рассматривается такое направление анализа художественного текста, как интермедиаальный анализ. Ставится вопрос о диалоге различных видов искусства в рамках художественного произведения. Исследуется проблема фотоэкфрасиса и его функциональной роли в художественном произведении. Автором рассматриваются 5 «фотографических» стихотворений Бориса Рыжего. В рамках интермедиаального анализа автором выделяются основные функции фотографии в лирике Бориса Рыжего: 1) сюжетообразующая; 2) пространственно-временная; 3) документальная; 4) миромоделирующая; 5) визуализирующая; 6) культурная.

Ключевые слова: интермедиаальный анализ, экфрасис, фотография в литературе фототекстуальность, фотоэкфрасис.

Ivanov M. O.

THE CONNECTION BETWEEN POETRY AND PHOTOGRAPHY. PHOTO-ECPHRASTICITY OF B. RYZHY'S LYRICS

This article explores a direction of analyzing artistic texts known as intermedial analysis. It raises the question of the dialogue between different forms of art within a work of art. The problem of photo-ekphrasis and its functional role in artistic works is investigated. The author examines five «photographic» poems by Boris Ryzhy. Within the framework of intermedial analysis, the author identifies the main functions of photography in Boris Ryzhy's poetry: 1) narrative-forming; 2) spatial-temporal; 3) documentary; 4) world-modeling; 5) visualizing; 6) cultural.

Keywords: intermedial analysis, ekphrasis, photography in literature, phototextuality, photo-ekphrasis.

В современном анализе художественного текста важное место занимает интермедиаальный анализ. В своём появлении и теоретическом осмыслении

интермедиаальный анализ восходит к идеям Ю. М. Лотмана о семиосфере. Учение о семиосфере трактует всё пространство культуры как дискурс, «текст, выраженный знаками различных семиотических систем (литературы, музыки, живописи и т. д.), которые, *что нам особенно важно*¹, способны вступать между собой в некоторый продуктивный диалог в процессе создания образов, воплощения мотивов, сюжетов» [4].

Интермедиаальный анализ плодотворно используется при изучении особенностей поэтики художественного текста. Для художественного произведения, как правило, характерна интермедиаальность.

Под интермедиаальностью здесь и далее будем понимать заданный автором набор внутритекстовых связей художественного произведения, построенный на пересечении и взаимодействии различных видов искусств, вступающих друг с другом в диалог. Результат такого диалога — полифония нескольких эстетических языков искусства внутри одного художественного произведения.

Интермедиаальный подход к анализу художественного текста становится особенно актуальным в связи с размытием границ между разными видами искусства в культуре XX–XXI вв.

В рамках интермедиаального анализа исследователи-литературоведы часто обращаются к понятию *экфрасиса*. М. В. Чичкина, ссылаясь на Л. Геллера, отмечает, что «экфрастический принцип работает на разных уровнях текста, осуществляет функции разные, в разной степени выражающие его интермедиаальность» [9].

Е. С. Аникеева и Л. П. Прохорова [1] в статье «От описания к диалогу: механизмы вербализации артефакта в жанре экфрасиса» отмечают, что «вербализованный артефакт», т.е. экфрасис в узком смысле (под экфрасисом в узком смысле понимают словесное воссоздание реальных и вымышленных произведений изобразительного искусства) не только создаёт визуальный образ в сознании читателя, но также позволяет «репрезентировать отношение автора к эпохе, событиям и объектам». Таким образом, исследование экфрасиса внутри художественного текста позволяет исследователю-литературоведу помимо непосредственного обращения к диалогу искусств, обнаружить оценку автора или же героя к описываемому предмету искусства, а через него — ко всей окружающей действительности.

В XX веке особое место среди прочих видов искусства занимает фотография. В этом свете исследователи выделяют разновидность экфрасиса — *фотоэкфрасис*. «Фотографический экфрасис выступает разновидностью экфрасиса, наряду с живописным, танцевальным, музыкальным и др» [7].

---

¹ Курсив наш.

Наконец, появляется понятие фототекстуальности — взаимодействия художественного текста и фотографии [7]. Фототекстуальность предполагает наличие фотографического изображения в художественном тексте, фотоэкфрасис — описание этого изображения.

Постараемся обозначить наиболее важные функции фотоэкфрасиса в художественном тексте.

В. Я. Малкина выделяет такие функции, как:

Создание многомерного визуального образа художественного мира;

Проблематизация границ между разными пластами (временными, пространственными, бытийными) этого мира и взаимное видение (взаимоотражение) этих пластов» [6].

О. Судленкова отмечает, что фотоэкфрасис может являться способом документирования чего-либо [10], а фотография внутри художественного текста может являться сюжетообразующим элементом [11].

Стихотворения Бориса Рыжего, российского поэта конца XX — начала XXI вв., представляют собой богатый материал для интермедийного анализа. Так Н.Л. Быстров [3] и Л. Г. Кучина [5] обращались к исследованию роли музыки в стихах Рыжего. Но помимо произведений музыкального искусства в творчестве Рыжего фигурируют и живопись («Как некий — скажем — гойевский урод...»), и скульптура (например, в стихотворении «Бледный всадник» — «Над Невою огонь горит — // бьёт копытами и храпит...»), и произведения киноискусства (например, в стихотворении «Двадцать лет. Штаны вельвет...» — «Кинотеатр: «Пираты двадцатого века...» или в стихотворении «На окошке на фоне заката» — «О печальном смешно говорила. // Михалкова ценила кино...») [8], и фотография. На фотографии мы остановимся подробнее.

Актуальность нашего исследования обусловлена отсутствием работ, связанных с исследованием фототекстуальности лирики Бориса Рыжего. Отсутствуют и работы, посвящённые роли экфрасиса в лирике упомянутого автора.

Среди «фотографических» стихотворений Бориса Рыжего отметим следующие: «Есть фотография такая», «Из фотоальбома», «Приобретут всеевропейский лоск...», «Суждения», «Так я понял: ты дочь моя, а не мать...», «Фотография» — в каждом из них автором заявлена фотография либо действительно существующая, либо воображаемая¹. Подробнее рассмотрим пять из них.

---

¹ Т. А. Полуэктова в статье «Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность» выделяет два разграничительных термина: 1) протофотоэкфрасис, имеющий реальный фотопрототип в культуре; 2) условный фотоэкфрасис, созданный исключительно авторским воображением [7].

В стихотворении «Суждения» фотография упоминается мельком. Пейзаж за окном метафорически сравнивается с «перепроявленным фото»: «Летний вечер в окне, словно в перепроявленном фото. // Нависает звезда. Старый город во сне. // Дождь исходит на нем вместе с собственным потом, // И спешат фонари за закатом вослед...» [8]. Эпитет «перепроявленное» указывает на качество фотографического изображения. Это изображение густое, контрастное, зернистое, повышенной плотности. Те же свойства переносятся и на визуальное восприятие пейзажа лирическим героем. С другой стороны, сравнивая вид за окном с «перепроявленным фото», автор подчёркивает, что это вид много раз «проявляли». Возможно, сам лирический герой (переводя пейзаж с языка визуальных искусств на язык искусства словесного), а возможно, — другие поэты.

Мотив вида из окна обрамляет данную строфу и открывает читателю мироощущение поэта-лирического героя, определяет его ценностное отношение к миру. Таким образом, фотография выполняет визуализирующую и миромоделирующую (ценностную) функцию.

В стихотворении «Так я понял: ты дочь моя, а не мать...» фотографии придаётся большее значение. Лирический герой, обращаясь к матери, высказывает мысль, что дети и родители с возрастом фактически меняются ролями, и сын (лирический герой) в какой-то момент как бы становится отцом для своей матери и осознаёт это. Осознание происходит в плане настоящего.

Также в стихотворении имеется план прошлого: «... и взглянуть через голову за окно, // где сто лет назад, где давным-давно // сопялком шмонаю я по двору // и тайком прикуривал на ветру, // окружен шпаной, но всегда один — // твой единственный, твой любимый сын» [8].

Лирический герой описывает своё детство, фактически обрамлённое в раму окна и представляющее собой фотокадр, выполняющий документальную функцию. Благодаря появлению этого кадра в стихотворении читатель визуализирует детство лирического героя.

В последних двух строфах стихотворения вводится план будущего (маркированный, соответственно, употреблением глаголов будущего времени) посредством обращения автора к двум фотографиям: «И настанет время потом, потом — // не на черно-белом, а на цветном // фото, не на фото, а наяву // точно так же я тебя обниму. // И исчезнут морщины у глаз, у рта, // ты ребенком станешь — о, навсегда! — // с алой лентой, вьющейся на ветру. // ... Когда ты уйдешь, когда я умру» [8].

В плане будущего сопоставляются незаявленная, но, тем не менее, присутствующая в художественной реальности текста детская чёрно-белая фотография лирического героя и заявленная, но отсутствующая в художественной реальности, воображаемая цветная фотография матери. На первой

фотографии мать лирического героя обнимает сына. Фотография фиксирует реальную для художественного мира действительность. Вторая (воображаемая) фотография фиксирует воображаемую для художественного мира действительность: сын обнимает мать и здесь же, на снимке, происходит трансформация матери героя в его дочь.

Первая фотография статична, так как реальна. Вторая фотография наделена категориями времени и пространства, так как воображаема: после смерти лирического героя и его матери пространство второй фотографии становится для умерших новой формой бытия, новой формой жизни, где действуют иные временные законы. В реальности герои умирают. В пространстве, организованном второй, воображаемой, фотографией, герои продолжают жить, совершают действие (объятия), а мать героя вместо того, чтобы стареть, молодеет. Таким образом, фотография вводит в стихотворение тему смерти, помогает героям преодолевать время и в то же время несёт документирующую функцию: позволяет читателю представить мать лирического героя девочкой.

Отметим в стихотворении оппозицию: *реальная действительность — содержание снимка*.

Такую же оппозицию наблюдаем в стихотворении «Приобретут всевропейский лоск...». В стихотворении непосредственно обозначен исключительно план будущего. В этом воображаемом будущем лирический герой умирает, а некая женщина, что «не была» с ним, открывает альбом, чтобы вспомнить происшедшее ранее: «Она откроет голубой альбом, // Где лица наши будущим согреты, // Где живы мы, в альбоме голубом, // Земная шваль: бандиты и поэты» [8].

Фотография возвращает героиню в прошлое, а лирическому герою с его друзьями даёт вечную жизнь (снова возвращаемся к мотиву перехода в инобытие посредством фотографии). Так как всё действие стихотворения происходит в плане будущего (будущее = смерть, см. «лица наши будущим согреты»), по отношению к этому плану незаявленное настоящее (тот момент художественной реальности, когда лирический герой ещё жив и произносит свой монолог) становится прошлым. Это прошлое фиксирует фотография, но время не останавливается. Как и в случае с предыдущим рассматриваемым стихотворением, герои продолжают жить в новой реальности, реальности фотографического снимка.

Неожиданно появляясь в конце стихотворения, фотография «сшивает» все временные пласты. Переход настоящего в будущее, а будущего — в вечность в пространстве фотографии является сюжетной пуантой стихотворения.

Одна из черт поэзии Бориса Рыжего — автобиографичность. В стихотворении «Из фотоальбома» первые 6 строк — чистый фотоэкфрасис,

описание фотографии, существующей в реальности художественного мира, созданного Рыжим (существует ли такая фотография на самом деле, мы определить не можем). Герой стихотворения рассматривает фотографию и на седьмой строке как бы переходит в реальность, представленную фотографией. Возвращаясь в прошлое, он переживает ситуацию, изображённую на снимке, не в качестве стороннего наблюдателя, а «изнутри». Повествование попеременно ведётся то в прошедшем времени, то в настоящем. Прошедшее время дистанцирует героя от происходивших событий: «Мы много пили в эту осень // «Агдама», света и росы...», а настоящее — снова приближает: «Как будто кончено сраженье, // и мы, прожженные, летим, // прорвавшись через окруженье, // к своим» [8].

В результате таких приближений-отдалений герой уже не понимает, в какой из реальностей находится. В плане прошлого он находится в гуще произошедших событий: «Авария. Башка разбита», а в плане настоящего держит в руках фотографию и с её помощью снова возвращается в прошлое: «...Но фотографию найду // и повторяю, как молитву, такую вот белиберду: // Душа моя, огнем и дымом, // путем небесно-голубым, // любимая, лети к любимым // своим» [8].

Таким образом, фотография служит некоторым порталом, но, в отличие от предыдущих проанализированных текстов, уже не в будущее, а в прошлое. Прошлое, представленное на фотографии, также обладает категориями времени и пространства.

В стихотворении «Есть фотография такая» фотография является сюжетообразующим элементом стихотворения. Сюжет стихотворения начинается с рассмотренного лирическим героем фотографии (ситуация схожа с предыдущим примером. Однако, если в прошлом рассмотренном нами стихотворении фотография номинируется в названии, здесь — в первой строке).

Временные планы стихотворения составляют прошлое и настоящее. В плане настоящего герой рассматривает фотографию и комментирует происходившее. В плане прошлого происходили события, задокументированные фотографией. Герой вспоминает молодость. Таким образом, фотография снова служит своеобразным порталом в прошлое. В прошлом лирический герой вспоминает банкет в Тригорском по случаю полученной им литературной премии в размере «штуки баксов» (реальный прототип, по всей видимости, — полученная Рыжим премия «Антибукер» за 1999 год с выигрышем в две тысячи долларов. Банкет имел место в Москве [10]). Обыгрывается Пушкинская тема, в т.ч. с помощью своеобразной матрёшки из экфрасисов.

Первый экфрасис — это фотоэкфрасис. Описание происходящего на фото с целью документации происходивших событий в художественном

мире Бориса Рыжего: «Есть фотография такая // в моем альбоме: бард Петров // и я с бутылкой «Токая». // А в перспективе — ряд столов...».

Далее подробно описывается пространство, создаваемое фотографией с перечислением закусок и напитков. Внутри этого описания пространства встречаем ещё один экфрасис — словесное описание картины с изображением Пушкина: «...висит картина на стене: // огромный Пушкин на коне // прет рысью в план трансцендентальный».

Вполне вероятно, что описывается реальная картина: действительно, существует ряд картин, изображающих Пушкина верхом. Одну из них мог наблюдать и автор стихотворения.

Далее лирический герой покидает пространство фотографии, рассказывая предысторию описываемых событий: «Усталый, нищий, гениальный, // однажды прибыл в город Псков // на конкурс юных мудаков — // версификаторов — нахальный // мальчишка двадцати двух лет...».

И снова возвращается в исходную точку: «Вы слишком любите застолье. // Смеетесь, входите в азарт. // Петров, — орете, — первый бард. // И обнимаетесь с Петровым. // И Пушкин, сидя на коне, // глядит милягой чернобровым, // таким простым домашним ге...».

Далее меняется снимок (герой вспоминает следующее по хронологии событие и представляет нам новую фотографию): «Стоп, фотография для прессы! // Аллея Керн. Я очень пьян».

Наконец, герой покидает план прошлого, а с ним и пространство второй фотографии. Оказавшись в настоящем, он рефлексирует о том, что предал «свет первоначальный».

В задачи нашего исследования не входит изучение Пушкинского текста в лирике Бориса Рыжего, однако отметим, что эпиграф к стихотворению из А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» соотносится с восприятием Рыжим фотографии. Пушкин констатирует факт, что стихи являются нерукотворным памятником, стихи способны обессмертить поэта. Для Рыжего помимо стихов средством преодоления смерти является в том числе и фотография.

Таким образом, в данном стихотворении фотография выполняет сразу несколько функций:

- сюжетообразующую (сюжет строится вокруг двух фотографий);
- документирующую;
- средство возврата лирического героя в прошлое;
- соединение двух временных пластов с выходом в план вечности (бессмертия).

Наконец, рассмотрим стихотворение «Фотография». Сюжет можно кратко пересказать следующим образом: обезличенный повествователь

рассказывает о лирическом герое Бориса Рыжего (на него указывают типические черты: занятие поэзией и посещение знаковых литературных мест). Герой фотографируется на скамейке, где, возможно, некогда сидел «курчавый гений» (очевидно, Пушкин), но как такового процесса фотографирования не происходит: птичка не вылетает. Вместо неё вылетает «голубой ангелок». В финале повествователь обращается к герою с призывом: «Только помни того, кто стоит // по ту сторону объектива» [8].

В связи с появлением «голубого ангелочка» можем утверждать, что по ту сторону объектива стоит Бог, который, в свою очередь, «помнит всё» (однако, так как автор не даёт однозначного указания на Бога: слово «Тот» не написано с заглавной буквы, имеют место и иные трактовки. Мы же остановимся на божественной). Бог и ангелы в художественном мире Бориса Рыжего напрямую связаны с темой смерти. Рыжий предлагает своему герою два стандартных для его мира способа преодоления смерти: первый — написание стихов, второй — фотография. За попыткой сделать фотографию на «кодак» скрывается гораздо более значительное событие: перенос Богом героя в план вечности.

Подводя итоги исследования, отметим следующие выводы.

Фотография, появляясь в поэзии Бориса Рыжего, может выполнять следующие функции:

1. Сюжетообразующую (как правило, фотоэпифраза служит либо завязкой, либо развязкой лирического сюжета);
2. Пространственно-временную (фотография создаёт отдельную реальность с иными законами времени и пространства, смешивает временные планы, переносит героев, попавших на фотографию, в план прошлого и в план вечности);
3. Документирующую (фотография является неоспоримым свидетельством некоторых событий, случившихся с героем Бориса Рыжего);
4. Миромоделирующую (ценностную);
5. Визуализирующую;
6. Культурную (фотография даёт информацию о неких культурных реалиях жизни лирического героя Бориса Рыжего).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникеева Е. С., Прохорова Л. П.* От описания к диалогу: механизмы вербализации артефакта в жанре эпифразы. [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ot-opisaniya-k-dialogu-mehanizmyverbalizatsii-artefakta-v-zhanre-ekfrasisa> (дата обращения: 21.11.2023).
2. *Бочкарева Н. С., Новокрещенных И. А.* Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедийности (опыт

- кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Т. 9. — Вып. 2. — Пермь, 2012. — С. 117–130.
3. *Быстров Н. Л.* Музыка и поэзия в творчестве Бориса Рыжего / Н. Л. Быстров // Russian Literature. — Т. 67. — Вып. 1. — 2010. — С. 23–29.
  4. *Карабанова Н. В.* Педагогика // Вопросы теории и практики. — Т. 7. — Выпуск 7. — С. 700–706.
  5. *Кучина Т. Г.* Музы и музыка в лирике Бориса Рыжего // Голоса русской провинции: науч-но-художественный сборник / Науч. ред. и сост. М. Г. Пономарева. — Вып. 6. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. — С. 233–240.
  6. *Малкина В. Я.* Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie, 2018. — С. 431.
  7. *Полуэктова Т. А.* Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fototekstualnost-kak-kategoriya-poetiki-angliyskogo-romana-zhanrovaya-reprezentativnost> (дата обращения: 19.11.2023).
  8. *Рыжий Б. Б.* В кварталах дальних и печальных... Избранная лирика. Роттердамский дневник / сост. Т. Бондарук, Н. Гордеева; предисл. Д. Сухарева. — М.: Искусство — XXI век, 2012. — 576 с.
  9. *Чичкина М. В.* Экфрасис в новеллистическом цикле Г. Флобера «Три повести»: магистерская диссертация / М. В. Чичкина; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Филологический факультет», Кафедра зарубежной литературы. — Екатеринбург, 2016. — 129 с.
  10. *Sudliankova O.* Phototextuality as a Phenomenon of Present-Day British Prose // CLEaR. 2016. Вып. 3(2). — С. 9–15.
  11. *Sudliankova O.* The role of photographic images in contemporary novels // Тропа. Современная британская литература в российских вузах / науч. ред. К. Хьюитт, Б. Проскурнин; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2011. — Вып. 5. — С. 18–24.

Научное издание

**XXIII СВЯТО-ТРОИЦКИНЕ ЕЖЕГОДНЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
22 МАЯ — 1 ИЮНЯ 2024 ГОДА**

**ЦЕННОСТИ
КАК СЕРДЦЕ КУЛЬТУРЫ**

Сборник докладов и сообщений

Ответственный редактор
Владимир Александрович Егоров

Директор издательства *А. А. Галат*
Оператор верстки *А. А. Сурнин*
Художник *О. Д. Курта*

Подписано в печать 03.10.2024.
Формат 60×90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,5. Зак. № 1124

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: rhgapublisher@gmail.com. URL: <http://irhga.ru>